

№ 15 (158) 2013
Выпуск 27

НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в 1995 г.

Журнал входит
в Перечень ведущих рецензируемых
научных журналов и изданий,
выпускаемых в Российской Федерации,
в которых рекомендуется публикация
основных результатов диссертаций
на соискание ученых степеней
доктора и кандидата наук

Учредитель:

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего профес-
сионального образования «Белгородский госу-
дарственный национальный исследовательский
университет» (НИУ «БелГУ»)

Издатель:

НИУ «БелГУ».

Издательский дом «Белгород».

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору за соблюдением
законодательства
в сфере массовых коммуникаций
и охраны культурного наследия

Свидетельство о регистрации средства массовой
информации ПИ № ФС 77-21121 от 19 мая 2005 г.

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
ЖУРНАЛА**

Главный редактор

О.Н. Полухин,
ректор НИУ «БелГУ», доктор
политических наук, профессор

Зам. главного редактора

И.С. Константинов,
проректор по научной
и инновационной работе НИУ «БелГУ»,
доктор технических наук, профессор

Ответственные секретари:

В.М. Московкин,
профессор кафедры мировой экономики
НИУ «БелГУ», доктор географических наук

О.В. Шевченко

зам. начальника УНИД НИУ «БелГУ»,
кандидат исторических наук

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
СЕРИИ ЖУРНАЛА**

Главный редактор серии

В.А. Шаповалов,
проректор по качеству, заочному
обучению и дополнительному
образованию НИУ «БелГУ»,
доктор исторических наук, профессор

Заместители главного редактора:

Н.Н. Болгов,
заведующий кафедрой всеобщей истории
и зарубежного регионоведения НИУ
«БелГУ», доктор исторических наук,
профессор

И.Т. Шапохин,

профессор кафедры российской истории
НИУ «БелГУ»,
кандидат исторических наук

В.Н. Шилов,

профессор кафедры культурологии
и политологии НИУ «БелГУ»,
доктор философских наук, профессор

НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ

Белгородского государственного университета

История Политология Экономика
Информатика

**Belgorod State University
Scientific Bulletin**

**History Political science Economics
Information technologies**

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

К вопросу о власти и собственности на Боспоре в VI-IV вв. до н.э.

В.В. Фомин 5

Афиней Навкратийский о Саламинской тирании.

Е.С. Данилов 11

К вопросу о культовых местах и святилищах населения черняхов-
ской культуры. **С.В. Ярцев 16**

Об использовании бальзамариев как элемента погребальной тра-
диции античного Херсонеса – византийского Херсона.

Н.О. Супрун 23

Механизмы противодействия фискальным злоупотреблениям в
Поздней Римской империи (по данным «Кодекса Феодосия»).

С.А. Сахаров 29

Кодекс Феодосия «О язычниках, жертвоприношениях и храмах».

М.А. Ведешкин 38

Поэтические особенности «Иоанниды» Кориппа.

К.Н. Болгов 48

Обобщающее исследование по истории ранневизантийской Пале-
стины. **А.М. Болгова, А.Ю. Рышковой, В.Н. Шилов 52**

XII Археологический съезд и харьковская византистика.

М.Е. Домановская 55

Данные об эволюции численности и этническом составе населения
«Очаковской области» в XVIII в. **Д.И. Хайдарлы 62**

Экспансия США и формирование американо-мексиканской грани-
цы. 1821-1854 гг. **К.В. Миньяр-Белоручев 65**

К вопросу о правовом статусе Рейхсвера в 1919-1920 гг.

В.К. Редькин 74

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Восприятие свободы/несвободы в домонгольской Руси.

И.Н. Данилевский 78

Численность корпорации елецких служилых казаков в конце
XVI – первой половине XVII в. **А.Ю. Рошупкин 84**

Проблема выбора государя в России и земское самоуправление
в период междоусобия: по материалам актового делопроиз-
водства. **Н.В. Рыбалко 91**

«Черт дери эту бумагу! Два года – как бы не так, стану я пови-
новаться!»: манифест 19 февраля 1861 г. в восприятии помещ-
ного дворянства и бывшего крепостного крестьянства (социаль-
но-психологический аспект). **В.А. Шаповалов,**

С.П. Шаповалова 100

Ответственный секретарь

Василенко В.В.,
доцент кафедры всеобщей истории
и зарубежного регионоведения
НИУ «БелГУ», кандидат
исторических наук

Члены редколлегии:

М.Г. Абрамзон, доктор исторических
наук, профессор (Магнитогорский
государственный университет)

В.И. Бортников, доктор политических
наук, профессор (Восточно-Европейский
национальный университет им. Леси
Украинки, г. Луцк, Украина)

Н.А. Гаврилюк, доктор исторических
наук (Институт археологии Националь-
ной академии наук Украины)

А.В. Глухова, доктор политических
наук, профессор (Воронежский государ-
ственный университет)

М. Казански, доктор истории
(Центр изучения византийской цивили-
зации, Париж, Франция)

А.В. Коробков, доктор политологии
(Университет штата Теннесси, США)

К.Н. Лобанов, доктор политических
наук, доцент (Белгородский государ-
ственный национальный исследователь-
ский университет)

Е.А. Молев, доктор исторических наук,
профессор (Нижегородский государ-
ственный университет
им. Н.И. Лобачевского)

М. Плувиано, доктор истории
(Генуэзский университет, Италия)

С.И. Посохов, доктор исторических
наук, профессор (Харьковский нацио-
нальный университет им. В.Н. Каразина,
Украина)

И.М. Пушкарева, доктор исторических
наук, старший научный сотрудник (Ин-
ститут российской истории Российской
академии наук)

С.Б. Сорочан, доктор исторических наук,
профессор (Харьковский национальный
университет им. В.Н. Каразина, Украина)

Н.П. Тельнов, доктор истории (Институт
археологии Национальной академии наук
Республики Молдова)

И.М. Тодоров, доктор истории, доцент
(Великотырновский университет
«Св. Кирилла и Мефодия», Болгария)

Э.М. Шагин, доктор исторических наук,
профессор (Московский государственный
педагогический университет)

Статьи представлены в авторской редакции.

Подготовка к печати *М.В. Андросовой*;
оригинал-макет *И.Г. Оноприенко, В.В. Василенко*
E-mail: vasilenko_v@bsu.edu.ru

Подписано в печать 10. 10. 2013
Формат 60×84/8
Гарнитура Georgia, Impact
Усл. п. л. 22,78
Тираж 1000 экз.
Заказ 384

Подписной индекс в каталоге агентства
«Роспечать» – 18078

Оригинал-макет подготовлен и тиражирован
в Издательском доме «Белгород»
Адрес: 308015 г. Белгород, ул. Победы, 85

Отражение дворянского быта пореформенного периода в доку-
ментах, хранящихся в архивах Центрально Черноземного
региона. **И.Г. Оноприенко 108**

Возведение и функционирование транскаспийской магистрали
в 80-х – начале 90-х гг. XIX в.

В.Н. Фурсов, В.Н. Тестов 113

Смертность населения Курской губернии от самоубийств во
второй половине XIX века. **С.В. Богданов 119**

Российское мешочничество в Гражданской войне (определение
понятия и историография вопроса). **А. Ю. Давыдов 126**

Кадровый отбор в сибирскую школу по подготовке сотрудников
государственного политического управления (ГПУ) на транс-
порте. **В.П. Василевский, А.В. Сушко 133**

Формирование нового образовательного пространства и «рели-
гиозный вопрос» в период «перестройки».

О.В. Пигорева, З.Д. Ильина 140

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ

Делиберативная демократия, диалог и их место в констелляции
дискурса публичной политики. **А.В. Зайцев 147**

Политический флешмоб как форма горизонтальной коммуни-
кации. **О.Я. Ямельницкий 154**

О некоторых особенностях становления постсоветских партий-
ных систем. **Н.С. Назаров 160**

Динамика политической конкуренции в России в постперестро-
ечный и постсоветский периоды. **В.Н. Шилов,**

А.П. Рылкина 164

Еврорегион как форма развития трансграничного сотрудниче-
ства: история и особенности. **С.Н. Король 176**

Вопросы достижения политической стабильности в условиях
функционирования городских коалиций роста.

П.Н. Левчук 180

Анализ концептуальных моделей власти и политики в работах
Мишеля Фуко и Пьера Бурдьё. **И.Е. Мамаев 186**

Сведения об авторах 191

Информация для авторов 193

№ 15 (158) 2013
Issue 27

SCIENTIFIC PEER-REVIEWED JOURNAL

Founded in 1995

The Journal is included into the list of the leading peer-reviewed journals and publications coming out in the Russian Federation that are recommended for publishing key results of the theses for Doktor and Kandidat degree-seekers.

Founder:

Federal state autonomous educational establishment of higher professional education «Belgorod National Research University»

Publisher:

Belgorod National Research University, Belgorod National Research University Press.

The journal is registered in Federal service of control over law compliance in the sphere of mass media and protection of cultural heritage

Certificate of registration of mass media ПИ № ФС 77-21121 May 19, 2005.

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL

Editor-in-Chief

O.N. Polukhin,

Rector of Belgorod National Research University, Doctor of Political Sciences, Professor

Deputy Editor-in-Chief

I.S. Konstantinov,

Vice-Rector on Scientific and Innovative Work of Belgorod National Research University, Doctor of Technical Sciences, Professor

Assistant Editors

V.M. Moskovkin,

Professor of World Economy Department of Belgorod National Research University, Doctor of Geographical Sciences

O.V. Shevchenko,

Deputy Head of Department of Scientific and Innovative Activity of Belgorod National Research University, Candidate of Historical Sciences

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL SERIES

Editor-in-Chief of the Series

V.A. Shapovalov,

Vice-Rector on Quality Issues, Distance and Supplementary Education Doctor of Historical Sciences, Professor (Belgorod National Research University)

Deputies of Editor-in-Chief

N.N. Bolgov,

World History and International Area Studies Department Chair Doctor of Historical Sciences, Professor (Belgorod National Research University)

I.T. Shatokhin,

Professor of the Russian History Department, Candidate of Historical Sciences, Professor (Belgorod National Research University)

Belgorod State University

Scientific Bulletin

History Political science Economics

Information technologies

НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ

Белгородского государственного университета

История Политология Экономика

Информатика

CONTENTS

WORLD HISTORY

To the problem of power and property in Bosphorus in VI – IV centuries B.C. **V.V. Fomin 5**

Athenaeus of Naucratis about the Salamis tyranny. **E.S. Danilov 11**

To the problem of worship sites and sanctuaries of Chernyakhov culture **S.V. Yartsev 16**

Using of the balsamariums as an element of the funeral traditions in the Antique – Byzantine Chersonese. **N.O. Suprun 23**

Mechanisms of counteraction to fiscal abuse in the Later Roman Empire (according to the "Theodosian Code"). **S.A. Sakharov 29**

The Theodosian Code «On pagans, sacrifices and temples».

M.A. Vedeshkin 38

Poetry features of Corippus' «Iohannis». **K.N. Bolgov 48**

Synthesis study on the history of early Byzantine Palestine.

A.M. Bolgova, A.Yu. Ryshkovskaya, V.N. Shilov 52

XII Archaeological Congress and Byzantine study in Kharkiv.

M.Y. Domanovska 55

Data on the evolution and ethnic composition of population «Ochakov district» in the XVIII century. **D.I. Haidarly 62**

American Expansion and the Making of U.S.-Mexican Boundary.

1821-1854. **K.V. Minyar-Beloruhev 65**

To the question of the law status of Reichswehr in 1919-1920.

V.K. Red'kin 74

RUSSIAN HISTORY

The perception of freedom in pre-Mongol Rus'.

I.N. Danilevskiy 78

Number of the Yelets sluzhily Cossacks corporation at the end of XVI – the first half of the XVII century.

A.Yu. Roschupkin 84

The problem of king's election in Russia and zemsky government during the Interregnum: on the documentary material.

N.V. Rybalko 91

«Hell with this paper! Two years – I'll see you damned first, if I obey!»: Manifest of 19 February 1861 in perception of the landed gentry and the former serfs (socio-psychological aspect).

V.A. Shapovalov, S.P. Shapovalova 100

Reflection of noble life in the post-reform period in documents kept in the archives of Central Chernozem region.

I.G. Onoprienko 108

Erection and operation trans-Caspian highway in the 80's-early 90's XIX c. **V.N. Fursov, V.N. Testov 113**

V.N. Shilov,
Professor of the Cultural and Political Studies Department, Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Belgorod National Research University)

Editorial Assistant

V.V. Vasilenko,
Associate Professor of the World History and International Area Studies Department Candidate of Historical Sciences (Belgorod National Research University)

Members of Editorial Board:

M.G. Abramzon, Doctor of Historical Sciences, Professor (Magnitogorsk State University)

V.I. Bortnikov, Doctor of Political Sciences, Professor (East European National University after Lesya Ukrainka, Lutsk, Ukraine)

N.A. Gavrilyuk, Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology of National Academy of Sciences of Ukraine)

A.V. Glukhova, Doctor of Political Sciences, Professor (Voronezh State University)

M. Kazanski, PhD in History (Center for History and Civilization of Byzantium, Paris, France)

A.V. Korobkov, PhD in Political Science (Middle Tennessee State University, USA)

K.N. Lobanov, Doctor of Political Sciences, Associate Professor (Belgorod National Research University)

E.A. Molev, Doctor of Historical Sciences, Professor (Nizhniy Novgorod State University after N.I. Lobachevskiy)

M. Pluviano, PhD in History (University of Genoa, Italy)

S.I. Posokhov, Doctor of Historical Sciences, Professor (Kharkov National University after V.N. Karazin, Ukraine)

I.M. Pushkareva, Doctor of Historical Sciences, Senior Scientific Worker (Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences)

S.B. Sorochan, Doctor of Historical Sciences, Professor (Kharkov National University after V.N. Karazin, Ukraine)

N.P. Telnov, PhD in History (Institute of Archaeology of National Academy of Sciences of Moldova)

I.M. Todorov, PhD in History, Associate Professor (Velikotyrnovo University «St. Cyril and Methodius», Bulgaria)

E.M. Shagin, Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow State Pedagogical University)

The articles are given in authors` editing.

Prepared for release *M.V. Androsova*;
dummy layout by *I.G. Onoprienko, V.V. Vasilenko*
e-mail: vasilenko_v@bsu.edu.ru

Passed for printing 10. 10. 2013
Format 60×84/8
Typeface Georgia, Impact
Printer's sheets 22,78
Circulation 1000 copies
Order 384

Subscription reference
in Rospechat` agency catalogue – 18078

Dummy layout is replicated at Belgorod National Research University Publishing house "Belgorod"
Address: 85, Pobedy str., Belgorod, Russia, 308015

The mortality rate of the population of the Kursk region from suicide in the second half of the XIX century. **S.V. Bogdanov 119**

Russian private speculation in the Civil War (definitions and historiography of the issue). **A.Yu. Davydov 126**

Personnel selection for the Siberian school training transportation officers of the state political directorate (SPD). **V.P. Vasilevsky, A.V. Sushko 133**

The formation of a new educational space and the «religious issue» in the period of «perestroika». **O.V. Pigoreva, Z. Dr. Ilyina 140**

POLITICAL SCIENCE

Deliberative democracy, dialogue and their place in constellation of discourse of public policy. **A.V. Zaitsev 147**

Political fleshmob as form of horizontal communication. **O.Ya. Yamelnytskuj 154**

Features of the formation of post-Soviet party systems. **N.S. Nazarov 160**

Dynamics of the political competition in Russia during the post-reorganization and post-Soviet periods. **V.N. Shilov, A.P. Rytkina 164**

Euroregion as a form of cross-border cooperation: history and features **S.N. Korol 176**

Questions of achievement of political stability in the conditions of functioning of urban growth coalitions. **P.N. Levchuk 180**

The analysis of conceptual models of the power and policy in the studies of Michel Foucault and Pierre Bourdieu.

I.E. Mamaev 186

Information about Authors 191

Information for Authors 193

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

УДК 936

К ВОПРОСУ О ВЛАСТИ И СОБСТВЕННОСТИ НА БОСПОРЕ В VI-IV ВВ. ДО Н.Э.

В.В. ФОМИН*Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н.Толстого**e-mail: f-w-w@bk.ru*

В статье исследуются вопросы власти и собственности на Боспоре в VI-IV вв. до н. э. Анализируются причины установления монополии хлебной торговли на внешнем рынке боспорскими правителями. Рассматриваются факторы, повлиявшие на позицию Афин в этом вопросе. Затрагиваются отношения собственности на землю и источники пополнения царской казны. Делается вывод о том, что особенности политической системы государства на Боспоре нашли свое выражение и свою опору в экономических отношениях.

Ключевые слова: Боспор, Афины, хлебная торговля, царские земли, собственность, власть.

Хлебная торговля Боспора с Атикой, зародившаяся, как предполагается, еще при Археанактидах, давала ощутимые доходы в казну как этих правителей, так и следующей династии Спартокидов. Расширение торговли при Спартокидах, превращение ее в основную статью доходов династии, подтверждают это обстоятельство.

Очевидно, подобная практика ущемляла естественные права полисов на Боспоре в свободной внешней торговле своей хлебной продукцией. Однако выгоды династов от внешней торговли хлебом, которую они сосредоточили в своих руках, были явно выше всех социальных издержек для их режима правления, связанных с борьбой полисов за свои права. Определённая заинтересованность в таком положении дел имела и у полисов, если иметь в виду стабильную социальную обстановку на Боспоре в период правления династии.

Уже первые Спартокиды присваивают себе все портовые сборы, которые взимались с каждого судна за право стоянки в портах Боспора и за право пользования их портовыми сооружениями¹. Правители Боспора являлись в это время «хозяевами хлеба», которым они торговали с Афинами (Demosth. XX, 31). Не вполне ясно, что скрывается за этим определением: были ли Спартокиды в момент продажи зерна собственниками хлеба, которым они торговали, или они только распоряжались им в качестве авторитетных посредников, монопольно присвоив себе права на внешнюю торговлю хлебом.

А.Е. Терещенко говорит о посреднической роли Спартокидов в торговле хлебом: «Не вызывает сомнений тот факт, что держава Спартокидов обретала свое богатство в основном за счет посреднической роли на торговом пути из Великой Скифии в греческие

¹ Брашинский И.Б. Торговые пошлины и право беспошлинности на Боспоре (IV в. до н.э.) // Вестник древней истории. 1958. № 1. С. 192.

государства Средиземноморья и в первую очередь в Афины»². Однако, употребление термина «посредничество Спартокидов» в хлебной торговле Боспора с Афинами вносит определенную путаницу в понимании этого явления.

Как известно, Спартокиды взимали подать с подвластных варварских племен товарным зерном, и именно это зерно составляло значительную долю хлебной торговли Боспора на внешнем рынке. Невозможно определять в этом случае роль Спартокидов как посредничество во внешней торговле с Афинами, так как зависимые от них варварские племена передавали им этот товар в качестве подати. Спартокиды получали зерно в свою собственность и затем продавали его на внешнем рынке. В широком смысле такая деятельность верховных правителей Боспора очень близко граничит с посредничеством, однако им не является. Между Афинами и варварскими племенами на Боспоре не возникало никаких отношений по поводу хлебной торговли. Деятельность по взиманию подати товаром и продажа этого товара, даже монополия, на внешнем рынке никак не может считаться посредничеством. Не варварские племена продавали хлеб в Афины, не их имя зафиксировали письменные источники покупателя – Афин в качестве продавца этого товара. Династы продают хлеб в Афины от своего имени, имея в момент продажи полные права на него, т.е. права собственности.

Впрочем, так обстояло дело только в отношении той доли общего фонда хлебной продукции, которая формировалась за счет взимания подати с окружающих варварских племен. Что касается хлеба, производимого полисами, то, в отношении присвоенной династами монополии на право внешней торговли этой продукцией, о роли навязанного посредничества говорить в принципе можно. Династическая власть ущемляла права полисов, отняла у них возможности свободной внешней торговли, запретила им это делать в обход своих интересов.

Узурпировав власть на Боспоре, династы проявляли двойственность своей роли во внешней хлебной торговле. Для полисов они были ненужными посредниками, для покупателей из Средиземноморья собственниками товара. Во времена Демосфена права продавца на продажу товара формировались самыми разнообразными способами, потому не случайно, очевидно, он подчеркнул, что Левкон на Боспоре является хозяином своего хлеба.

Спартокиды закрепили за собой право осуществления торговли на боспорский хлеб, вывозимый на внешний рынок. Они считали себя полноправными собственниками хлеба, которым они торговали с Афинами. С их точки зрения, с точки зрения законов их режима правления они были именно собственниками хлеба на Боспоре, а не только распоряжались им в качестве авторитетных посредников.

Об этом же косвенно свидетельствует и освобождение Левконом от вывозной пошлины хлеба, поставляемого им в Афины (Demosth. XX, 33). Данный факт говорит о том, что Спартокиды, осуществляя свое администрирование хлебных поставок в Афины, могли извлечь реальную прибыль от этих поставок, только если они в момент продажи зерна являлись собственниками этого зерна. В противном случае, выступая посредниками в хлебной торговле, участие Спартокидов в таких торговых сделках было бы экономически малоцелесообразным. Максимальная прибыльность торговых сделок с зерном, при отсутствии взимаемых вывозных пошлин, возможна только, если продавец является собственником этой продукции. Заинтересованность боспорских правителей в хлебных поставках говорит именно об этом, равно как и об их расчетливости и здравомыслии.

Удивительная прочность власти династии Спартокидов одновременно с присвоением ими значительного количества продукции зернового сельскохозяйственного производства на подвластной территории заставляет более пристально изучать способы формирования правителями Боспора своих прав собственности на этот вид товара.

В самом деле, если предполагать, что Спартокиды получали в собственность или в распоряжение хлеб от производителей на подвластной территории, или от местных правителей на захваченной территории, только лишь методами силового присвоения (захвата), возникает много вопросов о причинах стабильности таких отношений между ними. Или же речь идет о выкупе Спартокидами, возможно частичном, этой продукции.

² Терещенко А.Е. Истоки экономического кризиса III в. до н. э. // Русский архив. 2010. №4. С. 59.

Маловероятно, что зерновая продукция полисов на Боспоре, в случае обнаружения излишков во внутреннем потреблении, оставалась в стороне от выгодной торговли на внешнем рынке. В.Д. Кузнецов говорит о том, что боспорские правители, формируя хлебный фонд для поставок в Средиземноморье, получали зерно из царского домена, а также в виде податей от городов и от поставленных в зависимость синдских племен³. По поводу уплаты податей произведенным зерном, однако, возникают некоторые сомнения. В этом случае полисы должны были взимать натуральный налог со своих граждан, а это представляется затруднительным с точки зрения реального воплощения и в силу экономических причин. Все же на Боспоре в это время существуют достаточно развитые экономические отношения в полисах с хорошо организованной денежной системой⁴. Натуральные выплаты способствовали бы дезорганизации денежно-финансовой системы Боспорского государства, мы же наблюдаем, скорее, обратную картину.

Вероятнее всего в отношении полисов монополия династиков на внешнюю торговлю хлебом формировалась при помощи монопольной концентрации в своих руках боспорских портов⁵. Несомненно, присвоение портов – целенаправленная политика боспорских правителей по формированию внутренней монополии на права внешней торговли хлебом. Именно в портах хлеб Боспора становился собственностью династиков. Возможность скупки последними зерна в полисах для продажи его затем на внешнем рынке выглядит на этом фоне только гипотетически.

Хлеб с варварских территорий, надо полагать, концентрировался именно в портах. Несмотря на то, что они, по выражению Ф.В. Шелова-Коведяева, «были собственностью, присвоенной внутри полисной системы»⁶, полисы оставались лояльно настроенными по отношению к власти, фундамент которой был выстроен достаточно прочно.

Ошибкой многих тиранических режимов являлось то, что тираны «захватив власть в полисе или их союзе, продолжали опираться на свою полисную собственность и не мыслили себя вне полисной системы»⁷. Боспорская знать владела крупными земельными участками и должна была являться также достаточно серьезным производителем товарного зерна на Боспоре⁸. Излишки этого зерна обязательно оставались бы в их собственных руках и могли быть предметом экспортных поставок на платежеспособные внешние рынки, главным образом в Аттику. Однако, по какой-то причине мы не знаем имен иных поставщиков товарного зерна на экспорт из Боспора, кроме боспорских царей⁹.

Упоминание имен некоторых торговцев хлебом, например крупного хлеботорговца Сопея (Isocr.,17,4), только подтверждает наличие монопольного права боспорских правителей на внешнюю хлебную торговлю, так как Сопей в данной «Трапезитской речи» Исократ – это человек из ближайшего окружения Сатира, входивший в число его «друзей».

В настоящее время мы не знаем, какую долю в общем сборе зерна для внешней торговли формировали Спартокиды за счет податного права в отношениях с подвластными варварскими племенами, а какую за счет торговых отношений с полисами или с их гражданами. Мнения на этот счет высказываются самые разные. А.В. Одрин считает, что «основные объемы зерновых, экспортировавшихся Боспором в IV в. до н.э., производились на территории синдо-меотских племен»¹⁰. В.Д. Кузнецов в качестве основного места производства боспорского хлеба указывает географический район современной Тамани¹¹.

³ Кузнецов В.Д. Афины и Боспор: хлебная торговля // Русский архив. 2000. № 1. С. 115.

⁴ Анохин В.А. Монетное дело Боспора. Киев, 1986. С. 31; он же. История Боспора Киммерийского. Киев, 1999. С. 22.

⁵ КБН, 1; Addenda, 4; МИС, 3, 32.

⁶ Шелов-Коведяев В.Ф. История Боспора в VI-V вв. до н. э. // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1985. С. 194.

⁷ Там же. С. 157.

⁸ Блаватский В.Д. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953. С. 177.

⁹ Кузнецов В.Д. Афины и Боспор: хлебная торговля // Русский архив. 2000. № 1. С. 115; Терещенко А.Е. Истоки экономического кризиса III в. до н.э. // Русский архив. 2010. №4. С. 59.

¹⁰ Одрин А.В. Земельные ресурсы и зерновое хозяйство Боспора VI-IV вв. до н.э. // Боспорский феномен. 2004. Ч. I. С. 51-55.

¹¹ Кузнецов В.Д. Афины и Боспор: хлебная торговля // Русский архив. 2000. № 1. С. 115.

Ограниченные возможности зернового производства Керченского полуострова отмечают почти все современные авторы. В связи с этим затруднительно объяснить постройку Левконом I в захваченной Феодосии нового торгового порта (Demosth. XX, 33). Этот черноморский порт находится на почтительном расстоянии от Тамани и от Меотиды, трудности перевалки грузов в этот порт из региона азиатского Боспора для последующей экспортной отправки очевидны. Расширение экспорта хлеба в Средиземноморье, предпринятое Левконом I, при отгрузке основной части грузов из Феодосии, вдали от основного места производства товара, стоило бы Левкону больших дополнительных затрат, причем затрат, которых он мог легко избежать, производя отгрузку из других портов, более близко расположенных к регионам производства зерна.

Все земли государства на Боспоре в это время делятся, предположительно, на четыре категории: 1) полисные земли, принадлежащие гражданской общине городов, 2) царские земли, 3) храмовые земли, 4) общинно-варварские земли, принадлежащие негреческому населению городов и негреческому населению городской округи¹².

Появление категории царских земель в землевладении Боспора связывают с расширением и укреплением власти Спартокидов, однако нельзя пока сказать, что точное назначение этих земель прояснено во всех своих деталях. А.А. Масленников говорит о хозяйственно-административном их предназначении, а также об использовании их в целях сельскохозяйственного, в том числе зернового производства, выделяя здесь функционирующие царские специализированные хозяйства¹³.

Очень примечательно его высказывание как об этом, так и об организации экономики Боспора в целом. «Известно, что сама по себе классическая полисная хора ни по своей площади, ни по своей организации, ни по традиционной хозяйственно-экономической составляющей и возможностями нигде в античном мире не была способна, да и не рассчитывалась на производство (тем более относительно стабильное, массовое и продолжительное) товарного продукта, в первую очередь зерна. Это противоречило самой сущности экономической и политической основы античного полиса, его землеустройства и землепользования. На Боспоре же, именно в этот период, как мы хорошо знаем, экспорт зерна играл определяющую роль в хозяйственной жизни государства. Только иная, внеполисная (или лучше – надполисная) политическая организация (структура) могла обеспечить успешное функционирование всей хозяйственной «цепочки» от производства до доставки зерна заморскому потребителю. Таковой являлась местная верховная власть, а это, при всех оговорках, была все же монархия»¹⁴.

На царских землях выращивался хлеб, только не вполне, пожалуй, ясно, кто именно его на них выращивал и в какой степени царские земли предназначались для собственного производства зерна на них. Разумеется, та часть царского земельного фонда, которая раздавалась правителями своим приближенным, использовалась теми в частном порядке, в том числе и для целей зернопроизводства. Какая-то часть царских земель могла использоваться на определенных условиях варварами-земледельцами, и они тоже могли выращивать хлеб. Однако вопрос о том, в какой степени были задействованы на этих землях царские специализированные хозяйства, пока остаётся нерешённым.

Достаточно уверенно можно говорить лишь о том, что появление в IV в. до н.э. на Боспоре царских земель вряд ли серьёзным образом изменило структуру источников формирования экспортного зернового фонда Спартокидов. Такой земельный фонд был все же незначительным в масштабах той территории, на которой выращивался весь экспортируемый Боспором хлеб. Кроме того, собственно для выращивания товарного зерна использовались не все земли, часть из которых отводилась под виноградники и другие сельскохозяйственные культуры. Скорее всего, основным назначением «царских» земель, равно как и хозяйственных структур на них, было осуществление взаимодействия с населением варварских племен и с самими подвластными племенами в области торговых и податных отношений.

¹² Масленников А.А. Царская хора Боспора (по материалам раскопок в Крымском Приазовье) // Древности Боспора. Т. 14. 2010.С. 226-227.

¹³ Там же. С. 226.

¹⁴ Там же.

Начало экспортной хлебной монополии на Боспоре положили Спартокиды. Данный факт неоспорим, он зафиксирован большим количеством письменных источников. Боспорский хлеб поступал в Афины в середине IV в. до н.э. в качестве товара, поставляемого династитами Боспора. Афинские почетные декреты в их честь фиксируют только это время хлебных поставок. Более ранних фактов источниками не зафиксировано, хотя некоторые исследователи относят начало хлебной торговли Боспора с Афинами ко времени Археанактидов¹⁵. Подтверждений этому не имеется, и данная позиция основана на общем понимании процесса внешнеторговых отношений, которые не могли возникнуть на пустом месте в момент своей фиксации литературными письменными источниками.

Целый ряд исследователей предполагали наличие торгового договора между Афинами и Боспором по поводу хлебной торговли¹⁶. Во взаимоотношениях между Афинами и Боспором остаются не выясненными обстоятельства того, почему не сложилась хлебная торговля между частными торговцами этих двух государств. Со стороны Боспора продавцом монополично, или почти монополично, использующим свои права, стоял династит. Возможно, именно это обстоятельство и стало препятствием в развитии частной торговли хлебом между Афинами и Боспором.

Трудно поверить в то, что Афинская демократия согласилась иметь очень важные для себя отношения в поставках хлеба с тиранами на Боспоре без наличия каких-либо объективных обстоятельств, вынудивших их пойти на это. Одно лишь торговое предложение правителей Боспора вряд ли могло их заставить это делать, равно как и одного желания тиранов иметь исключительные условия отношений с Афинской демократией было мало.

Афинская демократия никогда не искала торговых отношений с зерноторговцами в регионе Боспора в обход боспорских правителей, несмотря на то, что режим власти последних был ей явно чужд. Напротив, изыскивались возможности для укрепления именно этих связей. По-видимому, боспорские правители занимали некое исключительное положение в регионе, концентрируя в своих руках права на хлебную продукцию в нем. Для сравнения отметим, что Ольвия, имея весьма схожие со столицей Боспора Пантикапеем стартовые условия, так и не стала значительным хлебным торговым центром в поставках зернопродукции в Афины или другой город Аттики¹⁷.

Дефицит хлеба в Аттике и его излишки на Боспоре – общепризнанная причина возникновения хлебной торговли между Афинами и Боспором. Появление излишков хлеба на Боспоре в руках одного правителя – результат целенаправленной политики нескольких поколений правящих династий на Боспоре. Немаловажным фактором, способствующим достижению такого результата, явилось установление на Боспоре наследственной формы перехода власти между правителями, институт династии. Преемственность политики отдельных правителей позволила решать масштабные региональные задачи.

Итак, появление на Боспоре масштабной хлебной торговли со Средиземноморьем – это результат осознанной и целенаправленной политики нескольких поколений правящих династий в соединении с рядом факторов, способствующих в достижении конечного результата.

Одним из таких факторов, разумеется, является то обстоятельство, что район Меотиды – это хлебный район. Здесь при существующей в то время агротехнике достигался достаточно высокий для своего времени сбор зерновых. В то же время местные транспортные маршруты неминуемо проходили через Боспор Киммерийский и сходились в городах, что располагались на берегах этого пролива. Тот, кто владел городами на обеих сторонах пролива, тот владел хлебом, который вывозился из всего этого региона.

Возможно, данное обстоятельство повлияло на решение полисных структур управления Афин, может быть их архонтов, иметь дело не с торговцами хлеба на Боспоре, а именно с представителем высшей боспорской власти, в своих руках держащих ключи от пролива, что соответственно означало и от всего хлеба, производимого целым регионом.

Тесные отношения между афинскими архонтами и боспорскими династитами в вопросе хлебных поставок имели взаимный интерес. Данные поставки не могли быть при определенных обстоятельствах отданы структурами управления Афин на откуп частным

¹⁵ Кузнецов В.Д. Афины и Боспор: хлебная торговля // Русский архив. 2000. № 1. С. 109.

¹⁶ Там же. С. 111.

¹⁷ Там же. С. 108.

торговцам второй стороны. Война или угроза войны для Афин могли быть такими обстоятельствами. Поэтому инициатива в возникновении тесных торговых отношений исходила и со стороны покупателей – Афин.

Это тем более вероятно, если учесть исключительность условий Боспора Киммерийского. Для боспорских правителей, объединивших под своей властью полисы по обе стороны пролива, сам пролив не мог не использоваться в качестве дополнительного источника содержания режима в рамках пошлинного, а может быть и иного, права. Такой источник являлся не только по-настоящему надёжным, но и достаточно доходным для содержания власти.

Возможно, пролив еще на первом этапе становления династической власти на Боспоре при Археанактидах выполнял ту роль царской собственности, что служила экономической опорой этой власти. Использование выгодных условий расположения Пантикапея на проливе при Археанактидах, перешло в качественно иной уровень контроля над проливом и в качественно иной уровень извлечения выгоды от использования появившихся возможностей, после захвата близлежащих к проливу полисов (или мирного их объединения), особенно в азиатской части пролива, в эпоху правления Спартокидов. По всей видимости, уже первые Спартокиды научились использовать права монопольного вывоза хлеба из района Меотиды на внешние рынки. Таким образом, особенности политической системы государства на Боспоре нашли свое выражение и свою опору в экономических отношениях.

TO THE PROBLEM OF POWER AND PROPERTY IN BOSPORUS IN VI – IV CENTURIES B.C.

V.V. FOMIN

*Tula State Leo Tolstoy
Pedagogical University*

e-mail: f-w-w@bk.ru

The article deals with the problem of power and property in Bosphorus in VI-IV centuries B.C. The reasons of establishment of grain monopoly at the foreign market by the rulers of Bosphorus are under analysis. Ownership of land and resources of replenishment of the tsar's treasury are discussed. The author comes to a conclusion that the peculiarities of the political system of Bosphorus were closely connected and were based on the economic relations.

Key words: Bosphorus, Athens, grain trade, tsar's land, property, power.

АФИНЕЙ НАВКРАТИЙСКИЙ О САЛАМИНСКОЙ ТИРАНИИ***Е.С. ДАНИЛОВ***Ярославский государственный
университет им. П.Г. Демидова**e-mail: explorator@list.ru*

Любая государственная власть нуждается в институте, который в интересах безопасности и контроля осуществлял бы слежку за гражданским коллективом. В большинстве ранних политических образований, каковыми являлись и греческие полисы, доносительство было частной инициативой. Сикофанты демократических Афин, профессиональные обвинители, приобрели репутацию шантажистов и клеветников. Насколько соответствовали этому образу царские осведомители кипрского Саламина?

Ключевые слова: Кипр, Саламин, Клеарх Солейский, Афиней Навкратийский, позднегреческая тирания, внутренний шпионаж.

Не секрет, что политическая история античного Кипра – это не самая изученная тема в рамках российской гуманитарной науки. Привычное для любого специалиста обращение к указателю материалов, опубликованных в «Вестнике древней истории», позволяет говорить о том, что за последние 75 лет в одном из авторитетнейших журналов вышло лишь 8 статей так или иначе связанных с прошлым указанного острова¹. Помимо этого, некоторые источники, содержащие важную информацию о Кипре, интерпретируются крайне редко. Таким, на наш взгляд, недооцененным трудом можно считать «*Δειπνοσοφισται*» древнегреческого грамматика Афиней.

Сочинение Афиней Навкратийского, жившего на рубеже II и III вв., уникально, среди прочего, тем, что содержит цитаты из книг порядка 800 авторов, в том числе и не дошедших до нас². Иным данным по истории и культуре Кипра, представленным у Афиней, трудно найти литературные аналогии. В первую очередь, это гастрономические детали, вроде упоминаний о кипрской горчице (28d), миндале (52c, 54b), латуке (69b), смокве (77b, f), хлебе (112e). Во-вторых, указания на ремесленные специальности (кипрские ткачи – 48b). В-третьих, сценки с участием киприотов, известных и не очень. Среди них – Никократ, обладатель огромной библиотеки (3а), Фемисон, придворный Антиоха IV Эпифана (289f – 290а), эпический поэт Стасин (334c). Вспоминая островитян, Афиней называет имена отдельных правителей эллинистического Саламина: Никокла, жестокого транжиру (352d, 531c-e), Пнитагора, союзника Александра Великого (167c), Никокреонта, гостеприимного любителя пиров (337e, 349e).

В VI книге своего компендиума Афиней приводит выдержку из несохранившегося трактата философа-перипатетика Клеарха Солейского (IV-III вв. до н.э.) под названием «Гергитий» (FHG. II. 310-312, Fr. 25-26). Клеарх, будучи уроженцем Кипра, рассказывает интересные подробности об окружении местных правителей. Обратимся к содержанию данного пассажа (255f-256c).

Первые строки свидетельствуют о следующем.

* Статья подготовлена при поддержке Министерства образования и науки РФ, проект «Междисциплинарные исследования публично-правовых систем и политической культуры античных социумов с применением информационных технологий», темплан ЯрГУ (ЗН-1094).

¹ Сидорова В.А. О поездке на Кипр // ВДИ. 1963. № 3. С. 185-193; Савельев Ю.А. О кипрской монументальной скульптуре VII в. до н.э. // ВДИ. 1964. № 3. С. 107-114; он же. Дворец в Вуни на Кипре // ВДИ. 1965. № 2. С. 79-86; Розанова Н.П. Новые греческие надписи Кипра (IV в. до н.э.-VII в. н.э.) // ВДИ. 1970. № 3. С. 201-208; Коровина А.К., Сидорова Н.А. «Сокровища Кипра» // ВДИ. 1971. № 4. С. 257-264; Клейн Л.С. Кипр и Крит в «Археологии мира»: V. Karageorghis, Zypern; N. Platon, Kreta – «Archaeologia Mundi», München – Genf – Paris, 1968 // ВДИ. 1973. № 2. С. 155-163; Молчанов А.А. К интерпретации самой большой кипро-минойской надписи на табличке из Энкоми 1953 г. // ВДИ. 1979. № 1. С. 126-134; Карагеоргис В. Новые археологические находки на Кипре // ВДИ. 1989. № 4. С. 106-112.

² Левинская О.Л. Афиней и его книга // Афиней. Пир мудрецов. В пятнадцати книгах. Книги I-VIII / пер. Н.Т. Голинкевич. М., 2003. С. 472.

«Все правители на Кипре полагали полезным иметь льстецов из знати – для тиранов это вещь самая необходимая. И никто не знал, ни сколько их, ни кто они, кроме нескольких самых известных, словно это был какой-то Ареопаг».

Геродот писал о кипрских басилеях, носящих головные повязки (Herod. VII. 90)³. Страбон упомянул в своей «Географии» о том, «в прежние времена в каждом отдельном городе киприотов были тираны» (XIV. 6. 6)⁴. Афиней использует для именованя кипрских правителей следующие выражения: μο'ναρχοι, τυ'ραννοι, ανα'κτοροι, βασιλει'ς. Каждое слово, как кажется, является уточнением соседнего эпитета. Мо'ναρχοι указывает на неограниченность власти; βασιλει'ς подчёркивает её наследственный характер, τυ'ραννοι говорит об отношении к этой власти греков; ανα'κτοροι напоминает об ахейском происхождении кипрских властителей⁵.

По определению Аристотеля, учителя Клеарха, льстец (κο'λαξ) – это тот, кто излишне заботится о чьем-либо удовольствии ради собственной выгоды. Льстивость – это крайнее проявление дружбы, её извращение (Eth. Nic. 1108a, 25). Афиней помещает пассаж о льстецах (248c-262a) после очерка о знаменитых паразитах (240d-248c) и перед размышлениями о рабах (262a-273e).

Нас не должно смущать сравнение льстецов с ареопагитами. Саламинские κο'λακες скорее всего не обладали реальной властью, тем более что их мало кто знал в лицо⁶, но как афинский ареопаг являлся оплотом аристократии, а позднее – олигархии, так и льстецы Саламина могли быть проводниками тиранической формы правления. Это подтверждается ниже следующими строками из рассматриваемого источника.

«Все льстецы Саламина [Кипрского] (а от них происходят льстецы на остальном Кипре) принадлежали к двум родам: Гергинам и Промалангам. Гергины толкаются по городским рынкам и мастерским, подслушивая разговоры, и числятся осведомителями: всё, что услышат, они ежедневно докладывают так называемым анактам (правителям). Промаланги же следят, не окажется ли что из доложенного гергинами достойным розыска; они числятся расследователями».

Данный отрывок удивительным образом сходен по композиции с сообщениями греческих писателей об индийских «наблюдателях» (Diod. Sic. II. 40-41; Strabo. XV. 1. 39-49; Arr. Ind. 11-12)⁷. Правда, Диодор Сицилийский и Страбон используют термин οἱ ἔφοροι, Арриан – οἱ ἐπίσκοποι, Афиней – οἱ κατασκο'ποι (соглядатаи)⁸ и οἱ ἐρευνηται' (сыщики)⁹. В то же время нам известно о двух видах сиракузских катаскопов Гиерона I (478-466 гг.): «приводительницы» и «подслушиватели». Они должны были присутствовать на

³ «οὗτοι μὲν οὕτω ἑστάλατο, Κυ'πριοι δὲ παρείχοντο νε'ας πεντήκοντα καὶ ἑκατόν, ἑσκευασμένοι ὄδε: τὰς μὲν κεφαλὰς εἰλι'χато μι'τρησι οἱ βασιλει'ες αὐ'των». См. дополнительно: Tsakmakis A. On miracles and freedom. Herodotus kypriakos logos // Мнемон. Вып. 10. 2011. С. 407-414.

⁴ «προ'τερον μὲν οὖν κατὰ πό'λεις ε'τυραννοῦντο οἱ Κυ'πριοι».

⁵ «Выживание монархии микенского типа в каком-нибудь из уголков греческого мира, за исключением, может быть, только Кипра, представляется нам вещью, выходящей за пределы реальных возможностей политического развития в период миграций (XII-X вв. до н.э.)» (Андреев Ю.В. Раннегреческий полис (гомеровский период). Избранные статьи. СПб., 2003. С. 118). Ср.: Лаптева М.Ю. У истоков древнегреческой цивилизации: Иония XI-VI вв. до н.э. СПб., 2009. С. 206, 429; Молчанов А.А. Древнейшие цивилизации Европы: Миноийский Крит и Ахейская (Микенская) Греция // Всемирная история. В 6 т. Т. 1. Древний мир / отв. ред. В.А. Головина, В.И. Уколова. М., 2011. С. 221.

⁶ «Ведь открытого льстеца видит каждый, за исключением разве только крутлых глушцов; что касается хитрого и скрытного, то надо всячески остерегаться его и не давать ему втереться к нам в доверие. Ведь узнать его вовсе не легко: он, даже противореча нам, часто поддакивает и лебезит в притворном споре, а под конец сдаётся и признаёт себя побежденным, – дабы тому, над кем он издевался, показалось, что сам он был более дальновиден» (Cic. Amic. 99. Пер. В.О. Горенштейна).

⁷ См., например: Данилов Е.С. Античные авторы об индийской касте «наблюдателей» // Прошлое. Проекция. Презентация: Проблемы всемирной истории: сб. науч. тр. / отв. ред. проф. В.В. Дементьева, проф. М.Е. Ерин. Ярославль, 2012. С. 46-52.

⁸ Любопытно, что именно в Саламине стоял храм Венеры Смотрящей (Ovid. Met. XIV. 759-761). «Venus prospiciens» можно перевести как «Аφροδίτη κατασκο'λία» (Oberhammer E. Salamis (3) // R.E. Rh. 2. Hb. 2. Stuttgart, 1920. Sp. 1843). О связи Афродиты с Кипром у Афиней см.: 84 с, 95 f, 253 e, 573 f, 676 a.

⁹ Ср.: «τὸ βασι'λειον ἐρευνηται'» (Joseph. A.J. I. 30. 7).

общих застольях и сходках¹⁰. Плутарх отметил наличие осведомителей у тиранов Дионисиев (405-337 гг.) и персидского царя Дария II (423-404 гг.)¹¹.

Интересно, что у Афинейя ἀνακτι, которые обычно считаются членами царской семьи, братьями или сыновьями правителя¹², выступают в качестве сановников, контролирующих деятельность гергинов и промалангов¹³. Евстафий Солунский, автор обширного комментария к поэмам Гомера, также указывает на связь анактов с информаторами¹⁴.

При комментировании вышеизложенного текста небесполезно будет обращение к трём речам Исократ. В наставлении «Никоклу о царской власти» знаменитый афинский ритор призывает наследника рода Тевкридов различать хитрых льстецов и преданных слуг (Ор. II. 28). К первой категории он относит людей угодливых, плутоватых и лживых (Ор. II. 4, 29)¹⁵. Вторая, противоположная группа – это доблестные друзья, умные советчики и способные управленцы. Они должны помогать тирану удерживать в руках власть (Ор. II. 21, 27, 53). В речи «К жителям Кипра» Никокл (374-368 гг.) предостерегает саламинян от каких-либо неблагоприятных действий, от создания тайных обществ и союзов, поскольку доносчики всегда наготове и сам он внимательно наблюдает за всем происходящим (Ор. III. 52-54). От тирана невозможно ничего скрыть (Ор. III. 51). Его ключевой совет звучит следующим образом: «во всем поступайте просто и открыто, так, чтобы трудно было оклеветать вас» (Ор. III. 52. Здесь и далее пер. Э.Д. Фролова). И, наконец, в своеобразном панегирике Эвагору I (411-374 гг.) продолжается та же тема: идеальный правитель вникает во все дела, хорошо знает каждого из граждан, советуется с друзьями (Ор. IX. 42, 44). По мнению Ф. Рассела, система шпионажа, описанная Клеархом, существовала длительное время, как минимум в течение V-IV вв. до н.э.¹⁶

Следуем далее по тексту. «Ведут беседы они настолько ловко и убедительно, что мне кажется (что и сами они говорят), что от них пошли знатнейшие льстецы по всем городам. И это немалая похвальба – не только оттого, что ремесло их в чести у царей».

Упоминание о знатности саламинских льстецов, как нам кажется, не стоит воспринимать буквально. Однако указание на преемственность кипрских льстецов от κολακῆς Саламина может быть намеком на политическую гегемонию этого полиса в масштабах всего острова. Говоря в своей «Политике» (1292a15) о крайней форме демократии, Аристотель замечает, что здесь демос является деспотом и как у тиранов льстецы, так в демократии – демагоги; демагог и льстец – одно и то же, говорит он, «ведь демагог –

¹⁰ «καὶ τὸ μὴ λανθάνειν πειρᾶσθαι ὅσα τυγχάνει τις λέγων ἢ πράττων τῶν ἀρχομένων, ἀλλ’ εἶναι κατασκοπούς, οἷον περὶ Συρακούσας αἱ **ποταγωγίδες** καλοῦμεναι, καὶ οὗς ὠτακουστάς ἐξεπέμπευ Ἴεραν, ὅπου τις εἶη συνουσία καὶ σύλλογος» (Arist. Pol. 1313b10). «ποταγωγίδες· (συκο)φάνται ἢ μηνυταί» (Phot. л. 1116). «πλοδαγκώνιδας· συκοφάντας, ἢ τοὺς κατὰ τῆς ἀρχῆς τι λέγοντας ἢ πράττοντας» (Hesych. л. 2659). См.: Высокий М.Ф. История Сицилии в архаическую эпоху (Ранняя греческая тирания конца VII – середины V в. до н.э.). СПб., 2004. С. 228-229.

¹¹ «γινώσκειν, ἐλαχθεστάτους ποιεῖ τὸ τῶν λεγομένων ὧτων καὶ προσαγωγῶν γένος. **ὠτακουστάς** μὲν οὖν πρῶτος ἔσχεν ὁ νέος Δαρεῖος ἀπιστῶν ἑαυτῶ καὶ πάντας ὑφορώμενος καὶ δεδοικώς: **τοὺς δὲ προσαγωγίδας οἱ Διονύσοι τοῖς Συρακούσιοις** κατέμειξαν: ὅθεν ἐν τῇ μεταβολῇ τῶν πραγμάτων τοὺτους πρῶτους οἱ Συρακόσιοι συλλαμβάνοντες ἀπετυμπάνιζον» (Plut. De curios. 522f-523a). См. также: Asheri D. Sicily, 478-431 B.C. // The Cambridge Ancient History. 2nd ed. Vol. V. 1992. P. 153.

¹² Banquet des Savans, par Athénée, traduit, tant sur les textes imprimés, que sur plusieurs manuscrits par M. Lefebvre de Villebrune. Vol. II. Paris, 1789. P. 466; Iacovou M. Cyprus: from Migration to Hellenisation // Greek Colonisation: An Account of Greek Colonies and Other Settlements Overseas. Vol. 2 / Ed. by G.R. Tsatsikhaladze. Leiden, Boston, 2008. P. 276.

¹³ Hill G. A History of Cyprus. Vol. I. Cambridge, 2010. P. 114-115.

¹⁴ «Καὶ τὸ δέ, φασί, τάγμα ἔνδοξον ἐν Κύπρῳ ἀνακτες ἐκαλοῦντο, πρὸς οὓς ἀνεφέρετο, φασίν, ἐκάστης ἡμέρας πρὸς τῶν ὠτακουστοῦντων, ὃ τι ἂν ἀκούσωσιν. ἐπὶ διορθώσει δὲ τοῦτο ἦν τῶν κατὰ τὴν νῆσον. οἱ δὲ τοιοῦτοι **ὠτακουσταί** εἶεν ἂν καὶ **πευθῆνες** ὡς ἀπὸ τοῦ πεύθω» (Eustathius. Comm. ad Hom. Iliad. III. 515-516).

¹⁵ «И что за удовольствие могут, по-твоему, доставить не говорящие худого тому, кто знает наверняка, что молчальники эти все до одного помышляют вредное для тирана? И чем, полагаешь ты, радуют его те, кто хвалит его, когда он имеет основание подозревать их в том, что они расточают свои похвалы из лесты» (Xen. Hier. I. 15. Пер. А.А. Росниуса).

¹⁶ Russell F. Information Gathering in Classical Greece. Ann Arbor, 1999. P. 112.

льстец демоса» (1313b40). Кóλακες Саламина, использующие ораторское мастерство, очень напоминают демагогов¹⁷.

Эти демагоги *«утверждают, что род гергинов пошел от троянских пленников, которых Тевкр поселил на Кипре, а потом поплыл с избранными из них вдоль берега в Эолиду, чтобы разведать место и построить город в земле их предков: этот город он основал вблизи троянской [горы] Иды, пополнив его население мизами, и назывался он по имени их рода в старину Гергином, а теперь Гергитом. Кажется, что некоторые участники этого похода отделились и осели в Кимах, потому что жители Ким происходят с Кипра»*.

Последний условный отрывок на первый взгляд вполне традиционен. Он составлен в компилятивном духе Первого Ватиканского мифографа (II. 36). Но в то же время содержит больше данных о Тевкре, нежели «Библиотека» Аполлодора (III. 10. 8, 12. 6) или мифографический сборник Гигина (89, 97, 114)¹⁸. В нём присутствует определённая недосказанность. Классическим топосом было возведение родословной отдельных лиц к легендарному предку. Потомком Тевкра считался Эвагор, о чём пишет ряд авторов (Isoc. Or. IX. 12-19; Diod. Sic. XIV. 98. 1). Только Павсаний намекает на то, что Эвагор не принадлежал к старой саламинской династии (Paus. II. 29. 4), но всех уверял в обратном (Paus. I. 3. 2)¹⁹. Афинаей – единственный, кто говорит о судьбе пленников, взятых Тевкром в Илионе. Часть из них вернулась в Малую Азию (были основаны Гергит в Троаде и Кима в Эолиде), другая – осталась на Кипре²⁰. Заметим, что гергины расселяются по всему Кипру, а не только в Саламине. Иначе говоря, всё население Кипра через загадочных гергинов связано коллективным генеалогическим древом с саламинянами. Отсюда получается, что правители Саламина имели формальное право владения всем островом, а не только его восточной оконечностью, ведь определённая часть населяющих его людей по своей сути являлись потомками зависимых поселенцев, рабами Тевкридов. Вероятно, Эвагор имел на вооружении эту легенду, когда решил бороться с Абдемоном, Агирисом и другими персидскими ставленниками на Кипре (Xen. Hell. IV. 8. 24, V. 1. 10; Diod. Sic. XIV. 98. 1-4, 110. 5, XV. 2-4, 8. 1-9. 2)²¹.

Таким образом, сообщение Афинаей (Клеарха) о кипрском Саламине дополняет сведения античной нарративной традиции оригинальными данными. Во-первых, становится понятным, что наличие льстецов сближало тиранию Кипра с подобными режимами в других уголках греческого мира. Во-вторых, уточняется функциональное поле деятельности саламинских льстецов. Они не просто презренные лизоблюды и ленивые паразиты, а ответственные перед властью сикофанты, агенты политического влияния. От них ждут не клеветы, а достоверной информации. В-третьих, лишний раз подчёркивается лидирующее положение Саламина среди других полисов Кипра, обыгрывается мотив троянского происхождения его жителей.

¹⁷ «Есть люди, которые неприязненно относятся к красноречию и сильно порицают всех, кто занимается философией, утверждая, что целью подобных занятий является не достижение добродетели, а своекорыстная выгода» (Isoc. Or. III. 1).

¹⁸ См. также: Eur. Hel. 142-150; Lycoph. Alex. 450-469; Marm. Par. FGrH. 239 A 26; Verg. Aen. I. 619-622; Hor. Carm. I. 7. 21-32; Vell. Pat. I. 1. 1; Tac. Hist. III. 62; Just. Epit. XLIV. 3. 2-3.

¹⁹ Берве Г. Тираны Греции. Ростов н/Д., 1997. С. 421-422; Петрова Э.Б. Боспор и Кипр: опыт сопоставления двух тиранических режимов // Античный мир и археология. Вып. 10. Саратов, 1999. С. 18.

²⁰ «The Teucrians and Gergithes of western Asia Minor cannot be dissociated from the Teucrians and Gerginoi of Cilicia and Cyprus» (Munro J.A.R. Pelasgians and Ionians // The Journal of Hellenic Studies. Vol. 54. Part 2. 1934. P. 128).

²¹ О периоде персидской зависимости подробнее см.: Karageorghis V. Salamis. Die zyprische Metropole des Altertums. Bergisch Gladbach, 1970. S. 203; Costa E.A. Evagros I and the Persians, ca. 411 to 391 B.C. // Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte. Bd. 23. H. 1. 1974. P. 40-56; Brown A.C., Catling H.W. Ancient Cyprus. Oxford, 1975. P. 54-62; Austin M.M. Greek and the Persians, 546-479 B.C. // The Classical Quarterly. Vol. 40. № 2. 1990. P. 292.

Таблица 1

Сведения греческих писателей об индийских шпионах

Категория данных	Диодор	Страбон	Арриан
Терминология	ἔφοροι	ἔφοροι	ἐπίσκοποι
Компетенция	наблюдение, доносительство	наблюдение, доносительство	наблюдение, доносительство
Субординация	царь/другая власть	царь	царь/магистраты
Качества	-	верность	честность
Виды	-	городские и лагерные	-
Подчиненные	-	гетеры	-

Таблица 2

Сведения греческих писателей о шпионах Сиракуз и Саламина Кипрского

Категория данных	Аристотель	Плутарх	Афиней
Общее определение	κατασκοποι	προσαγωγεῖς	κόλακες
Компетенция	подслушивание, доносительство	подслушивание, до- носительство	подслушивание, доносительство, расследование
Субординация	тиран	тиран	анакт/тиран
Виды	ποταγωγεῖδες/ὠτακουσταί	-	Γεργίνοι/Προμάλαγγας

ATHENAEUS OF NAUCRATIS ABOUT THE SALAMIS TYRANNY

E.S. DANILOV

*The Yaroslavl state university
of Demidov*

e-mail: explorator@list.ru

Every state authority has need for an institute that would spy on citizens in the interests of security and supervision. Peaching was a private initiative in the most of early political formations such as Greek poleis. Sycophants of democratic Athens (professional prosecutors) had a reputation for blackmailers and slanderers. How far did kings' intelligencers of Cyprian Salamis conform to this image?

Key words: Cyprus, Salamis, Clearchus of Soli, Athenaeus of Naucratis, late Greek tyranny, internal espionage.

К ВОПРОСУ О КУЛЬТОВЫХ МЕСТАХ И СВАТИЛИЩАХ НАСЕЛЕНИЯ ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

С.В. ЯРЦЕВ

*Тульский государственный
педагогический
университет
им. Л.Н.Толстого*

e-mail: s-yartsev@yandex.ru

В статье исследуются сложные вопросы религиозной жизни населения черняховской культуры. В ходе миграции северных племен изначальные религиозные представления и обряды варваров подвергались трансформации. К таким главным изменениям можно отнести введение регламентации на ритуалы в местах погребений. Возможно, это было связано с тем, что могильники у населения черняховской культуры выполняли функции главных культовых мест и святилищ. Расположение могильников всегда было выше поселений, и отсутствие на последних оборонительных сооружений вполне может объясняться именно этим обстоятельством.

Ключевые слова: варвары, религия, могильник, кремация, ингумация.

С начала II в. н. э. миграционные процессы охватили значительную часть территории Северной и Восточной Европы. Одним из результатов этого явления стало формирование в этих районах черняховской культуры. В авангарде переселения северных народов стояли готы и некоторые другие германские племена (гепиды, вандалы)¹. При этом представители вельбарской и пшеворской культур, смешавшись в Причерноморье с местным населением, довольно быстро растеряли остатки своеобразия своей материальной культуры². Все это привело к дальнейшей трансформации религиозных взглядов черняховцев.

Данный процесс, начавшись еще в Северной Европе, в первую очередь затронул земледельческий культ и представления о посмертном существовании. Однако вопросы, касающиеся культовых сооружений варваров, не совсем ясны. Дело в том, что святилища восточных германцев почему-то очень редко находят при археологических раскопках, что вряд ли может считаться простой случайностью³. Но даже выявленные здесь культовые сооружения вызывают неоднозначное к ним отношение. Так, одно из самых интересных святилищ находится в с. Ставчаны на Среднем Днестре. Здесь были обнаружены две каменных стелы из местного известняка. На антропоморфной стеле высотой 1,9 м изображен мужчина в коническом головном уборе, который держит в руках рог для питья. На тыльной стороне выбито изображение коня. На второй стеле треугольной формы изображен круг. Еще одна известняковая стела в виде человека с рогом в руках происходит из с. Калюс⁴. Около с. Иванковцы Хмельницкой области также обнаружены три изваяния. Одно из них в виде четырехгранного столба с человеческими лицами (трехликий идол), другое в виде подобного столба, но с бородатой и усатой головой и руками, сложенными на груди и держащими меч⁵. Существует и много других находок антропоморфных идолов⁶. Проблема здесь заключается в том, что во многих случаях очень трудно установить связь этих культовых изваяний с собственно поселениями черняховской культуры, а не с близлежащими средневековыми селищами, материал которых нередко присутствует на

¹ Шукин М.Б. Готский путь (готы, Рим и черняховская культура). СПб., 2005. С. 129-134, 160-164.

² Гудкова А.В. I-IV вв. в Северо-Западном Причерноморье (культура оседлого населения) // STRATUM plus. СПб.; Кишинёв; Одесса, 1999. №4. С. 371.

³ Левада М.Е. Готские древности в Северном Причерноморье: храмы и святилища // Боспорские чтения. Керчь, 2007. Вып. VIII. С. 201-203.

⁴ Винокур I.C. Історія та культура черняхівських племен Дністро-Дніпровського межиріччя II-V ст. н.е. Київ, 1972. С. 109-117.

⁵ Брайчевский М.Ю., Довженок В.И. Поселение и святилище Иванковцы в Среднем Поднестровье // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1967. Вып. 139. С. 238-262.

⁶ Винокур I.C. Ук. соч. С. 112-117.

черняховских памятниках⁷. Тем более, что были замечены черты сходства некоторых этих изделий со знаменитым средневековым славянским Збручским идолом⁸.

Отдельным уникальным памятником представляется большое культовое здание, исследованное на поселении в Лепесовке. Правда, уже само это поселение, огромное даже по черняховским меркам, является специфическим феноменом, интерпретируемым в качестве крупного религиозного и торгово-ремесленного центра⁹. Вместо отсутствующих идолов, главные сакральные функции в здании выполняли трехручные вазы с помещенным на них гадательным календарем, так или иначе, связанным с аграрной магией. По-видимому, в таких гадательных домах вопрошали судьбу о наступающем годе, о будущем урожае, о девичьих судьбах¹⁰.

Таким образом, приходится признать, что на большей части черняховских поселений отсутствуют четко выраженные культовые комплексы. Это должно находить какое-то объяснение. Ближе всего к решению данной проблемы подошел М.Е. Левада. Ученый отметил, что мы определенно не знаем, с чем имеем дело, так как у нас отсутствуют признаки, по которым можно интерпретировать черняховское святилище, искать же сооружения культа, скорее всего, надо за пределами поселений¹¹. По нашему мнению, для выявления главных культовых мест у населения черняховской культуры необходимо учитывать характер религиозных изменений произошедших у варваров еще в Северной Европе. В связи с тем, что данным процессом в основном были затронуты взаимоотношения с потусторонним миром, наибольший интерес должны представлять примыкающие к поселениям могильники.

На первый взгляд, процесс трансформации религиозных взглядов не сильно отразился на данных памятниках. Яркой чертой могильников оставался биритуализм (сочетание в различном количественном соотношении кремации и ингумации). При этом кремация (известная в черняховской культуре в виде ямных и урновых погребений), как и раньше, традиционно применялась в качестве наиболее эффективного способа отправки умершего в потусторонний мир¹². Погребенные же по обряду ингумации продолжали выполнять функцию посредников между людьми и потусторонним миром. Правда, при этом могильные конструкции черняховских ингумационных захоронений стали приобретать некоторое разнообразие. При доминировании простых грунтовых ям различных типов¹³ на некоторых могильниках появились ямы с заплечиками, подбойные могилы и склепы-катакомбы¹⁴. Захоронения знати, так же, как и на севере¹⁵, представляли собой обширные погребальные камеры, отделанные деревом с богатым инвентарем¹⁶. Безусловно, такие погребения выполняли не только посреднические, но и сакрально-защитные функции¹⁷. То, что на территории черняховской культуры, (как и в вельбар-

⁷ Гей О.А. Черняховская культура // Славяне и их соседи в конце I тыс. до н.э. — первой пол. I тыс. н.э. М., 1993. С. 162.

⁸ Магомедов Б.В. Черняховская культура. Проблема этноса. Lublin, 2001. С. 103.

⁹ Щукин М.Б. Ук. соч. С. 170.

¹⁰ Рыбаков Б.А. Календарь IV в. из земли Полян // СА. 1962. №4. С. 66-74; он же. Язычество древней Руси. М., 1988. С. 129-130, 164-194; Никитина Г.Ф. Земледелие в черняховской культуре // РА. 2006. №4. С. 46.

¹¹ Левада М.Е. Готские древности... С. 202.

¹² Инвентарь таких погребений, как правило, скуден. Иногда встречаются вещи, связанные с костюмом или же с приношениями, вторично обожженная керамика (См.: Гудкова А.В. Ук. соч. С. 353-356; Никитина Г.Ф. Систематика погребального обряда черняховской культуры. М., 1985. С. 60-77; Гей О.А. Ук. соч. С. 138-140; Магомедов Б.В. Черняховская культура. Проблема... С. 27-29).

¹³ Никитина Г.Ф. Систематика... С. 44-46.

¹⁴ Черняховские погребения в ямах с подбоями и катакомбы объединяют в себе сарматские и позднескифские признаки, в каждом конкретном случае в разных пропорциях (См.: Гудкова А.В. Ук. соч. С. 350-351).

¹⁵ Близкие параллели черняховских захоронений знати с «княжескими» погребениями Северной Европы проводит Б.В.Магомедов. При этом он отмечает религиозный характер сервизов для вина и ряда других дорогих импортных вещей, являющихся неотъемлемой принадлежностью ритуального пира. Пир устраивались вожжами, и участие в них было почетным правом избранного круга аристократии (См.: Магомедов Б.В. Черняховская культура. Проблема... С. 32).

¹⁶ Каждая такая могила выделялась своей спецификой (конструктивными деталями и количеством инвентаря) (См.: Гей О.А. Ук. соч. С. 136).

¹⁷ Погребенные в них, по-видимому, являлись защитниками поселения, по типу «стража хутора» поздних скандинавских источников (См.: Картамышева Е.П. Почитание предков в древнескандинавской дохристианской культуре: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2006. С. 24).

ской), продолжал действовать запрет на помещение оружия в могилы¹⁸, может свидетельствовать о доминировании здесь представлений, связанных с культом женского божества плодородия¹⁹.

При этом, принимая во внимание значительную долю преемственности с северными верованиями и обрядами, можно предположить, что и представления о магической защите, неразрывно связанные с этими культурами, также не были чужды населению черняховской культуры. Смысл такой магической защиты, как известно, неотделим от понятия «контактная зона». Именно в месте погребения мир живых и мертвых оказывается взаимопроницаемым, ведь если через эту «дверь» умерший покинул этот мир, то через нее он мог и вернуться²⁰. При ингумационном же обряде погребения, в понятии людей, умерший вообще не покидал этот мир, а какое-то время оставался «жить» в своей могиле, обеспечивая посреднические функции с потусторонним миром и матерью-землей. По-видимому, в этом и заключался сакрально-охранный смысл труположений первых веков нашей эры. Именно в «контактных зонах» сверхъестественные хтонические силы, включая погребенных предков, могли оказать людям ощутимую помощь. В связи с этим, места погребений желательнее было размещать в наиболее опасных и уязвимых для нападения местах или же располагать могильники в таких топографических условиях, которые бы соответствовали представлениям о роли последних в сакральной защите поселения. Магическая сила «контактной зоны», по большому счету, и заключалась в наличии такой сакральной границы между миром живых и миром мертвых. Обеспечить такую границу можно было не только захоронением, но и провозом в повозке идола богини матери-земли, вышедшей на время из потустороннего мира²¹ и, возможно, магическими знаками, символизирующими связь с подземным миром.

Идеологическая составляющая действий по возведению в Северной Европе каменных кругов на могильниках и других надмогильных сооружений, безусловно, связана с представлениями о «контактной зоне». Данные каменные конструкции, по-видимому, выполняли функции главных святилищ варварских поселений, где принимались важнейшие решения и обеспечивалась их божественная поддержка. Именно для этого здесь при помощи ритуальных действий часто призывали и «пробуждали» умерших предков, которые открывали как всему коллективу, так и отдельным людям тайны будущего²². Поэтому очень странно, что по мере продвижения северных племен на юго-восток и формирования черняховской общности у них неожиданно резко исчез именно этот, самый яркий, признак варварской культуры. Загадочное отсутствие курганов с концентрическими кругами и другими надмогильными каменными конструкциями в Белоруссии, Украине и Молдавии остается необъяснимым. Версия о том, что южнорусские черноземы не требо-

¹⁸ Захоронения знати дают нам, как и северные «княжеские погребения», как правило, только находки шпор (См.: Тиханова М.А. Локальные варианты черняховской культуры // СА. 1957. №2. С. 191. Рис. 17,4). Оружие в ингумациях появляется при приближении к границам Рима (в области Нижнего Дуная). Большая часть известных в черняховской культуре предметов вооружения (мечей, умбонов, топоров, дротиков), происходит из кремаций, что связывается с пшеворской традицией (См.: Гей О.А. Ук. соч. С. 146; Магомедов Б.В. Черняховская культура. Проблема... С. 30; Шукин М.Б. Ук. соч. С. 131). Причем все мечи, которые невозможно уничтожить огнем и тем самым «отправить» в потусторонний мир вместе с умершим воином, были специально согнуты, и таким образом ритуально «убиты». Это являлось один из способов отправления предметов в место загробного обиталища умершего (См.: Косарев М.Ф. К семантике огневого культа в древних западносибирских захоронениях // Идеологические представления древнейших обществ. М., 1980. С. 74).

¹⁹ Магический обряд, связанный с призыванием из потустороннего мира матери-земли Нерты и ее объездом своих земель (когда на забор запирались все изделия из железа и особо запрещено было прикасаться к оружию (Tacit. Germ. 40)), находит свои параллели в рассказе Гермия Сосомена об организации готским вождем Атанарихом объезда своих земель неким идолом, также положенным в специальную повозку (Soz. VI. 37). Возможно, здесь фигурирует все та же богиня Нерта (См.: Тодд М. Варвары. Древние германцы. Быт, религия, культура. М., 2005. С. 166-167).

²⁰ Картамышева Е.П. Ук. соч. С. 13, 24.

²¹ Провоз такого идола совершался вдоль границ своей земли (по кругу?), очерчивая линией территорию, попадающую под божественную защиту. Безусловно, что целью проведения такого магического ритуала, было достижение благоденствия всей своей земли. Поэтому погребения по обряду ингумации не обязательно было располагать непосредственно на границе поселения. Ведь люди жили на земле, которая вся персонифицировалась у них в сознании с божеством. «...Земля живая и неким образом наделена жизнью, ... она очень стара годами и могуча в своем естестве. Она питала все живое и завладевала всеми умершими. ... Дали (люди) ей имя и возводили к ней свой род» (См.: Младшая Эдда / под ред. М.И. Стеблина-Каменского. СПб., 2005. С. 9).

²² Картамышева Е.П. Ук. соч. С. 24.

вали очищения полей от валунов, поэтому погребальный обряд (во многом сохранявший практические цели) и утратил здесь данный признак, малоубедительна²³. Этому противоречат редкие, но очень осторожные попытки возведения каменных конструкций (кругов) на черняховских могильниках²⁴.

По нашему мнению, причина этого феномена скрыта в словах Иордана, который, опираясь на древние предания, сообщил, что в процессе миграции Филимер «...обнаружил среди своего племени несколько женщин-колдуний, которых он сам на родном языке называл галиуруннами» и, сочтя их подозрительными, он решительно «прогнал их далеко от своего войска», обратив в бегство (Iord. Get. 121). Данное свидетельство обычно интерпретируется без всякой связи с собственной религиозной практикой готов²⁵. Однако заметим, что в основе имени ведьм лежит готское слово «руна» (тайна)²⁶. Не исключено, что именно строжайший запрет на бесконтрольную практику призвания мертвых из загробного мира явился причиной загадочного исчезновения каменных кругов из ареала черняховской культуры. Возможно, этим обстоятельством объясняется и довольно малое количество обнаруженных здесь рунических надписей²⁷. Судя по всему, запреты пробуждать мертвых, поклоняться курганам (могилам) и сидеть на них (с целью узнать свою судьбу), хорошо известные по скандинавским средневековым судебникам²⁸, восходят еще к древним запретам первых веков нашей эры.

Такое особенное внимание варваров к собственным некрополям, разумеется, не случайно. Ведь если действительно могильники являлись главными культовыми местами черняховцев, то все происходящее на них должно было находиться на особом контроле у варваров. Миграция и сложные отношения с местными племенами на новых землях выдвигали на первое место в религиозной жизни переселенцев (после обеспечения божественного покровительства будущему урожаю)²⁹ необходимость сакральной защиты своих поселений. Из-за доминирования в религиозной практике погребального культа и

²³ Щукин М.Б. Ук. соч. С. 108.

²⁴ Гудкова А.В. Ук. соч. С. 353; Левада М.Е. Миф о городищах черняховской культуры // Готы и Рим. Киев, 2006. С. 60.

²⁵ Х. Вольфрам убежден, что упомянутые Иорданом ведьмы во время своего колдовства обращались к царству мертвых. Однако он считает, что это не имеет отношения собственно к готам. С данными шаманскими культами готы столкнулись только тогда, когда проникли в Северное Причерноморье (См.: Вольфрам Х. Готы. СПб., 2003. С. 158).

²⁶ Иордан. О происхождении и деяниях гетов / пер. и ком. Е.Ч. Скржинской. М., 1960. С. 270. Ком. 380.

²⁷ Интересно, что «птичья лапка», этот, пожалуй, один из самых хорошо известных знаков Северной Европы, связанный с потусторонним миром, в черняховской культуре довольно редок. Можно отметить его употребление в рунической надписи на пряслице из Леткани в Румынии, возможно на трехручной вазе (См.: Магомедов Б.В. Черняховская культура. Проблема... С. 238. Рис. 36, 3. С. 285. Рис. 84, 6) и на чашах с лощеным орнаментом из Лепесовки (См.: Воротинский А.В. О черняховских чашах из Лепесовки // STRATUM plus. СПб.; Кишинёв; Одесса, Бухарест, 2000. №4. С. 273-275). Зато этот же знак получил довольно широкое распространение на сарматских зеркалах-подвесках первых веков нашей эры (См.: Труфанов А.А. Зеркала-подвески первых веков н.э. из могильников Крымской Скифии // Древняя Таврика. Симферополь, 2007. С. 173-186; Фирсов К.Б. Бронзовые зеркала из некрополя первых веков н.э. у с. Заветное в Юго-Западном Крыму // Боспорские чтения: Актуальные проблемы. Керчь, 2009. Вып. X. С. 465-475). Обычно он связывается с культом солнца и плодородием (См.: Стржелецкий С.Ф., Высотская Т.Н., Рыжкова Л.А., Жесткова Г.И. Ук. соч. С. 173; Богданова Н.А. Могильник первых веков нашей эры у с. Заветное // Труды ГИМ: Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1989. Вып. 70. С. 54). Кресты с «вилкообразными» окончаниями, напоминающие «птичьи лапки», встречаются также на стенах склепа в Илурате и Царского кургана в Керчи, а крест с окончаниями в виде треугольников есть на стене боспорского склепа (См.: Юрочкин В.Ю. Древнейшие изображения Креста Господня // Православные древности Таврики: Сборник материалов по церковной археологии. Киев, 2002. С. 33-34). Надо сказать, что данный языческий знак широко использовался в христианстве, где встречается на надгробиях (См.: Тесленко И.Б., Семина С.В., Лысенко А.В. Раскопки храма XIV-XVI вв. на северо-восточном склоне г. Аю-Даг // Православные древности Таврики: Сборник материалов по церковной археологии. Киев, 2002. С. 170-171. Рис. 2), на стенах храмов (См.: Соболева Н.А. Ук. соч. С. 39. Рис. 9) и на стенах скальных монастырей (См.: Оксиненко П.В., Белый А.В. Комплекс петроглифов с христианской символикой в гроте близ Баклы // МАИЭТ. 2005. Вып. XI. С. 355-376).

²⁸ Картамышева Е.П. Ук. соч. С. 23-24.

²⁹ Черняховское население впервые в Восточной Европе стало использовать более плодородные земли в связи с совершенствованием агротехники в обработке пахотной земли (использования железного наконечника на рабочую часть рала – наральник и чресла – ножей, взрезающих дерн). Именно экономическая революция, увеличившая кормовую базу, привела к демографическому взрыву, процветанию и стабилизации (Никитина Г.Ф. Земледелие... С. 41-49). Это, в свою очередь, являлось причиной дальнейшей трансформации верований, связанных с культом плодородия.

магии эту проблему можно было решить только ритуальными обрядами на некрополе. Однако эффективность такой защиты могла сильно пострадать от сложившейся на севере бесконтрольной практики обращения к предкам, которая активно совершалась в местах погребений. Неблагоприятные действия живых на могилах могли привести к непредсказуемым последствиям³⁰. Вместо присоединения к благодетельным предкам, умерший мог легко превратиться в злобного мертвеца и принести больше вреда, чем пользы³¹. Поэтому введение запрета на наиболее опасные магические обряды и определенной регламентации на ритуалы в местах погребений было делом неизбежным. Это диктовалось изменившимися условиями жизни и началом миграций. Видимо, не случайно черняховские могильники располагались всегда рядом с поселениями³², но несколько выше их³³. Скорее всего, это связано с представлениями о предках-покровителях, которые, по убеждениям черняховцев, должны были наблюдать за сородичами и поэтому доминировать над расположенными ниже поселениями, обеспечивая их защиту. Может быть, именно благодаря введению регламентации на религиозные культы и организации высокоэффективной сакральной защиты, черняховские поселения не имели оборонительных сооружений. Слишком принципиальным выглядит отсутствие любого вида укреплений у черняховцев³⁴, чтобы такую яркую черту данной культуры можно было отнести только к традициям. То, что в это время в континентальной Германии укрепленные поселения, действительно, были достаточно редки, вполне может объясняться схожими идеологическими представлениями³⁵. Создается впечатление, что поселения данного времени, в сознании людей, находились под защитой предков-покровителей и главного верховного божества. Все это в полной мере обеспечивалось магией и проведением специальных ритуальных обрядов на близлежащих могильниках.

Не противоречит такому предположению и символизм главного сакрального предмета черняховцев — трехручной вазы. Так, на вазах из Лепесовки загадочные рисунки-пиктограммы календарного типа³⁶ были нанесены непосредственно на верхнюю, плоскую окружность венчика-воротника, то есть во время ритуалов на них надо было смотреть (или смотрело с неба божество), опять же, исключительно сверху. В принципе, символизм любой трехручной вазы (треугольник, образованный тремя ручками, на который накладывается круг, представленный венчиком, внутри которого располагается содержимое сосуда) наблюдается только при взгляде сверху³⁷. Скорее всего, именно поэто-

³⁰ Картамышева Е.П. Ук. соч. С. 17.

³¹ Петрухин В.Я. Ук. соч. С. 192.

³² Для черняховских поселений обычно характерны пологие склоны первых речных террас. В большинстве случаев поселения тянутся длиной полосой от 500 м до 1-2 км (См.: Баран В.Д., Магомедов Б.В. Черняховская культура // Археология Украинской ССР: в 3 т. Т. 3: Раннеславянский и древнерусский периоды. Киев, 1986. С. 72).

³³ Расположенные всегда рядом с поселениями (не более чем в нескольких сотнях метров) могильники всегда находились выше их по склону, на плато или противоположном по отношению к берегу ручья, участке. (См.: Они же. С. 77; Гудкова А.В. Ук. соч. С. 348). Такое возвышенное местоположение могильников, возможно, объясняет причину отсутствия у черняховцев курганов.

³⁴ Отождествление с черняховской культурой некоторых городищ, расположенных в ее ареале, достаточно проблематично (См.: Левада М.Е. Миф... С. 60-72).

³⁵ Только начиная с эпохи Великого переселения народов, городищ становится больше. В основном они концентрируются в центре и на юге Швеции и на островах Готланд и Эланд (См.: Тодд М. Ук. соч. С. 64-67, 77-78; Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб., 2005. С. 142-143).

³⁶ Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М., 1988. С. 164-194; Шукин М.Б. Ук. соч. С. 168-169.

³⁷ В.Ю. Юрочкин принципиально выделил из всего треугольного декора мотив треугольников из тройных диагональных линий, пространство которых заполнено точеными круглыми наколами. По мнению ученого, мотив связан с германцами (См.: Юрочкин В.Ю. Об одном редком орнаментальном мотиве из Таврики // 175 лет Керченскому музею древностей. Керчь, 2001. С. 108-111). К этому остается только добавить, что треугольник у многих народов мира (в том числе и у европейских (кельтов, греков, поздних алан) был знаком женского пола и символом Великой богини плодородия (См.: Амброз А.К. Раннеземледельческий культовый символ («ромб с крючками») // Советская археология. 1965. №3. С. 18; Голан А. Миф и символ. М.; Иерусалим, 1993. С. 83, 85). В этом случае, концентрические круги внутри треугольников могут являться символом круговращения в природе (единства рождения и смерти), неразрывно связанной с матерью-землей (См.: Ярцев С., Горобецкая Е., Карпишина Е. О сакральном значении орнамента из треугольников с заполнением из концентрических кругов на черняховской трехручной вазе // Каразінські читання-65. Харків, 2012. С. 86-87).

му венчик трехручной вазы, на котором непосредственно размещался календарный цикл круговорота природы, и был обязательно «Г» или «Т»-образной формы³⁸.

Если это так, то к основным культовым местам черняховской культуры, в первую очередь, следует отнести специально выделенные и оборудованные на могильниках участки для отправления обрядов. Как правило, они представляли собой или центральные пустые площадки, не занятые могилами (иногда с культовой ямой), или же центральные погребения³⁹, вокруг которых находились свободные участки пространства⁴⁰. К сожалению, нередко такое главное обрядовое место или «центральное» богатое «княжеское» погребение очень трудно определить, так как оно могло располагаться в стороне от рядовых общинных погребений. Заметим, что большая часть черняховских некрополей не дает простой картины разрастания от центра к периферии⁴¹. Могильник нередко делится на отдельные участки⁴², принадлежащие родственным группам, что осложняет поиск культового «центра».

При этом важным культовым сооружением черняховцев, по-видимому, являлись обрядовые ямы на могильниках, содержащие остатки костра, пережженные фрагменты керамики, бусин, кальцинированных костей. Иногда они затрагивали захоронения, а иногда размещались рядом с ними. Возможно, часть из них имела отношение к разрушенным погребениям-кремациям. В Курниках три ямы располагались на участке в стороне от ингумаций. Одна из таких ям была облицована деревом. Заполнение ям содержало угольки, пережженные обломки керамики, стекло, бусины. Подобные ямы, диаметром от 0,7 до 2 м и глубиной от 0,5 до 1,7 м, заполненные золой (напоминающие обряд сброса золы из домашних очагов у некоторых древних народов), хорошо известны на могильниках вельбарской культуры и Южной Скандинавии. Обычно они интерпретируются в качестве следов тризны или жертвоприношений в честь умершего⁴³.

Стоит заметить, что иногда выявляются на черняховских некрополях и собственно святилища. Например, на могильнике Дедовщина хорошо известен жертвенник, представляющий собой круглую площадку из пережженной докрасна глины диаметром 1,15 м. По краям сохранились уголь, керамика, кальцинированные кости⁴⁴.

Все эти факты говорят о том, что функции главных культовых центров у черняховцев выполняли могильники. Это происходило по причине того, что магия и погребальный культ заняли центральное место в религиозной жизни населения черняховской культуры. Именно на некрополе, советуясь с предками и обращаясь к богам, жители обеспечивали сакральную защиту своего поселения, добивались божественного покровительства будущему хорошему урожаю и победам в битвах. Обрядовые действия и жертвоприношения производились здесь публично всей общиной под открытым небом по строго регламентированному обряду. Что же касается непосредственно поселений, то, по-видимому, сакральная практика здесь не выходила за рамки домашних культов. Варвары отправляли религиозные обряды в жилых домах в честь покровителей своего рода и семьи. По мнению Б.В. Магомедова, расположенные в центре больших домов дополнительные очаги прямоугольной формы (напоминающие алтари у поздних скифов) могли

³⁸ Во всяком случае, сохранившийся на Балканах древний новогодний обычай, когда три женщины со словами заклинания поднимают квашню к небу, славя хлеб и будущий урожай, этому не противоречит. По мнению Б.А. Рыбакова, именно с подобными представлениями следует связывать трехручность сосудов (См.: Рыбаков Б.А. Ук. соч. С. 168).

³⁹ Большинство черняховских «княжеских» погребений было ограблено еще в древности (См.: Гей О.А. Ук. соч. С. 136).

⁴⁰ Гудкова А.В. Ук. соч. С. 348.

⁴¹ Гей О.А., Бажан И.А. Ук. соч. С. 41.

⁴² Планировка нередко была основана на распределении могил рядами, в разных направлениях для северных и западных погребений. В ряды выстраивались и погребения независимо от способов захоронения кремации или ингумации. В пределах рядов прослеживаются семейные участки (См.: Никитина Г.Ф. Черняховская культура Поднестровья (по результатам анализа археологических источников). М., 2008. С. 105, 115, 144, 155). Территориальные обособления кремаций и ингумаций (в том числе как с северной, так и с западной ориентировкой), встречаются, но не являются обязательной чертой (См.: Гудкова А.В. Ук. соч. С. 348).

⁴³ Магомедов Б.В. Черняховская культура. Проблема... С. 29. Ю.В.Кухаренко связывает данные ямы с существовавшим еще до недавнего времени у скандинавов обычае сооружения жертвенного костра около могилы и зарыванием его остатков в яму (См.: Кухаренко Ю.В. Могильник Брест-Тришин. М., 1980. С. 29).

⁴⁴ Козловська В.І. Новіші археологічні дослідження на терені Білоцерківщини // Хроніка археології та мистецтва. Київ, 1930. Ч.2. С. 39-48.

быть связаны не столько с отоплением и приготовлением пищи, сколько с отправлением домашних культов⁴⁵. Возможно, имели отношение к религии и так называемые «большие дома», которые, судя по наличию жилой и хозяйственной частей здания, явно предназначались для проживания большой патриархальной семьи. Однако нельзя исключить, что эти помещения могли использоваться и для общих собраний, в том числе и по религиозному поводу⁴⁶.

TO THE PROBLEM OF WORSHIP SITES AND SANCTUARIES OF CHERNYAKHOV CULTURE

S.V. YARTSEV

*Tula State Leo Tolstoy Pedagogical
University*

e-mail: s-yartsev@yandex.ru

The article deals with the complicated problems of the religious life of Chernyakhov Culture. In the process of northern tribes migration the original religious beliefs and rituals underwent serious changes. To the most important changes we refer the introduction of the regulation of the rituals in the places of burials. It was probably connected with the fact that burials in this culture served as cult places. The position of burials was all the time higher than the position of the houses. This fact and the absence of the defense constructions in the settlements can be explained by these circumstances.

Key words: barbarians, religion, burial ground, cremation, inhumation.

⁴⁵ Магомедов Б.В. Черняховская культура Северо-Западного Причерноморья, Киев, 1987. С. 23.

⁴⁶ Гей О.А. Ук. соч. С. 132.

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ БАЛЬЗАМАРИЕВ КАК ЭЛЕМЕНТА ПОГРЕБАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ АНТИЧНОГО ХЕРСОНЕСА – ВИЗАНТИЙСКОГО ХЕРСОНА

Н.О. СУПРУН

*Харьковский национальный
университет имени
В.Н. Каразина, Украина*

e-mail: une.natale@gmail.com

На протяжении античного и средневекового периодов в Херсонесе претерпевали изменения все составляющие погребального обряда: выбор способа захоронения, составляющие элементы этих способов, выбор погребального сооружения, а также церемонии захоронения. Бальзамарии – неотъемлемая составляющая церемонии захоронения херсонеситов. Данная статья является первой попыткой составить целостную картину назначения и роли бальзамариев в контексте погребальной традиции античного Херсонеса – византийского Херсона.

Ключевые слова: Херсонес, погребальный обряд, церемония захоронения, бальзамарии.

Крымский Херсонес сохранил свою доступность для археологических изысканий, что является редкостью. В этом отношении город уникален, поскольку на его территории ведутся планомерные археологические исследования на протяжении более чем ста лет, и на сегодня накоплено около 200 000 находок, нуждающихся в обработке и анализе¹. Наименее исследованной является история религиозной жизни и повседневности, в частности, такая важная ее составляющая, как погребальный обряд херсонеситов, и самое главное – его эволюция от эпохи античности до конца Высокого Средневековья.

Погребальный обряд представляет собой отражение складывавшейся веками целостной системы взглядов, связанной как с религиозными взглядами, так и с социально-политической жизнью общества. Среди предметов, нередко присутствующих в погребениях, отдельного внимания заслуживают стеклянные сосуды, используемые в Херсонесе на протяжении I-VII вв. Они известны также по Римским катакомбам и Боспорскому некрополю². Бальзамарии – неотъемлемая составляющая церемонии захоронения херсонеситов, причем как на протяжении античного, так и византийского периодов.

Имеется достаточно нарративных источников для составления картины церемонии захоронения в античном мире³. Что касается Херсонеса, то о ней мы можем судить исходя лишь из археологических данных и свидетельств Константина Багрянородного⁴, проводя аналогии с классической античной традицией. К сожалению, такая же неясность касается и византийского погребального обряда⁵.

Основная группа источников по рассматриваемой теме – археологические материалы, полученные при исследованиях погребальных сооружений. За более чем 150-летнюю историю изучения территории херсонесского кладбища был получен огромный фактический материал. Однако погоня, в первую очередь за эффектными находками, от чего и зависело финансирование раскопок⁶, несовершенная методика работ и фиксации материала в период с середины XIX в. и вплоть до 1914 г. привели к снижению информативности данных материалов некрополя. К примеру, на протяжении 1889-1907 гг. под руководством К.К. Косцюшко-Валюжинича было открыто около 2,5 тыс. погребальных со-

¹ Сорочан С.Б. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. Ч. 1-2. Харьков, 2005. С. 1031; Фомин М.В. Погребальная традиция и обряд в византийском Херсонесе (IV-X вв.). Харьков, 2011. С. 5-9.

² Фомин М.В. О елее в раннехристианской погребальной традиции // Проблемы истории и археологии Украины: Материалы VII Международной научной конференции. Харьков, 2010. С. 92-93.

³ Апулей Аполония. Метаморфозы. Флориды / пер. М.А. Кузмина и С.П. Макиша. М., 1956; Аристофан Избранные комедии / пер. А.И. Пиотровского. М., 1974; Гомер. Илиада / пер. Н.И. Гнедича. М., 1978; Гомер. Одиссея / пер. В.А. Жуковского. М., 1981.

⁴ Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989. С. 271-273.

⁵ Супрун Н.О. О трансформации церемонии погребения херсонеситов на протяжении античного – византийского периодов // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії. Х., 2011. Вип. 14. С. 62-69.

⁶ Гриневич К.Э. Сто лет Херсонесских раскопок (1827-1927 гг.). Севастополь, 1927. С. 27.

оружений античной и раннесредневековой эпох⁷. Несмотря на то, что со временем заведующий раскопками делал археологические отчеты все более подробными и обстоятельными, в них, как правило, отсутствуют надлежащие планы и чертежи могил и склепов⁸. При описании погребальных комплексов не отмечено расположение костяков и не приведено детального описания погребального инвентаря⁹. Этот пробел лишь отчасти удалось закрыть последующими раскопками некрополя, которые продолжаются до настоящего времени.

Данная статья – первая попытка составить целостную картину назначения и роли бальзамариев в контексте погребальной традиции херсонеситов.

В связи с трансформацией мировоззрения в течение греко-римского периода происходят изменения таких элементов погребального обряда Херсонеса, как выбор способа захоронения (труположение или трупосожжение) и выбор типа погребального сооружения (греческому периоду характерны лишь разновидности грунтовых могил, остальные же погребальные сооружения появляются на территории некрополя в римский период). Но важным представляется, что церемония захоронения остается прежней, с тем лишь исключением, что добавляются новые элементы (использование светильников, бальзамариев, наглазников и нагубников, масок из золотой фольги)¹⁰. Другое дело, что в кругу одной семьи могло существовать несколько традиций (например, прибегали и к кремации, и к ингумации).

В византийский период прослеживается совершенно иной взгляд на смерть и посмертное существование. Смерть начинает восприниматься как «рождение в вечность», она означала не конец жизни, но изменение существования. Скорее, происшедшее с человеком воспринималось как сон, и даже в слове «упокоить» явственно проглядывается синоним «уложить спать»¹¹. Безусловно, новая религия приносит новые элементы и искореняет старые, противоречащие христианским нормам. Однако важно подчеркнуть, что все новое во многом является своего рода переосмыслением старого. Так, и в античный, и в средневековый период тело усопшего омывали и умащивали маслами и благовониями, после чего обворачивали в ткань; по-прежнему похороны имели общественное значение; в обеих традициях имеются совершенно определенные даты для посещения могил – дни памяти; роль надгробий переходит на поминальные списки, хранившиеся в церквях¹²; монеты теперь оставляют не для перевозчика Харона (в античный период обол заранее вкладывали умершему под язык¹³ или в левую руку¹⁴), а как подаяние нищим или как иная форма «бескровной жертвы»¹⁵. Следовательно, основные компоненты сохраняются, приобретая лишь другой облик, отвечающий требованиям господствующей религии и нового христианского менталитета.

⁷ Зубар В.М. Історія розкопок і топографія античного некрополя Херсонеса // Археологія. 1978. Вип. 25. С. 50-52, мал. 1; Стоянов Р.В. Некрополь Херсонеса класического и еллиністического періодов: історія изучения, проблематика // Stratum plus. 2000. № 3. С. 132-135.

⁸ Домбровский О.И. Архитектурно-археологические исследования Загородного крестообразного храма Херсонеса // МАИЭТ. 1993. Вып. 3. С. 307.

⁹ Зубарь В.М. Некрополь Херсонеса Таврического I-IV вв. н.э. К., 1982. С. 38. Рис. 22.

¹⁰ Даниленко В.Н. Отчет о раскопках подбойной могилы у Шоссе из Севастополя в Херсонесский музей // Архив НЗХТ. Д. № 776. Л. 1-5; Белов Г.Д. Римские приставные склепы № 1013 и 1014 // Хсб. 1927. Вып. 2. С. 105-146; Пятыхшева Н.В. Ювелирные изделия Херсонеса. IV в. до н.э.-IV в. н.э.: Коллекция Государственного исторического музея. М., 1956. Вып. 18. С. 29-30; Зубарь В.М. Некрополь Херсонеса Таврического ... С. 110; Зубарь В.М., Шевченко А.В. Отчет о раскопках Западного некрополя Херсонеса в 1984 г. // Архив НЗХТ. Д. № 2433. Л. 19-23, мог. № 39; Кадеев В.И. Херсонес Таврический. Быт и культура (I-III вв. н.э.). Харьков, 1996. С. 80.

¹¹ Сорочан С.Б. Византия. Парадигмы быта, сознания и культуры. Харьков, 2011. С. 153.

¹² Супрун Н.О. О трансформации церемонии... С. 62-69.

¹³ Грейвс Р. Мифы древней Греции / пер. с англ.; под ред. и с послесл. А.А. Тахо-Годи. М., 1992. С. 87; Репников Н.И. Дневник работ с 7 марта по 8 июля 1908 г. // Хсб. 1927. Вып. 2. С. 157, мог. №№ 2569 и 2573; С. 158, мог. № 2577.

¹⁴ Лепер Р.Х. Дневники раскопок херсонесского некрополя // Хсб. 1927. Вып. 2. С. 198, мог. № 55 (71); С. 199, мог. № 61 (77); С. 205, мог. № 111 (21).

¹⁵ Туровский Е.Я. Отчет об археологических исследованиях участка некрополя Херсонеса у загородного храма в 2006 г. // НА НЗХТ. Д. № 3856. Л. 12-18; Sodini J-P., Kolokotsas K. Alikii II: la basilique double (Etudes Thasiennes, X). Paris, 1984. P. 229.

В римский период, согласно античной погребальной традиции, вокруг усопшего зажигали светильники и ставили бальзамарии с благовониями, что подтверждают археологические данные херсонесского некрополя¹⁶. По нашим подсчетам в погребальных сооружениях (исключая безинвентарные – 45%) в 12% случаев были найдены светильники и в 12% – бальзамарии. Согласно письменным источникам, в греческий период, женщинам предстояло обмыть тело, умастить его благовониями – кассией, ладаном, миррой¹⁷. Поскольку в античном мире соблюдение традиций и обрядов предков было священно и греко-римская погребальная традиция церемонии захоронения являла собой достаточно устойчивую структуру, можно предположить, что в римский период благовония применяли те же, только помещая их теперь в бальзамарии.

В римское время был распространен следующий обычай: в глиняные и свинцовые урны с жженным прахом усопшего опускали кусочки тонкого листового золота и «стеклянные узкогорлые плоскодонные сосудики, называемые «слезницами» – пишет в отчете о раскопках К.К. Косцюшко-Валюжинич¹⁸. Исходя из описания, «слезницами» автор называет бальзамарии. В некоторых урнах не найдено вещей и даже «слезниц», но кусочки листового золота попадались часто. Их немало найдено в насыпи некрополя, куда они попали, видимо, из раздавленных урн. Находимые в значительном количестве в могилах глиняные лампочки внутри урн никогда не встречались¹⁹.

По всей видимости, бальзамарии использовали в качестве погребального инвентаря в захоронениях независимо от способа погребения (ингумация или кремация) и от пола или возраста усопшего. В подавляющем большинстве рассматриваемые сосуды были найдены среди костей, а значит, при захоронении находились непосредственно возле или на теле усопшего.

В Римской империи первых веков нашей эры повсеместно возникают стеклодельные мастерские: в Далмации, Паннонии, Испании, Галлии, Британии, Палестине, Галилее, Египте, Западном Причерноморье²⁰. Тот же процесс происходит и в городах Северного Причерноморья. Так, на основании изучения стеклянных бальзамариев Боспора Н.З. Кунина и Н.П. Сорокина предположили наличие стеклоделия на его территории уже со второй половины I в. н.э.²¹ Далее таковые возникают в Танаисе, Фанагории. Исходя из особенностей форм некоторых сосудов, можно предположить существование стеклоделия в Ольвии конца I-II вв. н.э.²² Пока нет археологических свидетельств, подтверждающих стеклодельное производство в Херсонесе римского времени. Несомненно, основная масса богатейшего ассортимента стеклянных изделий, характерного для Херсонеса первых вв. н.э., ввозилась в город из различных центров римского мира, но какая-то часть посуды могла производиться на месте²³. Так, исходя из низкого качества сосудов, Н.П. Сорокина и И.И. Гущина считают продукцией херсонесской стеклодельной мастерской бальзамарии, аналогичные боспорским типам I группы 2 вариантов Б-Е и типа II группы 2, датирующихся серединой I – серединой III вв. н.э.²⁴

Возникновение стеклодельного производства в Северном Причерноморье, в том числе в Херсонесе, принято связывать с римской оккупацией. Одним из источников доходов римских гарнизонов было ремесленное производство, осуществлявшееся силами солдат. Об этом свидетельствуют остатки бронзолитейных, стеклоделательных, гончарных и иных мастерских, открытых в местах стоянок римских войск. Херсонес не являл собой исключение²⁵.

¹⁶ Косцюшко-Валюжинич К.К. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом за 1892-1893 гг. // Архив НЗХТ. Д. № 3. Л. 20.

¹⁷ Апулей Аполония. Метаморфозы. Флориды / пер. М.А. Кузмина и С.П. Макиша. М., 1956. С. 32.

¹⁸ Косцюшко-Валюжинич К.К. Отчет о раскопках ... Л. 35.

¹⁹ Там же. Л. 35.

²⁰ Сорокина Н.П. Стеклоделие античного мира первых веков нашей эры: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1988. С. 18.

²¹ Кунина Н.З., Сорокина Н.П. Стеклодельные бальзамарии Боспора // Труды ГЭ. 1972. Вып. 13. С. 145-172.

²² Сорокина Н.П. Стеклоделие античного мира ... С. 37.

²³ Голофаст Л.А. К вопросу о стеклоделии в ранневизантийском Херсонесе // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики. Симферополь, 1998. Вып. 6. С. 312-326.

²⁴ Сорокина Н.П., Гущина И.И. Стеклодельные изделия из могильников первых веков н.э. Юго-Западного Крыма // Труды ГИМ. 1980. Вып. 51. С. 91.

²⁵ Голофаст Л.А. К вопросу о стеклоделии ... С. 312-326.

С уходом римских войск из Херсонеса в третьей четверти III в. деятельность херсонесской стеклодельной мастерской не прекратилась²⁶, что подтверждает обилие однородной по качеству стеклянной посуды III-IV вв. в городских комплексах, погребениях некрополя, а также могильниках ближней округи²⁷.

Так, во II в. н.э. Херсонес уже представлял собой один из наиболее крупных торговых центров Северного Причерноморья. Он находился под охраной римских войск и военной эскадры, принадлежавших мезийской армии и флоту. Такое положение обеспечивало безопасность херсонесской торговли на суше и на море. Малая Азия, Мезия, Фракия, Месопотамия, Сирия и Египет поставляли среди прочего духи, различного рода косметические жидкости и благовония²⁸. По всей видимости, таким способом на территорию города и попадали уже упомянутые выше кассия, ладан и мирра.

Кассия предположительно идентифицируется как вид корицы (т. е. высушенной коры) одного из видов коричных деревьев рода *Cinnamomum* из семейства лавровых (*Laugaseae*). Существует два главных сорта корицы: *Cinnamomum cassia* Blume, произрастающий в Южном Китае, на о. Ява, Кохинхине, Суматре (цейлонская корица) – современные ученые идентифицируют этот вид корицы с кассией (*касіа*) (настоящая, цейлонская корица), и другой сорт корицы – «киннамон» у древних (*κιννάμωμον*)²⁹. В Восточной Африке и на территории Южной Аравии, как говорят об этом Геродот, Страбон и Арриан, следов этих растений не найдено, а вот Цейлон, Индия, Индокитай и Ява и сейчас производят такое благовоние³⁰. Возможно, несоответствие в показаниях древних исследователей в сравнении с современными данными можно объяснить тем, что в древности корица в больших количествах вывозилась именно из гаваней Сомалийского берега. А уже сюда этот продукт доставлялся в основном арабами из Южной и Юго-Западной Азии³¹.

Одним из известнейших и важнейших фимиамов, судя по дошедшим до нас историческим источникам, употреблявшимся в античном мире, был ладан. Греки обозначали ладан словами *λίβανος* (означающее «ладан», позже – «ладанное дерево») и *λίβανωτος* («ладан») ³². Настоящий ладан представляет собой ароматную гумми-смолу³³, добываемую из небольших деревьев *Boswellia Carteri* Birdwood, растущих в наше время в южной части Аравийского полуострова. Дерево ладана бывает нескольких видов, незначительно отличающихся друг от друга с ботанической точки зрения, но значительно отличающихся по производимому ими продукту, а именно тому, что называется ладаном. Родиной настоящего ладанного дерева считается Южная Аравия, а именно долина Дуфар в Хадрамауте в южной части Аравийского полуострова³⁴. Ладан вывозили всегда в необработанном виде. Сам ладан состоит из камеди и эфирных масел, и при затвердевании распадается на куски желтого или желто-коричневого цвета, но наиболее чистые разновидности ладана почти бесцветны или имеют слегка зеленоватый оттенок. В свежем виде ладан был полупрозрачен, а во время перевозок, вследствие трения кусков между собой, он становился почти матовым³⁵.

Овидий, описывая дары Панхайской земли, наряду с амомом, корицей, нардом, ладаном, называет также и мирру, которая «дорого им стоила»³⁶. Мирра (*μύρρα*, *ομύρρα*) – это ароматическая гумми-смола с горьким вкусом, являющаяся продуктом различных

²⁶ Зубарь В.М. Херсонес Таврический и Римская империя. Очерки военно-политической истории. К., 1994. С. 133.

²⁷ Кадеев В.И., Сорочан С.Б. Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н.э.-V в. н.э. Харьков, 1989. С. 85.

²⁸ Там же. С. 41-44; Зубарь В.М. Херсонес Таврический и Римская империя ... С. 9.

²⁹ Хвостов М. История восточной торговли греко-римского Египта. Казань, 1907. С. 92; Муравьева Д.А. Тропические и субтропические лекарственные растения. М., 1983. С. 114.

³⁰ Геродот. История. III, 107; Страбон. География. II, V, 35; Арриан. Индия. 32. 6-7; Страбон. XVI. IV. 14, 19.

³¹ Хвостов М. История восточной торговли ... С. 91-92.

³² Таронян Г.А. Примечания к приложению (к отрывкам из книг II-XXXII) // Плиний Старший. Естествознание. Об искусстве. М., 1994. С. 907.

³³ Энциклопедический словарь / издатели Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Т. XXXA-СПб., 1900. С. 565.

³⁴ Москалев С.Э. Ладан // Наука и Религия. Москва, 1995. № 8 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.futura.ru/inc/Ladan.htm>. Доступ: 29.01.13.

³⁵ Лукас А. Материалы и ремесленные производства Древнего Египта. М., 1958. С. 165.

³⁶ Овидий. Метаморфозы. X. С. 308-309.

видов деревьев *Balsamodendron myrrha* или *Commiphora myrrha* семейства бурсеровых (*Burseraceae*), которые произрастают в Южной Аравии и в северо-восточной части Африки на берегах Красного моря и Индийского океана (Эфиопия, Сомали)³⁷. Вытекшая из мирровых деревьев гумми-смола застывает, как и ладан, в ломкие комки желтоватого, красноватого или бурого цвета, обладающие сильным специфическим запахом и горьким вкусом; она состоит из эфирного масла (миррол), камеди и смолы (миррин).

Спрос на эти виды благовоний, содержащие ароматические масла, в античном мире был очень высок. Они употреблялись в парфюмерии, в медицине, для придания аромата вину, для воскурений при богослужениях (возможно, из корицы готовили благовонные свечи), а также для погребения усопшего (в римское время кассию, ладан и мирру помещали в бальзамарии).

В херсонесских христианских погребальных сооружениях инвентарь присутствует вплоть до VI-VII вв.³⁸. О содержимом и назначении бальзамариев в погребениях византийского периода судить сложно. Исследователь христианских кладбищ Рима Н.В. Покровский указал, что фиалы с красным веществом могли быть сосудами с кровью мучеников, с освященным вином или ароматическим бальзамом³⁹. Вероятнее всего, в таких сосудах помещали освященное масло, елей, который использовали при требе соборования умирающего. Традиция освящения масла и использования его в лечебных целях известна с первых веков нашей эры. Согласно церковной традиции, оно совершается над смертельно больным. Очевидно, такие стеклянные сосуды могли содержать освященный елей, использовавшийся при маслособорованиях и, в свою очередь, являлись предметом христианского культа⁴⁰.

И.П. Засецкая, анализируя коллекцию боспорского стекла из собрания Эрмитажа, применяет к рассматриваемым нами сосудам наименование «колбообразные»⁴¹. Она указывает на их распространенность до VII в. включительно. Тот же процесс наблюдается и в отношении кладбищ Херсонеса – Херсона. Возможно, прекращение использования стеклянных бальзамариев связано с арабскими завоеваниями, в результате которых Римская империя лишилась Месопотамии, Сирии и Египта – традиционных пунктов поставки ароматических масел, использовавшихся не только в парфюмерии, но и для елееосвящения. Так, если до VII в. в погребение помещался целый, пусть и не большой сосуд, наполненный елеем, то теперь могли ограничиваться несколькими каплями, возливаемыми непосредственно на покойного.

Из вышесказанного следует, что стеклянные бальзамарии являли собой часть погребального инвентаря и потому входили в погребальную традицию начиная с первых веков нашей эры – размещения на территории Херсонеса и в его окрестностях римских гарнизонов – и до VII века включительно, что, очевидно, следует связывать с арабскими завоеваниями.

Согласно античной погребальной традиции в греческий период, тело усопшего умащивали маслами и благовониями, в римский – около погребяемого ставили бальзамарии с этими благовониями, что унаследовалось и византийской традицией. Однако, уже в середине VII в. помещение сосудов с освященным маслом в погребальные сооружения было заменено помазыванием тела усопшего. В связи с этим из погребений исчезают бальзамарии. Традиция помазывания умершего елеем сохранилась и сегодня. Так, происходит возвращение к некоторым элементам греческого античного погребального обряда.

³⁷ Лукас А. Материалы и ремесленные производства... С. 168.

³⁸ Ferrua A. The Unknown Catacomb: Unique Discovery of Early Christian Art. Scotland, 1991. P. 158; Айбабин А.И. Могильники VIII – начала X вв. в Крыму // МАИЭТ. 1993. Вып. 3. С. 127-130.

³⁹ Покровский Н.В. Очерки памятников христианского искусства. СПб., 2000. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://krotov.info/lib_sec/16_p/pok/rovsky.htm. Доступ: 03.02.2013.

⁴⁰ Супрун Н.О. Об использовании бальзамариев как одной из составляющих погребальной традиции Херсонеса // Каразинские чтения (ист. науки): Тезисы докладов 63-й международной научной конференции молодых ученых. Х., 2010. С. 323-324; Фомин М.В. О елее ... С. 92-93.

⁴¹ Засецкая И.П. Стеклянная посуда некрополя Боспора второй половины IV – рубежа VI-VII вв. н.э. (из собрания Государственного Эрмитажа) // Боспорские исследования. Вып. 20. Симферополь-Керчь, 2008. С. 49-60.

По всей видимости, в период античности в стеклянные сосуды помещали благовония, такие как кассия, ладан и мирра, а в византийский период они куда чаще служили вместилищем освященного масла елея – как предмет христианского культа.

Каждый период истории Херсонеса имеет свою мировоззренческую основу, в процессе смены внешнеполитических факторов влияния также происходит постепенная эволюция восприятия жизни и смерти. Две религии – язычество и христианство – несли в себе разные догмы и представления об окружающем мире. Но показательным, на наш взгляд, следует считать то, что, несмотря на эволюцию восприятия жизни и смерти от трагической безысходности до надежды на воскресение души, собственно погребальный обряд, в сущности, не менялся. Безусловно, в византийский период прослеживаются особенности, характерные исключительно для христианского погребального обряда, однако основные компоненты сохраняются, приобретая лишь другое содержание, отвечающее требованиям господствующей религии и нового христианского менталитета. Так, церемония захоронения, как и ее составляющая – бальзамарии с благовониями, иллюстрируют преемственность традиции, являя своего рода переосмысление старых, хорошо известных традиций.

Список сокращений

ВДИ – Вестник древней истории

ГИМ – Государственный Исторический музей

ГЭ – Государственный Эрмитаж

ИАК – Известия Археологической комиссии

МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии

НЗХТ – Национальный заповедник «Херсонеса Таврического»

Хсб. – Херсонесский сборник

USING OF THE BALSAMARIUMS AS AN ELEMENT OF THE FUNERAL TRADITIONS IN THE ANTIQUE – BYZANTINE CHERSONESE

N.O. SUPRUN

*V.N. Karazin Kharkiv National
University, Ukraine*

e-mail: une.natale@gmail.com

All the components of the funeral ceremony in the Chersonese were changing during the antique and medieval periods. These include the choice of the way of burial, constituent elements of these ways, the choice of the funeral installation, as well as the funeral ceremonies. The Balsamariums were the integral part of the Chersonese citizen's funeral ceremony. Given article is the first attempt to make a comprehensive picture of the purpose and role of the Balsamariums in the context of the funeral tradition in the antique – Byzantine Chersonese.

Key words: the Chersonese, funeral ceremony, burial ceremony, the Balsamariums.

МЕХАНИЗМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ФИСКАЛЬНЫМ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯМ В ПОЗДНЕЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ (ПО ДАННЫМ «КОДЕКСА ФЕОДОСИЯ»)

С.А. САХАРОВ

*Смоленский государственный
университет*

e-mail:
sacharov.stanislav@yandex.ru

Работа посвящена проблеме фискальных злоупотреблений в Поздней Римской империи. Они проявлялись в незаконных сборах, превышении должностных полномочий фискальными чиновниками, хищении собранных средств, нарушениях при взыскании штрафов и др. Данные «Кодекса Феодосия» позволяют выделить некоторые способы противодействия названным преступлениям, установленные законом. К ним относятся административно-бюрократические средства контроля (например, отчеты), формирование системы административного надзора, пронизывающего все звенья системы провинциального управления Поздней Римской империи, применение разнообразных форм ответственности (возмещение причиненного государству ущерба, штрафы, телесные наказания, пытки, смертная казнь и др.), закрепление принципа «презумпции виновности».

Ключевые слова: Поздняя Римская империя, «Кодекс Феодосия», фискальная система, фискальные злоупотребления, способы противодействия фискальным злоупотреблениям.

Изучая историю государственности любого общества, следует обращать внимание на проблемы соблюдения законности в деятельности его властных структур. Административный произвол, коррупция способствуют вызреванию острых социально-политических противоречий, представляющих угрозу самому существованию государства, оказываются тормозом на пути поступательного развития общества.

В Поздней Римской империи коррупция и злоупотребления властью достигли колоссальных размеров и были, как отмечает А. Альфельди, характерной чертой времени¹. Административный произвол, судя по данным источников, поразил важнейшие сферы функционирования государственной системы – административную, фискальную и судебную². Злоупотребления властью в сфере административных отношений приводили к тому, что на ответственные должности назначались не люди, заслужившие повышения своим трудом на благо империи, а лица, имеющие «связи» с высокопоставленными провинциальными начальниками. В результате интересы государства оттеснялись на второй план. Такие сотрудники, получив государственную власть, действовали преимущественно в своих собственных интересах, стремясь увеличить влияние и богатства³. Коррупция в провинциальных судах, выражавшаяся, как правило, в подкупе судьи, приводила к сокрытию преступлений, вынесению незаконных приговоров, что подрывало авторитет власти в целом⁴ и «отравляло» весь политический организм империи⁵.

¹ Alföldi A. A conflict of ideas in the Late Roman Empire. The Clash between the Senate and Valentinian I. Oxford, 1952. P. 28.

² О коррупции в Поздней Римской империи, ее проявлениях и последствиях для государства и общества писал в свое время Рамсей МакМаллен. См. MacMullen R. Corruption and the decline of Rome. New Haven, London, 1988. Автор предложил свой собственный взгляд на причины упадка империи и ее разрушения. Военные неудачи и внутривластные проблемы, по мнению историка, обусловлены утратой верховной властью контроля над администрацией империи. Стремление императоров к возрождению мощи армии и усилению дисциплины наткнулись на произвол чиновников и военачальников, действовавших в своих собственных корыстных интересах. Р. МакМаллен объясняет причины падения обороноспособности общей политической слабостью государства, спровоцировавшей экономическое ослабление и возникновение социальных проблем. В подобных условиях власть, будучи неспособна собирать налоги, контролировать поставки утрачивала возможность поддерживать всю военную инфраструктуру. Неспособность администрации осуществлять эффективное управление вызывало бессилие армии. С учетом того, что коррупция пронизывала все позднеримское правительство, начиная с императорского дворца, понятно, что причины разрушения империи лежали гораздо глубже, и не объяснялись только неудачами на поле боя.

³ MacMullen R. Corruption and the decline of Rome. New Haven; London, 1988. P.148.

⁴ Ibid. P.150.

Не меньшим злом для Поздней Римской империи была коррупция в сфере финансов и налогообложения. Налоги, штрафы, сборы становились объектом многочисленных злоупотреблений. В «посткризисной» Римской империи, как отмечает Р. МакМаллен, незаконные поборы легко «легализовывались» ссылкой на «прежние времена», когда они якобы существовали и соответствовали «традиции»⁶. Доходило даже до того, что мелкие землевладельцы платили солдатам, чтобы те защитили их от городских налоговых сборщиков⁷. Злоупотребления последних, видимо, были столь многочисленны и пагубны для провинциалов⁸, что государство было вынуждено возлагать контроль над ними одновременно и на провинциальные администрации (CTh.1.15.6), и на викариев (CTh.1.15.6), и на префектов претория (CTh.1.5.13). Весьма показательно, что для поддержания порядка в фискальной сфере государство привлекает специальных императорских агентов *palatini* (CTh.1.10.1-2,6-8)⁹.

Общую ситуацию в позднеимперской фискальной системе красноречиво характеризует Аммиан Марцеллин, по словам которого налоговые чиновники «...не считали себя обеспеченными, пока не разорили всех плательщиков, так что несчастные люди или подвергались изгнанию, или решались на самоубийство» (Амм. Марс., XIX,11,3).

Подобную оценку позднеимперского историка подтверждают данные «Кодекса Феодосия». Так, распоряжение Аркадия и Гонория от 11 октября 399 г. ясно указывает на наличие фактов «утаивания» провинциальными руководителями и викариями «собранных платежей» (CTh.1.5.12). Имело место и «неточное» взыскание «штрафов за правонарушения» провинциальными чиновниками (CTh.1.5.11). Императоры Валентиниан, Феодосий и Аркадий, признавая факт коррумпированности налоговых чиновников¹⁰, в своем распоряжении от 2 марта 389 г. обращают внимание на «жадность» провинциальных начальников, которая, по словам правителей, имела тенденцию «вырождаться в рабское воровство» (CTh.1.5.9).

Однако еще дальше в своем желании обогатиться заходили викарии. Из постановления Констанция и Константа от 7 июня 358 г. следует, что некоторые из них практиковали «налоговые» сборы в соседних диоцезах¹¹ (CTh.1.5.6). Таким образом, жители римских провинций подвергались «двойному налогообложению», один раз выплачивая налоги в счет «своего викария», а затем и в пользу «соседнего»¹².

Материалы императорского законодательства позволяют уличить в фискальных злоупотреблениях даже префектов претория. Констанций и Констант по этому поводу отмечают, что «очень многие лица распределяют налоги согласно их собственному суждению, что наносит ущерб всем и выгодно лишь для возвышения должности префекта» (CTh.1.5.5). Р. МакМаллен, ссылаясь на Аммиана, упоминает Петрония Проба, занимавшего пост префекта претория между 360 и 370 гг., который «пользовался огромной властью до конца своих дней, постоянно получая подарки и используя свое служебное положение»¹³.

Итак, в фискальной сфере, как и в системе административных отношений, имели место злоупотребления, связанные с незаконным сбором налогов и штрафов, превышением должностных полномочий, сокрытием государственных средств и имущества, которые наносили ущерб государству. Не случайно императорское законодательство обращает пристальное внимание на вопросы противодействия коррупции в области финансов и налогообложения.

⁵ Alföldi A. Op.cit. P. 28.

⁶ MacMullen R. Op.cit. P. 151.

⁷ Lenski N. Failure of Empire. Valens and the Roman State in the Fourth Century A.D. Berkeley, 2002. P. 273.

⁸ MacMullen R. Op.cit. P. 150; Lendon J.E. Empire of Honour. The Art of Government in the Roman World. Oxford, 1997. P. 181.

⁹ Dodd E.C. Byzantine Silver Stamps. With an Excursus on the Comes Sacrarum Largitionum by J. P. C. Kent. Washington, 1961. P. 40.

¹⁰ Подобные оценки, как замечает Р. МакМаллен, можно было услышать и из уст других императоров. См. MacMullen R. Op.cit. P.149.

¹¹ Т.е. за пределами подвластной им территории.

¹² Видимо, подобная практика была довольно распространена, если потребовалось столь категоричное распоряжение императоров, которые прямо и однозначно заявляют: «Мы не разрешаем ни одному викарию осуществлять сбор налогов в соседнем диоцезе» (CTh.1.5.6.).

¹³ MacMullen R. Op.cit. P. 108.

Так, императоры законодательно закрепляют право «требовать» причитающиеся казне средства с помощью «вооруженных солдат» (CTh.1.14.1). Распоряжением от 18 апреля 329 г. Константин ставит в прямую зависимость не только «все почести», но даже жизнь провинциального руководителя от того, насколько он точен в вопросах сбора налогов. Закон гласит, что «если сбор (налогов) не будет совершен, ответственное лицо¹⁴ предстанет перед нашим (императорским) судом и, утратив все почести, подвергнется угрозе смертной казни» (CTh.1.16.5). Осознавая масштабы фискальных злоупотреблений, в 381 г. Грациан, Валентиниан и Феодосий издают распоряжение, из которого следует, что любой провинциальный руководитель воспринимался властью как потенциальный правонарушитель. Императоры запрещают всякому «ответственному должностному лицу», руководящему провинцией, покидать ее пределы до тех пор, пока он не сможет доказать с опорой на «многочисленные надежные документы», что «правильно облагал налогами своих подчиненных» (CTh.1.10.1). Если в работе провинциального начальника будет обнаружена «небрежность», причиняющая финансовый ущерб государству, то он должен быть «взят под стражу» и содержаться под ней «до тех пор, пока не выплатит точно то, что подлежит оплате» (CTh.1.10.2)¹⁵.

Какие же механизмы противодействия коррупции в фискальной области предусматривает императорское законодательство? В первую очередь императоры стремятся использовать средства административного воздействия. К ним относятся отчеты, введение специальных административных процедур и норм. Остановимся на этих формах подробнее.

Одним из ключевых должностных лиц, ответственных за финансовое обеспечение центральной администрации, был прокуратор. Основной функцией этого чиновника являлся сбор в одной из провинций доходов, причитающихся казне. Трудно на основе данных «Кодекса Феодосия» точно сказать, как именно государство удерживало прокураторов в границах дозволенного, ведь их полномочия содержали массу «соблазнов» обогатиться за государственный счет. Однако, один механизм, хотя и спорный с точки зрения его эффективности, все же обозначен в распоряжении Валента, Грациана и Валентиниана от 29 марта 377 г. В соответствии с законом, всякий чиновник, «действуя в качестве прокуратора в любом звании и ранге в нашей щедрости», был обязан предоставлять в вышестоящие инстанции всю документацию, связанную с осуществлением им своих полномочий (CTh.1.32.3). Помимо обязанности «доставлять налоги получателям», прокуратор в специально оговоренные сроки должен был «доставлять все документы счетов», «писать заявления, указывающие, что он получил, что выдал и что остатки отданы в сокровищницы» (CTh.1.32.3).

В контексте противодействия злоупотреблениям в фискальной сфере интерес представляет постановление Аркадия и Гонория от 27 ноября 400 г., гласящее: «если какой-либо чиновник славной службы священной императорской щедрости¹⁶ обнаружит в провинциях того, кто доказывает свое право собирать государственные доходы, последний должен быть заслушан в священном императорском казначействе, или же, если он окажется правомочен, пусть докажет свое право муниципальному совету» (CTh.1.5.13)¹⁷.

В позднеримской администрации фискальные полномочия должностных лиц были четко разделены, что должно было стать еще одним механизмом противодействия злоупотреблениям и коррупции. Причем это разграничение проводилось как по территориальному, так и по функциональному признакам. В данном контексте заслуживает внимания распоряжение Констанция и Константа от 7 июня 358 г., которое указывает на существование четких «фискальных границ» между отдельными регионами империи. Говоря же о функциональном разграничении обязанностей, следует обратить внимание на императорские конституции 368 и 376 гг. Первая из них, называя и префекта анноны, и префекта Города «надзирателями анноны»¹⁸, тем не менее, оговаривает, что всякое ре-

¹⁴ Ректор провинции.

¹⁵ Иными словами, мы видим здесь своего рода принцип «презумпции виновности». Чиновник вне зависимости от того, уличен он в преступлениях или нет, должен доказывать свою невиновность, подтвержденную документально.

¹⁶ Ведомства, возглавляемого comes sacrarum largitionum.

¹⁷ Dodd E.C. Op. cit. P. 30.

¹⁸ Chastagnol A. La prefecture urbaine a Rome sous le Bas-Empire. Paris, 1960. P. 297.

шение первого¹⁹ подлежит обязательному утверждению его руководителем – префектом Города (CTh.1.6.5). Сказанное дополняет упомянутое ранее постановление Валента, Валентиниана и Грациана, в соответствии с которым «помощники²⁰ префекта Города не входят в штат префекта анноны, а соперничество двух ведомств должно быть исключено» (CTh.1.6.7).

Говоря же о непосредственной реализации административного контроля в фискальной сфере, следует обратить внимание на эдикт Констанция и Константа от 18 июля 355 г., который наделяет преторианских префектов высшей надзорной властью в вопросах налогообложения. Императоры ставят в известность префекта Тора, что ни один руководитель провинции не имеет права распределять налоги без его ведома (CTh.1.5.5). Кроме того, Аркадий, Гонорий и Феодосий своим распоряжением от 7 декабря 405 г. предписывают направлять все жалобы относительно «притеснений излишнего бремени налогообложения в золоте и серебре» в ведомство префекта претория (CTh.1.5.14)²¹.

В контексте реализации административных механизмов обеспечения фискальной дисциплины невозможно не обратить внимание на постановление Валента, Грациана и Валентиниана от 29 мая 376 г. Императорское распоряжение устанавливает, что «всякий раз, когда рассматриваются правила относительно налоговых обязательств, ни один декурсион, ни один судья не посмеют делать какие-либо распоряжения в отсутствие дефенсора сената», ибо издание таких «декретов» «против ассамблеи самого Августа»²² есть «насмешка над справедливостью» и «беззаконная узурпация» (CTh.1.28.3).

Установленное императорской конституцией правило можно также рассматривать как своеобразный инструмент административного контроля в налоговой сфере. В данном случае несоблюдение специально оговоренного законом процедурного момента – обязательного присутствия дефенсора – вело к признанию установленных налогов незаконными. Особенностью данной процедуры является лишь то, что она несет на себе отпечаток всей социальной политики Поздней империи, защищая права и привилегии сенаторской аристократии. Последнее обуславливает и то, что в случае нарушения интересов сенаторов дефенсор имел право направить жалобу непосредственно императору (CTh.1.28.3).

Среди механизмов административного контроля в фискальной сфере отдельного внимания заслуживает сложившаяся в период доминаты специфическая система контроля и надзора. На самой ее вершине находился императорский двор, представленный его «сотрудниками» (*palatini*). Далее в надзорной вертикали располагались префекты претория и их помощники викарии. За ними следовали провинциальные руководители, а у основания оказывались непосредственные налоговые сборщики²³.

Итак, целый ряд императорских конституций устанавливает прямой контроль над провинциальными администрациями со стороны императорского двора в лице его специальных агентов – *palatini*²⁴. Первое распоряжение, устанавливающее этот контроль, относится к 385 г., когда Валентиниан, Феодосий и Аркадий направляют на имя начальника казны²⁵ предписание, в соответствии с которым «служащие императорского двора²⁶ всегда будут содействовать руководителю провинции во взыскании платежей» (CTh.1.10.2).

Однако с течением времени тон императорских постановлений меняется. В конституции Аркадия и Гонория от 27 февраля 400 г. уже сказано, что «во взыскании налогов служащие императорского двора должны оказывать давление на руководителя про-

¹⁹ Т.е. префекта анноны.

²⁰ Сотрудники аппарата.

²¹ Можно предположить, что в этом ведомстве названные «жалобы» и рассматривались.

²² Сената.

²³ Описанная система повторяет саму позднеримскую вертикаль власти с той лишь особенностью, что в ней, как ни странно, не представлены специальные фискальные ведомства, возглавляемые *comes rei privatae* и *comes sacrarum largitionum*. В их обязанности, видимо, входило управление государственными или дворцовыми финансами. При этом обеспечение законности при осуществлении взыскания налогов, штрафов и прочих сборов входило в компетенцию ранее названных «исполнительных» органов.

²⁴ Dodd E.C. Op. cit. P. 40.

²⁵ Comes sacrarum largitionum.

²⁶ Palatini.

винции согласно с древним обычаем» (CTh.1.10.6)²⁷. Причем делается интересное замечание: *palatini* направлены в провинции «лишь с той целью, что могут угрожать ректорам своей бдительностью» (CTh.1.10.6). Это значит, что *palatini* не просто «помогали» провинциальным начальникам во взыскании доходов фиска, и даже не «давили» на них, а попросту за ними следили, проявляя тем самым свою «бдительность»²⁸.

Ровно через год, 27 февраля 401 г., появляется новое постановление Аркадия и Гонория, развивающее и дополняющее прежние предписания. Эдикт оговаривает численность направляемых в провинции агентов императорской администрации. Установлено, что «ежегодно два дворцовых чиновника будут направляться в каждую провинцию» (CTh.1.10.7). В их обязанность входило обеспечение «особой заботы» о финансовом благополучии двора, которая выражалась в обязанности «предъявлять обвинения против халатного руководителя» (CTh.1.10.7). Провинциальные руководители были обязаны сообщить императорским посланникам «имена тех лиц, которые стремятся к обладанию большими выгодами, чем им позволяет общественное положение» (CTh.1.10.7). Наконец, постановление определяет саму цель направления в провинции дворцовых служащих: провинциальным начальникам с их «помощью» следовало осознать, что «золото должно без какой бы то ни было задержки направляться в казну» (CTh.1.10.7).

Однако, отправляя в провинции своих посланников, императоры должны были заботиться и об их собственной законопослушности²⁹. В ней же легко усомниться хотя бы в силу того, что императорский закон, наделяя агентов правом и обязанностью осуществлять контроль за провинциальным руководством, одновременно вынужден обращать внимание на меры пресечения злоупотреблений со стороны самих посольных³⁰. Речь в данном случае идет не только о *palatini*, но и об *agentes in rebus* или *curiosi*, которые вместо того, чтобы обеспечивать законность и порядок, нередко сами оказывались в центре разнообразных «коррупционных» скандалов³¹. Видимо, по этой причине 28 февраля 428 г. Феодосий и Валентиниан издают распоряжение, в соответствии с которым ни один дворцовый служащий не мог дважды направляться в одну провинцию (CTh.1.10.8). При назначении посланника документы должны «ясно указывать ..., что никакая служба не доверялась ему прежде в провинции, в которую он направляется» (CTh.1.10.8). При этом «если подобная формальность будет проигнорирована и сотрудник прежде служил (в провинции), взыскание в 30 фунтов золота должно быть наложено на самого сотрудника, руководителя и заместителя руководителя ведомства» (CTh.1.10.8)³².

Одним из должностных лиц, ответственным за обеспечение фискальной дисциплины, был префект претория. Рассмотренные ранее конституции, к примеру, возлагают на префекта обязанность контролировать введение новых налогов (CTh.1.5.5). Все жалобы относительно налоговых притеснений также следовало направлять в ведомство этого высокопоставленного чиновника (CTh.1.5.14).

Ответственность за обеспечение правопорядка в налоговой сфере несли и викарии. Распоряжение Грациана, Валентиниана и Феодосия от 2 августа 379 г. обязывает «сотрудников викария префектуры» «контролировать налоговые сборы в Карфагене» (CTh.1.15.10). Действия проконсулов в части налогового регулирования императоры также предписывают обжаловать в ведомстве викария Африки (CTh.1.15.10). Последующие

²⁷ Особого внимания заслуживают последние слова, которые делают своего рода ссылку на ранее установленные правила, на основе которых теперь, в самом начале V столетия, императоры предписывают дворцовым служащим оказывать на руководителей провинций соответствующее «давление».

²⁸ Dodd E.C. Op. cit. P. 40.

²⁹ Р. МакМаллен отмечает по этому поводу, что многие из специальных императорских агентов принадлежали к числу лиц, «бежавших» из своих городов и, следовательно, уклонявшихся от исполнения гражданских обязанностей. Кроме того, некоторые из них попросту «покупали» должности в императорской администрации, стремясь использовать «административный ресурс» в личных интересах. См.: MacMullen R. Op.cit. P. 149.

³⁰ The Theodosian Code and Novels and sirmondian constitutions. A translation with commentary, glossary, and bibliography by Clyde Pharr in collaboration with Theresa Sherrer Davidson and Mary Brown Pharr. New Jersey, 2001. P. XXI.

³¹ Ibid.

³² В дополнение ко всему прочему, желая исключить возможность обрастания агентов «связями» в местных администрациях, императоры обращают внимание, что «служащие императорского двора не должны иметь ничего общего с провинциалами» (CTh.1.10.8).

распоряжения дополняют и расширяют названные полномочия. Ряд постановлений устанавливает прямой контроль викариев над провинциальными администрациями в области налогообложения. Так, конституция Феодосия, Аркадия и Гонория 394 г. обязывает августального префекта³³ «расследовать постыдные злодеяния руководителей провинций» и направлять соответствующие «дела» в императорскую администрацию (CTh.1.14.2). Сам августальный префект не имел права «ни увольнять, ни наказывать» провинившихся (CTh.1.14.2).

В 400 г. появляется новое предписание Аркадия и Гонория, по которому наряду с обязанностью «почтенного викария семи провинций» «точно взимать штрафы за правонарушения»³⁴ определена и ответственность этого чиновника за добросовестность в деле взыскания налогов провинциальных руководителей. Императоры отмечают, что «сбор платежей должен без промедления осуществляться руководителем провинции, для которого викарий будет постоянной угрозой» (CTh.1.15.15). Иными словами на викария возлагались обязанности, схожие с теми, которые исполняли в римских провинциях *palatini*. Они заключались в «устрашении» местного руководства с одной единственной целью – заставить провинциальных начальников как можно более четко и эффективно обеспечивать сбор государственных доходов³⁵.

Однако эдикт имеет отличия от постановлений прежнего времени. Если конституция 394 г. обязывает викария лишь «расследовать постыдные злодеяния» провинциальных начальников, не подвергая их наказаниям (CTh.1.14.2), то постановление 401 г. наделяет викария правом наказывать чиновников за налоговые злоупотребления. Императоры не только обязывают викария «очень внимательно исследовать», как провинциальные начальники осуществляют доставку собранных платежей, но и при необходимости «применять наказания в отношении лиц, небрежность которых будет обнаружена» (CTh.1.15.17).

В контексте функционирования названной системы контроля интересна конституция Валентиниана и Валента от 27 февраля 372 г., которая показывает механизм его осуществления в действии. Постановление определяет круг должностных лиц, ответственных за обеспечение законности в фискальной сфере. К таковым она относит, во-первых, непосредственных налоговых сборщиков³⁶, провинциальных руководителей и викариев (CTh.1.15.6). Из прочих императорских актов мы знаем, что на вершине этой «контрольной иерархии» находились префекты претория и *palatini*. Конституция устанавливает, что «если какой-либо налоговый сборщик или регистратор, ответственный (за налоговые поступления) будут уличены в злоупотреблениях», то незамедлительно должны быть направлены «сотрудники», которые «заставят ... (налогового сборщика) явиться на следствие по делу, которое будет поручено руководителю провинции» (CTh.1.15.6).

Однако этим все не ограничивается. Извещая викария об обязанности руководителя провинции пресекать злоупотребления налоговых сборщиков, императоры дают инструкции на этот счет и самому Кресцену – викарию Африки: «Как только Ваша Искренность вступит в провинцию, Вы будете тщательно исследовать, сколько старания руководитель провинции отдает своим обязанностям». И «когда кто-либо из них будет уличен, что не полностью провел судебное расследование ..., он должен подвергнуться суровому суду, служащему предостережением его пренебрежению общественным благополучием» (CTh.1.15.6). Это означает, что викарий был обязан следить за тем, насколько добросовестно провинциальный руководитель расследует и пресекает злоупотребления фискальных чиновников. В том случае, если местный начальник будет уличен в халатности, викарий обладал правом «подвергнуть его суровому суду». Причем интересно, что целью последнего, как следует из текста документа, было даже не восстановление законности, а «предостережение» всем прочим потенциальным правонарушителям.

³³ Викария Египта.

³⁴ Т.е. речь идет о непосредственных фискальных обязанностях.

³⁵ Dodd E.C. Op. cit. P. 40.

³⁶ В документе они упоминаются под названием *susceptor*.

Рассмотренная нами система контроля обнаруживает любопытную особенность. Из приведенных выше императорских конституций мы видим, что викарий обязан расследовать «постыдные злодеяния» руководителя провинции (CTh.1.14.2). Он же должен служить «постоянной угрозой» для местной администрации, заставляя ее «ускорить» доставку собранных платежей в казну (CTh.1.15.15). Викарий должен «наказывать» провинциальных начальников за налоговые злоупотребления (CTh.1.15.17). И, наконец, викарий, в дополнение ко всему прочему, должен «исследовать», насколько старательно провинциальный руководитель борется с фискальными злоупотреблениями налоговых сборщиков (CTh.1.15.6). Руководитель провинции находился под контролем префекта претория, рассматривающего жалобы на налоговые злоупотребления, направленные в императорскую администрацию (CTh.1.5.14). Кроме того, провинциальный руководитель находился еще и под постоянным контролем императорского двора в лице его агентов, которые не только «помогали» ректорам в сборе причитающихся казне средств (CTh.1.10.2), но и оказывали на них «давление», угрожая своей «бдительностью» (CTh.1.10.6).

Помимо названных административных механизмов в целях противодействия коррупции в фискальной сфере государство использовало и разнообразные наказания, которые условно можно разделить на «наиболее строгие» меры воздействия, и более мягкие, такие, например, как штрафы. Так, конституция Аркадия и Гонория от 11 октября 399 г. гласит: «Все викарии и руководители провинций должны знать: если собранные платежи будут утаены, порицание постигнет их самих» (CTh.1.5.12). Что же касается самого «порицания», те же августы 11 февраля 398 г. направляют префекту претория предписание, в котором устанавливают следующее: «все лица, которые управляют провинциями, будут точно взимать штрафы ... в течение срока их полномочий. Те же, которые не имеют чувства стыда ... заплатят через ведомство Вашего Великолепия³⁷» (CTh.1.5.11).

Интересно распоряжение Валента, Грациана и Валентиниана от 8 июля 377 г., которое устанавливает материальную ответственность должностного лица за фискальные злоупотребления. «Наша воля такова», – говорят правители, – «что (прокураторы) ... должны возместить понесенные нашим хозяйством потери...». «Их богатства будет достаточно для нас, чтобы избежать убытков ... если по причине мошенничества и скупости ущерб будет причинен нашей казне» (CTh.1.32.2).

Помимо материальной ответственности в виде штрафа или возмещения ущерба халатность государственного служащего, а равно как и совершенные злоупотребления, могли караться более строгими наказаниями. Конституция Аркадия и Гонория от 27 ноября 400 г., обращая внимание префекта претория на необходимость обеспечения дисциплинированности налоговых сборщиков, устанавливает, что если кто-либо из них «будет уличен в беззаконии, имена таковых должны быть доведены руководителями провинций до сведения Вашей Милости (префекта претория) для того, чтобы те могли быть наиболее строго наказаны» (CTh.1.5.13).

Формы этого «наиболее строгого» наказания могли быть различны. Эдикт Валента, Валентиниана и Грациана от 29 марта 377 г. предусматривает для виновного в «отсрочке» платежей прокуратора в качестве наказания отстранение от всех должностей и лишение всех почестей (CTh.1.32.3). Провинившийся чиновник мог быть «подвергнут наказанию поркой и пытками» и должен был «нести позорное наказание до тех пор, пока сумма нашей щедрости не окажется в сокровищницах» (CTh.1.32.3).

В том случае, если подобных наказаний оказывалось недостаточно, провинившийся сотрудник подвергался «высшей мере» наказания. В соответствии с эдиктом Константина от 18 апреля 329 г., «если сбор (налогов) не будет совершен, ответственное лицо предстанет перед нашим (императорским) судом и, утратив все почести, подвергнется угрозе смертной казни» (CTh.1.16.5).

Говоря о механизмах «предупреждения» фискальных злоупотреблений, следует обратить внимание на еще один необычный принцип, предусмотренный позднеримским законодательством. Суть последнего заключалась в том, что всякий чиновник считался виновным то тех пор, пока не будет доказано обратное. Иными словами, перед нами не

³⁷ Префекта претория.

что иное, как принцип «презумпции виновности», признаки которой содержит ряд императорских конституций.

5 июля 381 г. появляется постановление Грациана, Валентиниана и Феодосия, которым правители извещают префекта претория Сиагрия о следующем: «Мы приказываем, чтобы энергичные служащие императорского двора³⁸ направлялись в отдаленные провинции и использовали свою смекалку во всяких делах, дабы ни один ответственный чиновник³⁹ не смел оставить провинцию, если не способен доказать многочисленными заслуживающими доверия документами, что правильно облагал налогами его администрацию» (CTh.1.10.1). Такого сотрудника в соответствии с распоряжением Валентиниана, Феодосия и Аркадия от 7 апреля 385 г. следовало «после истечения полномочий держать под стражей в провинции, которой он руководил, «до тех пор, пока не выплатит точно то, что подлежит оплате» (CTh.1.10.2). В противном случае, как заявляют императоры, «Мы прикажем, чтобы он⁴⁰ понес самые строгие наказания» (CTh.1.10.1). 26 августа 400 г. следует новое предписание Аркадия и Гонория, по которому «все лица, уезжающие из провинции даже по общественной необходимости, должны доставляться к (начальнику казны comes sacragum largitionum) для допроса» (CTh.1.10.5). И только после соответствующего разбирательства в финансовом ведомстве провинциальный чиновник мог быть «освобожден от императорской службы» (CTh.1.10.5). Подобная процедура есть не что иное, как олицетворение той самой «презумпции виновности», следуя которой, преступником можно считать абсолютно любого государственного служащего и подвергнуть его любому наказанию, для которого важнее было не наличие доказательств вины, а отсутствие доказательств невиновности.

Подводя итог, обозначим основные способы противодействия злоупотреблениям в фискальной сфере. Среди них следует назвать следующие:

- 1) использование административно-бюрократических средств контроля, таких, например, как отчеты;
- 2) формирование системы административного контроля и надзора, пронизывающего все звенья системы провинциального управления, и основанной на постоянной взаимной слежке и «бдительности»;
- 3) применение разнообразных форм ответственности, которые, в свою очередь, подразделяются на наиболее суровые, такие, как телесные наказания, пытки, смертная казнь, и менее строгие наказания в форме материальной ответственности, заключающейся в возмещении причиненного государству ущерба, штрафов и др.⁴¹;
- 4) законодательное закрепление своеобразного принципа «презумпции виновности», суть которого состояла в том, что всякий провинциальный руководитель воспринимался властью как потенциально виновный в совершении фискальных злоупотреблений и по истечении срока полномочий должен был доказывать свою законопослушность.

Вместе с тем, следует оговорить, что названные механизмы, очевидно, не приносили желаемого результата, на что указывает периодическая повторяемость в «Кодексе Феодосия» конституций схожего содержания. Издавая год от года распоряжения, направленные на искоренение фискальных злоупотреблений, императоры, влияние которых сокращалось по мере разрастания произвола и коррупции⁴², в действительности были не способны побороть произвол чиновников⁴³, разоряющий государство и общество.

³⁸ Palatini.

³⁹ В особенности провинциальный руководитель.

⁴⁰ Руководитель провинции.

⁴¹ Следует констатировать, что все вышеперечисленные формы ответственности не столько преследовали цель восстановления нарушенной законности, сколько были направлены на устрашение потенциальных правонарушителей.

⁴² The Cambridge ancient history. Vol. XIII. The Late Empire, AD 337-425. Cambridge, 1998. P.138.

⁴³ MacMullen R. Op.cit. P. 150; The Cambridge ancient history. Vol. XIII. P.175.

MECHANISMS OF COUNTERACTION TO FISCAL ABUSE IN THE LATER ROMAN EMPIRE (ACCORDING TO THE "THEODOSIAN CODE")

S. A. SAKHAROV

Smolensk State University

*e-mail: sakh-
rov.stanislav@yandex.ru*

The work deals with the problem of fiscal abuse in the Later Roman Empire. They showed up in illegal fees, excess of jurisdiction by the fiscal officials, embezzlement of the funds raised, violations in collecting fines, etc. The «Theodosian Code» includes ways of counteraction to the crimes defined by law. These include administrative and bureaucratic means of control (eg, reports), the formation of a system of administrative supervision, penetrating all parts of the provincial administration of the Later Roman Empire, the use of various forms of liability (compensation for the state of damage, fines, corporal punishment, torture, the death penalty etc.) consolidation of the principle of "presumption of guilt."

Key words: Later Roman Empire, «Theodosian Code», fiscal system, fiscal abuse, ways to counter to the fiscal abuse.

КОДЕКС ФЕОДОСИЯ «О ЯЗЫЧНИКАХ, ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯХ И ХРАМАХ»

М.А. ВЕДЕШКИН

*Московский педагогический
государственный университет*

e-mail: Balatar@mail.ru

В настоящей работе приводится перевод десятого титула шестнадцатой книги Кодекса Феодосия. В него входит двадцать пять императорских конституций, посвященных широкому кругу вопросов, связанных с правовым статусом и деятельностью традиционных языческих культов и их последователей.

Ключевые слова: Поздняя античность, Римская империя, Византия, язычество, Кодекс Феодосия.

Последний период существования Римской империи, также известный как эпоха домината, характеризуется строгой централизацией государства, которая в том числе проявлялась и в стремлении властей к жесткому регулированию и регламентации религиозной жизни общества.

Попытки государственной власти установить идеологическое единообразие на основе официального христианства приводили к жестким мерам по ограничению свободы для целого ряда диссидентствующих религиозных групп. Среди религиозных учений, с отправлением которых боролась центральная власть поздней Римской империи, были, в том числе, и традиционные языческие верования.

Одним из основных источников, освещающих мероприятия христианских императоров, направленные на подавления языческих культов, является Кодекс Феодосия – официальный сборник постановлений императоров, составленный между 429 и 438 гг. по приказу восточного августа Феодосия II Каллиграфа, и содержащий законы, изданные начиная с периода правления Константина I по 435 г.¹

Кодекс Феодосия является важнейшим историческим источником, в котором находят свое отражение все сферы жизни позднеримского общества. Последняя – шестнадцатая – книга Кодекса полностью посвящена вопросам религии: правовому положению религиозных групп и организаций, статусу и привилегиям служителей религиозных культов².

Десятый титул шестнадцатой книги Кодекса, носящий название «О язычниках, жертвоприношениях и храмах», посвящен положению и деятельности традиционных культов³. В настоящей работе предлагается авторский перевод данной части Кодекса.

СTh.16.10.1

Император Константин август Максиму⁴.

Рг. Если станет известно, что некая часть нашего дворца или других общественных зданий пострадала от молнии, то, придерживаясь древнего обычая, пусть будет у га-

¹ Литература о Кодексе Феодосия весьма обширна. Отметим лишь основные новейшие исследования: *Honoré T.* Law in the crisis of empire, 379-455 AD: the Theodosian dynasty and its quaestors with a palin-genesia of laws of the dynasty. Oxford: Oxford University Press, 1998; *Harries J.* Law and Empire in Late Antiquity. Cambridge: Cambridge University Press, 2001; *Sirks A.J.B.* The Theodosian code: a study. Friedrichsdorf: Books on Demand GmbH, 2007.

² О шестнадцатой книге Кодекса Феодосия см.: *Boyd W.K.* The ecclesiastical edicts of the Theodosian code. London: The Columbia University Press, 1905; *Salzman M.R.* The Evidence for the Conversion of the Roman Empire to Christianity in Book 16 of the «Theodosian Code» // *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte.* 42. 1993. P. 362-378.

³ Нам представляется необходимым отметить, что Кодекс Феодосия не является безусловно точным отражением имперского законодательства IV-V вв. При создании Кодекса некоторые императорские постановления были подвержены заметной правке и редактуре, комиссии в процессе работы было позволено удалять «лишние слова и добавлять необходимое, устранять двусмысленность и исправлять несоответствия» (СTh. I. 1.6). Кроме того, мы не находим в нем ряда законов и эдиктов, существование которых доказывается прочими источниками.

⁴ *Jones A.H.M., Martindale J.R., Morris J.* The Prosopography of the Later Roman Empire. Volume I. A.D. 260-395. Cambridge: Cambridge University Press, 1971. (Далее PLRE I) Maximus 48.

русских выяснено, что это предвещает. Внимательнейшим образом собранные записи {этих толкований} следует передать к нашему сведению. Прочим {людям} также следует предоставить свободу исполнять этот обычай, покуда они воздерживаются от частных жертвоприношений, которые в особенности запрещены.

1. Да будет тебе также известно, что сведения об ударе амфитеатра молнией, о котором ты {ранее} писал гераклейскому трибуну и магистру оффиций, а также толкование {этого события}, были нам переданы.

Дано за 16 дней до календ января в Сердике (17.12.320); получено за 8 дней до мартовских ид в год второго консульства цезарей Криспа и Константина (8.03.321).

STh.16.10.2

Император Констанций и Констант августы Мадалиану⁵, исполняющему обязанности префекта претория.

Да прекратится суеверие, и пусть окончится безумие жертвоприношений. Ибо всякий, кто против закона божественного принцепса, отца нашего⁶, и сего предписания нашей Милости осмелится совершать жертвоприношения, должен быть немедленно осужден и соответственным образом наказан.

Получено в год консульства Марцеллина и Пробина (341...).

STh.16.10.3

Те же августы Катуллину⁷, префекту Рима.

Несмотря на то, что всякое суеверие подлежит полному искоренению, мы все же повелеваем, чтобы расположенные за городскими стенами здания храмов оставались целыми и невредимыми. Ибо иные {из этих храмов} дали начало, как играм, так и зрелищам цирковым, и публичным состязаниям, и не пристало сносить те {здания}, из которых издавна устраиваются празднества для увеселения римского народа.

Дано в ноябрьские календы в год четвертого консульства Констанция и третьего консульства Константа августов. (01.11.346 [342])⁸.

⁵ Ibid. Madalianus.

⁶ Вследствие противоречивых свидетельств источников современная историческая наука не имеет однозначного ответа на вопрос о факте издания Константином I эдикта, запрещающего приносить жертвы. Согласно свидетельству Евсевия Кесарийского решение о запрещении приносить жертвы было вынесено Константином в 324 г., сразу же после победы над Лицинием (Euseb. V. Const. II.45). Вместе с тем, языческие авторы о подобном распоряжении императора не упоминают. Так, Либаний говорил, что Константин «ничего не тронул из законами утвержденного культа, и хоть в храмах было оскудение, но все прочее, как это замечалось, выполнялось» (Lib. Or. XXX.6). Фемистий, в своем панегирике в честь августа Иовиана, превозносил христианского императора, придерживавшегося политики веротерпимости по отношению к язычникам, как "нового Константина" (Themist. Or. V.70D-71A). Более того, в своей «Истории Константина», написанной около 330 г., афинский ритор Праксагор открыто объявлял, что Константин исповедовал язычество (Phot. Bibl. 62). О предполагаемом антиязыческом законе Константина см.: Barnes T.D. Constantine and Eusebius. London: Harvard University Press, 1981. С. 210-213; Barnes T.D. Constantine's Prohibition of Pagan Sacrifice // The American Journal of Philology. 105. 1984. С. 69-72; Bradbury S. Constantine and the Problem of Anti-Pagan Legislation in the Fourth Century // Classical Philology. 89. 1994. С. 120-139; Drake H.A. Constantine and Eusebius by T. D. Barnes. Review // The American Journal of Philology. 103. 1982. С. 462-466; Elliott T.G. Eusebian Frauds in the «Vita Constantini» // Phoenix. 45. 1991. С. 160-167; Curran J. Constantine and the Ancient Cults of Rome: The Legal Evidence // Greece & Rome. Second Series. 43. 1996. С. 68-80; Curran J. Pagan city and Christian capital: Rome in the fourth century. Oxford; New York: Clarendon Press; Oxford University Press, 2000. С. 176-181.

⁷ Jones A.H.M., Martindale J.R., Morris J. PLRE I... Catullinus 3.

⁸ Так как Катуллин занимал должность префекта Рима в период с июля 342 г. по апрель 344, оглашение данного эдикта, вероятно, имело место в 342 г., в период третьего консульства Констанция и второго консульства Константа. См. Consularia Const. 342.

CTh.16.10.4⁹

Те же августы Тавру¹⁰, префекту претория.

Повелеваем: во всех областях и также во всех городах немедленно закрыть храмы и, тем самым, запретив доступ {к ним}, отказать в возможности свободно грешить всем развращенным {суевериями людям}. Также постановляем удерживать всех от совершения жертвоприношений. В случае, если кто-то нечто подобное хоть раз совершит, он будет казнен карающим мечом. Изъятые же имущество {виновного} постановляем истребовать в пользу фиска. Подобным образом следует наказывать и правителей провинций, кои не озаботятся наказывать преступников.

Дано в декабрьские календы в год четвертого консульства Констанция и третьего консульства Константа августов. (01.12.346 [356]).

CTh.16.10.5

Тот же август Цереалу¹¹, префекту Рима.

Да будут прекращены разрешенные Магненцием ночные жертвоприношения, и в дальнейшем {подобная} нечестивая вольность не должна быть допущена. И прочее, и прочее.

Дано в девятый день до декабрьских календ в год шестого консульства Констанция августа и второго консульства цезаря (Галла)¹² (23.11.353).

CTh.16.10.6¹³

Тот же август и Юлиан цезарь.

Приказываем подвергать смертной казни тех, кто будет уличен в приношении жертвы или в поклонении изображениям {богов}.

Дано за 11 дней до мартовских календ в год восьмого консульства Констанция августа и Юлиана цезаря. (19.02.356).

CTh.16.10.7

Императоры Грациан, Валентиниан и Феодосий августы Флору¹⁴, префекту претория.

Если кто-то, словно безумец нечестивый, погряз в запрещенных жертвоприношениях, дневных и ночных, подвизаясь толкователем туманных {знамений}, и поверит, что должен истребовать себе священное место или храм, для совершения там подобных пре-

⁹ Некоторые исследователи рассматривают данный эдикт, как свидетельство ужесточения религиозной политики Константа под влиянием общественных настроений, выраженных в трактате Фирмика Матерна «О заблуждении нечестивых религий» (*Forbes C.A. Introduction // Firmicus Maternus: The Error of the Pagan Religions. Paulist Press, 1970. P. 17*). Данная гипотеза основана на ошибочной датировке эдикта 346 г. Так как Тавр, на имя которого был издан эдикт, занимал должность преторианского префекта Италии и Африки в период с апреля 355 г. по август 361 г., оглашение данного эдикта, вероятно, имело место в 356 г., в период восьмого консульства Констанция и первого консульства Юлиана. См. *Consularia Const. 356. О датировке CTh. XVI.10.4 см.: Cameron A. The Last Pagans of Rome. Oxford; New York: Oxford University Press, 2011. P. 174; Salzman M.R. On Roman Time: The Codex-Calendar of 354 and the Rhythms of Urban Life in Late Antiquity. Berkeley; Los Angeles; Oxford: University of California Press, 1991. P. 208, n. 48.*

¹⁰ *Jones A.H.M., Martindale J.R., Morris J. PLRE I... Taurus 3.*

¹¹ *Ibid. Cerealis 2.*

¹² Вероятно, отсутствие имени Галла в данном эдикте является следствием проклятия памяти цезаря после его казни. См. *Jul. Ep. ad. Ath. 271a.*

¹³ Несмотря на жесткую риторику данного эдикта, его реализация в значительной степени зависела от местных условий. В христианизированных регионах запрет на отправление языческого культа, вероятно, имел реальную силу. Так, Опат Милевийский, описывая положение Северной Африки при Констанции II, говорил, что: «Язычников не допускали до их кощунственных обрядов» (*Opt. II.15*). Ср. с сообщениями Либания о положении язычества в антиохийской округе (*Lib. Or. LXII.8; XVII.7; XIV.41*). Вместе с тем, в регионах, где большая часть населения сохранила приверженность древним культам, данный указ прямо игнорировали. Наши источники сообщают о множестве случаев открытого пренебрежения императорским распоряжением как со стороны простых граждан, так и представителей провинциальной администрации. Открытое отправление языческих обрядов не прекращалось в Риме, Египте (*Exр. 35-36*), Апамее Сирийской (*Lib. Ep. 104*), Абиде (*Amm. XIX.12.12*) и других городах империи. Евнапий Сардский сообщает, что префект претории Иллирика Анатолий во время своего посещения Афин открыто посещал храмы и приносил жертвы богам (*Eunap. V. Soph. 491-492*). По сведениям Аммиана, префект Рима Тертулл официально приносил жертвы в храме Кастора (*Amm. XIX.10*).

¹⁴ *Jones A.H.M., Martindale J.R., Morris J. PLRE I... Florus 1.*

ступлений, или должен {с этой целью} прийти {туда}, тот да узнает, что {неизбежно} проскрипции подвергнется; ибо справедливым установлением {нашим} мы увещеваем, что бога должно чтить благочестивыми молитвами, а не хулить посредством ужасных предсказаний.

Дано за двенадцать дней до январских календ в Константинополе в год консульства Эвхерия и Сиагрия. (21.12.381).

STh.16.10.8

Те же августы Палладию¹⁵, дуксу Осроэны.

Властью государственного совета постановляем: пусть будет постоянно открыт храм, который и сейчас, и прежде является местом многолюдных народных собраний, и где, как говорят, выставлены изображения богов, кои следует ценить более за их художественную ценность, чем за их святость. Мы также воспрещаем подложными постановлениями препятствовать такому положению дел. Властью нашего постановления храму позволено быть открытым, но так, чтобы, {во-первых}, все любимые {народом} сборища были прозорливо тобой сохранены, и весь город в храме собирался, {во-вторых}, чтобы это не дало повода полагать, что в силу общедоступности храма в нем разрешается совершать запрещенные жертвоприношения.

Дано в канун декабрьских календ в Константинополе в год консульства Антония и Сиагрия. (30.11.382).

STh.16.10.9

Те же августы Кинегию¹⁶, префекту претория.

Никто из смертных да не осмелится: напрасно надеясь найти предзнаменование в исследовании печени и внутренностей, совершать жертвоприношение, или, что еще хуже — узнавать будущее у нечестивого прорицателя. Ибо тех, кто, вопреки запрету, попытается выведать истинную суть нынешних или будущих событий ждет ещё более мучительная кара.

Дано за 8 дней до июньских календ в Константинополе, в год первого консульства Аркадия августа и славнейшего мужа Баутона (25.5.385).

STh.16.10.10¹⁷

Те же августы Альбину¹⁸, префекту претория¹⁹.

Никто да не замазает руки {кровью} жертвенных животных, никто да не заложит жертву невинную, никто да не придет в святилища, никто да не осматривает храмы и не почитает сотворенные смертными {богов} изображения, дабы не стать виновным не только по божественным, но и по человеческим законам. Судей также следует заставить подчиняться вышеизложенной формуле: так, если кто-то из них, предавшись нечестивому обряду, войдет в храм для молитвы, неважно где — в городе или по дороге — пусть будет принужден немедленно заплатить 15 либр золота; а если его подчиненные не помешают судье, и тотчас же не донесут на него, прилюдно засвидетельствовав {его вину}, то пусть немедленно уплатят ту же сумму. Консулярам следует уплатить шесть либр, подчиненным их столько же, корректорам и президам четыре либры, их служащим ту же сумму в такой же доле²⁰.

Дано за 6 дней до мартовских календ в Медиолане в год консульства Татиана и Симмаха. (24.2.391).

¹⁵ Ibid. Palladius 11.

¹⁶ Ibid. Synegius 3.

¹⁷ Данный эдикт фактически отменял особый правовой статус традиционных культов города Рима, сохранявшийся с периода правления Констанция II. См. Lib. Or. XXX.33.

¹⁸ Jones A.H.M., Martindale J.R., Morris J. PLRE I... Albinus 15.

¹⁹ Следует читать «префекту Рима».

²⁰ Данное дополнение к закону лишало членов сенаторской аристократии, по традиции занимавших высшие административные должности в диоцезе города Рима, возможности безнаказанно саботировать исполнение императорского указа.

CTh.16.10.11²¹

Те же августы Евагрию²², августалу и Роману²³, комиту Египта.

Никому да не будет позволено совершать жертвоприношение, никто да не посещает храмы, никто да не почитает святилища. Пусть люди отдадут себе отчет, в том, что нашим законом ограждаются они от возможности совершить нечестивое, так что если кто-то, вопреки запрету, замыслит совершить хоть что-то относящееся к богам и их почитанию, то пусть знает, что никакие милости не освободят его {от уплаты штрафа}. С судьями так же — если кто-то из судей, полагаясь на привилегии должностных лиц, войдет, {находясь} при исполнении своих обязанностей, в оскверненное место, то пусть этот нечестивый святотатец будет принужден 15 либр золота внести в нашу казну; служащие же его, если, объединив свои силы, не воспротивятся {нечестивцу}, пусть будут принуждены внести ту же сумму.

Дано за 16 дней до июльских календ в Аквилее в год консульства Татиана и Симмаха (16.6.391).

CTh.16.10.12²⁴

Императоры Феодосий, Аркадий и Гонорий августы Руфину²⁵, префекту претория.

Рг. Никто без исключения, из какого бы то ни было рода или сословия, людей или званий, занимающий ли должность, или имевший честь её исполнять; выпало ли ему родиться влиятельным, или низкий он по происхождению, правам и богатству, в каком бы то ни было месте, в каком бы то ни было городе — да не будет закладывать жертву невинную бесчувственным изображениям {богов}, и да не будет, скрытно {в доме своем} грех сотворяя, почитать лара {возжиганием} огня, гения {возлиянием} вина (мего), пенатов {воскурением} благовония, и да не зажжет {им} свечу, не воскурит {им} фимиам, и не развесит {им} гирлянды.

1. Далее: если кто-нибудь осмелится закладывать жертву или гадать по трепещущим внутренностям, то пусть он будет обвинен, как если бы совершил оскорбление Величества, и всякому пусть будет позволено донести на него. И пусть получит соответствующий приговор, даже если ничего против блага принцепсов или в связи с оным не будет замышлять. Ибо для тяжести обвинения достаточно уже желания нарушить законы самой природы, недозволенное выведывать, потаённое открывать, запретного касаться, доискиваться, когда чужому благосостоянию придет конец, другому {человеку} гибель сулить.

2. Далее: ежели кто-либо, смехотворно вострепетав пред тленными, им же сотворенными образами {богов}, почтет их воскурением фимиама; или же {почтет священное} дерево, повязав на него ленты; или же, подняв дерн, воздвигнет жертвенник {и на нем} никчемным изображениям попытается принести жертву, хоть бы и самую ничтожную —

²¹ Несомненная связь данного эдикта с бунтом язычников Александрии и последовавшим разрушением Серапеума. Об александрийских событиях 391 г. см.: *Athanassiadi P. Persecution and Response in Late Paganism: The Evidence of Damascius // The Journal of Hellenic Studies.* 113. 1993. P. 14; *Chuvin P. A Chronicle of the Last Pagans. Book of the Month Club. London: Harvard University Press, 1990. P. 66; Trombley F.R. Hellenic religion and Christianization, с. 370-529. II, 2 тт. Boston; Leiden: Brill, 2001. P. 129; Hahn J. The conversion of the cult statues: the destruction of the Serapeum 392 A.D. and the transformation of Alexandria into the "Christ-loving" city // From Temple to Church: Destruction and Renewal of Local Cultic Topography in Late Antiquity. Leiden: Brill, 2008. P. 339-444.*

²² *Jones A.H.M., Martindale J.R., Morris J. PLRE I... Evagrius 7.*

²³ *Ibid. Romanus 5.*

²⁴ Данный эдикт зачастую рассматривался исследователями, как «последний удар», нанесенный средиземноморскому язычеству, и «смертный приговор», вынесенный традиционным культам империи (*Chuvin P. A Chronicle of the Last Pagans... P. 69; Чернявский Н.Ф. Император Феодосий Великий и его царствование в церковно – историческом отношении. Сергиев Посад: Типография Св. Тр. Сергиевой Лавры, 1913. С. 647*). Однако, несмотря на многочисленные свидетельства о случаях открытого пренебрежения данным законом, наши источники не сохранили каких-либо данных о лицах, понесших ответственность за нарушение распоряжения императора, из чего следует, что данный эдикт не подкреплялся конкретными исполнительными механизмами. Можно предположить, что данный закон являлся исключительно декларативной мерой, призванной законодательно закрепить осуждение проязыческой деятельности правительства префекта Татиана (*Errington R. Roman imperial policy from Julian to Theodosius. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2006. P. 248*), союз узурпатора Евгения с язычниками в римском сенате, и, кроме того, удовлетворить растущие претензии христианской Церкви на духовную монополию в империи.

²⁵ *Jones A.H.M., Martindale J.R., Morris J. PLRE I... Rufinus 18.*

этим все же нанесет немалое оскорбление {католической} религии. Виновный в подобном оскорблении религии будет наказан конфискацией дома или имения, в котором он управлял обряды языческого суеверия. Ибо нами постановлено, что все места, в которых замечено будет курение фимиама, должны быть присоединены к нашему фиску, в том случае, если будет установлено, что права на них принадлежат {этим} фимиамокурителям.

3. Далее: если кто-то попытается совершить такого рода жертвоприношения, — в храмах или святилищах, в здании или в поле, и в иных {местах} — и при этом будет установлено, что эти места были использованы без ведома хозяина, пусть будет {хозяин} принужден внести двадцать пять либр золота в качестве штрафа. Так будет штраф, вместе с тем, кто приносит жертву, сдерживать также и того, кто попустительствует этому злодеянию.

4. Повелеваем также: чтобы контроль {за соблюдением этих постановлений} осуществлялся судьями, а также дефенсорами и куриалами каждого отдельного города так, чтобы без промедления установленные {факты правонарушений} последними передавались в суд, а первыми присуждалось за них наказание. Если же дефенсоры и куриалы посчитают, что какие-то {из этих преступлений} можно по небрежности оставить без внимания или же сокрыть по причине благосклонности {к совершившим их}, они будут подвергнуты судебному преследованию; с другой стороны, если судьи, будучи предупреждены {о совершенном преступлении}, намеренно отложат наказание, то будут оштрафованы на тридцать либр золота, такому же штрафу будут подвергнуты их служащие.

Дано за 6 дней до ноябрьских ид в Константинополе в год второго консульства Аркадия августа и консульства Руфина (8.11.392).

СTh.16.10.13

Императоры Аркадий и Гонорий августы Руфину, префекту претория.

Рг. Мы постановили: никто, никогда и нигде да не дерзнет приближаться к святилищу или к какому-либо храму, а также совершать гнусные жертвоприношения. Поэтому пусть все упорствующие в расхождении с догматом католической религии поспешат остерегаться наших прежних постановлений; также пусть не смеют преступать и того, что когда-либо было установлено касательно еретиков или язычников. Да будет известно, что все наказания или конфискации, установленные по отношению к ним законами божественного родителя нашего, будут теперь исполняться ещё более строго. Далее, правителям наших провинций и служащим, в их подчинении, а также приматам городов, дефенсорам, куриалам и прокураторам наших владений — в которых, как мы знаем, еретики, собираются на недозволенные сходы, не боясь наказания, ибо не может быть отторгнуто в пользу фиска, то, что уже находится в его владении — да будет известно: коль скоро какие-либо попытки нарушения наших постановлений не будут осуждены и тотчас же наказаны, они сами будут подвергнуты тем лишениям и наказаниям, которые прежними постановлениями установлены.

1. В особенности же этим законом Мы устанавливаем ещё более строгие {наказания} в отношении правителей {провинций} и постановляем: поскольку {наши распоряжения} не были приведены в исполнение с должным усердием и осмотрительностью, подвергнуть правителей провинций не только тому штрафу, который установлен для них самих, но также и штрафу, установленному для тех, кто считается виновниками совершенного преступления; при этом {штраф} этот не прощается тем, на кого был справедливо наложен вследствие их {же} неповиновения.

2. Сверх того, служащих, которых должно покарать за пренебрежение {нашими} постановлениями, мы приговариваем к смертной казни.

Дано за 7 дней до августовских ид в Константинополе в год консульства Олибрия и Пробина. (7.8.395).

СTh.16.10.14

Те же августы Кесарию²⁶, префекту претория.

Если прежним законом какие-то особые привилегии были дарованы жрецам, служащим, начальникам, иерофантам мистерий и всем прочим каким-либо другим

²⁶ Ibid. Caesarius 7.

именем называемым {священнослужителям}, то пусть будут {отныне} полностью отменены и пусть {теперь} они не радуются, что защищены особой привилегией – ибо их занятие по закону преступно.

Дано за 7 дней до декабрьских ид в Константинополе в год четвертого консульства Аркадия и третьего консульства Гонория августов. (7.12.396).

СТh.16.10.15

Те же августы Макробию²⁷, викарию Испаний и Проклиану²⁸, викарию пяти провинций.

Запрещая жертвоприношения, мы все же повелеваем оберегать убранство общественных зданий. А те, кто пытаются разорять их, пусть не обманываются — даже если они смогут предъявить какой-то рескрипт или закон {в оправдание своих действий}, они не имеют права совершать подобное. Обнаруженные документы такого рода пусть из рук этих людей передаются к нашему сведению. Нелегальные подорожные, на свое или на чужое имя, которые они могут {попытаться} предъявить, постановляем {также} отправить к нам. Те же, кто предоставят таким людям проезд, пусть будут принуждены заплатить {штраф в} две либры золота.

Дано за 4 дня до февральских календ в Равенне в год консульства славнейшего мужа Феодора. (29.1.399).

СТh.16.10.16

Те же августы к Евтихиану²⁹, префекту претория.

Если где-либо в сельской местности существуют храмы, то пусть будут снесены без столпотворения и беспорядка³⁰. После того, как они будут разрушены и упразднены, исчезнет всякая возможность {для существования} суеверия.

Дано за 6 дней до июльских ид; оглашено в Дамаске в год консульства славнейшего мужа Феодора. (10.7.399).

СТh.16.10.17

Те же августы Аполлодору³¹, проконсулу Африки.

Не смотря на то, что, издав спасительный указ, мы уже рассеяли нечестивые священнодействия, праздничные собрания горожан, всем приносящие радость, все же разгонять не позволяем. Посему постановляем: избегая каких-либо жертвоприношений и суеверий, которые должны {всемерно} осуждаться, устраивать увеселения согласно древнему обычаю, а также участвовать в праздничных пиршествах, в случае если таково будет желание народа.

Дано за 13 дней до сентябрьских календ в Патавии в год консульства славнейшего мужа Феодора. (20.08.399).

²⁷ Martindale J.R. The Prosopography of the Later Roman Empire. Volume II. A.D. 395-527. Cambridge: University press, 1980. (далее PLRE II) Macrobius 1.

²⁸ Ibid. Proclianus.

²⁹ Jones A.H.M., Martindale J.R., Morris J. PLRE I... Eutychianus 3.

³⁰ Разрушения языческих храмов в 384-388 г., предпринятые по инициативе префекта Кинегия, вызвали массовые беспорядки во многих областях Востока. В своей речи «В защиту храмов» Либаний открыто предупреждал правительство, что местные землевладельцы будут активно препятствовать любым посягательствам на права языческого культа и «смогут отстоять и себя, и закон» (Lib. Or. XXX.55). Как сообщает Созомен: «...язычники усердно сражались за свои храмы: именно в Аравии — Петрейцы и Акрополитяне, в Палестине — Рафиоты и Газейцы, в Финикии — жители Илиополиса...» (Soz. VII.15). В округе Апамеи Сирийской столкновения между язычниками и христианами даже привели к гибели местного епископа Марцелла. Во время пребывания в Апамее префекта Кинегия епископ Марцелл, угрожая местным жителям сопровождавшими префекта воинами, уничтожил почитаемый горожанами храм Юпитера (Theod. HE. V.21). После того, как Кинегий покинул Апамею, Марцелл попытался продолжить разрушение местных храмов, но был схвачен язычниками и сожжен заживо. Примечательно, что, когда родственники убитого епископа попытались добиться суда над его убийцами, члены курии Апамеи не дали ход делу, не без сарказма отметив, что несправедливо мстить за такую кончину, так как Марцелл умер за своего Бога (Soz. VII.15; Trombley F.R. Hellenic religion and Christianization, с. 370-529. I... P. 127-128). Очевидно, правительство Аркадия стремилось избежать повторения подобных событий.

³¹ Martindale J.R. PLRE II... Apollodorus 2.

CTh.16.10.18

Те же Аполлодору, проконсулу Африки.

Пусть никто не пытается, прикрываясь {нашими} законами, разорять Храмы, внутри которых {уже} нет недозволенных вещей. Ибо мы повелеваем, чтобы, по крайней мере, здания {храмов} оставались целы. Если же кого-либо застигнут за принесением жертвы, он в соответствии с законами будет наказан, после того как будет проведено расследование и под контролем властей будут убраны идола — ведь {именно} к ним, как известно, даже и теперь обращено исповедание лживого суеверия.

Дано за 13 дней до сентябрьских календ в Патавии в год консульства славнейшего мужа Феодора. (20.08.399).

CTh.16.10.19

Императоры Аркадий, Гонорий и Феодосий августы Курцию³², префекту претория.

Рг. Помимо прочего: пусть продовольствие будет изъято из храмов в пользу анноны, {после чего} пойдет {на содержание наших} преданнейших войск.

1. Если в каких-то храмах и святилищах все еще остаются изображения {богов}, перед которыми язычники обряд {когда-то} вершили или {в настоящий момент} вершат, то пусть {эти изображения} будут свергнуты со своих мест — ибо знаем Мы, что не раз уже издавались подобные постановления.

2. Непосредственно здания храмов, в городах или селениях, или за пределами городов расположенные, да будут истребованы в общественное пользование; храмы, расположенные в наших владениях, пусть {также} будут использоваться {каким-либо} подходящим образом. Жертвенники {же} следует уничтожать повсеместно. Владельцев {жертвенников} следует заставить их уничтожить.

3. Да не будет ни в коем случае позволено: в местах, где пристало скорбеть³³, устраивать пиршества, почитая святотатственный обряд или производить {там} какого-то другого рода священнодействия. Кроме того местным епископам мы даруем разрешение предотвращать непосредственно сами эти собрания церковной властью; с другой стороны, мы обязываем судей, {уплачивать} штраф в двадцать либр золота (их служащих — такой же штраф), если по их недосмотру эти {собрания} останутся без наказания.

Дано за 17 дней до декабрьских календ в Риме в год консульства Басса и Филиппа (15.11.408).

CTh.16.10.20

Императоры Гонорий и Феодосий августы.

Рг. Приказываем: подвергнуть жрецов языческого суеверия соответствующему наказанию, если до дня ноябрьских календ они не покинут Карфаген и не вернуться в родные города. В то же время пусть и по всей Африке подобному наказанию подвергнутся те жрецы, которые не удалятся из областных центров и не возвратятся в свои города.

1. Далее, руководствуясь законами божественного Грациана³⁴, повелеваем присоединить к нашему имуществу все те земельные участки, которые по заблуждению древних были предназначены для {поддержания ложных} священнодействий. При этом следует взыскать {в пользу фиска} доходы, вырученные лицами, незаконно занявшими {эти земли за период} от запрещения содержать на государственные

³² Ibid. Curtius.

³³ То есть на кладбищах.

³⁴ Законы Грациана, направленные против традиционных языческих культов, не сохранились в Кодексе Феодосия, однако, свидетельства Симмаха и Амвросия Медиоланского позволяют нам восстановить их основные положения. Из зала заседаний сената был удален алтарь Победы, у которого сенаторы приносили клятву верности Риму и императору (Symm. Rel. III. 4-6; Amb. Ep. 18.31). Средства, выделенные на проведение языческих обрядов и жертвоприношений, были конфискованы в пользу императорского фиска и казны префекта претория (Amb. Ep. 17.3; 14). Было прекращено содержание весталок и жрецов традиционного культа за счет казны (Symm. Rel. III.8; Amb. Ep.17.14; Ep.18.11-14). Недвижимость, находившаяся в собственности жреческих коллегий, конфисковывалась в пользу фиска (Symm. Rel. III. 14-16; Amb. Ep. 18.16). Служителям традиционных культов было отказано в праве приобретать недвижимость посредством пожертвования или завещания (Symm. Rel. III. 13; Amb. Ep. 18.14; 16). Языческое жречество было лишено государственных привилегий и иммунитетов (Symm. Rel. III.11-12; Amb. Ep. 17.4-5; 18.14).

средства {до настоящего момента}. Те же {владения}, которые по этим законам где бы то ни было были переданы в частное {владение}, щедростью ли предыдущих принцев или нашего величества, — пусть остаются в их наследуемом имуществе с неизменной твердостью. Повелеваем соблюдать это {постановление} не только в Африке, но также и во всех областях, находящихся в нашем владении.

2. Далее: пусть христианская религия заслуженно востребует {земельные участки}, которые согласно нашим многочисленным постановлениям должны принадлежать досточтимой Церкви. При этом — так как эти заблуждения {уже} развеяны — пусть послужат прибылью нашего дома все {земельные} владения фредианов, дендрофоров и всех каких бы то ни было языческих званий и должностей, которые предназначались для {устроения} пиршеств и {покрытия} расходов {языческих культов}, а также все, что было потрачено за это время на осужденные законом суеверия.

3. Разумно, чтобы в банях, а также {в других} часто посещаемых общественных местах были изъяты из употребления освященные для жертвоприношения {предметы}, которые когда-либо использовались для обмана людей — дабы {и теперь} заблуждающихся не вводили в искушение.

4. Сверх того, мы постановляем: отстранить хилиархов, центенариев³⁵ и тех, кто, как говорят, присваивает себе {эту должность} от организации народа {на празднествах}. И да не избегнет смертного приговора тот, кто по собственной ли воле принял подобное звание, или же был против воли принужден вызывать предубеждение и ненависть, сопряженные с ним.

Дано за три дня до сентябрьских календ в Равенне в год десятого консульства Гонория и шестого консульства Феодосия августов (30.08.415).

СTh.16.10.21³⁶

Те же августы Аврелиану³⁷, префекту претория во второй раз.

Помимо прочего: да не будут допускаться к военной службе или удостаиваться чести {занимать пост} управляющего или судьи язычники (gentiles) — то есть осквернившие себя языческим (pagani) заблуждением или исполнением преступных языческих обрядов.

Дано за семь дней до декабрьских ид в год седьмого консульства господина нашего Феодосия и консульства Палладия. (7.12.416).

СTh.16.10.22

Те же августы Асклепидоту³⁸, префекту претория.

Помимо прочего: хотя мы верим, что не осталось уже никаких язычников... пусть будут наказаны {в соответствии} с уже давно обнародованными предписаниями те, что {еще} уцелели. И прочее.

Дано за пять дней до апрельских ид в Константинополе в год консульства Асклепидота и Мариниана. (9.4.423).

СTh.16.10.23

Те же августы Асклепидоту, префекту претория.

Помимо прочего: если уцелевшие язычники будут застигнуты за гнусными жертвоприношениями демонам, то, хотя и должно подвернуть их смертной казни, пусть {все же} они будут наказаны проскрипцией имущества и изгнанием.

Дано за шесть дней до июньских ид в Константинополе в год консульства Асклепидота и Мариниана (8.06.423).

³⁵ Вероятно, в данном случае, под хилиархами и центенариями подразумеваются распорядители языческих церемоний и фестивалей (The Theodosian Code and Novels and the Sirmondian Constitutions. The Lawbook Exchange, Ltd., 2001. P. 475, n. 47).

³⁶ Данный закон систематически игнорировался на протяжении всего V – начала VI вв. Так, в середине V в. мы находим язычника Севериана среди управителей одной из восточных провинций (Martindale J.R. PLRE II... Severianus 3), в 470 г. язычника Севера в должности префекта Рима (Ibid. Severus 19), в 482 г. язычника Пампрепия в должности квестора (Ibid. Pamprerpius), в начале VI в. язычника Фоку в должности префекта претория Востока (Ibid. Phocas 5).

³⁷ Martindale J.R. PLRE II... Aurelianus 3.

³⁸ Ibid. Asclepiodotus 1.

СTh.16.10.24

Те же Асклепидоту, префекту претория.

Pr. Помимо прочего: манихеев и тех, кого называют пепезитами, а также тех, кто хуже всех еретиков из-за одного лишь своего несогласия со всеми о досточтимом дне {празднования} Пасхи, мы караем тем же наказанием — проскрипцией имущества и изгнанием, если {они} в своих безумствах продолжают упорствовать.

1. А это {предписание} мы особо обращаем к тем христианам, которые {неясно} поистине ли {христиане} или {только} называются таковыми: да не осмелятся они, злоупотребляя влиянием {христианской} религии, поднимать руку на иудеев и язычников, живущих тихо, не пытающихся ни бунтовать, ни нарушать закон. Ибо если против невинных {иудеев и язычников} применяют силу или разграбят их имущество, то пусть будут в судебном порядке принуждены вернуть не только то, что отняли, но в три или четыре раза больше похищенного {ими}. Да уяснят себе правители провинций и служащие их и {все} провинциалы, что за попустительство {этим} преступлениям {они} будут наказываться так же, как совершившие их³⁹.

Дано за шесть дней до июньских ид в Константинополе в год консульства Асклепидота и Мариниана (8.06.423).

СTh.16.10.25

Императоры Феодосий и Валентиниан августы Исидору⁴⁰, префекту претория.

Всем, чей разум в языческих злодеяниях укоренен, мы воспрещаем: гнусные жертв заклания и все прочие {обряды}, запрещенные властью прежних постановлений (sanctio^{um}); и все их священные места, храмы, святилища, ежели какие даже {и} сейчас остались нетронуты, приказываем, по предписанию властей, разрушить и очистить {от скверны} установкой символа досточтимой христианской религии. В то же время {пусть} все знают: если станет известно, что кто-то над этим законом насмеялся, и {это} пред законным судьёй надлежащими свидетельствами {будет доказано}, он будет наказан смертью.

Дано за 18 дней до декабрьских календ в Константинополе в год пятнадцатого консульства Феодосия и четвертого консульства Валентиниана августов (14.11.435).

THE THEodosIAN CODE "ON PAGANS, SACRIFICES AND TEMPLES"

Translation and commentary by M. A. VEDESHKIN

M.A. VEDESHKIN

Moscow State Pedagogical University

e-mail: Balatar@mail.ru

The present article offers a Russian translation of the tenth title of the sixteenth book of the Theodosian Code. It includes twenty five imperial constitutions, dealing with wide range of issues related to legal status and activities of traditional pagan cults and their followers.

Keywords: Late Antiquity, the Roman Empire, Byzantium, paganism, the Theodosian Code.

³⁹ Вероятно, инициатива издания эдикта, защищавшего гражданские права язычников и иудеев, исходила от префекта Асклепидота. Префект, как и его племянница – императрица Афинаида-Евдокия, происходил из языческой семьи (Soc. VII.21; Malal. XIV.4) и, возможно, сам оставался язычником. Через несколько месяцев после оглашения данный эдикт был отменен Феодосием II под давлением христианского клира и монашества (См.: V. Sym. Styl. (Syr.). 636-638; Evagr. HE. I.13).

⁴⁰ *Martindale J.R. PLRE II... Isidorus 9.*

УДК 94(495).0

ПОЭТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ «ИОАННИДЫ» КОРИППА*

К.Н. БОЛГОВ

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

e-mail: bolgov@bsu.edu.ru

В статье рассматриваются особенности ранневизантийской латинской эпической поэмы Крескония Кориппа «Иоаннида». Делается вывод о глубоком влиянии на это произведение античной, особенно римской, эпической традиции. Однако, поэма имеет и свои особенности, будучи завершением латинского эпоса. Она написана на светский сюжет, проводит имперскую идеологию и христианская в той мере, в какой это нужно идеологии Юстиниана.

Ключевые слова: поэзия, Корипп, эпос, идеология, империя, Византия.

Певец византийского завоевания Африки у вандалов – поэт Кресконий Корипп – в эпосе «Иоаннида» воспел имперскую миссию Юстиниана. Но в какой степени удалось Кориппу сочетать роли поэта и апологета, которые он в равной мере заимствовал у своего образца – Вергилия? Ответ на этот вопрос лежит в способе, которым он использует риторические инструменты из эпической традиции, имеющиеся в его распоряжении. Следовательно, нам нужно проверить его текст, насколько он зависим от простого стихотворчества, дабы угодить своим покровителям в поисках пропагандиста, или насколько он был в состоянии выйти за рамки императивов, которые накладывал на него патронаж, и сообщить своему труду присущие поэзии чувствительность и красоту.

Если Корипп начинает с самых древних компонентов поэтического стиля, с использования слов и языковых структур, то он должен быть вознагражден достаточно высоким почетом, сравнительно малым количеством признаков поспешности композиции в своем сочинении. Он не был невежественным в языковой и литературной традициях, в рамках которых работал. «Латинство» Кориппа было успешно исследовано А. Вельцелем в начале XX в.¹, и хотя исследователь смог составить внушительный перечень морфологических и синтаксических отклонений Кориппа от классической нормы, он нашел относительно мало мест, которые нельзя найти у более древних поэтов или в сочинениях прочих позднелатинских авторов. К примеру, столетиями ранее Вергилий использовал датив для обозначения направления движения вместо аккузатива: «it clator caelo» (Aen. V.451) и «ruit Oceano pox» (Aen. II.250), соединяя *quamquam* и *quamvis* в противительном положении, что смущало даже в классический период². Также графическая форма для выражения косвенной речи в месте инфинитива стала довольно распространенной во время Кориппа³. Эти привычки, наряду с использованием инфинитива или причастия в будущем времени, чтобы выразить намерение, не являются уникальными для нашего автора и, таким образом, не представляют собой оснований для порочащих его навыков осторожности в композиции.

По общему мнению, в тексте Кориппа есть некоторые ошибки в словах, как указывал Э. Аппель⁴: *quisque* вместо *quisquis* (Ioh. II.478), *totus* вместо *omnis* (Ioh. I.553), *quisquis* вместо *quisquam* (Ioh. I.33-34); и есть некоторые нарушения в использовании составных слов и сравнительных и превосходных степеней сравнения прилагательных: *surgere* вместо *percurrere* (Ioh. IV.341), *mittere* вместо *committere* (Ioh. I.487-488), *magis certius* (Ioh. VII.539) и *proximior* (Ioh. VII.421; VIII.11). Эти неправильности, однако, сравнительно невелики по количеству, и Аппель часто переусердствует в их выявлении. Действительно, Корипп не старается исказить синтаксис сознательно для риторического эффек-

* Работа подготовлена при поддержке Внутривузовского гранта НИУ «БелГУ» 2013 г.

¹ Welzel, Alfred. De Claudiani et Corippi Sermones Epici. Breslau, 1908.

² См.: Leumann-Hoffmann-Szantyr. Lateinischer Grammatik. Munich, 1965. Т. II. S. 325, 602.

³ Ibid. S. 312, 577.

⁴ Appel E. Beiträge zur Erklärung des Corippus mit besonderer Berücksichtigung des vulgaren Elements seiner Sprache. Munich, 1904.

та – практики, которая едва ли имеет основания для обвинения в чрезмерной механичности или быстроте стихосложения.

Более тонкий показатель поэтических умений Кориппа может быть найден в его контроле и использовании звука и метрических шаблонов. Здесь, исследуя использование поэтом дактилического гекзаметра, мы получаем смешанные результаты⁵. К примеру, нет ничего выдающегося или достойного порицания в его подходах к различным формам силлабической трансформации, имеющейся в латинской поэзии – хиатус, афересис, элизия; и нахождение таких феноменов как синезесис, диэресис, стяжение и синкопа в большинстве своем таково же, как и в его классических образцах. Мы не можем найти ошибок в формах его гекзаметра, где весьма редко обнаруживаются технические изъяны.

Сравнение его метрики с древними поэтами, такими как Энний, Лукреций и Вергилий показывает, что Корипп мало чем разительно отличается от них или принципиально нов. Он на самом деле испытывает отвращение от самостоятельных спондеических первых стоп, и его главная цезура, преимущественно мужская, нередко откладывается до четвертой стопы, так что буколический диаэресис (раздельная постанова ударения) происходит реже, чем у Лукреция или Вергилия. В последних двух стопах своего гекзаметра он всегда находит совпадение метров и акцентов. Поэт никогда не экспериментирует со спецэффектами в конце строки, вставляя пяти-, четырех- или односложные слова.

Как показывает этот краткий обзор подходов Кориппа к гекзаметру, это не технические умения, которых не хватает нашему поэту. Он, однако, не обнаруживает умений создания образов и оригинальности, как покажет рассмотрение его мастерства в той или иной метрической схеме. Хотя менее 3% его стихов не имеют спондеических замен и, следовательно, разнообразия, Корипп нередко повторяет некоторые метрические шаблоны в двух, трех или даже четырех последовательных строках. К примеру, есть 4 строки, в которых спондеи монотонно повторяются в трех и четырех стопах (Ioh. VII.263-266).

Более избличающие улики, однако, находятся в его кажущейся беззаботности с отношениями между скоростью метров и содержанием рассказа. Например, быстрые дактилические строки используются для описания того, как спящие воины сражаются в своих снах (Ioh. II.459); умирают от горя люди (Ioh. IV.205); густая и запутанная роща (Ioh. VI.571-572). С другой стороны, тяжелые спондеические строки используются для описаний: полководца, охваченного радостью (Ioh. V.190), дыма и пепла, поднимающихся вверх (Ioh. VIII.73-74).

Это очевидное отсутствие чувства меры особенно печально и в других случаях, к примеру, в обращении с фигурами звука, такими как ассонанс, аллитерация и омонотопия, Корипп часто гораздо более мудрен. Рассмотрим, например, ассонанс в Ioh. VI.755 и прекрасное описание воина, упивающегося водой из родника (Ioh. VII.345). С другой стороны, однако, мы можем также найти много беспричинных и довольно трудных звуковых эффектов. Есть перегруженность избыточными аллитерациями (Ioh. I.131; II.362; IV.170 и др.). Подобным же образом используются такие фигуры как анафора, антитезис, хиазм и полиптотон, часто выглядящие манерными и принужденными.

Действительно, выигрышные стороны фигуративности языка Кориппа – не фигуры звука, но фигуры, представляющие сходство и повышенное чувство, страдающие от этого недостатка. Он включает в свою поэтическую стратегию такие элементы как восклицания (Ioh. I.44-46; II.111-112), риторические вопросы (Ioh. I.44-46) и гиперболы (Ioh. V.48-49), но они, как правило, не оригинальны и удручающе предсказуемы. Еще необходимо упомянуть об использовании им персонификаций (Ioh. I.41; V.48-49; VI.58-59) или синекдох, примеры которых (Ioh. II.229-230; V.366) такие устаревшие, что они едва ли вообще могут быть квалифицированы как примеры фигуративности языка.

Именно с использованием сравнений картина несколько улучшается. Не менее 56 примеров длинных или гомеровских сравнений можно найти в этой поэме. Они могут быть разделены на 4 четкие категории: связанные с неодушевленными предметами, с животными, с человеческими занятиями, и обращения к мифологии. Успех употребления этих фигур неравномерен, но Корипп добивается поразительных поэтических эф-

⁵ Более детальные дискуссии о метрических особенностях Кориппа см. в диссертации Дж. Шиа: Shea G. The Iohannis of Flavius Cresconius Corippus, Prolegomena and Translation. Columbia. P. 92-100.

фектов в некоторых случаях. Среди сравнений из области природы, когда используются такие слова, как *звезды*, *бури* и *огонь*, особенно замечательно одно описание шторма (Ioh. VII. 445-451). Сравнение богато деталями и, хотя оно уходит довольно далеко от оригинального образа перемешивающихся масс песка, поэт изящно возвращается к картинам из предыдущих строк.

Сравнения, в которых фигурируют животные, встречаются более часто. Это пять описаний львов (Ioh. IV.145; V.232; V.443; VI.645; VI.745), три – пчел (Ioh. I.430; IV.297; VII.336), остальные – волк (Ioh. IV.353), моллюски (Ioh. II.196), тигрица (Ioh. VI.713), бык (Ioh. IV.569), ворона (Ioh. VI.94) и аист (Ioh. VIII.9). Обширно и богато сравнение тигрицы с повозкой.

Сравнение, которое описывает воина, дающего свой последний бой, окруженного павшими товарищами, особенно характерно для него, так как передает чувство потери и упрямую жестокость. Кроме того, в кратком экскурсе о манерах и привычках охотников поэт показывает капризы трусливых противников воина.

Сравнения, показывающие человеческие занятия, в равной степени разнообразны. Они изображают крестьян (Ioh. II.299), музыкантов (Ioh. IV.576), лесников (Ioh. V.473) и жнецов (Ioh. VIII.536). Поэт также дает нам замечательно сложную картину действующего заполненного канала на ватерлинии. Он использует в своем описании муравья, бегущего по телу разъяренной туземной жрицы (Ioh. III.145-151).

Это сравнение удалось именно благодаря своей сложности, которая уводит читателя далеко от первоначального сравнения. Его удача состоит в изобретательном использовании звуковых эффектов – повторении слога «ob» в начале трех следующих друг за другом строк, которые усиливают образ преграды, журчащего звука «u» и четкого рефрена «amnis» в конце строк как потока, который возвращается к своему истоку.

Возможно, мифологические образы Кориппа основаны на сравнениях, которые наименее удачны. Мы находим ожидаемые божества, среди которых: Юпитер (Ioh. I.451; V.395; VI.658), Геркулес (Ioh. III.158; VI.210), Фаэтон, который появляется в Корипповом описании опустошения Африки племенами (Ioh. I.336-340).

Этот образ не оригинален, но сравнение, тем не менее, эффективно, когда Корипп создает тонкий резонанс между актом спасения Юпитером и действиями Юстиниана и Иоанна, который усиливается в конце картины полиптоном «ignibus ignem» (огнями огонь), который обозначает меру использованных римлянами усилий для подавления силы.

Отсюда закономерно, что вопросы подражания, оригинальности и усвоения насыщены при рассмотрении стиля Кориппа, потому что он был, возможно, последним античным эпическим поэтом, соединившим в своих строках весь пласт, уходящий корнями к Гомеру. Неизбежно, что его стиль должен был в своей основной части следовать богатой традиции, которую он унаследовал, и что он должен в значительной степени зависеть от формального стилистического инструментария, структур и тем, которые его предшественники развивали на протяжении столетий.

Не следует, однако, рассуждать о степени успеха Кориппа как поэта на основе только его оригинальности. Идя по этому пути, необходимо критически разобрать, к примеру, работу Рудольфа Аммана⁶, который составил перечень того, что он назвал подражаниями Кориппа. Фактически, хотя Амман установил много точных подражаний, он уносится своим рвением достаточно далеко от сути, и в результате приходит к выводу, что использование простых фраз типа «flamine ventus» является преднамеренным заимствованием. Этот род одержимости литературными образцами не только дает ему подражание там, где его нет, но и затрудняет уяснение того, что употребление главных канонических слов делает такой путь общей речью. Более того, в случае Кориппа, который был учителем риторики и литературы, необходимо иметь в виду, что он держал в своей голове множество тем, фраз и стилистических приемов, применявшихся в более ранней эпической поэзии, многие из которых он использовал бессознательно.

Использовать работы типа книги Аммана в принципе можно, но настоящая природа интертекстуальности в античности лежит в сердце вопроса о подражаниях у такого ав-

⁶ Amman R. De Corippo Priorum Poetarum Latinorum Imitatore. Oldenburg, 1885; ibid. De Corippo Priorum Poetarum Latinorum Imitatore. Patricula Altera // Program des Grossherzoglichen Gymnasium zu Oldenburg. № 629. 1888.

тора как Корипп. Как эпический поэт VI столетия, Корипп унаследовал структуру и стиль, а также многие тематические и фигуративные компоненты в своей поэме. Его вызов, как мы указывали выше, заключался в их адаптации к новому нарративу и, в его случае, к тонкостям новой религиозной, политической и этнической ситуации.

Рассмотрев некоторые аспекты поэтического стиля Кориппа, какое заключение мы сможем сделать о его успешности? С одной стороны, его технические достижения впечатляют. Он сочиняет такие пассажи, что становится манерным, вымученным, иногда банальным даже по античным меркам, но в других он весьма удачлив и производит полностью новые литературные эффекты, творя свою собственную традицию и приспособлявая ее к потребностям своих имперских и христианских покровителей.

И все-таки заключительный вывод таков: апологетическая миссия выглядит препятствием к его становлению как поэта первого ранга. Иначе говоря, его очевидная определенность, его самоуверенность, его тотальная вера в богословскую и политическую систему есть причина того, что он остался на этой стороне, по-видимому, удержавшись от обзора «человеческих глубин», так сказать, «вглядываясь в пропасть», как должен делать каждый великий поэт⁷. Немногие поэты были способны долго фиксировать свой взор на этой пропасти. Этим страдал даже величайший образец для Кориппа – Вергилий, который лишь изредка был способен сделать это, в то же время создав гимн обновленному мировому порядку.

POETRY FEATURES OF CORIPPUS' «IOHANNIS»

K.N. BOLGOV

*Belgorod National
Research University*

e-mail: bolgov@bsu.edu.ru

The article discusses the features of early Byzantine Latin epic poem by Creskonius Corippus «Iohannis». The conclusion of the profound impact of this work antiquity, especially Roman epic tradition. However, the poem has its own characteristics, being the completion of the Latin epic. It is written in a secular story, holds the imperial ideology and Christian to the extent to which this is necessary Justinian's imperial ideology.

Keywords: poetry, Corippus, epic, ideology, empire, Byzantium.

⁷ С учетом внимания к беспрекословной поддержке им имперского дела, ее стратегии и тактики, может быть уточнен вопрос об отношении Кориппа к характеру своего героя – Иоанна Троглиты, который, хотя и дан во всей надлежащей славе, в большинстве формулярных списков его качеств и достоинств, иногда изображается в отдельных пассажах как малопривлекательный и малоспособный. Его, казалось бы, чрезмерная эмоциональность и бесконечный плач, вероятно, не является, как указывает Эврил Камерон, типичной эмоциональностью Кориппа (In Laud. Iust., 136). Он, однако, проявляется как несколько нерешительный время от времени, особенно когда изображаются его тактические планы. Он в значительной степени зависит от мнения его заместителя Рицинария (Ioh. II.233 сл.) и дважды уговаривается своими товарищами отказать от разумного плана битвы (Ioh. VI.465; VI.528). Иоанн также изображается как невнимательный к нуждам своих людей (Ioh. VI.326; VI.367), как высокомерный по отношению к вражеским посланцам (Ioh. I.494) и как довольно жестокий и кровожадный (Ioh. V.404; V.464). Хотя эти недостатки специально не подчеркнуты, они явно контрастируют с качествами Рицинария, который изображается как разумный, человеколюбивый и т.п. (Ioh. IV.586-588). Что же из этого следует? Такая прямота показывает нам, что Корипп был в действительности разочарован в римском деле или что он применял литературную технику двойного обмана. На это может указывать то, что Корипп, родом африканец, становится совершенно слеп к непривлекательным сторонам имперского господства, к тем фактам, что полководцы сил Юстиниана могут быть суровы и жестоки, как и соплеменники поэта – берберские воины. Обращение к характеру Рицинария кажется частью попытки Кориппа описать близкую дружбу командующего и его заместителя, и особенно манеру, в которой их характеры дополняют друг друга.

ОБОБЩАЮЩЕЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПО ИСТОРИИ РАННЕВИЗАНТИЙСКОЙ ПАЛЕСТИНЫ

А.М. БОЛГОВА
А.Ю. РЫШКОВСКАЯ
В.Н. ШИЛОВ

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

e-mail: bolgova@bsu.edu.ru

В работе рецензируется одна из наиболее важных монографий последних лет, посвященных истории позднеантичной и ранневизантийской Палестины – книга Хагит Сиван «Палестина в Поздней античности» (2008). Особое внимание обращается на основные методологические проблемы, поднятые в монографии, и на то, как ее автору удалось раскрыть их содержание.

Ключевые слова: Ранняя Византия, Поздняя античность, Палестина, Х. Сиван.

В 2008 г. вышла в свет монография известной исследовательницы позднеантичной и ранневизантийской эпохи, профессора Университета Канзас (США) Хагит Сиван¹ «Палестина в Поздней античности»².

Этот блестяще написанный очерк истории этноконфессиональных общин, которые жили в Святой Земле во время Поздней античности, использует теорию конфликта как организующий принцип для огромного количества первичных и вторичных источников, которые представляют собой истории христианской святоотеческой, имперской традиции, общин коренного населения – самаритян, евреев, окруженных остатками языческих политеистических общин в позднеантичной Палестине³.

Задача, предпринимаемая Х. Сиван и заключающаяся в том, чтобы переработать огромное количество литературных и археологических источников, а также и их современные интерпретации, является почти устрашающей. Доселе не было никого, кто попытался бы взять на себя решение этой задачи с такой исчерпывающей полнотой проекта, поскольку даже Майкл Ави-Йона, автор книги «Евреи в Римской и Византийской империи: Политическая история Палестины от восстания Бар Кохбы до арабского завоевания» (Иерусалим, 1946, 1984), не претендовал на исчерпывающую полноту.

Во Введении (с. 1-15) автор дает этногеографический экскурс в историю региона, характеризуя основные этноконфессиональные группы как в тексте, так и на картах. Х. Сиван сразу обозначает основные характеристики Палестины рассматриваемого времени с позиций двух основных групп ее населения: это «Святая Земля» для христиан и одновременно – «Земля Израиля» для иудеев (с. 1-2). Помимо этого выделяется и характеризуется община самаритян и оставшиеся в тот период язычники.

На с. 4-7 кратко характеризуются основные источники исследования. Это ранневизантийская письменная традиция, раввинистическая литература, папирусы и др., а также археологический контекст.

Далее специально обозначается главная методологическая линия исследования – это конфликт между этноконфессиональными общинами, проходящий красной линией сквозь всю позднеантичную эпоху. Отсылка к концепции «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона (с. 13) делает методологические подходы автора вполне ясными и четкими.

Глава 1 называется «Пролог: от Константина к Абд-аль-Малику», и начинается она с общей характеристики римской Палестины в начале IV в. (с. 16-40). Главным содержанием этого времени для региона стала постепенная христианизация и начало оформления культа святых мест, приведшего в конечном итоге к оформлению культа Святой Зем-

¹ Среди основных работ Х. Сиван следует назвать: «Авзоний из Бордо: происхождение галльской аристократии» (1993), и «Между женщиной, мужчиной и Богом: новая интерпретация Десяти заповедей» (2004), «Галла Плацидия: последняя римская императрица» (2011). В настоящее время она готовит исследование о судьбах различных социальных меньшинств в Поздней античности. Режим доступа: <http://www.history.ku.edu/faculty/index2.shtml>

² Sivan H. Palestine in Late Antiquity. Oxford – New York, 2008. 430 p.

³ См.: Tsafrir Y., Di Segni L., Green J. (eds.). Tabula Imperii Romani: Iudaea Palaestina: Eretz Israel in the Hellenistic, Roman and Byzantine Periods: Maps and Gazetteer. Jerusalem, 1994.

ли. Важной частью главы является описание римских городов провинции с характеристикой их полиэтничного населения в процессе христианизации. В следующей части главы речь идет о «пейзаже» провинции и произошедших в нем изменениях к эпохе Анастасия (начало VI в.). Главными вехами здесь автор считает деятельность императрицы Евдокии и св. Саввы по обустройству монастырей (с. 41).

Глава 2 «На краю мечты и пустыни» (с. 51-106) посвящена теоретическим аспектам организации и становления христианской монашеской жизни в регионе – концепту мечты, с которым связывались представления о Палестине у многих этноконфессиональных групп, и концепту пустыни, края земли обетованной. Особое внимание в последнем аспекте уделено пустыне Негев (с. 77-93) и Голанским высотам (с. 93-106).

Третья глава «Неподчинение, массовые беспорядки, и бунт: самаритяне и возникновение нетерпимости» (с. 107-142) является систематическим очерком истории общины самаритян в общей ранневизантийской истории региона. Особое место уделено ряду восстаний самаритян, о которых сообщается в письменной традиции (Иоанн Малала, Захария Ритор и др.).

Глава 4 носит название «Оспаривание священного: формы ритуального насилия» (с. 143-186) и рассматривает различные аспекты сакральной жизни иудеев, начиная с праздника пурим, сосуществования этноконфессиональных общин в Скифополе, и далее выходит на тему взаимоотношения и сосуществования этих общин в целом.

Пятая глава – «Иерусалим: контрастирующие взгляды созерцателей» (с. 187-229) – продолжает главную тему монографии – сосуществования различных народов – на материалах Иерусалима. Путь от римской крепости Элия Капитолина к сакральному городу Иерусалиму совершается постепенно, но неуклонно. В истории города выделяются эпоха св. Кирилла Иерусалимского, императора Юлиана, императрицы Евдокии (с. 210-219), Юстиниана Великого, а также период от персов до мусульман в I пол. VII в.

Глава 6 – «Оспаривание Писания и Земли: литургические даты и сезонные циклы» (с. 230-274) касается истории отдельных пунктов Святой Земли в связи с ветхозаветной и новозаветной историями. Здесь же дается аналитический очерк мозаичной карты из Мадбабы (с. 255-263).

Седьмая глава – «Плоть и кровь. Женщины в палестинских обществах» (с. 275-301) – является одной из наиболее важных и интересных, поскольку в ней рассматриваются жизнь и история этноконфессиональных групп ранневизантийской Палестины сквозь призму гендерного подхода в истории. Акцент здесь сделан скорее на иудейской общине, нежели на христианской.

Глава 8 – «Истории городов: Кесария, Сепфорис, Газа» (с. 302-347) – представляет собой систематические очерки истории рассматриваемых городов, на примере которых мы можем сделать выводы о путях исторического развития и прочих центров ранневизантийской Палестины.

Глава 9 представляет собой заключение (с. 348-361), в котором сделаны основные концептуальные выводы исследования.

В «Приложениях» помещены указатель иудейских источников, библиография, индекс имен и географических названий.

Наиболее важной особенностью исследования Х. Сиван в целом является пристальный интерес к полной мозаике народов и конфессий Палестины во всем их сложном взаимодействии. В отечественной науке такой подход до сегодняшнего дня не был принят. Изучались либо провинции в составе империи, либо преимущественно христианская история региона. Первой попыткой вписать иудейское население в общий исторический контекст можно считать монографию А.Г. Грушевого⁴, вышедшую в том же 2008 г., что и книга Х. Сиван, но имеющую более широкие хронологические рамки. Вторая (и последняя пока) книга этого направления – исследование Л.С. Чаковской⁵. Однако данные труды посвящены истории иудеев Палестины. Комплексное исследование, подобное книге Х. Сиван, в отечественной науке отсутствует.

⁴ Грушевой А.Г. Иудеи и иудаизм в истории Римской Республики и Римской империи. СПб., 2008.

⁵ Чаковская Л.С. Воплощенная память о Храме: художественный мир синагог Святой Земли III-VI вв. н.э. М., 2011. Интересно, что в данной книге рецензируемая работа Х. Сиван 2008 г. не упоминается.

Исследование Х. Сиван вносит значительный вклад в разработку проблем позднеантичной истории на примере отдельного региона. Палестина как особый регион для целого ряда конфессий неисчерпаема для исследователя. Поэтому остается выразить надежду на то, что со временем появится более полная история как этого региона в целом, так и отдельных его городов и общин. Но путь, проложенный канзаской исследовательницей, позволяет надеяться на скорое продвижение в этом круге проблем.

SYNTHESIS STUDY ON THE HISTORY OF EARLY BYZANTINE PALESTINE

A.M. BOLGOVA
A.YU. RYSHKOVSKAYA
V.N. SHILOV

*Belgorod National
Research University*

e-mail: bolgova@bsu.edu.ru

The paper reviewed by one of the most important recent monographs devoted to the history of late antique and early Byzantine Palestine – Hagit Sivan' book "Palestine in Late Antiquity" (2008). Particular attention is drawn to the main methodological issues raised in the monograph, and how the author managed to reveal their contents.

Keywords: Early Byzantium, Late Antiquity, Palestine, H. Sivan.

УДК 902.005.745"1902"+930(477.54)"18/1902"**ХІІ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ СЪЕЗД И ХАРЬКОВСКАЯ ВИЗАНТИНИСТИКА****М.Е. ДОМАНОВСКАЯ***Харьковский национальный университет
имени В. Н. Каразина,
Украина**e-mail: mdomanovskaya@mail.ru*

В статье исследуется роль XII Археологического съезда в развитии византистики в Харьковском университете в начале XX в. На основании анализа состава участников съезда, содержания византиноведческих докладов и научных дискуссий установлено, что XII Археологический съезд в значительной мере способствовал формированию академического сообщества ученых-византинистов Российской империи, а многие доклады по византиноведению сохранили ценность и для современной науки. Установлено, что XII Археологический съезд для харьковских византинистов был едва ли не единственной возможностью презентации результатов собственных исследований, в которых преобладало обращение к византийской проблематике в контексте истории южных славян и Московского царства.

Ключевые слова: XII Археологический съезд, византистика, Харьковский университет.

Процесс институционализации византистики как научной дисциплины начался в Российской империи во второй половине XIX века преимущественно в университетах. Помимо расширения тематики исследований и включения византиноведческих вопросов в программы общих и специальных учебных курсов, это предполагало также постепенное создание научной среды с системой контактов между специалистами, средствами презентации результатов и обмена опытом. Практики созыва тематических историко-филологических конференций в то время не существовало. Единственной возможностью профессионального общения с широким кругом российских и нередко зарубежных ученых для византинистов стало участие в работе археологических съездов.

Значительным событием для харьковских историков стал XII Археологический съезд, состоявшийся в августе 1902 г. Хотя византийские исследования не относились к приоритетным направлениям работы съезда (в отличие от краеведения, археологии, музейного дела, этнографии Слободской Украины), было представлено ведущими специалистами в области византийской, славянской, российской истории, филологии и искусства более десятка докладов. Кроме того, это был всероссийский гуманитарный научный форум, который в значительной мере подвел итоги развития исторической науки XIX века, и последний археологический съезд, на котором слушались разноплановые доклады по византийской проблематике. Это позволяет говорить о XII Археологическом съезде как особом событии в развитии харьковской византистики, значение которого еще не было должным образом исследовано.

К вопросу о роли археологических съездов в становлении византиноведения в Российской империи обращалась только С. Б. Аврунина¹. Но относительно XII съезда в Харькове исследовательница лишь упомянула о широкой представленности на нем византийской проблематики (исторической, источниковедческой, литературной, археологической)², и не обратилась к публикации Е. К. Редина³, содержащей обзор докладов по византиноведению на харьковском съезде. Большинство современных исследований, посвященных XII съезду, касаются его организации, подробно рассмотрена роль в ней Д. И. Багалея, Н. Ф. Сумцова, Е. К. Редина, М. С. Дринова⁴, оценено значение съезда для

¹ Аврунина С. Б. Русские археологические съезды и становление византиноведения в России // Византийский временник. Т. 37. 1976.

² Там же. С. 257.

³ Редина Е. К. Доклады по византиноведению, сообщенные на заседаниях XII Археологического съезда в г. Харькове (15-27 августа 1902 г.) // Византийский временник. Т. IX. СПб., 1902.

⁴ Алексеев Л. В. XII Археологический съезд в Харькове (1902) // Российская археология. 1992. № 4; Каковкіна О. М. Археологічні з'їзди другої половини XIX – початку XX ст. в Україні. Науковий та суспільно-політичний аспекти. Автореферат дис. ... канд. іст. наук. Дніпропетровськ, 1998; Куделко С. М., Філіпенко Р. І.

развития этнографии, археологии, искусствоведения, музейного дела Слобожанщины⁵. Особого внимания заслуживает статья И. Н. Скирды⁶, посвященная анализу вклада XII Археологического съезда в развитие научных академических традиций в Украине. Все эти работы практически не затрагивают вопрос о византиноведческих исследованиях на этом научном форуме, но дают представление об ученых, принявших участие в работе секций, общих собраниях, выставках, содержат информацию об атмосфере съезда, о его масштабах и значении для развития исторической и филологической науки в целом.

Главными источниками для выяснения тематики византиноведческих исследований, представительства ученых-византинистов, содержания научных дискуссий на XII Археологическом съезде являются протоколы заседаний секций⁷, Труды съезда⁸ и упомянутый очерк Е. К. Редина⁹, фактически составленный на их основе.

Включение в программу археологических съездов докладов, прямо и косвенно относящихся к византиноведению, объясняется широким восприятием предмета археологической науки, характерным для последней трети XIX – начала XX вв. К «науке о древностях», кроме археологов, примыкали филологи, литературоведы, историки, искусствоведы, географы, этнографы¹⁰. Значение такого рода форумов в формировании академической среды и научных связей высоко оценил профессор Дерптского университета А. Г. Брикнер (1834-1896). По его словам, археологические съезды, регулярно созываемые один раз в три года (1869-1911), объединили сотни ученых-гуманитариев в единую «ученую корпорацию, которая в этом виде не существовала бы без съездов. Периодическая встреча с собратьями в той или другой местности сделалась существенной потребностью для ученых. Личное свидание, непосредственный обмен мыслей между специалистами, не только в собраниях и заседаниях, но и вообще во время съездов может считаться одним из самых важных средств поощрения нашей научной деятельности»¹¹.

XII Археологический съезд в Харькове по праву считается одним из самых масштабных¹² – на нем присутствовало 402 участника, из которых более 60 – профессора и приват-доценты¹³. Из ведущих российских византинистов начала XX в. XII археологический съезд посетили лишь Д. В. Айналов и Ю. А. Кулаковский¹⁴, Н. П. Кондаков, А. А. Васильев и Ф. И. Успенский в Харьков не приехали. Ученые-византинисты Харьковского университета Е. К. Редина, А. С. Лебедев, М. С. Дринов, В. И. Савва входили в состав Харьковского Предварительного комитета по устройству съезда и провели большую подготовительную работу¹⁵.

До питання про участь Є. К. Редина в російських археологічних з'їздах // Чотирнадцяті Сумцовські читання. Матеріали наукової конференції «Музей і сучасність: актуальні проблеми музейної діяльності». Харків, 2008; Побожій С. І. Історик мистецтва Є. К. Редін – знавець візантійської та слобожанської культур // Побожій С. І. Із історії українського мистецтвознавства. Збірник статей. Суми, 2005; Романенко І. С. Участь наукової громадськості України в роботі загальноросійських археологічних з'їздів. Режим доступу: http://www.nbuv.gov.ua/portal/soc_gum/vchu/N133-134/N133r094-099.pdf. Дата звернення: 19.02.2013 г.; Романовський В. Дмитро Багалій як учасник археологічних з'їздів // Збірник Харківського історико-філологічного товариства. Харків, 2009. Т. 13; Юренко С. П. Археологічні з'їзди в Україні. К., 2004.

⁵ Наприклад, см.: Побожій С. І. XII археологічний съезд в Харькове (1902 г.) и его отношение к изучению вопросов археологии и искусства Слобожанщины // Проблемы археологии Сумщины: тезисы докл. обл. науч.-практич. конф., 1989. С. 24-25; Юренко С. П. Археологічні з'їзди в Україні. и указанную в исследованиях литературу.

⁶ Скирда І. М. XII Археологічний з'їзд у м. Харкові та наукові академічні традиції в Україні // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. № 908: Серія: Історія. Вип. 42. Харків, 2010.

⁷ Известия XII Археологического съезда в Харькове. 15-27 августа 1902 г. № 1-15. Харьков, 1902.

⁸ Труды Двенадцатого Археологического съезда в Харькове. 1902. Т. I-III / под ред. П. С. Уваровой. М., 1905.

⁹ Редина Е.К. Доклады по византиноведению, сообщенные на заседаниях XII археологического съезда в г. Харьков (15-27 августа 1902 г.) // Византийский временник. Т. IX. СПб., 1902.

¹⁰ Романенко І. С. Участь наукової громадськості України в роботі загальноросійських археологічних з'їздів. С. 95; Романовський В. Дмитро Багалій як учасник археологічних з'їздів. С. 21.

¹¹ Труды Пятого Археологического съезда в Тифлисе. 1881 / под ред. П. С. Уваровой. М., 1887. С. 52; Аврунина С. Б. Русские археологические съезды и становление византиноведения в России. С. 255.

¹² Юренко С. П. Археологічні з'їзди в Україні. С. 76.

¹³ Известия XII Археологического съезда в Харькове. С. 233.

¹⁴ Там же. С. 20.

¹⁵ Там же. С. 6-7.

В организационном плане на харьковском съезде сохранилась практика предыдущих научных форумов. Помимо регулярных пленарных заседаний, посещения выставок, археологических раскопок и концертов народного творчества, участники, желавшие презентовать свои доклады, на свое усмотрение приписывались к любой из девяти секций¹⁶. Сообщения, предполагавшие обращение к византийской проблематике, традиционно относились к отделению классических, византийских и западноевропейских древностей. Кроме того, доклады по истории православия, византийского и древнерусского искусства, как правило, зачитывались на заседаниях секции церковных древностей и секции памятников искусств и художеств, нумизматики и сфрагистики, а доклады по южнославянской средневековой истории и литературе, в которых нередко присутствовала тема византийского влияния, звучали на секции славянских древностей. Особую ценность для византиноведения представляют доклады, прошедшие обсуждение на съезде, а позднее опубликованные авторами в расширенном варианте. Презентация результатов исследований на заседаниях секций, участие в дискуссиях, учет мнения коллег, безусловно, позволили многим ученым глубже разобраться в проблеме и наметить дальнейшие перспективы исследований.

Секцией церковных древностей руководил известный российский специалист по христианской археологии и искусству, директор Археологического института и профессор Санкт-Петербургской духовной академии Н. В. Покровский, почетными председателями были Преосвященный Стефан, Епископ Сумской, а также видные российские историки Н. Ф. Платонов и В. С. Иконников¹⁷. Всего на секции было заслушано десять докладов, большинство из которых предполагали обращение к византийской тематике. Известный богослов и археолог, преподаватель семинарии и женского епархиального училища в Туле Н. И. Троицкий представил результаты собственных исследований крестообразного храма вблизи Карантинной бухты¹⁸. В сообщении «Древнейший храм в Херсонесе Таврическом, открытый при раскопках в настоящем году» ученый затронул проблему сохранности херсонесских памятников, охарактеризовал особенности строительства храма и напольную мозаику. Данную постройку он датировал концом IV – V вв., взяв за основу найденные в ходе раскопок монеты эпохи Юстиниана I. Подобной точки зрения придерживаются и современные исследователи. К примеру, С. Б. Сорочан, ссылаясь на более позднюю публикацию Н. И. Троицкого, изданную уже после XII Археологического съезда, также говорит о том, что крестообразный храм был построен не позднее V – VII вв.¹⁹. Актуальными для современной науки остались и замечания Н. И. Троицкого по поводу изображения «древа жизни» в напольной мозаике данного культового сооружения²⁰.

Известного искусствоведа, специалиста по византийскому и древнерусскому искусству, профессора Казанского университета Д. В. Айналова по праву можно считать едва ли не самым активным участником харьковского съезда, который представил три доклада на трех секциях. Основной темой выступлений ученого стал анализ отдельных аспектов визита княгини Ольги в Константинополь. На основании анализа личной переписки ученого В. И. Ульяновский отмечает, что Д. В. Айналов начал комплексную разработку этой темы в 1900 году²¹. XII Археологический съезд предоставил возможность апробации полученных результатов, а оба доклада были опубликованы в трудах съезда.

¹⁶ Юренко С. П. Археологічні з'їзди в Україні. С. 7-8.

¹⁷ Известия XII Археологического съезда в Харькове. С. 6, 10, 27, 50, 66.

¹⁸ Там же. С. 54-60; Редин Е.К. Доклады по византиноведению. С. 621-622; Труды Двенадцатого Археологического съезда в Харькове. 1902. Т. I. С. 397.

¹⁹ Сорочан С. Б. К вопросу о датировке раннего и позднего храма Богоматери Влахернской в византийском Херсоне // LAUREA: к 80-летию профессора Владимира Ивановича Кадеева. Харьков, 2007. С. 164; Троицкий Н. И. Крест Христа – Дерево Жизни. По поводу открытия крестообразного храма в Херсонесе Таврическом в 1902 году. Тула, 1904. С. 22.

²⁰ См.: Сорочан С. Б. О храмовом декоре византийского Херсона и его эволюции в VI-X веков // Actes testanibus: ювілейний збірник на пошану Леонтія Войтовича. Львів, 2011. С. 609-613 и указанную литературу.

²¹ Ульяновский В. И. Украинские сюжеты в творчестве Д. В. Айналова // Софія Київська: Візантія. Русь. Україна. Вип. II: збірка наукових праць, присвячена 150-літтю з дня народження Дмитра Власовича Айналова (1862–1939 рр.) / від. ред. П. С. Сохань; упоряд. Д. С. Гордієнко, В. В. Корнієнко. К., 2012. С. 10-11.

Сообщение «Дар великой княгини Ольги в ризницу церкви св. Софии в Царьграде»²² Д. В. Айналов представил на секции церковных древностей. Основной тезис ученого о том, что факт крещения княгини Ольги предшествовал ее дару в ризницу Святой Софии богослужебного блюда с изображением Иисуса Христа²³, принят современными исследователями. Кроме того, блюдо могло быть не подарком императора Ольге, а имело русское происхождение и было привезено княгиней в Константинополь²⁴.

Секцией «Древности классические, византийские, восточные и западно-европейские» руководили профессор Новороссийского университета Э. Р. фон Штерн, профессор университета св. Владимира Ю. А. Кулаковский и профессора Харьковского университета В. П. Бузескул и Г. Ф. Шульц²⁵. Безусловно, здесь был представлен очень сильный состав специалистов по классической филологии, античной и византийской истории. Ряд докладов касались проблемы русско-византийских связей и влияния Византии в древнерусской культуре. В сообщении «Где и как была принята св. княгиня Ольга в Царьграде»²⁶ Д. В. Айналов попытался восстановить картину приема Ольги императором и императрицей на основании трактата Константина Багрянородного «De ceremoniis». Ученый обратил внимание на малоизученность данного византийского источника, подчеркнув его достоверность. По словам Д. В. Айналова, подробности приема были записаны очевидцем точно и подробно для того, чтобы пользоваться этой записью при подобных случаях в дальнейшем²⁷. Для современной науки, прежде всего, имеет ценность перевод Д. В. Айналовым отрывка первоисточника²⁸. Доклад о визите княгини Ольги в Константинополь ученый опубликовал в расширенном варианте в «Книге для чтения по русской истории»²⁹, а эта тема осталась среди его научных интересов до конца жизни, что подтверждает упоминание В. И. Ульяновского о рукописном наследии ученого³⁰.

Для выступления на секции приват-доцент кафедры российской истории Харьковского университета В. И. Савва избрал один из сюжетов своей недавно опубликованной магистерской диссертации³¹. Основной идеей доклада «Выход византийских и московских царей в праздник Рождества»³² стало положение о заимствовании московскими царями элементов византийских обрядов при сохранении собственной, «московской основы», которое получило развитие в современной историографии³³. Дискуссия о языческой природе императорской власти в Византии, в которой приняли участие М. А. Остроумов, Ю. А. Кулаковский, Н. И. Троицкий, происходила в некотором отрыве от выступления В. И. Саввы, но подчеркнула особую актуальность темы о происхождении власти византийских и московских правителей в историографии начала XX в.³⁴.

В работе отделения классических, византийских, восточных и западно-европейских древностей принял участие один из ведущих российских византинистов, профессор Киевского университета св. Владимира Ю. А. Кулаковский. Хотя современный киевский исследователь А. А. Пучков ставит под сомнение участие Ю. А. Кулаковского в

²² Известия XII Археологического съезда в Харькове. С. 112-114; Редин Е.К. Доклады по византиноведению. С. 630-631; Айналов Д. В. Дар св. княгини Ольги в ризницу церкви св. Софии в Царьграде // Труды Двенадцатого Археологического съезда. Т. III. С. 1-4.

²³ Айналов Д. В. Дар св. княгини Ольги. С. 2.

²⁴ Гордієнко Д. С. Візантійсько-руські відносини за Константина VII Порфирогенета (912-959 pp.) в зовнішній політиці Візантії: Дис. ... канд. іст. наук (07.00.02). Київ, 2013. С. 155-156.

²⁵ Известия XII Археологического съезда в Харькове.

²⁶ Редин Е.К. Доклады по византиноведению. С. 627-629; Айналов Д. В. Княгиня св. Ольга в Царьграде // Труды Двенадцатого Археологического съезда. Т. III. С. 12-21.

²⁷ Там же. С. 16.

²⁸ См.: Гордієнко Д. С. Візантійсько-руські відносини за Константина VII Порфирогенета. С. 171-172.

²⁹ Айналов Д. В. Княгиня св. Ольга в Царьграде // Книга для чтения по русской истории / под ред. М. В. Довнар-Запольского. Т. 1. М., 1904. С. 202-215.

³⁰ Ульяновский В. И. Украинские сюжеты в творчестве Д. В. Айналова. С. 27-28.

³¹ Савва В. И. Московские цари и византийские василевсы. К вопросу о влиянии Византии на образование идеи царской власти московских государей. Харьков, 1901. С. 78-89.

³² Редин Е.К. Доклады по византиноведению. С. 623-624; Известия XII Археологического съезда в Харькове. С. 55-56.

³³ См. к примеру: Андреева Л. А. Сакрализация власти в истории христианской цивилизации: Латинский Запад и православный Восток. М., 2007; Успенский Б. А. Царь и патриарх: харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление). М., 1998.

³⁴ Редин Е.К. Доклады по византиноведению. С. 625.

съезде, ссылаясь на зачеркнутую запись в послужном списке ученого³⁵, протоколы заседания отделений XII Археологического съезда все же содержат тезисы выступления и информацию о его участии в дискуссиях³⁶. О поездке Ю. А. Кулаковского на харьковский съезд упоминают Л. В. Матвеева³⁷ и А. Н. Домановский³⁸. В 1902–1903 гг. одним из направлений работы ученого становится исследование византийской военной истории и административного устройства³⁹. В докладе «Византийский лагерь X века»⁴⁰ ученый представил результаты исследования недавно открытого византийского источника X века «De castrametatione» («Об устройстве лагеря»). Как отмечает В. В. Кучма, на зарубежные издания трактата Ю. А. Кулаковский откликнулся двумя развернутыми рецензиями, а позднее опубликовал в «Византийском временнике» перевод первых восьми глав памятника с подробным комментарием и чертежом⁴¹.

Проблема византийско-русских связей была затронута на заседании секции первобытных древностей в выступлении профессора кафедры русской гражданской истории Киевской духовной академии В. З. Завитневича «О культурном влиянии Византии на быт русских славян курганного периода»⁴², хотя выбор подобной тематики был нехарактерным для исследовательских интересов ученого⁴³. На секции памятников искусств и художеств, нумизматики и сфрагистики тема византийского влияния в культуре Древней Руси была продолжена одним из ведущих российских специалистов в этой области Д. В. Айналовым в сообщении «Мраморы и инкрустации Десятичной церкви и Киево-Софийского собора»⁴⁴. Ученый представил результаты исследования в Киеве летом 1901 г., проведенного на средства Московского археологического общества, подчеркнув восприятие принципов византийской архитектуры на Руси не только во фресковом и мозаичном убранстве, но и в облицовке стен и полов мраморами и инкрустациями⁴⁵.

Популярной на XII Археологическом съезде оказалась тема влияния византийской традиции в литературе южных славян, которая обсуждалась на секции славянских древностей, председателями которой были известные профессора-слависты М. С. Дринов, И. А. Линниченко и К. Я. Грот⁴⁶. Доклад М. С. Дринова «О древнем церковно-славянском памятнике «Видение Пророка Исаии о последнем времени»⁴⁷ был посвящен анализу произведения, в котором идет речь о судьбе Болгарского царства и балканских народов конца X – первой половины XI в. М. С. Дринов на основании исторической части, содержащей описание событий византийско-русской и византийско-болгарской истории этого периода, датировал памятник «половиной XI в.» и подчеркнул перспекти-

³⁵ Пучков А. А. Юлиан Кулаковский и его время: Из истории антиковедения и византистики в России. 2-е изд., перераб., исправ. и доп. СПб., 2004. С. 187.

³⁶ Известия XII Археологического съезда в Харькове. С. 102-104; Редин Е.К. Доклады по византиноведению. С. 628-630.

³⁷ Матвеева Л. Юлиан Кулаковский. К., 2002. С. 403.

³⁸ Домановський А. М. Два обличчя Юліана Кулаковського // Збірник Харківського історико-філологічного товариства. Харків, 2005. С. 341-342.

³⁹ См. список трудов Ю. А. Кулаковского в книге: Пучков А. А. Юлиан Кулаковский и его время: Из истории антиковедения и византистики в России. 2-е изд., перераб., исправ. и доп. СПб., 2004. С. 385-403; Матвеева Л. Дослідження військової справи в працях Ю. А. Кулаковського // Східний світ. 2000. № 1. С. 53-63.

⁴⁰ Известия XII Археологического съезда в Харькове. С. 102-104; Редин Е.К. Доклады по византиноведению. С. 628-630.

⁴¹ См.: Два византийских военных трактата конца X века / издание подготовил В. В. Кучма. Отв. ред. Г. Г. Литаврин. СПб., 2002. С. 234-235 и указанную литературу.

⁴² Редин Е.К. Доклады по византиноведению. С. 627; Труды Двенадцатого Археологического съезда. Т. I. С. 105-110.

⁴³ Файда О. В. Візантиністика в Київській Духовній Академії в 1819-1919 рр. Дис. ... канд. іст. наук. Львів, 2006. С. 86.

⁴⁴ Известия XII Археологического съезда в Харькове. С. 135-137; Редин Е.К. Доклады по византиноведению. С. 631-632; Айналов Д. В. Мраморы и инкрустации Киево-Софийского собора и Десятичной церкви // Труды Двенадцатого Археологического съезда. Т. III. С. 5-12.

⁴⁵ Айналов Д. В. Мраморы и инкрустации. С. 5-6.

⁴⁶ Известия XII Археологического съезда в Харькове.

⁴⁷ Известия XII Археологического съезда в Харькове. С. 74; Редин Е.К. Доклады по византиноведению. С. 632-633; Дринов М. С. Видение пророка Исаии о последнем времени // Труды Двенадцатого Археологического съезда. Т. III. С. 342.

ву дальнейшего его исследования⁴⁸. Положения данных тезисов ученого были восприняты и современной историографией⁴⁹.

В сообщении «Об одном рукописном сборнике церковных чинов положений XIV века»⁵⁰. М. С. Дринов делает вывод о том, что указанный сборник содержит две части, написанные в разное время. Раздел, содержащий Синодик царя Бориса, написан в период правления царя Шишмана, вторая часть – после его смерти⁵¹. К данному памятнику, одна из рукописей которого находилась в его личном владении, автор обращался и в своих ранних работах, результаты его исследований получили высокую оценку издателя «Синодика» М. Г. Попруженко и П. А. Лаврова⁵². На секции славянских древностей выступил также профессор харьковского университета М. Г. Халанский. В докладе «Южно-Славянские песни о смерти Марка Кралеви́ча»⁵³ ученый проанализировал эпические мотивы юго-славянской народной поэзии, проведя аналогию легенды о гибели сербского королевича Марко с русскими былинами и повестями о падении Царьграда⁵⁴.

Таким образом, византистика была достаточно широко и качественно представлена на XII Археологическом съезде. Участие в работе секций ведущих российских специалистов по византийской и русской истории, искусствоведов, археологов, безусловно, задавало высокий научный уровень дискуссий и докладов. Следует отметить, что выступления большинства названных исследователей, в том числе и харьковских византистов М. С. Дринова и В. И. Саввы, были посвящены очень узким вопросам славяно-византийской истории, искусства, литературы. «Программные» в современном понимании доклады, которые бы касались состояния и перспектив развития российского византиноведения в целом, на XII Археологическом съезде отсутствовали. Возможно, такая ситуация сложилась из-за того, что в работе съезда не приняли участие уже упомянутые «столичные» российские византисты того времени. В этом плане очень выгодно отличался VI съезд в Одессе 1884 г., на котором звучали доклады Н. П. Кондакова и Ф. И. Успенского, посвященные общей ситуации в науке византийской археологии и истории⁵⁵.

Активное участие в подготовке XII Археологического съезда предполагало для ряда харьковских ученых-византистов вынужденный временный отход от византиноведческой проблематики. В первую очередь это коснулось известного специалиста по византийскому и древнерусскому искусству Е. К. Редина, который более двух лет, предшествовавших XII съезду, посвятил изучению церковных древностей Слобожанщины. Эта тема в последние годы жизни ученого входила в число его основных научных интересов наряду с тематикой докторской диссертации, посвященной миниатюрам древнерусских списков «Христианской топографии» Козьмы Индикоплова. Практические навыки как специалиста по русско-византийскому искусству, несомненно, помогли ученому в анализе материалов выставок XII Археологического съезда, большинство из которых относились к пери-

⁴⁸ Редин Е.К. Доклады по византиноведению. С. 633; Евсеев И. Книга Пророка Исая в древнеславянском переводе. СПб., 1897.

⁴⁹ См. к примеру: Тъпкова-Заимова В., Милтенова А. Историко-апокалиптичната книжнина във Византия и в средновековна България. София, 1996. С. 227-240; Милтенова А. «Видение на пророк Исая за последните врем: историко-апокалиптично съчинение от XIII век // *Paleobulgarica*. 16 (1992). № 2; Милтенова А. «Низовата» книжнина през XIII век: сборници, произведения и цикли в българската и в сръбската традиция // *Зборник радова Византолошког института XLVI*, 2009. С. 372.

⁵⁰ Известия XII Археологического съезда в Харькове. С. 110; Редин Е.К. Доклады по византиноведению. С. 634; Труды Двенадцатого Археологического съезда в Харькове. Т. I. 1902. С. 360.

⁵¹ Там же.

⁵² См.: Попруженко М. Г. Синодик царя Бориса. Одеса, 1899. С. 1-6 и ссылки на литературу; Лавров П. А. К вопросу о синодике царя Бориса // *Летописи Историко-филологического общества при Новороссийском университете*. Т. 8. Издание Византино-славянского отделения. 1900. С. 35-136; Лиман С. И. Идеи в латах: Запад или Восток? Средневековье в оценках медиевистов Украины (1804 – первая половина 1880-х гг. Харьков, 2009. С. 391-392.

⁵³ Известия XII Археологического съезда в Харькове. С. 111; Редин Е.К. Доклады по византиноведению. С. 633-634.

⁵⁴ Жирмунский В. М. Эпическое творчество славянских народов и проблема сравнительного изучения эпоса // Жирмунский В. М. Сравнительное литературоведение: Восток и Запад. Л., 1979; Путилов Б. Н. Героический эпос и действительность. Л., 1988; Халанский М. Г. Южно-славянские сказания о Кралеви́че Марке в связи с произведениями русского былевого эпоса. Вып. 1-4. Варшава, 1893-1895.

⁵⁵ Труды Шестого Археологического съезда в Одессе. 1884. Т. 1. Одесса, 1886. С. 31.

оду барокко. Кроме того, Е. К. Редин руководил заседаниями секции «памятников искусств и художеств, нумизматики и сфрагистики», на которых были представлены доклады по византийскому и древнерусскому искусству.

Подобным образом участие в XII Археологическом съезде отразилось и на тематике исследований профессора Харьковского университета, специалиста по церковной истории А. С. Лебедева, который неоднократно обращался к византистике в своих ранних исследованиях и учебных курсах. Во время подготовки к съезду ученый был задействован в исследовании материалов церковных архивов Харьковской и Курской губерний, что и стало основным направлением его исследований в поздний период его творчества.

Начало XX века для византиноведения в Харьковском университете было сложным периодом. Несмотря на то, что в это время, благодаря Е. К. Редину, здесь начала зарождаться искусствоведческая школа, приоритетным направлением которой стали исследования в области византийского искусства, комплексное направление византиноведческих исследований в Харькове так и не сформировалось. Не было и тематики научных исследований, которая бы объединяла харьковских ученых-византистов в начале XX века. XII съезд наглядно продемонстрировал отсутствие местной харьковской византиноведческой школы, которая так и не сложилась до революции и закрытия университета в 1920 г. XII Археологический съезд был важен для харьковской византистики, прежде всего, как масштабный научный форум, на котором присутствовали ведущие ученые-византисты, специалисты по российской и славянской истории из всех университетов и академических учреждений Российской империи. Съезд предоставил харьковским ученым возможности презентации результатов собственных исследований, участия в дискуссиях, знакомства с результатами работы коллег, что продолжало способствовать формированию единого всероссийского научного сообщества ученых, связанных близкой исследовательской тематикой. Это было крайне важно, поскольку кроме переписки с коллегами, участия в работе местных научных обществ, редких зарубежных командировок и публикаций в периодических изданиях, ученые начала XX века были лишены возможности профессионального общения.

XII ARCHAEOLOGICAL CONGRESS AND BYZANTINE STUDY IN KHARKIV

M.Y. DOMANOVSKA

V.N. Karazin Kharkiv National University, Ukraine

e-mail: mdomanovskaya@mail.ru

In the paper the role of XII Archaeological Congress in the development of Byzantine at Kharkov University in the early twentieth century is investigated. Based on the analysis of the participants of the Congress, the content of Byzantine reports and scientific discussions revealed that XII Archeological Congress largely contributed to the formation of the academic community of scholars, Byzantine Studies of the Russian Empire, and many reports have kept the value of Byzantine studies and modern science. Found that XII Archeological Congress for Byzantine Studies in Kharkiv was perhaps the only way to present the results of their own research, which is dominated by an appeal to the Byzantine issues in the context of the history of the South Slavs and Moscow State.

Keywords: Archaeological XII Congress of Byzantine, Kharkov University.

ДАНЫЕ ОБ ЭВОЛЮЦИИ ЧИСЛЕННОСТИ И ЭТНИЧЕСКОМ СОСТАВЕ НАСЕЛЕНИЯ «ОЧАКОВСКОЙ ОБЛАСТИ» В XVIII В.

Д.И. ХАЙДАРЛЫ

*Центр этнологии, Институт
культурного Наследия Академии
Наук Молдовы*

e-mail: arhidamodissey5@mail.ru

Изучение данных, относящихся к эволюции численности и этнического состава населения, обитавшего на протяжении XVIII столетия в южной части Днестровско-Бугского междуречья («Очаковской области»), до 90-х годов XVIII в. находившейся под контролем турецких и крымско-татарских властей и имевшей важное приграничное значение, показало, что территория этого региона активно использовалась вооруженными силами противоборствовавших сторон в ходе русско-турецких войн 1735-1739 гг., 1768-1774 гг., 1787-1791 гг., что влияло на численность и этнический состав проживавшего здесь населения. На основании рассмотренных исторических данных – как опубликованных, так и неопубликованных, обнаруженных в московских архивах – была прослежена эволюция численности различных этнических групп населения, обитавших в регионе в означенный период. Рассматриваются сведения, относящиеся к количественному составу представителей не только оседлого, но и кочевого населения, ранее не подвергавшиеся изучению. В последнее десятилетие XVIII в. область становится владением России и входит в зону широкого освоения представителями оседлых народов.

Ключевые слова: население, этнический состав, численность, территория, «Очаковская область», Днестровско-Бугское междуречье.

Рассмотрение вопросов, связанных с эволюцией численности и этнического состава населения, обитавшего в различные временные периоды в южной части Днестровско-Бугского междуречья, которое входит ныне в основном в состав Одесской и Николаевской областей Украины, с давних времен представляло особый интерес для исследователей. В то же время, следует отметить, что подобного рода вопросы, относящиеся к историческому периоду, охватывающему весь XVIII в. в целом, до настоящего времени остаются недостаточно изученными.

На протяжении большей части XVIII столетия – вплоть до русско-турецких войн 1768-1774 гг. и 1787-1791 гг., – южная зона Днестровско-Бугского междуречья («Очаковская область») находилась под юрисдикцией турецких и крымско-татарских властей. С юга территория этой области ограничивалась побережьем Черного моря, а с севера – речками Ягорлык (левый приток реки Днестр) и Кодыма (правый приток реки Южный Буг). Исключая крепости Очаков и Хаджибей (последний, впрочем, зачастую обозначался в источниках как «замок»), – управлявшиеся представителями турецкой администрации, – вся остальная зона «Очаковской области» представляла собой территорию, подконтрольную крымскому хану, находившемуся в состоянии вассальной зависимости по отношению к турецкой Порте. В западной приднестровской части области, где располагался ряд сёл, в начале XVIII в. (к 1702 г.) турецкими властями была образована отдельная территориально-административная единица с центром в населенном пункте Дубоссары¹ – так называемая Дубоссарская каймакия. Ее управитель – каймакам – находился в подчинении крымского хана.

Основная (степная) часть «Очаковской области» в начале XVIII в. была слабо заселена. В 20-е годы того же столетия в ней отмечено пребывание кочевой ногайской орды яман-сагайдаков², находившейся в подданстве крымского хана. С ноября 1735 г. источни-

¹ Iorga N. Studii istorice asupra Chiliei și Cetății Albe. București, 1958. P. 261.

² Cronica Ghiculeștilor. București, 1965. P. 521.

ки отмечают прибытие в этот район многочисленной ногайской Едисанской орды³, переселившейся сюда с Кубани, куда она несколько ранее (в 1723 г.) перешла из степей, прилегающих к Волге в ее нижнем течении. С осени 1735 г., вплоть до периода русско-турецкой войны 1768-1774 гг., количество кочевого населения в степной зоне «Очаковской области» существенно возрастало. Об эволюции численности Едисанской орды позволяют судить источники данные, относящиеся к количественной стороне выставленных ею вооруженных контингентов. В 1740 г. ногайцы были способны выставить, по оценкам современников, до 40 тыс. вооруженных всадников⁴; в 1758 г., когда ногайцы Едисанской орды бунтовали против крымского хана, они выставили контингент численностью в 60-80 тыс. всадников⁵. Следует иметь в виду, что обычно количество мужчин, способных носить оружие, составляет до 20% от всей численности населения. В случае, если оценки, содержащиеся в документах XVIII в., верны, то общее количество ногайцев Едисанской орды могло в этот период превышать 200-300 тыс. человек обоего пола.

Ногайцы начинают покидать территорию «Очаковской области» в ходе русско-турецкой войны 1768-1774 гг. Часть из них переводилась русским военным командованием на Кубань; многие мигрировали за Дунай, в Добруджу и в Турцию. Окончательно ногайские орды покинули регион к концу русско-турецкой войны 1787-1791 гг.

В отношении оседлального населения юга Левобережья Днестра необходимо отметить следующее. К началу русско-турецкой войны 1768-1774 гг. оседлое население, проживавшее в пределах Дубоссарской каймаками, должно было насчитывать не менее 6 000 человек; среди них упоминаются молдаване, армяне, украинцы, евреи, цыгане, греки⁶, мигранты из-за Дуная (болгары и др.), турки и даже татары. К 1793 г. численность оседлого населения в этом районе, непосредственно прилегавшем к левому берегу Днестра, выросла примерно до 14 тыс. человек⁷.

В соответствии с условиями Ясского мирного договора, заключенного в конце 1791 г., Днестровско-Бугское междуречье вошло в состав Российской империи. В связи с тем, что ногайские орды покинули этот регион, сюда начинается активный приток представителей оседлых народов. Численность оседлого населения этого края (бывшей «Очаковской области») в последнем десятилетии XVIII в. эволюционировала следующим образом: в 1792 г. здесь обитало 23 743 человека обоего пола, в 1793 г. – 31 267, в 1795 г. – 36 769, в 1799 г. – 46 760; в том числе молдаван: в 1792 г. – 11 653 (49,02%), в 1793 г. – 14 993 (47,95%), в 1795 г. – 15 285 (41,57%), в 1799 г. – 18 291 (39,12)⁸.

Следует отметить, что в 90-е гг. XVIII в. этнический состав населения юга Днестровско-Бугского междуречья приобретает более пестрый характер. Особенно возрос удельный вес русских, украинцев, молдаван, греков, а также представителей народов, входивших в состав переселенцев из-за Дуная (болгар, гагаузов и др.). Отмечен приток армянского (особенно в Григориополь), а также еврейского населения. К началу XIX в. ситуация в регионе отличается все большей полиэтничностью.

В период русско-турецкой войны 1787-1791 гг. по настоянию русского военного командования из Молдавского княжества в районы Левобережья Днестра было переселено 6 529 русских старообрядцев. Согласно подсчетам, произведенным Д.И. Багалеем, в период присоединения «Очаковской области» к России в 1790 г. численность ее оседлого населения составляла 19 547 человек⁹.

В 1790 г. российское правительство выделило Черноморскому казацкому войску на поселение земли между Днестром и Южным Бугом. В его состав входили в основном казаки из расформированной еще ранее Запорожской Сечи. В 1790-1792 гг. они разме-

³ Архив Внешней Политики Российской империи. (АВПРИ). Ф. 112. Оп. 1. «Дела едисанских и буджакских татар». Д. 1, 1765. Л. 31; Оп. 1, 1756. Д. 1. Л. 63, 63 об., 64.

⁴ Călători străini despre țările române. Vol. 9 / Ed. De M. Holban. București, 1997. P. 275.

⁵ АВПРИ. Ф. 112. Оп. 1, 1757-1758. В. 1. Л. 111.

⁶ Iorga N. Chilia și Cetatea Albă. P. 261.

⁷ Киртоагэ И.Г., Жаркуцкий И.И. Из истории Левобережья Днестра // Revista de istorie a Moldovei. Chișinău, 1992. Nr. 3 (11). P. 62-65.

⁸ Кабузан В.М. Народонаселение Бессарабской области и Левобережных районов Приднестровья (конец XVIII – первая половина XIX вв.). Кишинев, 1974. С. 58-60.

⁹ Багалий Д.И. Заселения південної України (Запоріжжя й Новоросійського краю) і перші початки її культурного розвитку. Харків, 1920. С. 37.

стились в 25 селениях левобережного Поднестровья – в Парканах, Карагаше, Суклее, Коротном и др. В них проживало 1 759 казацких семейств, насчитывавших 5 068 человек. Войсковое управление (кош) располагалось в селе Слободзея-Руфь на Днестре¹⁰.

В 1792 г. Черноморское войско было выведено на Кубань, а часть бывших запорожцев (около 400 человек), отказавшихся переселиться, осталась на жительство в Левобережном Поднестровье в качестве государственных крестьян.

Отдельный интерес в этот период представляет динамика численности населения в пределах образованного в 1795 г. Тираспольского уезда Вознесенской губернии, который занимал значительную часть территории, расположенной между Днестром и Южным Бугом. В том же году оно составило, как видно из губернской переписи, количество в 22 898 человек¹¹. К концу XVIII в. его численность возрастала довольно быстро: в 1797 г. – 33 279 человек, в 1799 г. – 42 044 человека¹².

Достаточно ускоренный – по сравнению с предыдущим периодом – рост количества оседлого населения в крае явился следствием как принятых властями мер по его колонизации, так и миграций на свободные земли беглых крепостных из русских и украинских губерний.

Помимо русских, украинцев и молдаван, в конце XVIII в. в заселении юга Днестровско-Бугского междуречья приняли участие представители других этнических групп – греки, армяне, евреи, болгары и гагаузы из состава переселенцев из-за Дуная, цыгане, поляки. В дальнейшем развитие культуры и бытовых традиций различных этнических групп в крае происходило в условиях широкого взаимного влияния и взаимодействия.

DATA ON THE EVOLUTION AND ETHNIC COMPOSITION OF POPULATION "OCHAKOV DISTRICT" IN THE XVIII CENTURY

D.I. HAIDARLY

*Centre of Ethnology of the Institute
of Cultural Legacy of the Academy
of Sciences of Moldova*

e-mail: arhidamodissey5@mail.ru

The study data related to the evolution of the number and ethnic composition of the population, which lived during the XVIII century in the southern part of the Dniester and Bug interfluvium ("Ochakov area") showed that in the beginning of XVIII century this region was controlled by Turkish and Crimean Tatar authorities, has a cross-border value, and its territory is intensively used by armed forces of belligerents in the course of Russian-Turkish wars of 1735–1739 gg., of 1768–1774, 1787–1791 centuries that affect the number and ethnic composition of the population lived here. Based on review of the historical data – both published and unpublished, found in the Moscow archives – was traced the evolution of the number of different ethnic groups that inhabited the region at the appointed time. Consider information relating to the quantitative composition of the representatives of not only sedentary but nomadic population, has not previously been examined. In the last decade of the XVIII century region becomes a possession of Russia and is a zone of broad use of the representatives of the settled peoples.

Key words. Population, ethnic composition, number, territory, "Region of Ochakov", interfluvial Nistre-Bug region.

¹⁰ Короленко П.П. Клейноды черноморских казаков // Кубанский сборник. Т. XVIII. Екатеринодар, 1912. С. 436–437.

¹¹ Шмидт А. Краткий исторический взгляд на Херсонскую губернию // Труды Херсонского губернского статистического комитета. Кн. 1. Ч. 1. Херсон, 1863. С. 272.

¹² Там же. С. 276–279.

УДК 94(72/73)"1821/1854"

ЭКСПАНСИЯ США И ФОРМИРОВАНИЕ АМЕРИКАНО-МЕКСИКАНСКОЙ ГРАНИЦЫ. 1821-1854 ГГ.

К.В. МИНЬЯР-БЕЛОРУЧЕВ*Московский государственный
университет имени
М.В. Ломоносова**e-mail: conbel@mail.ru*

Статья посвящена проблемам американской экспансии в контексте формирования границы между США и Мексикой. Объектом исследования является период между 1821 и 1854 гг. – от обретения Мексикой независимости до ратификации американским сенатом договора, устанавливающего окончательную линию американо-мексиканской границы. Формирование границы включало четыре периода: 1) 1821-1835 гг.; 2) 1836-1843 гг.; 3) 1844-1848 гг.; 4) 1848-1854 гг. Первые два периода носили подготовительный характер, на третий период приходятся наиболее существенные территориальные приобретения США, четвертый период стал временем стабилизации американо-мексиканской границы, по итогам которого она приняла современное начертание. Успехи американской политики экспансии стали возможны в результате использования государственно-дипломатических и частно-колониционных инициатив.

Ключевые слова: Северная Америка; США, Мексика, Техас; внешняя политика, международные отношения; территориальная экспансия, границы.

История США в 1-й половине XIX в. – это история американской экспансии. Присоединение новых территорий сопровождалось расширением границ государства. На рубеже XIX-XX вв. американский историк Ф.Дж. Тернер ввел термин «подвижная» или «передвижная граница» (*advancing frontier*) для обозначения внутреннего рубежа неосвоенных пространств, которые постоянно уменьшались в размерах¹. Однако не менее подвижными вплоть до сер. XIX в. являлись и государственные границы (по аналогии *advancing boundary*). Вопросы территориальной экспансии и формирования государственной границы тесно связаны и едва ли могут рассматриваться независимо друг от друга. Особый интерес представляет история формирования границы между двумя первыми независимыми государствами в Северной Америке – США и Мексикой. Хронологические рамки данного исследования охватывают временной промежуток между обретением Мексикой независимости от Испании в 1821 г. до ратификации американским сенатом в 1854 г. договора между США и Мексикой («покупка Гадсдена», 1853), по которому была зафиксирована граница между этими государствами, так же, как и граница основного массива территории США (так называемые сопредельные или смежные Соединенные Штаты)².

Вплоть до завоевания Мексикой независимости в 1821 г. Соединенные Штаты граничили исключительно с колониальными владениями европейских государств – Великобритании, Испании, Франции. Окончательная победа мексиканской революции ознаменовала появление в Северной Америке второго после США независимого государства, что поставило на повестку дня, в том числе и вопросы, касающиеся границ между ними. Первая американо-мексиканская граница была унаследована Мексикой из своего колониального прошлого. В 1819 г. представителями США и Испании был заключен так наз. Трансконтинентальный договор, установивший границу на всем протяжении североамериканского континента – от Мексиканского залива до Тихого океана. Граница прошла по течению рек Сабин, Ред-Ривер и Арканзас и соединяющим их меридиональным линиям, затем от истока реки Арканзас на север до 42° с.ш. и далее вдоль этой линии до Тихого океана³. На протяжении предшествующих полутора десятилетий (с момента покупки Со-

¹ Turner F.J. *Frontier in American History*. New York, 1920. P. 2.

² Сегодня им соответствует территория США без учета двух штатов – Аляски и Гавайев, а также всех заморских владений, объединяющая 48 оставшихся штатов и округ Колумбия, которые составляют единый массив сопредельных (иначе – смежных) территорий.

³ U.S. Statutes at Large. Vol. 8. Boston, 1867. P. 252-274.

единенными Штатами Луизианы у Франции в 1803 г.) линия прохождения границы между США и испанскими владениями в данном районе не была определена. Сегодня принято считать, что между 1803 и 1819 г. граница проходила по водоразделу западного берега Миссисипи, однако это не было закреплено ни в официальных документах того времени, ни на местности. Два года ушло на ратификацию Трансконтинентального договора, который вступил в силу в феврале 1821 г. Полгода спустя Мексика стала фактически независимой (официально Испания признала независимость своей бывшей колонии в 1836 г.), но, несмотря на то, что мексиканское правительство не оспаривало достигнутые Испанией территориальные договоренности, официально американо-мексиканская граница была установлена договором 1828 г. (вступил в силу в 1832 г. после ратификации) – в строгом соответствии с линией 1819 г.⁴

Один из наиболее деликатных вопросов при заключении Трансконтинентального договора касался Техаса. Вскоре после покупки Луизианы президент США Томас Джефферсон заявил, что Техас является частью приобретенной территории⁵. Подобное утверждение не имело под собой достаточных оснований, реальными действиями американцы также не спешили подтвердить озвученные территориальные притязания. Данный вопрос поднимался при проведении границы в 1819 г. и при последующей ратификации договора в сенате, однако американская сторона относительно легко отказалась от претензий на Техас (в том числе и потому, что договор закреплял за США Флориду, захваченную в предшествующее десятилетие)⁶. Однако официальный отказ США от своих более чем сомнительных притязаний на Техас не означал ни того, что американцы более не рассчитывают на освоение и присоединение указанных территорий, ни того, что они рассматривают свои южные границы как фиксированные и неизменные.

В американо-мексиканских отношениях между 1821 и 1854 гг. в контексте проблемы территорий и границ можно выделить четыре периода: 1) 1821-1835; 2) 1836-1843; 3) 1844-1848; 4) 1848-1854. Первые два периода носили подготовительный характер, на третий период приходится наиболее существенные территориальные приобретения США, наконец, четвертый период стал временем стабилизации американо-мексиканской границы, когда она приняла современное начертание. Объектами интереса Соединенных Штатов являлись Техас, Новая Мексика и Калифорния, причем на протяжении первых трех периодов в отношениях США и Мексики центральное место занимал техасский вопрос. Все американские инициативы можно разделить на две группы: государственно-дипломатические и частно-колониационные; соотношение инициатив каждой группы существенно различалось в зависимости от периода.

Первый период (1821-1835) характеризуется умеренной заинтересованностью официального Вашингтона в территориальной экспансии – речь шла преимущественно о Техасе. Между 1821 и 1835 г. американское правительство четыре раза выступало с инициативой о покупке Техаса (в 1825, 1827, 1829 и 1835 гг.). Точные размеры территорий, которые рассчитывали присоединить США, должны были стать объектом переговоров, – инструкции, которые американские представители в Мексике получали из Вашингтона, содержали различные варианты новой американо-мексиканской границы. В качестве возможных вариантов предлагались течение реки Бразос; течение реки Колорадо⁷; верхнее и среднее течение реки Колорадо и течение реки Лавака; междуречье рек Рио-Гранде и Нуэсес и горная цепь по левому берегу Рио-Гранде; течение Рио-Гранде. Основными аргументами в пользу территориальных приобретений выступали необходимость отодвинуть границу от Нового Орлеана, а также установить полный контроль Соединенных Штатов за течениями и бассейнами рек Ред-Ривер и Арканзас. Кроме того, американцы рассматривали Техас как ключ к дальнейшим приобретениям, которыми должны были

⁴ Ibid. P. 372-377. Подробнее об эволюции политической карты Северной Америки в XIX в. см.: Миньяр-Белоручев К.В. Североамериканская подсистема международных отношений в XIX в.: проблемы политической географии // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. «Социально-гуманитарные науки». Вып. 19. 2012. № 32. С. 32-35.

⁵ Jefferson Th. The Works of Thomas Jefferson. Vol. 1-10. New York; London, 1904-1905. Vol. 10. P. 29; Gallatin A. The Writings of Albert Gallatin. Vol. 1-3. Philadelphia, 1879. Vol. 1. P. 145.

⁶ Brooks P.C. Diplomacy and the Borderlands: The Adams-Onís Treaty of 1819. Berkeley (Ca.), 1939. P. 170, 193.

⁷ Река Колорадо, принадлежащая бассейну Мексиканского залива; не путать с рекой Колорадо, принадлежащей бассейну Калифорнийского залива, речь о которой пойдет ниже.

стать Новая Мексика и Калифорния. При этом, по мнению американских властей, мексиканская сторона тоже получила бы выгоду от уступки территорий – за счет укрепления безопасности: воинственные племена команчей, населявшие Техас, должны были оказаться по американскую сторону границы; новое начертание границы в меньшей степени способствовало бы возникновению споров между США и Мексикой, что снизило бы вероятность конфликтов; кроме того, увеличением компактности территории страны столица Мехико приближалась к географическому центру государства⁸.

Мексиканское правительство, однако, не было расположено торговать своим территориями, и его представители отказывались даже обсуждать с американцами подобную перспективу. Поверенный в делах США в Мексике Энтони Батлер летом 1835 г. следующим образом оценивал сложившуюся ситуацию: чисто дипломатическими методами обеспечить присоединение Техаса вряд ли удастся, при этом вхождение Техаса в состав США – вопрос времени, и аннексия станет реальностью вне зависимости от усилий американского правительства; следовательно, по мнению Батлера, Соединенные Штаты должны занять жесткую позицию, чтобы управлять событиями, а не оказаться захваченными ими врасплох. Однако находившаяся у власти администрация Эндрю Джексона не была готова к ужесточению внешнеполитического курса и использованию силового давления для осуществления территориальных приобретений⁹.

Предупреждения Батлера о неизбежности аннексии вне зависимости от усилий Вашингтона имели под собой вполне определенные основания. Частноколониционные инициативы американских граждан, приступивших к освоению территории Техаса в начале 1820-х гг., за 15 лет принесли гораздо более ощутимые плоды, чем действия официального Вашингтона. В 1821 г. Мозес Остин получил разрешение испанских колониальных властей на въезд в Техас 300 семей американских поселенцев. После скоропостижной кончины Остина и провозглашения Мексикой независимости его сын Стивен был вынужден на самом высоком уровне (решение мексиканского конгресса) подтверждать полученное отцом разрешение на выделение американским колонистам земли в Техасе¹⁰.

Параллельно мексиканские власти принимают законы о колонизации, создававшие благоприятные условия для привлечения в страну иностранных колонистов. Законы предусматривали выделение прибывающим из-за рубежа поселенцам больше земли по более низкой цене (с рассрочкой платежа), чем можно было получить в соседних Соединенных Штатах. Так, в Техасе за минимальный надел пахотной земли в 177 акров надо было заплатить от 2,5 до 3,5 долларов, за надел пастбищной земли в 4428 акров – 30 долларов, для выплаты которых предоставлялась рассрочка на 21 год¹¹. Принимаемые меры были ориентированы на то, чтобы привлечь поселенцев не столько из США, сколько из-за океана – из Европы. Расчет на европейскую иммиграцию не оправдался, однако в Техас в массовом порядке стали прибывать граждане соседних Соединенных Штатов.

Колония Остина была основана в 1823 г., став первым и наиболее успешным организованным поселением выходцев из США на территории Техаса. Об успехе колонизации можно судить на основании следующих цифр: в 1830 г. в Техасе насчитывалось более 10 тыс. американцев, к 1834 г. эта цифра удвоилась, а в 1836 г. достигла 35 тыс., что было в 10 раз больше, чем число проживающих на этой территории мексиканцев¹². К концу 1820-х гг. власти Мексики начинают активно выражать беспокойство по поводу неконтролируемого потока североамериканцев. Министр иностранных дел Мексики Лукас Аламан, вероятно, лучше других описал сложившуюся ситуацию: «Наша Республика потеряет Техас, если не будут предприняты адекватные меры, чтобы его спасти» и «Когда другие посылают армии вторжения... [американцы] посылают своих колонистов»¹³.

⁸ Clay H. The Papers of Henry Clay. Vol. 1-11. Lexington (Ky.), 1959-1992. Vol. 4. P. 173. Vol. 6. P. 308; Diplomatic Correspondence of the United States. Inter-American Affairs, 1831-1860. Vol. 1-12. Washington, 1932-1939 Vol. 8. P. 3-4, 295-296.

⁹ Diplomatic Correspondence of the United States. Inter-American Affairs. Vol. 8. P. 294.

¹⁰ Documents of Texas History. Austin (Tex.), 1963. P. 45-46.

¹¹ Ibid. P. 48-50.

¹² Weber D.J. The Mexican Frontier, 1821-1846: The American Southwest under Mexico. Albuquerque (NM), 1982. P. 177.

¹³ Цит. по: Weber D.J. Op. cit. P. 170.

Мерами, призванными остановить поток переселенцев из США, стали декрет от 15 сентября 1829 г. об отмене рабства в Мексике (осваивавшие Техас выходцы из южных рабовладельческих штатов США активно использовали труд чернокожих рабов; за пределами Техаса численность рабов в Мексике была незначительной) и закон от 6 апреля 1830 г., запрещавший американским колонистам селиться в Техасе и вводивший запрет на ввоз рабов на территорию Мексики. Однако эти меры открыто игнорировались и не принесли желаемых результатов. Уже в конце 1829 г. мексиканское правительство дало разъяснение, что отмена рабства не распространяется на Техас, а осенью 1833 г. была отменена статья закона от 6 апреля 1830 г., касающаяся запрета американцам осваивать Техас¹⁴. По меткому выражению Стивена Остина, все попытки мексиканского правительства поставить барьер на пути американской колонизации (в качестве одного из вариантов рассматривалось привлечение в Техас европейских переселенцев, недавно прибывших в США) были равносильны «попыткам остановить Миссисипи соломенной дамбой»¹⁵.

Противостояние американских поселенцев в Техасе и мексиканских властей достигло высшей точки в 1835 г. Поводом для недовольства техасцев стало начало реализации программы по резкой централизации управления страной, которую инициировал президент Мексики генерал Антонио Лопес де Санта-Анна (указанные действия принято рассматривать как государственный переворот, поскольку они прямо противоречили положениями мексиканской конституции 1824 г.). В ответ Техас выступил против Санта-Анны, «подняв оружие в защиту своих прав и свобод, которые оказались под угрозой посягательств со стороны военной деспотии, и в защиту республиканских принципов федералистской конституции Мексики 1824 г.»¹⁶ Результатом дальнейшей эскалации конфликта стало провозглашение Техасом независимости: «Наш политический союз с мексиканским государством навеки прекращается, и народ Техаса учреждает СВОБОДНУЮ, СУВЕРЕННУЮ и НЕЗАВИСИМУЮ РЕСПУБЛИКУ»¹⁷, – говорилось в соответствующей декларации, принятой Национальным конвентом Техаса 2 марта 1836 г. Санта-Анна лично отправился на подавление мятежа. Несмотря на численное преимущество, мексиканские войска были разбиты в битве при Сан-Хасинто наспех сформированным техасским ополчением, а Санта-Анна оказался в плену у повстанцев, где был вынужден подписать договор, который техасская сторона трактовала как признание независимости. В этом же договоре содержалось положение, согласно которому граница между Техасом и Мексикой будет установлена отдельным соглашением, при этом территория Техасской республики не должна была простирается за Рио-Гранде¹⁸. Мексиканский конгресс в ответ низложил Санта-Анну и дезавуировал подписанный им договор.

Особенностью второго периода (1836-1843) является усложнение международно-политической конфигурации в Северной Америке. Выход Техаса из состава Мексики создавал благоприятные условия для начала нового этапа американской экспансии, однако официальный Вашингтон занял в этом вопросе более чем осторожную позицию. В марте 1837 г. США официально признали независимость Техаса, однако обращение Техасской республики о вхождении в состав Соединенных Штатов было отклонено летом 1837 г.¹⁹ С одной стороны, отказ Мексики признавать независимость Техаса и отсутствие определенности в вопросе мексикано-техасской границы означали, что для США аннексия чревата войной с Мексикой. С другой – поскольку экономика Техаса была основана на использовании рабского труда, против вхождения Техаса в состав США резко выступали представители свободных от рабства северных штатов.

В декабре 1836 г. техасский конгресс принял закон, устанавливающий государственные границы страны в одностороннем порядке: граница с Мексикой была проведена

¹⁴ Ibid. P. 174-176; Sprague W.F. Vicente Guerrero, Mexican Liberator: A Study in Patriotism. Chicago, 1936. P. 104-107.

¹⁵ Цит. по: Timmons W.H. Tadeo Ortiz and Texas // Southwestern Historical Quarterly. Vol. 72. No. 1. July 1968. P. 33.

¹⁶ Documents of Texas History. P. 90.

¹⁷ Ibid. P. 99.

¹⁸ Ibid. P. 117-118.

¹⁹ A Compilation of the Messages and Papers of the Presidents, 1789-1897. Washington, 1896-1899. Vol. 3. P. 281-282; Diplomatic Correspondence of the United States. Inter-American Affairs, 1831-1860. Vol. 12. P. 11-13.

по Рио-Гранде вплоть до ее истока, а затем строго на север вплоть до 42° с.ш.²⁰ Притязания техасцев на столь обширные территории (более 1 млн. кв. км) не подкреплялись ни исторической традицией, ни реальным контролем. Исконные техасские земли объединяли три округа мексиканского штата Коауила и Техас (округа Бексар, Бразос и Накогдочес; ранее эта территория была известна как провинция Техас). Южной границей Техаса традиционно являлась река Нуэсес, западная граница также никогда ранее не доходила до Рио-Гранде. Таким образом, независимая Техасская республика помимо собственно Техаса и части Коауилы претендовала также на территории, которые входили в состав двух других мексиканских штатов (Тамаулипас, Чиуауа) и двух федеральных территорий (Новая Мексика, Верхняя Калифорния), при этом в составе Техаса оказывалась столица Новой Мексики Санта-Фе. В действительности техасцы не контролировали столь обширные территории – власть новой республики не простиралась далее исторических земель Техаса. Мексиканское правительство, в свою очередь, не признавало ни выход мятежных областей из состава страны, ни одностороннее расширение техасской территории.

После обретения Техасом независимости южная граница США распалась на три части: ее наиболее восточный участок стал границей с Техасом, западная часть продолжала отделять США от Мексики, в то время как статус центрального участка границы оказался под вопросом. По официальным документам невозможно определить с кем, по мнению самих американцев, в данном районе граничили США – с Мексикой или же с формально претендующим на эти территории Техасом. Не добавила ясности и конвенция о демаркации государственной границы, заключенная между США и Техасом в апреле 1838 г., – соглашение содержало ссылку на договор с Мексикой 1828 г., однако обходило вопрос о том, на какие территории распространяется суверенитет Техасской республики, а также не предусматривала немедленной демаркации спорного участка границы²¹.

Во 2-й пол. 1830-х – нач. 1840-х гг. Техас успешно развивался как независимое государство, признанное помимо США, также правительствами Великобритании, Франции, Нидерландов и Бельгии (но не Мексики). Вопрос об аннексии не поднимался ни в Техасе, ни в США, однако отношение техасцев к этой проблеме лучше всех выразил президент Техаса Сэм Хьюстон: «желание аннексии» – это «волеизъявление народа Техаса», однако «осуществление этого желания... откладывается»²². Вхождение Техаса в состав США имело широкую поддержку в южных рабовладельческих штатах и не менее широкую оппозицию в свободных от рабства северных. Поток переселенцев из США (преимущественно из южных штатов) нарастал – в 1840 г. население Техаса составило ок. 70 тыс. чел. Однако все попытки техасцев установить контроль над территориями, на которые они выдвигали притязания, окончились неудачей – наиболее ярким примером стала экспедиция лета 1841 г. по захвату Санта-Фе, участники которой оказались в мексиканском плену.

В начале 1840-х гг. активизируется интерес американцев к другой части Мексики – Калифорнии, которая принимает первую тысячу американских поселенцев (так же, как и в случае освоения Техаса данные инициативы носили частно-колониционный характер). В 1842 г., руководствуясь ложными слухами о начале войны с Мексикой, командующий тихоокеанской эскадрой США коммодор Томас Джонс высадился в калифорнийском порту Монтерей и объявил о включении Калифорнии в состав Штатов. Американское правительство дезавуировало действия командующего эскадрой и принесло официальные извинения мексиканской стороне, однако данный эпизод можно рассматривать как своеобразную заявку на повторение техасского сценария в более жестком варианте²³.

На третий период (1844-1848) приходится новый раунд экспансии США, объектами которой стали Техас и Мексика. В результате осуществленных в этот период территориальных приобретений полностью изменилась граница 1819 и 1828 г. В 1844 г. вопрос об аннексии Техаса был поставлен на политическую повестку дня в США. Техасский вопрос не потерял своей взрывоопасности, однако контроль за американской внешней политикой оказался в руках группы южных экспансионистов, которые были готовы рискнуть как

²⁰ Documents of Texas History. P. 125.

²¹ U.S. Statutes at Large. Vol. 8. P. 511.

²² Houston S. The Writings of Sam Houston, 1813-1863. Vol. 1-8. Austin (Tex.), 1938-1943. Vol. 2. P. 153.

²³ Diplomatic Correspondence. Inter-American Affairs. Vol. 8. P. 127-128; Brooke G.M., Jr. The Vest Pocket War of Commodore Jones // Pacific Historical Review. Vol. 31. No. 3 (Aug. 1962). P. 217-233.

внешне-, так и внутривнутриполитическими осложнениями ради расширения территории страны за счет присоединения Техаса. Договор о вхождении Техаса в состав США был подписан в начале 1844 г., но сама аннексия состоялась только в следующем году (американский сенат отказался ратифицировать договор, и сторонникам аннексии пришлось искать альтернативные механизмы реализации уже достигнутых внешнеполитических договоренностей)²⁴. Мексика, несмотря на неоднократно озвученную позицию о своей готовности рассматривать аннексию как акт объявления войны со стороны США, ограничилась формальным протестом²⁵.

Границы присоединяемых территорий не были нигде официально определены, что давало возможность американскому правительству, отталкиваясь от официальной позиции Техасской республики, выдвинуть новые территориальные претензии по отношению к Мексике. В декабре 1845 г. в послании к конгрессу США президент Джеймс Полк заявил, что в результате присоединения Техаса «территория Соединенных Штатов... была мирным путем расширена вплоть до Рио-Гранде»²⁶. Параллельно с утверждением американских «прав» на озвученные земли американский президент рассчитывал приобрести Верхнюю Калифорнию и не вошедшую в Техас часть Новой Мексики. Для ведения переговоров по указанным вопросам осенью 1845 г. в Мексику был направлен Джон Слайдел. Согласно полученным инструкциям, установление границы по Рио-Гранде являлось обязательным условием любого соглашения, за дальнейшие территориальные уступки со стороны Мексики Слайдел мог предложить следующие суммы: 25 млн. долларов за Новую Мексику и Верхнюю Калифорнию, 20 млн., в случае, если США получали Новую Мексику и северную часть Верхней Калифорнии (предполагаемая граница должна была пройти между Сан-Франциско и Монтереем), и 5 млн. за одну Новую Мексику²⁷.

Вести переговоры Слайделу предстояло с позиции силы: американское правительство недвусмысленно демонстрировало готовность начать военную операцию, в случае если мексиканцы не проявят достаточно сговорчивости. Миссия Слайдела закончилась провалом – мексиканская сторона отказалась его принять. Влиятельные группы в Мехико, включая католическую церковь и армию, проявляли открытое недовольство потерей Техаса и неспособностью властей защитить государственные интересы страны на международной арене. В декабре 1845 г. в мексиканской столице произошел государственный переворот. Позиция новых властей была однозначна: Мексика должна с оружием в руках отстаивать свою территориальную целостность против иностранного вторжения.

Начавшаяся весной 1846 г. война завершилась полной победой США, чьи войска оккупировали мексиканскую столицу. Заключенный по итогам войны мирный договор (договор Гуадалупе-Идальго, 1848) был подписан под диктовку американской стороны. Условия договора стали итогом своеобразного компромисса внутри США между сторонниками и противниками экспансии, между представителями южных и северных штатов. Наиболее радикальные южные экспансионисты озвучили идею аннексии всей Мексики, «симметричным» ответом северных радикалов стало требование немедленного вывода из Мексики всех войск и заключения договора, устанавливающего южную границу США по пустыне, разделяющей бассейны рек Нуэсес и Рио-Гранде. Значительная часть северян соглашалась на присоединение северной части Верхней Калифорнии с бухтой Сан-Франциско. Администрация Полка предлагала провести новую границу так, чтобы в состав США вошли большая часть центральной Мексики, Верхняя и Нижняя Калифорнии с

²⁴ U.S. Congress. Senate Executive Journal. 28th Congress, 1st session. June 8, 1844. P. 312; U.S. Statutes at Large. Vol. 5. Boston, 1856. P. 797-798, Vol. 8. P. 1-2; Documents of Texas History. P. 148.

²⁵ Diplomatic Correspondence of the United States. Inter-American Affairs. Vol. 8. P. 557, 567, 716-717.

²⁶ A Compilation of the Messages and Papers of the Presidents. Vol. 4. P. 387; Library of Congress. Papers of James Knox Polk. Microfilm Edition. Series 3. Reel 56. Memoranda of Acts of the Texan Congress Relating to the Territory West of the Nueces River. 1845.

²⁷ Library of Congress. Papers of James Knox Polk. Microfilm Edition. Series 2. Reel 41. James Polk to John Slidell. September 17, 1845; John Slidell to James Polk. September 25, 1845; James Polk to John Slidell. October 3, 1845; Series 2. Reel 43. John Slidell to James Polk. November 26, 1845; Diplomatic Correspondence of the United States. Inter-American Affairs. Vol. 8. P. 172-193.

Калифорнийским заливом: в качестве новой границы предлагались 26° с.ш. (по устью Рио-Гранде) или линия порт Тампико – массив Сьерра-Мадре – 25° или 26° с.ш.²⁸

В своем ежегодном послании к американскому конгрессу президент Полк озвучил условия, которые Соединенные Штаты поставили перед мексиканской стороной: установление границы по Рио-Гранде и 32° с.ш.; при этом граница по Рио-Гранде и присоединение к США Новой Мексики и Калифорнии являлись обязательными требованиями, в то время как включение в состав США Нижней Калифорнии рассматривалось лишь как желательное, но не непременно условие заключения мира²⁹. В соответствии с условиями итогового договора, Мексика признавала вхождение в США Техаса (с границей по Рио-Гранде), а также уступала оставшуюся часть Новой Мексики и Верхнюю Калифорнию. В качестве компенсации за уступку территорий Мексика получала 15 млн. долл.³⁰

Четвертый период (1848-1854) представляет собой завершающий этап формирования американо-мексиканской границы. Его основное содержание можно разделить на две части. Во-первых, это острые дебаты внутри Соединенных Штатов относительно административно-территориальной организации присоединенных территорий. Речь шла, с одной стороны, об установлении границ Техаса в качестве штата, а с другой – о том, будут ли остальные территории, отторгнутые у Мексики, открыты для рабства³¹. Во-вторых – демаркация границы с Мексикой, уточнение линии прохождения новой границы и исправление ошибок (географического характера), допущенных при заключении договора Гуадалупе-Идальго. Эти ошибки были основаны на неточностях географических карт, которыми пользовались представители Соединенных Штатов. Хотя ранее президент Полк заявил, что к западу от Рио-Гранде граница с Мексикой пройдет по 32° с.ш., ссылка на точные географические координаты в договоре отсутствовала. Вместо этого новая американо-мексиканская граница описывалась следующим образом: течение Рио-Гранде (по середине главного фарватера) – южная граница Новой Мексики (расположенная к северу от Эль-Пасо) – западная граница Новой Мексики – течение реки Хила вплоть до впадения в Колорадо – граница Верхней и Нижней Калифорнии вплоть до Тихого океана. Кроме того, к договору была приложена карта, на основании которой следовало судить о линии прохождения южной и западной границы Новой Мексики (и, соответственно, американо-мексиканской границы на этом участке)³².

Сложность заключалась в том, что приложенная карта Мексики (так называемая карта Дитстернела), несмотря на то, что была выпущена в 1847 г., основывалась на устаревших данных (ее основой послужили переиздания карты Таннера 1822 г.). На карте Дитстернела Рио-Гранде была обозначена на два градуса восточнее, а Эль-Пасо – на полградуса севернее их реального местонахождения. Указанные расхождения выявились в 1850 г. в ходе демаркации границы. При этом мексиканская сторона настаивала на том, что за основу следует взять географические координаты границы в соответствии с картой, в то время как американские представители считали, что более важным является реальное взаимоположение объектов на местности. Ситуация осложнялась тем, что южная и западная границы Новой Мексики, обозначенные на карте, в действительности не были делимитированы. В ходе работы комиссии по демаркации в 1851 г. была согласована следующая линия прохождения границы (так называемое соглашение Барлета–Конде): $32^{\circ}22'$ с.ш. на протяжении трех градусов к западу от Рио-Гранде, после чего граница поворачивала на север (на два градуса западнее, чем проходила западная граница Новой Мексики). Данный вопрос вызвал оживленное обсуждение в американском конгрессе. Наиболее последовательно против предложенного соглашения выступали представители южных штатов: по их мнению, границу следовало установить в строгом соответствии с заключенным договором, вне зависимости от того, какие ошибки были допущены на

²⁸ U.S. Congress. House Journal. 30th Congress, 1st session. January 3, 1848. P. 175, 179-180; Meing D.W. The Shaping of America. A Geographical Perspective on 500 Years of History. Vol. 1-4. New Haven (Conn.), 1986-2004. Vol. 2. P. 147-149.

²⁹ A Compilation of the Messages and Papers of the Presidents. Vol. 4. P. 538.

³⁰ U.S. Statutes at Large. Vol. 9. Boston, 1862. P. 922-943.

³¹ Подробнее см.: Миньяр-Белоручев К.В. Рабство на новых территориях: проблема территориального урегулирования в США по итогам войны с Мексикой, 1848-1850 гг. // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. «Социально-гуманитарные науки». Вып. 17. 2011. № 30. С. 18-24.

³² U.S. Statutes at Large. Vol. 9. P. 926.

карте; иными словами, речь шла о том, чтобы провести границу по 31°52' с.ш. Основной причиной, по которой южане выступали против компромиссного урегулирования вопроса, являлось их стремление включить в состав США долину Месилья, главная ценность которой заключалась в том, что она представляла наиболее удобный путь для строительства южного маршрута трансконтинентальной железной дороги (при этом вопрос, обеспечит ли линия 31°52' с.ш. возможность строительства в этом районе железной дороги по американской территории, оставался открытым)³³.

Параллельно нарастала напряженность вдоль спорного участка границы – весной 1853 г. мексиканская сторона взяла под свой контроль долину Месилья, согнала с земли проживающих там американских граждан, а также отправила регулярные армейские части для защиты данной территории. Американские власти на местах были настроены решительно, однако официальный Вашингтон не был заинтересован в эскалации вооруженного конфликта³⁴. Новый президент США Франклин Пирс не признавал легитимность соглашения Барлета–Конде, но вместо того, чтобы продолжать споры о том, где должна проходить граница, установленная договором Гуадалупе-Идальго, предпочитал открыть переговоры о покупке у Мексики дополнительных территорий. Вести переговоры было поручено Джеймсу Гадсдену, назначенному американским послом в Мексике. Инструкции Гадсдена предусматривали разные варианты прохождения новой границы. В зависимости от размеров территориальных уступок, которые варьировались от 47 до 324 тыс. кв. км, он был уполномочен предложить мексиканскому правительству компенсацию с максимальным пределом от 15 до 50 млн. долл. Наиболее радикальные предложения предусматривали изменение начертания границы на всем ее протяжении, с включением в состав США северных частей штатов Тамаулипас, Ноэво-Леон, Коауила, Чиуауа, Сонора, а также всей Нижней Калифорнии³⁵.

В ходе переговоров мексиканская сторона заявила о своей готовности пойти на минимально возможные уступки, необходимые для строительства американцами железной дороги, в обмен на компенсацию в 15 млн. долл. При этом, в качестве минимально возможных уступок американцы получали территорию, более чем в два раза превышавшую их самое умеренное предложение. Единственной причиной, по которой мексиканское правительство (у власти в очередной раз находился Санта-Анна) согласилось на изменение границы, было отчаянное финансовое положение; более существенные территориальные уступки, однако, вряд ли позволили бы Санта-Анне удержаться у власти. В ходе обсуждения договора в американском сенате весной 1854 г. противники экспансии сумели на одну пятую сократить размер присоединяемых территорий (до 78 тыс. кв. км), а также уменьшить размер компенсации до 10 млн. долл. Мексиканская сторона согласилась с указанными изменениями, и летом 1854 г. договор вступил в силу. По сравнению с договором Гуадалупе-Идальго, изменение коснулось участка между Рио-Гранде и Колорадо: новая линия границы шла от Рио-Гранде по 31°47' с.ш. на протяжении ста миль (160 км) на запад, затем поворачивала на юг до 31°20' с.ш. и продолжалась на запад вдоль указанной линии до 111° з.д., затем шла по прямой до точки, находящейся в 20 милях (32 км) ниже по течению от места слияния рек Хила и Колорадо, и вверх по течению до слияния указанных рек³⁶. В отличие от договора Гуадалупе-Идальго договор 1853 г. (известный как «покупка Гадсдена») описывал границу в максимально строгих географических терминах без привязки к конкретной карте.

Ратификация договора 1853 г. обозначила завершение процесса формирования американо-мексиканской границы. За рассматриваемый период Мексика уступила Соединенным Штатам в общей сложности территории площадью чуть менее чем 2,5 млн. кв. км – 55% своей территории. Столь существенное увеличение территории США стало результатом политики экспансии, сочетающей государственно-дипломатические и частно-колониционные инициативы. За длительным подготовительным этапом, продол-

³³ Garner P. *The Gadsden Treaty*. Philadelphia, 1923. P. 11-17, 22-25; Griswold del Castillo R. *Treaty of Guadalupe Hidalgo: A Legacy of Conflict*. Norman (Ok.), 1990. P. 55-62; Rebert P. *La Gran Línea: Mapping the United States-Mexico Boundary, 1849-1857*. Austin (Tex.), 2001. P. 5-9.

³⁴ Garner P. *Op. cit.* P. 71-74.

³⁵ *Diplomatic Correspondence of the United States. Inter-American Affairs*. Vol. 9. P. 144-148.

³⁶ *Ibid.* P. 619-621, 689-695; *U.S. Statutes at Large*. Vol. 10. Boston, 1855. P. 1031-1037.

жавшимся более двадцати лет (1821-1843), последовал короткий 4-летний период «взрывной» экспансии (1844-1848), когда и были осуществлены основные приобретения. Наконец, заключительный этап, продолжавшийся чуть более 6 лет (1848-1854), стал временем точечной корректировки и стабилизации границы. С одной стороны, столь существенное и практически одномоментное увеличение территории страны обострило внутренние противоречия американского общества по вопросу о рабстве, став вехой на пути к Гражданской войне (1861-1865). С другой – присоединение необъятных территорий, ранее входивших в состав Мексики, позволило Соединенным Штатам стать ведущей державой Западного полушария, а также послужило одним из ключевых элементов последующей заявки на вступление в клуб «великих держав».

AMERICAN EXPANSION AND THE MAKING OF U.S.-MEXICAN BOUNDARY. 1821-1854

K.V. MINYAR-BELORUCHEV

*Lomonosov Moscow State
University*

e-mail: conbel@mail.ru

The article is devoted to the study of American expansion in the context of formation of U.S.-Mexican boundary. The research covers the years between 1821 and 1854, from Mexico achieving independence till the U.S. Senate ratification of the treaty finalizing U.S.–Mexican boundary. The formation of U.S.-Mexican boundary can be divided into four periods: 1) 1821-1835; 2) 1836-1843; 3) 1844-1848; 4) 1848-1854. The first two periods can be labeled as preliminary, the third period witnessed the most fundamental territorial acquisitions of the U.S., while the fourth period was that of stabilizing of the boundary, when it took its present shape. Success of U.S. expansionist policy came as a result of both official ‘diplomatic’ and private ‘colonizing’ initiatives.

Key words: North America; United States, Mexico, Texas; Foreign Policy, International Relations; Territorial Expansion, Boundaries.

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ СТАТУСЕ РЕЙХСВЕРА В 1919-1920 ГГ.

В.К. РЕДЬКИН

*ГБОУ СОШ № 1375,
г. Москва*

Статья посвящена правовым нормам, определявшим принципы организации и деятельности вооружённых сил Веймарской республики на начальном этапе её становления (1919-1920 гг.). В ней раскрываются основные положения таких ключевых актов, как Конституция Германии 11 ноября 1919 г., Закон о создании временного рейхсвера от 6 марта 1919 г., вводное положение к закону о создании временного рейхсвера и Закон об отмене всеобщей воинской повинности и регулировании срока военной службы от 21 августа 1920 г., непосредственно касающихся строительства вооружённых сил. Анализируются двойственные моменты в положении немецкой армии, вызванные революционными изменениями в стране и зафиксированные законодательно, и некоторые проблемы рейхсвера, требовавшие дальнейшего развития соответствующей нормативно-правовой базы.

Ключевые слова: рейхсвер, Закон о создании временного рейхсвера, военный министр, кашповский путч.

Поражение Германии в Первой Мировой войне и падение в этой стране власти кайзера, связанное с Ноябрьской революцией, привело к серьёзным изменениям во многих сферах жизни государства. В ходе оформления новых политических структур Германии, связанного с переходом от монархии к республиканской форме правления, а также с политическими коллизиями, сопровождавшими развитие Германской революции, происходило формирование основных норм и положений, определяющих порядок функционирования различных государственных институтов Веймарской республики. Процесс этот не мог не затронуть и одного из основных институтов Второго рейха – немецкой армии, переименованной в рейхсвер. В 1919-1921 гг. был принят целый ряд законодательных актов, установивших формы и рамки, в которых отныне должна была протекать деятельность вооружённых сил Германии, и которые – как минимум, в теории – обеспечивали преодоление сложившейся практики двух параллельных властей (гражданской и военной) и чрезмерного усиления роли военного руководства, вызванного условиями Первой Мировой войны, ныне окончившейся.

Основным законом республиканской Германии стала конституция Веймарской республики, принятая 11 ноября 1919 г. Хотя в ней было уделено определённое внимание и вопросам функционирования вооружённых сил, конституция, имевшая в целом достаточно общий характер, устанавливала лишь самые основные требования к рейхсверу и предоставляла достаточно широкий простор для уточняющих норм, определяющих существование вооружённых сил Германии. В частности, ею провозглашалось, что оборона страны является исключительной прерогативой Рейха (статьи 6 и 79). Верховное главнокомандование вооружёнными силами находилось в руках рейхспрезидента (ст. 47), который мог использовать их, в том числе, для поддержания закона и порядка в стране в случае серьёзных угроз и нарушений (ст. 48); министр же рейхсвера, как и все прочие министры, нес полную ответственность перед рейхстагом¹. Таким образом, уже в первый год Веймарской республики рейхсвер признавался основным законом государства, опорой государственной власти – в том числе и в случае дестабилизации внутривластной обстановки (что в 1919 г. было вполне ожидаемо). С другой стороны, это достаточно традиционное положение принципиально отличалось от довоенной ситуации хотя бы теоретическим существованием эффективного контроля гражданской власти над военными.

Положения германской конституции получили раскрытие в ряде других документов. Главными из них, касающимися вооружённых сил новой Германии, были несколько законов о вооружённых силах. Первый из них, Закон о создании временного рейхсвера, с кото-

¹ Die Verfassung des Deutschen Reichs vom 11. August 1919 // Reichsgesetzblatt. 1919. S. 1383.

рого начинается, собственно, история новой немецкой армии, был принят немецким Национальным собранием ещё до принятия конституции, 6 марта 1919 г.² Основные идеи, на которых было заложено дальнейшее развитие вооружённых сил Германии, были сформированы именно в этом документе. В соответствии с ним, рейхспрезидент был уполномочен «распустить существующую армию и создать временный рейхсвер», который вплоть до создания новых постоянных вооружённых сил защищал бы внешние границы Германии, защищал всенародно избранное правительство и поддерживал бы порядок и спокойствие внутри страны. (§1) Чётко была сформулирована основная задача армии, в соответствии с которой складывались ожидания гражданских властей Германии по отношению к вооружённым силам: «защита всенародно избранного правительства»³. Тем не менее, закон от 6 марта 1919 г., по существу, не определял ещё ни формы, ни структуры вооружённых сил, а лишь закреплял существующее положение, ставя разрозненные добровольческие формирования на службу республике. На устанавливаемый законом порядок комплектования вооружённых сил явно повлияли недавние революционные события в Германии: с одной стороны, армия должна была строиться на «демократических началах», с другой же – в её состав могли входить как индивидуальные добровольцы, так и уже существующие союзы самообороны, однако формировалась армия на основе уже существующих фрайкоров (§2.1), доказавших свою верность Веймарской республике в зимних боях с левыми. Предпочтение в получении офицерских званий давалось «надёжным унтер-офицерам и нижним чинам» (§2.3). В этой мере можно видеть явную уступку демократическим тенденциям, направленную на привлечение на сторону власти многочисленных испытанных в боях фронтовиков, однако она (особенно положение о приоритетном праве унтер-офицеров на получение офицерских званий) вскоре привела к ожесточённому конфликту в германском военном руководстве между начальником сухопутного управления генералом В. Рейнхардтом, с одной стороны, и военным министром Грёнером и генералом фон Сектом – с другой; последние, одержав верх, практически сорвали реализацию данного положения, отдав предпочтение штабным офицерам.⁵

Закон о создании временного рейхсвера, касавшийся лишь сухопутных войск Германии, был дополнен законом от 16 апреля 1919 г. об образовании временного военно-морского флота,⁶ который, в целом, повторял основные положения закона от 6 марта 1919 г. Более подробно положения законов о создании временного рейхсвера и временного военно-морского флота были раскрыты в т.н. вводных положениях к соответствующим законам, принятым в те же дни, что и они.⁷

Вводное положение к закону о создании временного рейхсвера определило, что главнокомандующим временным рейхсвером является рейхспрезидент, осуществляющий управление войсками через министра рейхсвера и, в пределах его компетенции, прусского военного министра (§§1,2); сохранение поста военного министра Пруссии являлось очевидным пережитком системы, существовавшей в кайзеровской Германии. Министр рейхсвера был в этой системе ключевой фигурой; к его компетенции относилось распределение средств военного бюджета (§7), регулирование дисциплинарных вопросов (§13), решение ряда хозяйственных вопросов. Однако в наибольшей степени его полномочия отразились в новом распределении полномочий между выборными органами руководства в войсковых частях и военным министерством. Вводное положение к закону о создании временного рейхсвера резко ограничивало полномочия выборных органов руководства в войсковых частях, и, напротив, резко расширяло права министра. По существу, за выборными представителями были оставлены, по существу, лишь вопросы «обеспечения частей, отпусков и апелляций», причём формы их деятельности должны

² Gesetz über die Bildung einer vorläufigen Reichswehr // Reichsgesetzblatt. 1919. S. 295-296.

³ Frevert U. A nation in barracks: modern Germany, military conscription and civil society. Oxford, 2004. P. 239.

⁴ Термин Mannschaften не имеет абсолютно точного соответствия в русском языке; в дальнейшем мы будем пользоваться при переводе понятием «нижние чины», а не «рядовые», памятуя об отсутствии в германской системе званий самого звания «рядовой».

⁵ Whaley B. Covert German Rearmament, 1919-1939: Deception and Misperception. Frederick, 1984. P. 134.

⁶ Gesetz über die Bildung einer vorläufigen Reichsmarine // Reichsgesetzblatt. 1919. S. 431-432.

⁷ Ausführungsverordnung zum Gesetz über die Bildung einer vorläufigen Reichswehr // Reichsgesetzblatt 1919. S. 296-298; Ausführungsverordnung zum Gesetz über die Bildung einer vorläufigen Reichsmarine // Reichsgesetzblatt. 1919. S. 432-434. Параграфы указаны по вводному положению к закону о создании временного рейхсвера.

были более подробно определяться всё тем же министром рейхсвера (§4). Демократические принципы функционирования армии, сложившиеся в ходе революции, постепенно начали отступать перед кодифицированными нормами. При этом приведению к общему виду подлежали не только «развёрнутые демократией» воинские части, но и такая опора (на 1919-й год) центральной власти, как добровольческие вооружённые формирования. Военный министр имел возможность самостоятельно принимать решение, какие из добровольческих союзов, фольксверов и тому подобных организаций принимать или присоединять к рейхсверу; при этом не принятые в рейхсвер добровольческие вооружённые организации снимались с государственного довольствия (§8). Практически аналогичные пункты содержались и во Вводном положении к закону о создании временного военно-морского флота.

Нужно заметить, что, нося теоретически вспомогательный по отношению к самим законам характер, вводные положения к ним являлись документами едва ли не большей практической важности, поскольку не только декларировали некие положения, но устанавливали механизм их реализации, причём такой, что это явно способствовало осуществлению надёжного контроля со стороны легитимизированной власти над формируемыми вооружёнными силами. Наконец, в данных положениях содержался и новый текст присяги военнослужащего: «Я обещаю, что буду вести себя как смелый и честный солдат, посвящу защите Германской империи и моего отечества в любое время и в любом месте всю свою силу, буду защищать избранное народом правительство и оказывать соответствующее подчинение».⁸

Принятие Германией условий Версальского мирного соглашения 28 июня 1919 г. не могло не иметь серьёзных последствий для вооружённых сил, связанных, прежде всего, с сокращением и дальнейшим разоружением временного рейхсвера, и вызвало кодификацию нового положения немецкой армии. Однако первоначально все изменения в вооружённых силах республики протекали вне рамок гражданского правового пространства, регулируясь внутриармейскими актами. Можно предположить, что сокращение немецких вооружённых сил в рамках Версальского договора, проходившее с широким размахом, не требовало немедленного закрепления в соответствующих законах потому, что ответственность за него была возложена вместе с должностью председателя Комиссии по организации армии мирного времени на генерала Ханса фон Секта, до того представлявшего Генеральный штаб Германии на мирной конференции в Версале,⁹ и потому имевшего возможность плавно перейти от обсуждения статей мирного договора к их воплощению в жизнь.

Принципиальные изменения в правовом статусе как вооружённых сил Германии, так и военнослужащих рейхсвера, произошли лишь после капповского путча. Последний, произошедший в марте 1920 г., обнажил многие из проблем немецкой армии. Самой главной из них стало то, что рейхсвер к этому моменту ещё не мог считаться в полной мере соответствующим своему определённому конституцией и прочими законодательными актами статусу. С одной стороны, как и предполагалось в 1919 г., рейхсвер действовал (точнее, бездействовал) как внеполитическая сила¹⁰. Однако в то же время он не выполнял своего главного предназначения – защиты существующего строя от возможных посягательств, не только справа, но и слева. В ходе путча армия заняла выжидающую позицию, в основном, не поддержав путчистов, но и не подавив их выступление силой, как того требовал главнокомандующий и президент Фридрих Эберт. Но, несмотря на то, что путчисты потерпели поражение, вызванное консолидацией против них германского общества и, вероятно, неготовностью идти на крайние меры вроде развязывания гражданской войны, меры, принятые по отношению к вооружённым силам, имели, в основном, кадровый характер. Были сняты со своих постов несколько армейских генералов (включая В. Рейнхардта) и значительная часть флотского командования, а министр рейхсвера Носке, обвинённый в том, что он создал вооружённые силы, не вполне преданные интересам государства, вынужден был подать в отставку. Открытых же выводов организационного характера со стороны власти не последовало, и сама система управления армией и

⁸ Ausführungsverordnung zum Gesetz über die Bildung einer vorläufigen Reichswehr. § 11.

⁹ Meier-Welcker H. Seeckt. Frankfurt-a/M., 1967. S. 217.

¹⁰ Winkler H.A. Weimar, 1918-1933: die Geschichte der ersten deutschen Demokratie. München, 1993. S. 121.

её подчинённости оставалась без изменений. Вероятно, это следует связать не столько с тем, что гражданское руководство страны во главе с президентом Эбертом не желало изменять сложившееся положение дел, а с тем, что оно практически не могло предпринять серьёзных мер для приведения армии к безоговорочному повиновению, не имея для этого эффективных инструментов.

Тем не менее, в данной связи следует упомянуть и прокомментировать Закон об отмене всеобщей воинской повинности и регулировании срока военной службы от 21 августа 1920 г. Он гласил, в частности, следующее: «Вооружённые силы Германии состоят из рейхсвера и имперского военно-морского флота, набираемых из солдат-добровольцев... Всеобщая воинская обязанность отменяется... Число солдат в рейхсвере составляет с 1 января 1921 г. 100 тысяч человек, в военно-морском флоте 15 тысяч»¹¹. На первый взгляд, появление данного акта в преддверии принятия очередного военного закона выглядит непонятным. Воинская обязанность, формально продолжавшая существовать, фактически не применялась с момента послевоенной демобилизации, а с 6 марта 1919 г. не существовало и механизма для её применения. Сокращение же вооружённых сил до требуемых пределов началось ещё в 1919 г., и, в общем, также не требовало срочного принятия специального закона, закрепляющего их предельный размер. Однако если рассматривать закон от 21 августа 1920 г. как имеющий основной целью закрепление международных обязательств Германии, и демонстрацию готовности её правительства идти в проведении реформы до конца, он выглядит вполне логичной мерой. Это может быть подкреплено и тем, что, в отличие от других законов о вооружённых силах, он вводился в действие с момента опубликования в полном объёме¹².

Таким образом, к концу 1920 г. нормы, в соответствии с которыми организовывался и функционировал рейхсвер, в своих основных чертах были сформированы и начали действовать. Однако практика показала наличие ряда серьёзных сложностей, связанных с местом, занятым немецкими вооружёнными силами в Веймарской республике, которые не могли быть устранены без дальнейшего развития соответствующего законодательства. Всё это привело к разработке и появлению нового, особо важного документа, определившего направление развития и формы деятельности вооружённых сил Веймарской республики – военного закона от 23 марта 1921 г., явившего, наконец, подробную и чёткую схему строительства вооружённых сил Германии.

TO THE QUESTION OF THE LAW STATUS OF REICHSWEHR IN 1919-1920

V.K. RED'KIN

*Secondary School 1375,
Moscow*

The article is devoted to law defining the principles of organization and operation of the armed forces of the Weimar Republic in the initial stage of its development (1919-1920). It reveals the main standings of the key acts as the Constitution of Germany 11 November 1919, the Law on Establishment of the Provisional Reichswehr (March 6, 1919), the introduction to the Law on Establishment of the Reichswehr and the Law on the abolition of conscription and on regulation of military service (21 August 1920), directly related to the construction of the armed forces. It analyzes the dual aspects in the status of German army, caused by the revolution in the country and enshrined in law, and some problems of the Reichswehr that required further development of an appropriate regulatory legal base.

Key words: Reichswehr, the Law on Establishment of the Provisional Reichswehr, Minister of War, the Kapp Putsch.

¹¹ Gesetz über die Abschaffung der allgemeinen Wehrpflicht und die Regelung der Dauer der Dienstverpflichtung // Reichsgesetzblatt 1920. S. 1608.

¹² Ibid. S. 1609.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

УДК 94(47).027(093)

ВОСПРИЯТИЕ СВОБОДЫ/НЕСВОБОДЫ В ДОМОНГОЛЬСКОЙ РУСИ

И.Н. ДАНИЛЕВСКИЙ

*Национальный
исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
г. Москва*

e-mail: viddanin@mail.ru

Современное сугубо положительное восприятие концепта *свобода* сформировалось относительно недавно. Даже в начале XX в. в нем еще ясно прослеживались остаточные негативные коннотации. Обращение к древнерусским источникам домонгольского периода подтверждает такое впечатление. Человек, освободившийся от внешнего принуждения, в Древней Руси рассматривался, скорее, как человек *несчастный*. И напротив, ситуация, когда человек становится *холопом* (по существу, рабом), рассматривается даже им самим как сугубо положительная. При этом позитивные коннотации восприятия несвободы тесно связаны со статусом лица, от которого зависит данный субъект: чем выше социальное положение этого лица, тем лучше. Крайняя степень несвободы — раб Божий — сугубо положительна. Свободное же состояние характеризовалось, скорее, отрицательными ассоциациями.

Ключевые слова: свобода, зависимость, восприятие, счастье, несчастье, Древняя Русь.

Сравнивая современные культурораспецифичные концепты *свобода*, *freedom* и *liberty* с латинским *libertas*, А. Вежбицкая пришла к следующему выводу: «...Латинский концепт сосредоточен на отсутствии хозяина (на том, что ты не раб), тогда как русский концепт сосредоточен на отсутствии ощущения какого-либо внешнего принуждения. Соответствующий английский концепт сосредоточен... на выборе и на отсутствии вмешательства со стороны других людей»¹. При этом подчеркивается, что «русский концепт *свобода*, развивавшийся в историческом контексте, весьма отличном от контекста Англии или Рима..., предполагает приятное отсутствие ограничений какого бы то ни было рода»². По предположению А. Вежбицкой, «*свобода*, в отличие от *freedom*, может рассматриваться как нечто такое, что произвольным образом дано другим лицом», при этом «семантический профиль слова *свобода* можно связать с политической историей России: деспотизм царей, отсутствие демократических структур или действенной правовой си-

¹ Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М., 1999. С. 456.

² Там же. С. 460.

стемы, в равной степени относящейся ко всем, значение произвольно осуществляемой власти и желание ускользнуть от этой власти и т.д.»³

Однако все эти концепты исторически изменчивы. Современное значение понятия *свобода* — с его сугубо положительным восприятием — сформировалось относительно недавно. Так, в начале XX в. в этом концепте, судя по всему, еще ясно прослеживались остаточные негативные коннотации (достаточно вспомнить реплику Фирса из второго акта чеховского «Вишневого сада» /1903/, который характеризует *свободу/волю* как *несчастье*). Выход из крепостного состояния, судя по всему, многими крепостными был воспринят именно так: они теряли свой прежний социальный статус, не приобретая нового, становились маргиналами, не имевшими определенного места в жизни, — а, следовательно, и гарантированных средств к существованию.

Обращение к древнерусским источникам домонгольского периода подтверждает такое впечатление. Само слово *свобода* используется здесь крайне редко. Так, на всем протяжении Повести временных лет (1113-1118) оно лишь трижды встречается в Ипатьевской и однажды в Лаврентьевской летописи — и исключительно в библейских цитатах. Характерно, что в Лаврентьевской летописи оборот *свободихомся от греха* в Послании к Римлянам, из которого он позаимствован, имеет продолжение, не упомянутое, но, очевидно, подразумеваемое летописцем: «Но ныне, когда вы освободились от греха *и стали рабами Богу...*» (Рим 6 22)⁴. Редко встречается оно и в древнерусских законодательных источниках. Так, в Пространной Русской Правде (XII в.) термин *свобода* упомянут всего трижды⁵.

При этом, человек, освободившийся от внешнего принуждения, в Древней Руси рассматривался, скорее, как человек *несчастный*. Термин *изгой*, обозначающий субъекта, утратившего связи со своей социальной группой, имеет в древнерусских памятниках явно негативные коннотации. И напротив, ситуация, когда человек становится *холопом* (по существу, рабом), рассматривается им самим — вопреки нашим ожиданиям — как сугубо положительная.

Яркие примеры такого отношения к зависимому положению мы находим в Молебнии Даниила Заточника (конец XII — начало XIII в.).

Прежде всего, ясно, что автор оценивает свое нынешнее положение как «нищету» и, возможно (если учитывать любовь создателя «Слова» к каламбурам), «художество»⁶. Судя по контексту уже первых строк, Даниил сетует на то, что «ест пепел, как хлеб», пи-

³ Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М., 1999. С. 458 (со ссылкой на: Wittfogel K. Oriental despotism: A comparative study of total power. New Haven: Yale University Press, 1963; Федотов Г. Россия и свобода: Сб. статей. New York: Chalidze; Соловьев В. Собрание сочинений: В 14 т. СПб: Просвещение; Brussels: Foyer Oriental Chrétien, 1966-1970).

⁴ «Нынѣ же, свободышеса шт грѣха, порабощышеса Богови» (Библия 1499 года и Библия в синодальном переводе: В 10 т. Т. 8. М.: Издательский отдел Московского Патриархата, 1992. С. 179).

⁵ «Продасть ли господинъ закупа обель, то наимиту свобода во всѣхъ кунахъ» (ст. 61 — Правда Русская / под ред. Б.Д. Грекова. Т. 1: Тексты. М.; Л., 1940. С. 111, 130, 156, 173, 194, 223, 254, 287, 308, 335, 382, 430, 431); «Аже будутъ роббы дѣти у мужа, то задници имъ не имати, но свобода имъ смертию» (ст. 98 — там же. С. 115, 132, 160, 176, 198, 227, 259, 272, 290, 313, 338, 359, 386, 446, 447); «А се уроци ротнии: от головы 30 кунъ, а от бортноѣ земли 30 кунъ бес трии кунъ, тако же и от ролейноѣ земли, а от свободы 9 кунъ» (ст. 109 — там же. С. 116, 129, 162, 177, 229, 260, 291, 314, 339, 388, 450, 451). Кроме того, в Русской Правде упоминаются «свободные люди» (ст. 87 — там же. С. 114, 132, 159, 175, 196, 226, 257, 289, 311, 337, 358, 385, 440, 441) и «свободный муж» (ст. 17 — там же. С. 71, 80, 398; ст. 37 — там же. С. 107, 125, 152, 170, 189, 219, 249, 269, 284, 304, 332, 350, 375, 416, 417; ст. 62 — там же. С. 111, 130, 156, 173, 194, 224, 254, 287, 308, 335, 355, 382, 430, 431; ст. 65 — там же. С. 112, 131, 157, 173, 194, 224, 254, 287, 309, 335, 356, 382, 430, 431; ст. 66 — там же. С. 112, 128, 157, 174, 195, 224, 255, 288, 309, 335, 356, 382, 432, 433; ст. 121 — там же. С. 117, 133, 163, 178, 200, 230, 262, 272, 292, 315, 340, 361, 389, 456, 457).

⁶ В исторических словарях русского языка это слово определяется как поступки, действия (Лексика и фразеология «Моления» Даниила Заточника. Л., 1981. С. 218-219); худые дела (Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1903. Т. 3. Стб. 1416); искусная, убедительная речь, ловкое оболъщение, искусство, мастерство, ремесло; знание, искусство, умение; хитрость, обман (Дьяченко Г. Полный церковнославянский словарь. М., 1998. Т. 2. С. 797). Однако в данном случае речь, скорее всего, все-таки идет о нынешнем — худом, крайне плохом — положении автора: «Се же бѣ написах, бѣжа от лица художества моего» (Л.В. Соколова переводит *художество* как *убожество*).

тье его «растворено слезами», он «низвержен»⁷. К нему — «как разбойник» — пришли бедность и нужда⁸. Создается впечатление, что из-за какого-то конфликта, в котором он сам был повинен (возможно, по собственному нерадению) и в котором раскаивается, Даниил был изгнан и теперь вынужден скитаться из дома в дом в «земле чужой».

При этом Даниил довольно четко описывает, что именно в своей жизни он считает несчастьем:

- прежде всего, это то, что характеризуется словом *нищета* («вопию к тобѣ, одержимъ нищетою»⁹, «княже мои, господине! избави мя от нищеты сея»¹⁰, «лѣпше смерть, ниже продолженъ животъ в нищети»¹¹);

- что он понимает под нищетою, можно «реконструировать» (точнее, догадываться) на основании некоторых образов, которыми оперирует автор: «егда веселишися многими брашны, а мене помяни, *сух хлѣбъ ядуца*; или пиши слаткое питие, а менѣ помяни, *теплу воду пьюще, праха нападша от мѣста незавѣтрена*¹²; егда ляжеши на мягькихъ постеляхъ под собольими одѣялы, а менѣ помяни, *под единым платом лежаща и зимою умирающа, и каплями дождевыми яко стрѣлами сердце пронизающе*»¹³ — картина, согласитесь, довольно впечатляющая;

- следствием и составной частью *нищеты* является то, что наш персонаж вынужден терпеть многие обиды: «азъ бо есмь, княже господине, аки трава блещена, растяще на застѣнии, на нюже ни солнце сияеть, ни дождь идет; тако и азъ всѣми обидимъ есмь»¹⁴, «азъ бо есмь, княже, аки древо при пути: мнозии бо поскѣкають его и на огонь мечють: тако и азъ всѣм обидимъ есмь»¹⁵, причем, видимо, наибольшие нравственные страдания доставляют ему обиды, исходящие от близких людей («Друзи же мои и ближнии мои и тии отвръгошася мене, зане не поставих пред ними трепезы многообразныхъ брашень»¹⁶. Мнози бо дружатся со мною, погнѣтающе руку со мною в солило, а при напасти аки врази обрѣтаются¹⁷ и паки помагающе подразити нози мои»¹⁸; очима бо плачются со мною, а сердцемъ смѣють ми ся»¹⁹), — из этого следовал горький вывод: «тѣмъ же не

⁷ «И бысть умъ мой — аки ночныи вранъ на нырици, забдѣхъ» (ср.: «Я стал как филин на развалинах; не сплю и сижу, как одинокая птица на кровле. Всякий день поносят меня враги мои, и злобствующие на меня кланут мною. Я ем пепел, как хлеб, и питье мое растворяю слезами, от гнева Твоего и негодования Твоего, ибо Ты вознес меня и низверг меня» — Пс 101 7–11).

⁸ «Се же бѣ написах, бѣжа от лица художества моего» (ср.: «Доколе ты, ленивец, будешь спать? когда ты встанешь от сна твоего? Немного поспишь, немного подремлешь, немного, сложив руки, полежишь: и придет, как прохожий, бедность твоя, и нужда твоя, как разбойник. Если же будешь не ленив, то, как источник, придет жатва твоя; скудость же далеко убежит от тебя» — Притч 6 9–11).

⁹ А: 12.

¹⁰ А: 14.

¹¹ А: 11.

¹² Ср.: «Насыштяся многосластьнааго пития, помяни пиюштааго теплоу воду, отъ слънца въстопѣвьши, и тоу же пороха нападъши отъ мѣста незавѣтръна» (Изборник 1076 года / изд. подг. М.С. Мушинская, Е.А. Мишина, В.С. Гольшенко; под ред. А.М. Молдована. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. Т. 1. С. 237).

¹³ А: 20 (исправлено по Т). Ср.: «Сѣдящю ти надъ многообразичною тряпезою, помяни соухъ хлѣбъ ядоуштааго и не могоуштааго си воды принести, недоуга ради... Насыштяся многосластьнааго пития, помяни пиюштааго теплоу воду, отъ слънца въстопѣвьши и тоу же пороха нападъши, отъ мѣста незавѣтръна» (Изборник 1076 года. С. 235–236, 237).

¹⁴ А: 7.

¹⁵ А: 15. Ср.: «Всякое дерево, не приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь» (Мф 3 10, 7 19; Лк 3 9).

¹⁶ Ср.: «Бывает другом участник в трапезе, и не останется с тобою в день скорби твоей» (Сир 6 10).

¹⁷ Ср.: «Он же сказал в ответ: опустивший со Мною руку в блюдо, этот предаст Меня» (Мф 26 23).

¹⁸ Ср.: «Когда пошатнется богатый, он поддерживается друзьями; а когда упадет бедный, то отталкивается и друзьями» (Сир 13 25).

¹⁹ Ср.: «Устами своими враг усладит тебя, но в сердце своем замышляет свергнуть тебя в яму: глазами своими враг будет плакать, а когда найдет случай, не насытится кровью» (Сир 12 15).

ими другу вѣры, ни надѣйся на брата²⁰»²¹;

- при ближайшем рассмотрении оказывается, что, по мнению Даниила, источник всех этих несчастий — один: отсутствие княжеской *грозы*, направленной против тех, кто сегодня обижает Даниила («зане оградим есмь страхом грозы твоеа, аки оградомъ твердымъ»²², «зане ограженъ есмь страхом грозы твоеа»²³); это — главная милость, которую может оказать князь нашему *нищему*; ее тот, видимо, по своей вине лишился и теперь, во что бы то ни стало, хочет получить вновь («помилуй мя, сыне великаго царя Владимира, да не восплачюся рыдая, аки Адамъ рая; пусти тучю на землю художества моего»²⁴).

Остро переживая состояние несчастья, Даниил формулирует собственные представления о счастье. В основу рассуждений на эту тему он, видимо, кладет общепринятые «сценарии» счастливой жизни. Их оказывается не так уж много, поначалу всего два: 1) служба у князя; 2) счастливая женитьба — «у богата тестя чти [чести — И.Д.] дѣля: а ту пей и яжь»²⁵. Чуть позже (в первой половине XIII в., в так называемом «Молении») к ним добавляются еще два: 3) уход в монастырь и, наконец, 4) служба у боярина. Однако все они — за исключением первого — для Даниила суть *несчастье*. Собственно, едва ли не все «Слово» сводится к своеобразному объяснению, почему это так.

Наиболее краток Даниил в определении того, почему служба у боярина для него — тоже *несчастье*:

«лучше бы ми нога своя видети в лыченицы в дому твоємъ, нежели в черленѣ сапозѣ в боярстем дворѣ; лучше бы ми в дерюзе служити тебѣ, нежели в багрянице в боярстемъ дворѣ»²⁶; «лучше бы ми вода пити в дому твоєм, нежели пити мед в боярстем дворѣ; луче бы ми воробей испечен приимати от руки твоея²⁷, нежели плеча борания от руки злых злых государь»²⁸.

Точнее, он даже не пытается этого объяснить. Видимо, для него и для потенциального читателя «Моления» и так все ясно. Разгадка, кажется, кроется в том, что у боярина явно недостает «грозы», коей в избытке владеет князь:

«Кормникъ глава кораблю, а ты, княже, людемъ своимъ. Видех полцы без добра князя и рѣкох: велик звѣр, а главы не имѣеть. Мужа глава женамъ, а мужем князь, а князю Богъ»²⁹;

«Вода мати рыбам, а ты, княже, людем своимъ»³⁰.

Показательно и то, что во всех пассажах о князе, «пародирующих» Священное Писание, слово «князь» обычно замещает первоначальные «Господь», «Бог»...

Что же касается статуса «боярина», который явно не удовлетворяет Даниила, то он, видимо, косвенно определяется следующим словом следующей «мирской притчи»:

«Глаголет бо ся в мирских притчах: “ни птица во птицах сычь; не скот въ скотех коза; ни в звѣрех звѣрь еж; ни рыба в рыбах ракъ; **не холоп в холопех,**

²⁰ Ср.: «Не верьте другу, не полагайтесь на приятеля» (Мих 7 5).

²¹ А: 10 (исправлено по Т).

²² У: 12.

²³ Ч: 12.

²⁴ А: 12. Ср.: «Посему изреки пророчество, сын человеческий, и скажи Гогу: так говорит Господь Бог: не так ли? в тот день, когда народ Мой Израиль будет жить безопасно, ты узнаешь это; и пойдешь с места твоего, от пределов севера, ты и многие народы с тобою, все сидящие на конях, сборище великое и войско многочисленное. И поднимешься на народ Мой, на Израиля, как туча, чтобы покрыть землю: это будет в последние дни, и Я приведу тебя на землю Мою, чтобы народы узнали Меня, когда Я над тобою, Гог, явлю святость Мою пред глазами их» (Иез 38 14-16).

²⁵ А: 37 (исправлено по Т).

²⁶ Ч: 36.

²⁷ Вот оно, казалось бы, несчастье — печеный воробей на обед!

²⁸ У: 29.

²⁹ У: 20.

³⁰ У: 24.

кто у холопа работает; не муж в мужехъ, которыи жены слушает»³¹...

Боярин сам является княжеским холопом. Это уже не боярин Киевской Руси, не старший дружинник. Он — высокопоставленный представитель княжеского «двора», «служебной организации». Как определяют В.Б. Кобрин и А.Л. Юрганов, «слуга мог приобретать большую власть и собственные владения, но по отношению к слуге господин имел всегда принципиально больше прав, чем к вассалу. <...> Министерялы [слуги] пользовались по закону правом иметь собственность, но это право было ограниченным. «Закон рассматривал их не как государственных подданных или вассалов, а как людей, принадлежавших частному лицу и составляющих предмет его владения»³²»³³.

Принципиально важным для нашей темы является то, что составитель «Слова» вполне определенно указывает потенциальные *источники* счастья и несчастья. В этом отношении, пожалуй, самое удивительное заключается в том, что практически единственным источником счастья, если строго следовать тексту, может являться князь (если, конечно, исключитом Стоящего над ним). Только он — гарант того, что (со всей условностью) Даниил *мог бы* назвать счастьем. Отсюда следует вывод: единственное *счастлирое* состояние, которое может представить себе создатель «Слова» и, тем более «Моления», — *холопское* состояние.

При этом, естественно, было бы неверно полагать, будто в данном случае речь идет о холопах-рабах Русской Правды. Сам статус холопа конца XIII в. принципиально отличен — в глазах современников — от обельных холопов начала XII в. По словам А.Л. Юрганова, «в слове “холоп” для русского средневекового человека не было ничего оскорбительного. В нем звучала даже благочестивая нота: все мы рабы Божьи, а значит, и холопы государя, власть которого от Бога! В том не было унижения достоинства, но формулой “Яз, холоп твой”, тем не менее, фиксировалась история становления в средневековой Руси особого типа взаимоотношений верховной власти и подданных, влиявшего на умонастроение людей и их ценностную ориентацию. Холопами были все, кто не входил в великокняжескую семью»³⁴.

Видимо, именно такое — сугубо положительное — восприятие даже крайних форм личной зависимости от князя и послужило основанием для создания панегирика холопскому состоянию, в котором «автор» этого произведения так жаждет попасть.

Тем не менее, как говорит «сам» Даниил Заточник, «аще бы котлу золоты колца во ушью, но дну его не избыти черноты и жжения его. Тако же и холопу: аще бо паче мѣры гордѣливъ былъ и буявъ, но укору ему своего не избыти — холопгья имени»³⁵.

И в этом тоже есть своя логика.

Перед нами — гимн. Гимн холопскому состоянию. Вот оно — счастье для «среднего» человека древней Руси.

При этом следует отметить еще одну характерную черту восприятия свободы/несвободы в домонгольской Руси: позитивные коннотации восприятия несвободы тесно связаны со статусом лица, от которого зависит данный субъект. Чем выше социальное положение того, в чьем непосредственном подчинении находится данный человек, тем лучше. Крайняя степень несвободы — раб Божий — сугубо положительна. Крайняя же степень свободы, когда человек не зависит ни от кого, — сугубо отрицательна, поскольку тождественна *художеству*, если говорить словами Даниила Заточника. Видимо, именно поэтому полная нищета подвижников-монахов, о которой идет речь, в частности, в Киево-Печерском патерике, воспринимается исключительно позитивно. В то время как нищета мирянина, попавшего в положение изгоя, характеризуется как величайшее горе.

О том, что эта мысль была близка и дорога многим современникам и ближайшим потомкам «Заточника», свидетельствует многовековая жизнь «Слова» («Моления»!) в культуре древней Руси.

³¹ У: 66 (выделено мною. — И.Д.).

³² Колесницкий Н.Ф. К вопросу о германском министерялитете X-XII вв. // Средние века. М., 1961. Вып. 20. С. 42 [примечание В.Б. Кобрин и А.Л. Юрганова].

³³ С. 54-55.

³⁴ Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. М., 1998. С. 216.

³⁵ Ч: 37.

Длительное и, видимо, достаточно широкое хождение «в народе» «Моления» («Слова») Даниила дает достаточные основания, с одной стороны, для распространения полученных выводов на весь период бытования текста, с другой, — позволяет вносить временные коррективы на основании изменений исходного текста.

Таким образом, представления о свободе в домонгольской Руси отличаются значительным своеобразием. В отличие от современных представлений, в то время именно несвобода воспринималась как благо, с позитивными коннотациями, в то время как свободное состояние характеризовалось, скорее, отрицательными ассоциациями.

THE PERCEPTION OF FREEDOM IN PRE-MONGOL RUS'

I.N. DANILEVSKIY

*Higher School of Economics,
Moscow*

e-mail: viddanin@mail.ru

Modern – especially positive – perception of the concept *svoboda* (freedom) was created relatively recently. Negative connotations in it residual still were clearly traced even at the beginning of the XX century. The appeal to the pre-mongol Rus' sources confirms such impression. The person exempted from external coercion, in Old Rus' was considered more likely as the person unfortunate. And on the contrary, a situation, when the person becomes a *kholop* (in essence, a slave), is considered as especially positive. Thus positive connotations of the perception of dependence are closely connected with the status of the person on which he was dependent: the more social status of this person was higher, the more it was better. Extreme degree of dependence – the Christian – was especially positive. The free condition was characterized more likely by negative associations.

Keywords: freedom, dependence, independence, perception, misfortune, good fortune, Old Rus'.

ЧИСЛЕННОСТЬ КОРПОРАЦИИ ЕЛЕЦКИХ СЛУЖИЛЫХ КАЗАКОВ В КОНЦЕ XVI – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.

А.Ю. РОЩУПКИН

*Воронежский государственный
университет*

e-mail:
alex.roschupkin@rambler.ru

В данной статье рассматриваются вопросы, связанные с определением численности корпорации служилых казаков на территории Елецкого уезда в период конца XVI – первой половины XVII века. Для создания объективной картины произошедших изменений были привлечены материалы Поместного и Разрядного приказов. Тщательный анализ документов позволил определить, как колебалась численность служилых казаков в различные временные промежутки, какие факторы повлияли на количественные изменения и насколько долгим был процесс создания корпорации елецких казаков. Помимо этого удалось восстановить ход событий, отражающих внутреннюю сторону жизни города.

Ключевые слова: полковые казаки, беломестные казаки, «сведенцы», поместные казаки, «задонские» казаки.

Во второй половине XVI в. российское правительство начало проявлять активность в освоении земель на реке Оке и территории Поля, следствием чего стало планомерное укрепление пограничных областей, способствующих борьбе с Крымским ханством. На юге появляются новые города Крапивна и Венев, в 1566 г. в верховьях Дона строится Епифань, двумя годами позже правительство возводит Данков¹. Наиболее удаленными в степь оказываются построенные в 1585 г. Ливны² и Воронеж³. Они по мысли правительства должны были обозначить эти территории в составе Московского государства, а также закрыть Муравский и Кальмиусский шляхи и дороги к низовым казакам⁴. По замечанию В.П. Загоровского эти меры не смогли препятствовать в 1591 г. проходу отрядов хана Казы-Гирея. Татары прошли к Москве между городами, оставив Ливны слева, а Воронеж справа, за Доном⁵. В связи с этим правительство принимает решение отправить воеводой князя А.Д. Звенигородского и городского мастера И. Катеринина на Поле для строительства крепости на месте Елецкого городища⁶.

С 1592 г. начинается интенсивное строительство города и заселение близлежащей округи. Для эффективного функционирования крепости правительством было определено необходимое количество служилых людей «по отечеству и прибору»⁷. По общим подсчетам было набрано около 1152 человек. В их число вошли 200 детей боярских⁸, 200 стрельцов⁹, пушкарей и затинщиков 38 человек, воротников 8 человек, пять плотников (потом их число увеличилось на 30 человек за счет тульских мастеров¹⁰ – А.Р.) и один кузнец¹¹. Самой многочисленной группой стали полковые казаки. Для службы в их рядах

¹ Ляпин Д. А. История Елецкого уезда в конце XVI-XVII вв. Тула, 2011. С. 10.

² Зенченко М.Ю. Южное российское порубежье в конце XVI – начале XVII в. (опыт государственного строительства). М., 2008. С. 65.

³ Папков А.И. Порубежье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой (конец XVI – первая половина XVII в.). Белгород, 2004. С. 73.

⁴ Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI в. Воронеж, 1991. С. 144; Зенченко М. Ю. Южное российское порубежье в конце XVI – начале XVII в. С. 64.

⁵ Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI в. С. 215.

⁶ Глазьев В.Н., Новосельцев А.В., Тропин Н. А. Российская крепость на южных рубежах. Документы о строительстве Ельца и заселения окрестностей в 1592-1594 гг. Елец, 2001. С. 5. (Далее: Российская крепость...)

⁷ Ключевский В.О. История сословий в России: Полный курс лекций. Мн., 2004. С. 88.; Рощупкин А.Ю. Переход крестьян в служилые казаки: феномен корпоративного сознания // Образ прошлого: историческое сознание и его эволюция: Материалы межвузовской научной конференции молодых ученых. Вып. 2 / науч. ред. Ю.В. Селезнев. Воронеж, 2010. С. 87-93.

⁸ Российская крепость... С. 65.

⁹ Там же. С. 33, 149.

¹⁰ Там же. С. 69.

¹¹ Там же. С. 127-128.

нужно было набрать порядка 600 человек¹². Попутно на службу просились донские казаки, которых набралось не менее 100 человек¹³.

Казацьи сотни необходимо было укомплектовать в максимально короткий срок, что стало серьезным испытанием для казачьих голов и сотников, поскольку численность крестьян, записывавшихся в число служилых казаков, постоянно колебалась. Это было обусловлено рядом серьезных проблем, которые местным властям, в лице воеводы А. Д. Звенигородского и головы И.Н. Мясного, необходимо было решать быстро, опираясь на свой авторитет и опыт.

Первые проблемы начали возникать в процессе строительства острога и укрепленного города. Массовые недовольства вчерашних крестьян проявлялись в связи с постоянной нехваткой продовольствия и ежедневной работой в тяжелых условиях. Так казаки приказов И. Михнова и А. Хотяинцева¹⁴ сетовали на то, что в отличие от детей боярских делали городовое и острожное дело, поэтому им, некогда было поставить себе дворы и разработать пашни, с чего они стали «ноги, пеши и голодны». Мало того, на выданное при наборе государево жалование им с «смейками не прокармитца», поэтому казакам пришлось имеющихся лошадей и коров «проесть на хлеб»¹⁵. Это совсем усугубило положение казаков до такой степени, что им пришлось возить лес на себе. В такой ситуации многие казаки физически и психологически не выдерживали и убегали. Об этом могут косвенно свидетельствовать грамоты о возвращении в Елец, взявших жалование и оружие, казаков.

Но не столько физический труд обременял «новоприбранных» казаков, сколько постоянные притеснения со стороны детей боярских. Их беззакония вводили казаков в состояние паники. Неустроенность на новом месте, как правило, не позволяла многим казакам сразу привозить с собой свои семьи и пожитки, поэтому многие возвращались за ними через некоторое время¹⁶. Помещикам не выгодно было терять рабочие руки, поэтому они всячески препятствовали их повторному уходу, сажая в цепи и отбирая имущество¹⁷. Многие казаки жаловались, что дети боярские не соблюдают договоренности ухода на службу: от отцов – детей, от братьев – братьев, от дядей – племянников¹⁸. Однако это правило, по мнению помещиков, было слишком мягким. И они требовали у правительства его ужесточения. Реакция последовала, о чем свидетельствует грамота, в которой орловский казачий сотник К. Лодыженский не отпустил на службу стрельца, ссылаясь на то, что «велена де мне по той государевой грамоте со Орла... выпускают на Елец из-за на Елец от дву третьего, от четырех дву, а от одного Другова брата пущать не велена... потому де ево не отпущу, что их два брата во дворе»¹⁹. Однако это подрывало политику властей на скорое увеличение численности елецкого гарнизона, поэтому голове И. Мясному последовала грамота. В ней были прописаны четкие указания служилых по прибору детям боярским не выдавать, особенно беречь казаков, поскольку от выдачи «многие казаки дрогнули, розбежались по городам, и в осадное время бытии не с кем»²⁰.

Для увеличения численности и укрепления гарнизона в число елецких казаков из Ливен были «сведены» 60 казаков из числа «лутчих, прожитожных и семьянистых»²¹. Однако ливенские казаки столкнулись с проблемой денежного и хлебного обеспечения в Ельце и беззаконием в Ливнах, где их дворы отдали «черкасам», а пожитки разграбили²². После недолгих раздумий, по сведениям сотника А. Хотяинцева, многие казаки само-

¹² Ключевский В.О. История сословий в России: Полный курс лекций. Мн., 2004. С. 88.; Рошупкин А.Ю. Переход крестьян в служилые казаки: феномен корпоративного сознания // Образ прошлого: историческое сознание и его эволюция: Материалы межвузовской научной конференции молодых ученых / науч. ред. Ю.В. Селезнев. Воронеж, 2010. Вып. 2. С. 127.

¹³ Там же. С. 124-127.

¹⁴ Там же. С. 37.

¹⁵ Там же. С. 38.

¹⁶ Там же. С. 22-23.

¹⁷ Там же. С. 81.

¹⁸ Там же. С. 59.

¹⁹ Там же. С. 148-149.

²⁰ Там же. С. 46.

²¹ Там же. С. 108; Рошупкин А. Ю. Положение донских казаков и ливенских «сведенцев» в рядах полковых казаков // Межвузовские научно-методические чтения памяти К. Ф. Калайдовича. Елец, 2010. Вып. 9. С. 41-43.

²² Российская крепость... С.36-37.

вольно покинули место своей новой службы и разбежались по другим городам и уездам (Чернь, Новосиль, Крапивна, Тула, Данков – А.Р.). Это отразилось и на того малой численности ливенцев, что в итоге не позволило дать желаемый результат.

Попутно на государеву службу привлекались выходцы из донских казаков, приобретающие затем статус беломестных казаков²³. Так на елецкую службу попросились донские атаманы М. Ташлыков и Р. Клушин с 18 товарищами. Следом за ними прибыли еще 12 казаков. Атаманы от лица всех казаков просили государевой милости о строительстве своей слободы за пределами города и возможности получать жалование. В ответ им последовало указание селиться перед городом « за рекою за Сосною под Лутовым болотом » и набрать еще 70 казаков донских « добрых, а не худых и не с пашен » (в первой версии документа фигурировало 20 донских казаков, но эта цифра была зачеркнута – А.Р.). Таким образом, правительство решило увеличить ряды донских казаков до 100 человек. Численность донских казаков, также как и ливенских « сведенцев » была небольшая. Однако эти действия, отражают попытки правительства повысить общую боеспособность казачьих сотен и города в целом.

Прошло несколько лет после начала строительства крепости. Несмотря на многочисленные сложности и сумятицу, ряды елецких служилых людей пополнялись. В какой же момент строительства города и освоения окрестностей можно сказать, что поставленная задача по набору была выполнена? Вероятно, это периода конца 1592 – начала 1593 гг., к которому относятся грамоты о взаимоотношениях воеводы А. Звенигородского и головы И. Мясного. В отписке А. Звенигородского наряду с другими служилыми группами были прописаны два казачьих головы, а с ними 700 казаков (600 полковых и 100 донских казаков – А. Р.)²⁴. В тоже время говорить о стопроцентном наборе нет возможности, поскольку нет отдельного поименного списка служилых людей. Однако данные « Отдельной книги елецким служилым людям » 1594 г.²⁵, позволяют сказать, что процесс формирования служилых групп Елецкой крепости к этому времени был завершен.

После строительства крепости пришел черед освоения окрестностей и формирования первых поселений вокруг города. В период с 1594 г. вплоть до начала событий Смутного времени правительство пыталось наращивать темпы хозяйственного развития новых земель и скорейшего введения их в оборот. Эта миссия была возложена на детей боярских²⁶. Служилые по прибору – стрельцы и казаки, получили в коллективное владение два больших поля, которые находились вверх от Лутова болота²⁷. Помимо того, что эти земли необходимо было разработать, их еще нужно было своевременно обработать. Это наводит на мысли, о том, что правительство было заинтересовано в сохранении набранных на государеву службу людей и привлечение новых кадров. Поэтому с большой долей уверенности можно сказать, что, несмотря на тяжелое положение и пережитую нужду, фактическая численность казаков осталась на прежнем уровне (600 полковых и 100 донских казаков – А. Р.). В тоже время с 1597 по 1604 гг. правительство стремилось к постоянному увеличению численности помещиков. С 200 человек в начале строительства крепости к смотру в Ливнах 1604 г. список детей боярских увеличился до 800 человек²⁸. По примечанию Д.А. Ляпина резкое увеличение численности елецких помещиков позволило попасть в ряды дворян представителям казаков, стрельцов и даже крестьян²⁹.

Наступил 1604 г., ставший отправной точкой событий Смутного времени. Это была эпоха потрясений, тревог, разрухи и политических игр. Намечался возможный распад и раздел государства, снижение темпов развития, обострение социальных конфликтов и, как итог – разрыв общественных связей. Елец с его жителями приняли активное участие

²³ Российская крепость.... С.124-127; Рошупкин А. Ю. Положение донских казаков и ливенских «сведенцев» в рядах полковых казаков. С. 38-41.

²⁴ Российская крепость... С. 162.

²⁵ Там же. С. 192-211.

²⁶ Ляпин Д. А. История Елецкого уезда в конце XVI-XVII вв. Тула, 2011. С.25.

²⁷ Российская крепость... С. 208; Рошупкин А.Ю. Землевладение служилого казачества в первой половине XVII в. (По материалам Елецкого уезда) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 7 (21): в 3 ч. Ч I. Тамбов, 2012. С. 157.

²⁸ Ляпин Д. А. История Елецкого уезда в конце XVI-XVII вв. С.34.

²⁹ Там же. С. 35; Ляпин Д.А. Дворянство Елецкого уезда в конце XVI-XVI в. (историко-генеалогическое исследование). Елец, 2008. С. 201.

во всех мероприятиях правительства. К сожалению, нет документов, говорящих о количественных изменениях в рядах елецких служилых казаков в первые годы Смуты. При этом достоверно известно, что после пересечения границы Российского государства войск Лжедмитрия в октябре 1604 г., царь Борис Годунов начал собирать войско против самозванца. В его состав вошли два отряда елецких конных казаков с пищалями по 200 человек в каждом. Первым командовал голова Семен Ивашкин, вторым – Аксен Ходыров. Вместе с казаками из Ельца в полки была отправлена сотня пеших стрельцов³⁰. Зимой 1605 г. продолжалась осада Кром. В армию князя Ф.И. Мстиславского были посланы 400 елецких казаков и 100 стрельцов³¹. Это позволяет говорить о стабильности елецкого гарнизона, позволившего набирать в царские полки нужное количество служилых людей по прибору. Вероятно 400 казаков это, то количество человек, которое могло использовать правительство без вреда для обороноспособности Ельца.

С приходом к власти Михаила Федоровича Романова наметилась тенденция на восстановление в Московском государстве порядка и укрепление положения новой династии. Для этого необходимо было молниеносно реагировать на передвижения вражеских отрядов в пределах границ. Так в декабре 1616 г. против литовских отрядов в район города Болхов отправились воеводы И.Ф. Хованский и Д. Скуратов. В состав войска вошли 350 елецких детей боярских и 250 человек конных казаков³².

Полыхающий огонь войны и интервенции унес множество жизней по всей стране. Как это сказалось на Елецком уезде? В 1616 г. елецкими воеводами В.Г. Ромадановским и С. Р. Лодыженским был составлен первый за долгие годы полноценный список ельчан³³. Согласно ему в Ельце находилось порядка 1988 человек. Среди общей массы служилых людей по своему количеству, как и до Смуты, превалировала группа казаков. С казачьим головой Петром Зайцевым на службе находилось 300 человек казаков. Из них 100 человек были в провожатых «Турских посланников». С Азеем Сопутинным числилось также 300 человек, которых было велено отдать под командование князя Дмитрия Пожарского. Численность донских казаков, как и полковых казаков осталась без изменений. Под командованием атамана М. Ташлыкова было порядка 100 казаков.

В декабре 1617 г. в Ельце разбиралось резонансное по своему размаху дело о краже государственной казны³⁴. Были составлены расспросные речи всех служилых групп. 12 декабря были опрошены казаки головы Еремея Толпыгина³⁵. К крестному целованию были приведены пятидесятники и десятники его приказа, а также «все рядовые казаки три ста человек». К обыскным речам приложили руки Борисоглебской и Никольской церковью попы: Трофим, Фатей и Алексей. В это же время поп Покровской церкви Богдан и поп Введенской церкви Панкрат засвидетельствовали слова казаков приказа Михаила Ильина³⁶. В них фигурировали имена и фамилии пятидесятников, десятников и 300 казаков. 18 декабря елецкие беломестные казаки «асмидесят человек» (восьмидесяти – А. Р.) давали показания стрелецкому сотнику, что подтвердил Дмитриевской церкви поп Исаий³⁷. Прошел год, произошли изменения в командном составе, поменялись головы и сотники, но общее количество служилых казаков осталось практически без изменений. При этом очевидно, что за несколько десятилетий в Ельце произошло формирование церковно-приходской системы, имеющей большое значение для средневекового человека.

1618 г. стал трагичным в истории России и Елецкого уезда. Весной польский король Сигизмунд обратился к гетману Петру Конашевичу Сагайдачному с просьбой о по-

³⁰ Роспись русского войска, посланного против самозванца в 1604 г. // Станиславский А.Л. Труды по истории государева двора. М., 2004. С. 383, 384, 395.

³¹ Боярские списки последней четверти XVI – начала XVII в. и роспись русского войска 1604 г. Ч. II. М., 1979. С. 33.

³² Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время (7113-7121 гг.). М., 1907. С.25.

³³ Книги разрядные, по официальным оных спискам изданные с высочайшего соизволения II отделением собственной е.и.в. канцелярии. Т. I. СПб., 1853. С. 193. (Далее: Книги разрядные...)

³⁴ Котков С.И. Памятники южновеликорусского наречия. Конец XVI-XVII века. М., 1990. С. 95-109.

³⁵ Там же. С. 99.

³⁶ Там же. С. 104.

³⁷ Там же. С. 101.

мощи его сыну Владиславу во взятии ослабленной распрями Москвы³⁸. Войску Сагайдачного удалось захватить Путивль, Ливны, Елец, Лебедянь. Дальнейшее продвижение запорожцев по территории Российского государства было остановлено под Михайловым. Подробности событий осады и взятия Ельца детально исследованы Д.А. Ляпиным³⁹ и А.В. Воробьевым⁴⁰. Нам больше интересуют цифры. До прихода Сагайдачного на Елецкую землю воеводами А.Б. Полевым и И.Л. Хрущевым был составлен список служилых людей города⁴¹. Согласно ему в Ельце числилось 1461 человек. Из них «с тремя головами и сотники казаков 723 человека». 125 казаков находилось на службе на Осколе. Поэтому сказать о том, сколько казаков было в Ельце на момент осады достаточно тяжело. В феврале 1619 г. новый воевода Г. Валуев составил доклад, который дает возможность говорить о численных изменениях в рядах служилых людей и масштабах разорения⁴². Число елецких казаков сократилось с 723 до 472 человек. Так Валуев зафиксировал, что с головой Еремеем Толпыгиным было 206 человек, с головой Воином Опухтиным 181 человек, также числилось 43 беломестных и 42 донских казака. Помимо доклада о людских потерях Валуев составил список угнанных в плен. Казаков в них было 50 человек и 79 человек их родственников мужского пола. Для сравнения в Ливнах до прихода Сагайдачного числилось 548 казаков⁴³, после разорения их осталось не более 186 человек⁴⁴. Города, оказавшиеся на пути гетмана Сагайдачного, понесли большие людские потери. Его поход остался в памяти людей, как Божье наказание за поддержку самозванцев.

Для восстановления боеспособности южных крепостей и увеличения численности служилых людей по прибору правительство переводило туда людей из других городов и уездов⁴⁵. Сохранились сведения о «испомещении» в елецкий уезд 53 казаков. Первые упоминания о переведенных казаках относятся к весне 1619 г.⁴⁶ В разборной десятне 1621-1622 г., составленной воеводой С. Вольнским, казаки записаны поштатейно, дана оценка их военному и материальному состоянию⁴⁷. Интересно, что помимо сведений о 53 казаках, в десятне упоминаются данные о тех, которые оставили место службы и пошли «в боярские дворы и в монастыри в служки, а иные воляютца по кабакам»⁴⁸. Таких набралось 11 человек. Это дает право говорить о том, что первоначально в Елец было переведено 64 казака. Чуть позже из росписи служилых людей 1625 г. мы узнаем, что в Ельце числилось 123 поместных казака. Из них 53 несли конную службу⁴⁹. Согласно материалам писцовой книги 1628 -1630 гг., по трем станам: Елецкому, Воргольскому, Засосенскому, поместьями были наделены 72 казака (данные по Бруслановскому стану утеряны – А.Р.). Из 53 имен «испомещенных» в 1619 г. казаков, к 1628 г. осталось чуть больше половины, 28 казаков⁵⁰. В последующие годы их общая численность пошла на убыль. По спискам 1640 г. в Ельце числилось 24 поместных казака⁵¹, в 1641 г. их количество увеличилось до 26 казаков⁵², а к 1647 г. сократилось до 21 человека⁵³. Данная тенденция

³⁸ Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 179.

³⁹ Ляпин Д.А. Дворянство Елецкого уезда в конце XVI-XVII вв. С. 96-99; Ляпин Д. А. История Елецкого уезда в конце XVI-XVII вв. С. 57-64; Воробьев А.В. Осада Ельца войсками гетмана Сагайдачного летом 1618 г. // Верхнее Подонье: Природа. Археология. История: сб. статей: в 2 т. Т.2. Тула, 2008. С.150-154.

⁴⁰ Книги разрядные... Т. I. СПб., 1853. С. 542.

⁴¹ Там же. С. 659.

⁴² Ляпин Д. А. История Елецкого уезда в конце XVI-XVII вв. С.63.

⁴³ Книги разрядные... Т. I. СПб., 1853. С. 542.

⁴⁴ Там же. С. 659.

⁴⁵ Рошупкин А.Ю. Елецкое казачество после Смуты (1620-е гг.) // «10 корпус»: сб. науч. раб. студ. ист. ф-та ЕГУ им. И.А. Бунина. Елец, 2008. Вып. 8. С. 3-8.

⁴⁶ Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 207.

⁴⁷ Елецкий уезд в начале XVII в.: Елецкие десятины и платежные книги. М., 2011. С. 228-237.

⁴⁸ Там же. С. 236-237.

⁴⁹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 210. Оп. 20. Д. 6. Л. 84-85.

⁵⁰ Там же. Ф.210. Оп. 1. Д. 119.

⁵¹ Там же. Ф. 210. Оп. 9. Д.1129. Л.227-229.

⁵² Там же. Ф. 210. Оп. 9. Д. 1095. Л. 51-53.

⁵³ Там же. Ф. 210. Оп. 12. Д. 239. Л. 116-117.

наблюдалась не только в Елецком уезде, но и в соседнем Ливенском уезде, где в 1627 г. в список вошли 14 поместных казаков⁵⁴, к 1647 г. их было не больше 6 человек⁵⁵.

Причин уменьшения численности поместных казаков могло быть несколько. Вероятно, одна из них кроется в самом отношении казаков к земле. Многим из них проще было служить кому-нибудь за денежное вознаграждение, чем обрабатывать выделенный участок. С таким намерением многие раздавали свои вотчины другим казакам и детям боярским, после чего самовольно уходили со службы⁵⁶. Нередко казаков переводили в другие районы. Так, например, атаманы Пересвет Тараканов и Гаврила Черницын стали активными участниками спора ельчан с И.Н. Романовым⁵⁷, за что были наказаны и сосланы в Сибирь, где получили земли и стали местными дворянами⁵⁸. Есаул Воин Анненков, упоминается в Курской десятне 1636 г., где он фигурирует, как сын боярский с окладом в 450 чет.⁵⁹ И, наконец, самой банальной причиной оставления службы могла стать смерть служилого человека⁶⁰.

Полковые казаки, с момента начала строительства Ельца вплоть до прихода войска П. Сагайдачного, по своей численности превалировали над другими служилыми группами по прибору. Эта тенденция сохранялась и в последующие годы притом, что их численность уменьшилась на порядок. Согласно росписи служилых людей 1625 г. в Ельце на государевой службе находилось 458 полковых казаков⁶¹. В 1639-40 гг. был составлен поименный список елецких служилых людей по прибору⁶². В рядах полковых казаков числилось 323 человека. Во главе их стоял голова Ивана Тимирязева. Интересно, что 187 казаков из его приказа проживали в пределах города, а другая часть в 136 человек поселилась в отдалении на Аргамачьей горе, образовав там слободу. В 1641 г. был составлен еще один список. В нем фигурировали имена 357 полковых казаков⁶³.

Немногочисленные сведения, касающиеся елецких беломестных казаков, позволяют сказать, что к 1625 г. их численность увеличилась до 138 человек⁶⁴. С чем это могло быть связано? Причиной этому могло стать стремление правительства на «распыление» групп вольных казаков по окраинам государства. Этот шаг решал сразу несколько задач – использование потенциала казаков для увеличения эффективности обороны рубежей, а также вывод их отрядов из центральных уездов. Однако по истечении некоторого времени численность казаков стала уменьшаться. В 1637 г. в документах по устройству земель беломестных казаков их было 120 человек⁶⁵, к 1640 г. в списках елецких служилых людей осталось 79 беломестных казаков⁶⁶, а в 1641 г. и того меньше 66 казаков⁶⁷.

В 1630 гг. появляются сведения о пополнении в ряды елецких служилых людей новых групп беломестных и «задонских» казаков. Судя по сохранившимся документам, группа беломестных казаков была сформирована из казаков, переведенных из Можайского и Ярославского уездов. К 1640 г. в их рядах на елецкой службе числилось порядка 61 человека⁶⁸, а в 1641 г. количество казаков увеличилось до 79 человек⁶⁹. Группа «задонских» казаков расположилась в Засосенском стане, где они вместе с детьми боярскими несли государеву службу. Их количество было немногочисленно. В списке 1639-40 гг. за-

⁵⁴ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д.1053. Л. 74.

⁵⁵ Там же. Ф.210. Оп.12. Д. 239. Л. 54.

⁵⁶ Елецкий уезд в начале XVII в.: Елецкие десятины и платежные книги. М., 2011. С. 236.

⁵⁷ Рошупкин А. Ю. Участие ельчан в конфликте с боярином И.Н. Романовым (По материалам сыскного дела 1628 г.) // Власть и общество: взаимодействие и конфликты: Материалы пятой региональной научной конференции / под общ. ред. В.Н. Глазьева. Воронеж, 2011. С. 4-6.

⁵⁸ Ляпин Д. А. История Елецкого уезда в конце XVI-XVII вв. С.93.

⁵⁹ РГАДА. Ф.210. Д.215.

⁶⁰ Там же. Ф. 210.Оп.4. Д.88. Л. 334. об.

⁶¹ Там же. Ф. 210. Оп. 20. Д. 6. Л.85.

⁶² Там же. Ф. 210. Оп. 12. Д. 122. Л. 135-166.

⁶³ Там же. Ф. 210. Оп. 9. Д. 1095. Л.138-165.

⁶⁴ Там же. Ф. 210. Оп. 20. Д. 6. Л.84.

⁶⁵ Там же. Ф. 210. Оп. 10. Д. 70. Л.63.

⁶⁶ Там же. Ф. 210. Оп. 12. Д. 122. Л. 121-127.

⁶⁷ Там же. Ф. 210. Оп. 9. Д. 1095. Л.126-129.

⁶⁸ Там же. Ф. 210. Оп. 12. Д. 122. 168-171.

⁶⁹ Там же. Ф. 210. Оп. 9. Д. 1095. Л.166-169.

писаны имена и фамилии 61 казака⁷⁰, к 1641 г. их численность сократилась до 55 человек⁷¹, а в 1648 г. вообще уменьшилась на 11 человек, достигнув 44 человек⁷².

Проанализировав имеющийся пласт документов, мы с уверенностью можем сказать, что оформление корпорации елецкого служилого казачества и количественные изменения в их рядах были не сиюминутным процессом. Структуризация служилых казаков продолжалась на протяжении всего времени существования данной группы. Для этого имелись как внутригосударственные, так и внешнеполитические предпосылки. Правительство старалось поддерживать количественный баланс казаков на уровне, необходимом для стабильного функционирования военного гарнизона города, что обеспечило приток в Елец казаков из других городов и уездов. Так к середине XVII в. в рядах елецких казаков числились: полковые казаки, беломестные казаки, беломестные Можайские и Ярославские казаки, поместные и «задонские» казаки, которые выполняли возложенные на них правительством обязанности и функции.

NUMBER OF THE YELETS SLUZHILY COSSACKS CORPORATION AT THE END OF XVI – THE FIRST HALF OF THE XVII CENTURY

A.Yu. ROSCHUPKIN

Voronezh State University

e-mail:

alex.roschupkin@rambler.ru

In this article the questions connected with determination of number of corporation of sluzhily Cossacks in the territory of the Yelets district in the end XVI – the first half of XVII are considered in. For creation of an objective picture of the occurred changes Pomestnogo's materials and Digit orders were involved. The careful analysis of documents allowed to define, how number of sluzhily Cossacks in the various temporary intervals fluctuated, what factors affected quantitative changes and process of creation of corporation of Yelets Cossacks was how long. In addition it was possible to restore a course of events reflecting inside of life of the city.

Keywords: regimental Cossacks, belomestny Cossacks, "svedenets", pomestny Cossacks, "zadonsky" Cossacks.

⁷⁰ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 122. Л. 130-131.

⁷¹ Там же. Ф. 210. Оп. 9. Д. 1095. Л. 132-137.

⁷² Там же. Ф. 210. Оп. 4. Д. 88. Л. 283-286 об.

УДК 94(470)“17”

ПРОБЛЕМА ВЫБОРА ГОСУДАРЯ В РОССИИ И ЗЕМСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В ПЕРИОД МЕЖДУЦАРСТВИЯ: ПО МАТЕРИАЛАМ АКТОВОГО ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА

Н.В. РЫБАЛКО*Волгоградский государственный
университет**e-mail: rybalko_n@mail.ru*

Выборы государя в сложный для России период Междуцарствия 1610–1613 гг. стали настоящим испытанием для сформировавшихся центров земского самоуправления – ополчений. В статье последовательно рассматриваются возможные кандидатуры на престол и те обстоятельства, в которых происходило их выдвижение.

Ключевые слова: Россия, выборы государя, Смутное время, Междуцарствие, земское самоуправление, Михаил Романов, королевич Владислав, Сигизмунд III, королевич Карл Филипп.

Избрание в 1613 г. первого царя династии Романовых, Михаила Федоровича, стало главным рубежом для преодоления Смуты. По официальной версии, закрепленной в «Утвержденной грамоте» и «Новом летописце», выборы прошли единогласно на Земском соборе 21 февраля 1613 г. На самом деле, вопрос не столь однозначен. Споры о возможных претендентах на российский престол в сложный для России период Междуцарствия стали главной причиной раскола русского общества. Альтернативой не всегда объективным повествовательным источникам являются акты, вышедшие из-под пера непосредственных участников событий.

Ключевым моментом для «безгосударья» является насильственное пострижение царя Василия Шуйского в июле 1610 г. Отсюда можно вести счет возможным претендентам на освободившийся русский престол.

Претендент 1: князь Василий Васильевич Голицын. Был одним из главных организаторов заговора против В. Шуйского и, кстати, против Лжедмитрия I. Однако прямых свидетельств о намерениях В.В. Голицына воцариться, нет. Многие исследователи, цитируя «Новый летописец» (якобы П. Ляпунов «думу имел ... на князя В.В. Голицына»), допускают ошибку. Смысл фразы другой: «умысел его был на царя Василия со князем Василием Голицыным и с иными бояры»¹. О воцарении речи нет.

Второе свидетельство. В грамоте от 20 июля 1613 г. от польских и литовских панов боярам Московского государства говорится, якобы В.В. Голицын, будучи главой смоленского посольства, настроил патриарха Гермогена и П. Ляпунова против короля Сигизмунда III, рассылал «неправдивые грамоты», «умыслив сам быти вашим великим государем». По мнению В.Н. Козлякова, В.В. Голицын действительно имел самые вероятные права на престол в случае отстранения Василия Шуйского². Но зная истинное намерение Сигизмунда III, нельзя напрямую воспринимать слова поляков. В любом случае, возможным надеждам занять место государя не суждено было оправдаться, ибо бояре боялись повторения ситуации, как при Б. Годунове или В. Шуйском, – когда избрали первого среди равных. По мнению П.О. Горбачева, кандидатуру В.В. Голицына, как и других соискателей трона, провалил глава Боярской Думы, Ф.И. Мстиславский³.

Официально отстранение В. Шуйского расценивали как вынужденную меру – он окончательно потерял доверие как правитель, лилась кровь, страна раздиралась на части, необходимо было наводить порядок и преодолевать Смуту. Именно эти объяснения зву-

¹ Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича, издан по списку кн. Оболенского. М., 1853. С.118.

² Козляков В.Н. Смута в России. XVII век. М., 2007. С. 291, 324; Сб. РИО. Т.142. М., 1913. С. 395.

³ Горбачев П.О. Прокопий Ляпунов и правительство Василия Шуйского в 1610 г. // Мининские чтения: сб. научных трудов по истории Смутного времени в России начала XVII в. Н.Новгород, 2012. С. 64.

чали из уст бояр и содержались в крестоцеловальной записи с приглашением на российский престол польского королевича Владислава в августе 1610 г.⁴

Претендент 2: королевич Владислав. Это был великий князь литовский, русский, прусский, мазовецкий, самогитский, ливонский, а также наследный король шведов, готтов, вендов, старший сын польского короля Сигизмунда III, 15-и лет от роду. Еще 4 февраля 1610 г. между Боярским правительством и Сигизмундом III под Смоленском был заключен договор, по которому Владислав должен был занять русский престол после крещения в православие⁵. Именно этого ожидали бояре, тем более что Сигизмунд III регулярно посылал грамоты, достаточно однотипные по содержанию, уверяя, что «не для запустошенья государства Московского и не для разоренья святых церквей Господних пришли», а «добра желаем» – прекратить Смуту и кровопролитие⁶.

Слова Сигизмунда III расходились с делом. Смоленское посольство после неудавшихся переговоров было отправлено в польский плен. Королевича на российский престол не присылали, ссылаясь то на волнения в стране, то на непросохшие дороги, то на болезнь Владислава⁷. Несмотря на это московские бояре сохраняли верность своей присяге Владиславу. По замечанию Б.Н. Флоры, избрание польского принца должно было стать своеобразной платой за прекращение интервенции, сохранение территориальной целостности России и помощь со стороны Речи Посполитой в борьбе с Лжедмитрием II⁸.

Но и в январе 1612 г., в грамотах в Кострому и Ярославль, бояре призывали жителей городов вспомнить о присяге польскому королевичу. «И служити б все нам и вам их царскому благородному корени, которой из давних лет их государской корень на великих и преславных государствах видетца, а не к вором приставати»⁹. Царское происхождение Владислава имело большое значение.

Так же бояре высказывали опасение по поводу слабости внешних границ государства, «пробывавшего в разорении и смуте», которое «со всех сторон неприятели рвут». «А как ... великий государь наш царь и великий князь Владислав Жигимонтович всея Руси самодержец будет на своем царском престоле, на Московском государстве и на всех великих и преславных государствах Российского царствия, а отец его ... король ...будет на короне польской и на великом княжестве литовском, ... и на всяких недругов стояти будем заодин, и против таких великих государей кто может постояти?»¹⁰

Претендент 3: польский король Сигизмунд III. Нет сомнений, что в планы Сигизмунда входило присоединение Московского государства к Речи Посполитой. Владислав был первым претендентом на польскую корону и для его отъезда в Россию требовалось согласие сейма. Для проведения сейма Сигизмунду III нужно было выехать в Польшу, но в условиях продолжающейся осады Смоленска это было затруднительно: смоляне не подчинялись указам Боярского правительства сдать город. Сигизмунд III к осени 1610 г. все настойчивее склонял бояр и дворян к присяге себе, раздавая земли и чины, обещая и выдавая жалованье из царской казны Московского государства. Он прямо называл события в России «московской войной» и не стеснялся обсуждать свои успехи. К примеру, в ответе генералу Ордена иезуитов Клаудио Аквавиве 22 сентября 1611 г., поздравлявшего его с успешным взятием Смоленска, король благодарил за благочестивые пожелания и напутствия предпринятой им войной против врагов католической церкви. А в послании Римскому Папе 16 октября 1611 г. писал: «Постараюсь внести святую католическую веру и в княжество Северское, распространяя пределы католической веры вместе с пределами моего королевства»¹¹. Не остается сомнений, что в намерение Сигизмунда III входило не что иное, как «расширение коронных границ».

⁴ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел (далее: СГГД): в 4 ч. Ч. 2. М., 1819. №203. С. 439-440.

⁵ Акты, относящиеся к истории Западной России. Т.4. СПб., 1851. №180. С. 314-317.

⁶ СГГД. Ч.2. №235. С. 504-506; №243. С. 521-523; №255. С. 540-541.

⁷ СГГД. Ч.2. №286. С. 607.

⁸ Флоря Б.Н. Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М., 2005. С. 210.

⁹ СГГД. Ч.2. №276. С. 581.

¹⁰ СГГД. Ч.2. №277. С. 586.

¹¹ Акты времени Междоусобия // Смутное время Московского государства. М., 1915. Вып. 3. Разд. II. №3. С. 109; №7. С. 117.

Как ни удивительно, но после взятия Смоленска летом 1611 г. Сигизмунд III получил поздравления и от московского Боярского правительства: «о том, что Вам, великим государем, над непослушники вашими подал Бог победу и одоление, Богу хвалу воздаем и вас, великих государей на ваших преславных и на прибылых государствах поздравляем»¹². Что же происходило в это время в России, и какова была реакция на действия Семибоярщины?

В стране нарастал общенародный протест и начало его – декабрь 1610 г. Окольничий и боярин М. Салтыков и Ф. Андронов, позже названные главными изменниками, а также Ф. Мстиславский «перед Николиным днем в пятницу»¹³ приходили к Патриарху Гермогену с уговорами о присяге Сигизмунду, но тот им отказал, за что «хотели патриарха зарезать». Патриарх в соборной церкви призывал «крест корю не целовать»¹⁴. В отсутствие царя его благословение играло главную роль.

Претендент 4: Лжедмитрий II. Преодолев кризис в Тушине и спад популярности, в июле 1610 г. в Коломне самозванец стал активно собирать новые силы для похода на Москву и приобретать сторонников: самозванный, но русский претендент был предпочтительнее польского короля. Уже после его убийства 11 декабря 1610 г., в «понизовых» городах, Казани, Перми, куда вести приходили с опозданием, целовали крест «царю Дмитрию» в январе и феврале 1611 г. В это время началась активная переписка между городами – пересылали грамоту смолян о причиняемых Сигизмундом бедствиях и окружную грамоту московских жителей с призывом «соединиться общими силами против врагов веры и отечества»¹⁵.

Речи Патриарха также содержали призыв идти в сход к Москве, за православную веру и «за Московское государство всею землею стояти вместе заодин и с литовскими людьми битись досмерти», «а хто умрет, будут новые стратотерпы»¹⁶. С грамот были сделаны списки и разосланы в Великий Новгород, на Вологду, в Нижний Новгород, Калугу, Тулу, «сиверские», «украинные» и другие города¹⁷.

Кого же хотели на царство, судя по тексту этих документов? Рассуждения были следующие: 1) Сигизмунд III не даст своего сына на царство, 2) не позволит обратить его в православие, как было оговорено первоначально в крестоцеловальной грамоте московских бояр и 3) выведут всех лучших людей и опустошат землю, 4) будут владеть всей землей Московской, так как «все люди в Польше и Литве не допустят, чтоб дать королевича на Московское государство мимо своего государства». Призыв – «стоять за православную веру», против «перемены веры в латинство» и «погубления людей», «быть заодно, против врагов общих».

В крестоцеловальной записи говорится: «Королю польскому и литовскому креста не целовати ... А кого нам на Московское государство и на все государства Российского царствия государя Бог даст, и нам ему, государю, служите, и прямити, и добра хотети во всем вправду по сему крестному целованью»¹⁸. Эту формулу мы видим во всех документах периода сбора Подмосковного и Нижегородского ополчений.

Претендент 5: шведский королевич Густав Адольф. В. Берх считал, что инициатива приглашения на русский престол шведского королевича принадлежит П. Ляпунову (июнь 1611 г.)¹⁹ По мнению Г.А. Замятина, «кандидатура шведского королевича была делом Делагарди, Бутурлина и Ляпунова» и впервые данный вопрос был поднят при переговорах с Делагарди летом 1611 г.²⁰ И. Шепелев опроверг данные суждения и доказал, что вопрос о шведском королевиче на русский престол возник еще в декабре 1610 г. при со-

¹² СГГид. Ч.2. №263. С. 550.

¹³ По Святцам Николин день – 6 декабря (в 1610 г. – четверг), пятница перед четвергом – 30 ноября.

¹⁴ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографическою экспедициею императорской академии наук (далее: ААЭ): в 4 т. СПб., 1836. Т.2. №170(2). С. 292.

¹⁵ ААЭ. Т.2. №170(1). С. 291; №171. С. 294; СГГид. Ч.2. №226. С. 493-495; №227. С. 495-496.

¹⁶ СГГид. Ч.2. №228. С.4 98; №241. С. 517-519.

¹⁷ СГГид. Ч.2. №226. С. 493-495.

¹⁸ ААЭ. Т.2. №179. С. 307-308.

¹⁹ Берх В. Царствование царя Михаила Романова и взгляд на междуцарствие: в 2 ч. Ч.1. СПб., 1832. С. 72-73.

²⁰ Замятин Г.А. К вопросу об избрании Карла Филиппа на русский престол (1611-1616). Юрьев, 1913. С. 18.

гласовании с Карлом IX, который еще в 1606 г. обещал новгородцам «оказать содействие в избрании собственного, от Москвы независимого правителя»²¹.

В феврале 1611 г. до Сигизмунда III дошли слухи, о чем писал московским боярам: «... о псковичах, и о ивангородцах, и о иных городах, которые при немецких рубежах ... хочет их прельстить Яков Пунтосов Арцы Карлов сын»²².

В то же время, в послании игумена Соловецкого монастыря Антония к Карлу IX от 12 марта 1611 г. сообщается, что на совете собравшиеся со всех городов под Москву люди «стоят единомышленно на литовских людей, а хотят выбирать на Московское государство царя и великого князя из своих прирожденных бояр, ... а иных иноверцев никого не хотят». Ту же позицию заняли в монастыре, Сумском остроге, Поморской области²³.

В ответной грамоте московских бояр Сигизмунду III уже в июне 1611 г., сообщалось о намерении шведского Короля Арцы Карло, «сопереживавшего разорению Московского государства», дать на царство своего сына и крестить его в греческую веру на границе, и помощь оказать Московскому государству – изгнать польских и литовских людей и прекратить разоренье. Бояре также писали, что эта весть очень обрадовала «государских изменников» (собравшихся под Москвой ратных людей), и те стали «отправлять послов к шведскому королю и звать его для военной помощи»²⁴.

1 (11) июля 1611 г. был подписан договор Новгорода с Яковом Деллагарди: «Утверждаем договор в верности и повиновении ... королю Карлу, его преемникам, и сыну его, будущему повелителю нашему, хотя бы Владимирское и Московское государства на то не согласились»²⁵.

По стране пошли противоречивые слухи. Так, в отписке из Сумского острога от воевод Максима Лихарева и Захария Беседного к шведским воеводам 20 августа 1611 г. идет речь о прекращении намерений вести военные действия, так как «на Московское государство уже избрали шведского королевича и к королю Карлу отправлены послы стольник, князь Иван Федорович Троекуров с товарищи»²⁶. Действительно, от Прокопия Ляпунова было отправлено посольство в Новгород к Якову Деллагарди для обсуждения возможного развития ситуации, но шведы предъявили территориальные претензии и соглашение не состоялось. После скоростной смерти короля Карла IX в октябре 1611 г., Густав Адольф занял его место.

Претендент 6: шведский королевич Карлус Филипп. Из Великого Новгорода к Д. Пожарскому писали, что будет в Новгород вскоре королевич Карлус Филипп, второй сын Карла IX. Также предложили призвать королевича и на Московское царство, так как «у них от немецких людей православным христианам разоренья и порухи нет, живут безо всякой скорби». Дмитрий Пожарский стоял на своем: нужно собраться на совет, «как против польских и литовских людей стоять и как в нынешнее злое время безгосударным быть, выбрать бы нам государя всею землею, кого Бог даст»²⁷. Интересно, что королевичу в 1611 г. было всего 10 лет.

Часто исследователи высказывают суждение, якобы Дмитрий Пожарский приглашал шведского королевича на престол. Сохранившийся актовый материал не дает повода сомневаться в политических приоритетах Дмитрия Пожарского. Из документа в документ проходит одна линия, та, которая показана в отписке нижегородцев к вологжанам, написанной от имени князя Д. Пожарского в феврале – марте 1612 года: призыв снова собраться всей землей против польских и литовских людей для освобождения столицы. А по поводу царя сказано: «Просити у Бога ... чтобы нам дал на Московское государство государя благочестивого и подобного прежним природным государям», «и как

²¹ Шепелев И.С. Шведская интервенция в России в 1610-1611 гг. и отношение к ней первого земского ополчения // Шепелев И.С. Труды по истории Смуты в России в начале XVII столетия: в 2 т. Т.1. Волгоград, 2012. С. 169-170.

²² СГГид. Ч.2. №235. С. 504-506.

²³ ААЭ. Т.2. №180. С. 308.

²⁴ СГГид. Ч.2. №263. С. 549-552.

²⁵ СГГид. Ч.2. №264. С. 563.

²⁶ ААЭ. Т.2. №193. С. 242.

²⁷ СГГид. Ч.2. №281. С. 596.

будут все понизовые и верховые города в сходе вместе, и мы всею землею выберем на Московское государство государя, кого нам Бог даст»²⁸.

19 мая 1612 г. из Новгорода от новгородского митрополита Исидора и от боярина князя И. Одоевского в Ярославль князю Д. Пожарскому были направлены две отдельные грамоты, где речь идет о том, что в Новгородском государстве подписаны утвержденные грамоты на царство сына шведского короля Карла IX, как и где ему в православную веру креститься, как защищать государство от врагов и управлять престолом. «И вы ... пошлите к великому государю к Карлу королю ото все земли послов ... чтоб вам быти всем с нами под одним крестьянским государем по прежнему» – писалось в грамоте²⁹. Того же 19 мая 1612 г. был составлен документ от Я. Делгарди Д. Пожарскому с предложением переговоров о земском деле³⁰. Е.И. Кобзарева, анализируя сохранившуюся их переписку, склонная рассматривать намерение Д. Пожарского признать власть шведского королевича как реальное³¹. Здесь можно, скорее согласиться с утверждением Р.Г. Скрынникова, что все мирные переговоры со стороны Д. Пожарского были лишь сложной дипломатической игрой во избежание военных столкновений со Швецией. К тому же, в случае утраты Севера, Ярославское ополчение лишилось бы главной базы снабжения³².

В отношении шведского королевича Д. Пожарский выражал сильное опасение, чтобы не повторилась ситуация, как с сыном Сигизмунда III. Здесь тоже были обещания отпустить сына «по летнему пути», но лето было в разгаре, а королевич в В. Новгород не ехал. В отписке к Новгородскому митрополиту Исидору от 26 июля 1612 г. Д. Пожарский прямо об этом и писал, отмечая, что «как королевич Карло Филипп в Великий Новгород приедет, и мы тотчас пошлем к нему послов изо всяких чинов людей со всем с полным договором»³³.

В окружной грамоте в Путивль Д. Пожарский упомянул о полученном из Новгорода документе, но не высказал намерения призвать королевича, а только снова призывал собраться на совет, «как против польских и литовских людей стоять, и как в нынешнее злое время безгосударным быть, выбрать бы нам государя всею землею, кого Бог даст»³⁴.

Претендент 7: «Воренок». В августе 1611 г., после кризиса в ополчении П. Ляпунова, пошла новая волна слухов об «истинных» царях. В полках появилось намерение поставить на царство "Маринкина сына", называли его даже Иваном V. Патриарх Гермоген в обращении к нижегородцам, полученном 25 августа 1611 г., призывал, чтоб на царство «Маринкина паньина сына не благословляли – проклят он». Об этом Патриарх просил отписать в Казань, в полки, к казацкому войску, на Вологду и в Рязань³⁵.

В Казани получили отписку нижегородцев уже 30 августа 1611 г. вместе со списком с патриаршей грамоты, и приговорили с митрополитом Казанским и Свияжским и «со всею землею Казанского государства на царство ... по казачью выбору проклятого Маринкина сына не хотеть ... а выбрать на Московское государство государя, сослався со своею землею, кого нам государя Бог даст». 10 октября отписка была получена в Перми³⁶.

В грамоте бояр в Ярославль в конце января 1612 г. сообщается, что «Иван Заруцкий с товарищи государя себе обирает, по своей воровской воле таких же воров казаков, называя государскими детьми калужского вора сына»³⁷.

9 февраля 1612 г. в Курмыш Смирному Васильеву пришла грамота от казанских дьяков Никанора Шульгина и Степана Дичкова с приказанием не верить арзамасской отписке, которую писали князь Иван Путятин и Степан Козадавлев, так как в Арзамасе «стрельцы заворовали, дворян и детей боярских и жилецких всяких людей и животов по-

²⁸ ААЭ. Т.2. №201. С. 338-341.

²⁹ СГГид. Ч.2. №278. С. 589; №279. С. 589-591.

³⁰ СГГид. Ч.2. №280. С. 591-592.

³¹ Кобзарева Е.И. Шведская оккупация Новгорода в период Смуты XVII в. М., 2005. С. 199-242.

³² Скрынников Р.Г. Минин и Пожарский. М., 2007. С. 234.

³³ Подвиг Нижегородского ополчения: в 2 т. Т.1. Н. Новгород, 2011. №123. С. 237-242.

³⁴ СГГид. Ч.2. №281. С. 596-597.

³⁵ СГГид. Ч.2. №268. С. 567-568.

³⁶ ААЭ. Т.2. №194. С. 332-333.

³⁷ СГГид. Ч.2. №277. С. 585.

бывают и вешают, на пытках пытаются, и огнем жгут, и заводят воровство, и ворихе Маринке и ее сыну хотели крест целовать»³⁸.

Самозванческую интригу вместе с Мариной Мнишек развивал Иван Заруцкий в Астрахани, уже после воцарения Михаила Романова.

Претендент 8: Лжедмитрий III. В послании архимандрита Троице-Сергиева монастыря Дионисия и келаря Авраамия к князю Д. Пожарскому сообщается, что 2 марта 1612 года Иван Плещеев с товарищами затеяли под Москвою в полках крестное целование: «... целовали крест вору, который во Пскове называется царем Дмитрием, и боярина князя Дмитрия Тимофеевича Трубецкого, и дворян, и детей боярских, и стрельцов, и московских жилецких людей привел ко кресту неволею, тако же целовали крест, бояся от них смертного убийства»³⁹.

И даже имеются акты, адресованные новому самозванцу. В начале марта 1612 г. из Зарайска посадские люди написали челобитную по поводу невозможности требуемого с них возмещения убытка в кабаке и адресована эта челобитная была «царю Дмитрию Ивановичу». Поскольку у псковского «вора» не было своей приказной системы, то поступила челобитная в ополчение князя Д. Трубецкого и И. Заруцкого. Те, в свою очередь, 13 марта 1612 г. составили свою челобитную на имя «царицы Марины Юрьевны» с указанием, каково должно быть решение этого вопроса⁴⁰.

7 апреля 1612 г. в грамоте воеводы кн. Д. Пожарского с товарищами из Ярославля к вычегодцам пересказываются все основные события последних 3-х лет, в том числе о том, что Д. Трубецкой, И. Заруцкий, атаманы и казаки по всем городам писали «за своими руками», что крест целовали «без совету всей земли государя не выбирать, а вору, который ныне во пскове, и Марине и сыну ее не служить, ныне же, забыв сове крестное целование, целовали крест вору Сидорку, именуя его бывшим своим царем»⁴¹. В стране пошли многочисленные слухи и в июне 1612 г. в одной из отписок сообщается: «царь Дмитрий Иванович здрав и многолетно пришел к Москве» (по словам арзамасских людей)⁴².

Д. Трубецкой и И. Заруцкий служили в свое время Тушинскому вору – этим можно объяснить факт принесения присяги новому «царю Дмитрию». Но власть псковского самозванца признавалась не долго – уже 6 июня 1612 г. в Ярославль Д. Пожарскому прислали грамоту кн. Д. Трубецкой, И. Заруцкий, воеводы, дворяне и дети боярские, атаманы и казаки из подмосковных полков с повинной, что «крест псковскому вору целовали, назвав его царским именем, и ныне про то сыскали, что во Пскове вор не тот, что был в Тушине и Калуге, и от того вора отстали и крест меж себя целовали, чтоб тому вору не служить и впредь никого вора не затевать»⁴³.

Претендент 9: Лжедмитрий IV. Были и другие претенденты на престол, о которых известно совсем немного. Один из них получил в историографии условное название Лжедмитрий IV⁴⁴. В грамоте в Ярославль конца января 1612 г. сообщается: «А иной вор будто Дмитрий объявился в Астрахани у князя Петра Урусова, который калужского вора убил, а называется будто тот вор прямой, который преж сего убит на Москве, рострига Гришка Отрепьев»⁴⁵.

Миф 1. Претендент 10: князь Дмитрий Михайлович Пожарский. Гораздо позже, чем были сами выборы на царство, в 1635 г., возник слух, что сам Д. Пожарский подкупался на царство – И.Е. Забелин процитировал диалог из местнического спора князя Ромодановского и дворянина Сумина, когда Сумин в порыве брани упомянул, что брат Ромодановского, Дмитрий Пожарский «воцарялся и докупался государства ... стало ему тысяч в двадцать». Однако при допросе, учиненном после опрометчиво кинутой фразы,

³⁸ Подвиг Нижегородского ополчения ... №94. С. 174-175.

³⁹ ААЭ. Т.2. №202. С. 341-343.

⁴⁰ Забелин И.Е. Минин и Пожарский. "Прямые" и "кривые" в Смутное время. СПб., 2005. Приложения №6, 7. С. 238-240.

⁴¹ ААЭ. Т.2. №203. С. 346.

⁴² Подвиг Нижегородского ополчения ... №99. С. 177.

⁴³ СГГиД. Ч.2. №281. С. 597.

⁴⁴ Усенко О.Г. Казаки и самозванцы в период Смуты // Мининские чтения: Сб. научных трудов по истории Смутного времени в России начала XVII в. Н. Новгород, 2012. С. 73.

⁴⁵ СГГиД. Ч.2. №277. С. 585.

уверял, что имел ввиду совсем другое»⁴⁶. Ни в одном документе эпохи Междуцарствия намерения князя занять престол не прослеживаются. Напротив, Д. Пожарский даже оправдывался в некоторой степени за свое высокое положение в ополчении, говоря: «только б ныне такой столп, князь Василий Васильевич [Голицын] был здесь, и об нем бы все держались; и яз к такому великому делу мимо его не принялся; а то ныне меня ... бояре и вся земля сильно приневолили»⁴⁷.

Миф 2. Претендент 11: австрийский император Рудольф. Ошибочное название имеет документ, написанный от имени Д. Пожарского к австрийскому императору Рудольфу II 20 июня 1612 г., как «Письмо с предложением престола». Ни о каком предложении престола речи в документе нет. Вспомнив, как еще царь Федор Иванович оказал помощь Австрии в борьбе с Османской империей, Д. Пожарский обратился с просьбой к Рудольфу II «своей государской казною вспоможенье учинить ... и к польскому Жигимонту написать, чтоб от своей неправды отстал». Письмо отправил с переводчиком, без посланников, но обещал, «как будет в государстве покой и кого нам Бог даст государя, послы и посланники будут». С чего бы вдруг Дмитрию Пожарскому просить помощи у императора Рудольфа? Поводом послужило то, что из Персии с переговоров возвращался австрийский посол Аисуф с персидским послом. Послов пропустили от Архангельска морем, «береженье и корм дали» и заодно написали послание императору⁴⁸.

Миф 3. Претендент 12: «Пилиуш». Интересным фактом является то, что в период Междуцарствия европейские монархи также втягивались в череду интриг России. Так, вернувшийся от Д. Пожарского, посланник Юсуф императору Священной Римской империи Маттиасу сообщил, что на его предложение о возможном приглашении на Московское царство брата цесаря Максимилиана Д. Пожарский ответил: «примут его с радостью». Однако Максимилиан, сославшись на преклонность лет (а было ему в 1612 г. 54 года), отказался, а Маттиас тогда предложил «его цесарева отца родного брата сына Пилиуша»⁴⁹. Очевидно, речь здесь идет о Людовике V, сыне Карла, внуке Фердинанда I, который был епископом пассауским (отсюда – Пилиуш) и эрцгерцогом австрийским. В возрасте 26 лет в том же 1612 г. он принимал участие в военном имперском конфликте за владение территориями Чехии. Но в наказе российским посланникам Ушакову и Заборовскому к австрийскому императору Рудольфу факт согласия Д. Пожарского полностью отрицается: «Того мы никак не слыхали, ... и в мыслях не было из иных государств не греческие веры государя обирати ... без совету всей земли». Вероятно, это «посланник Юсуф или переводчик Еремей сами собой затеяли, хотячи у цесарского величества жалованье какое выманить», – говорится в наказе.

Претендент 13: Михаил Федорович Романов. К концу 1612 – началу 1613 г. сложилась достаточно противоречивая ситуация и с претендентами на престол, которых, несомненно, было более 13-ти указанных здесь, и с выборными силами. Существует много споров о собравшемся тогда избирательном Земском соборе, и о том, почему на престол был избран 16-летний Михаил Романов. Официальных документов, кроме итогового – «Утвержденной грамоты» – о процессе выборов не сохранилось. Исследователи руководствуются большей частью нарративными документами.

В Новом летописце говорится о «многих от вельмож желающих царем быти, подкупахуся, многим даючи и обещаючи многие дары». Но имена этих вельмож не названы, а избран был Михаил Федорович якобы единогласно – «царского роду ближний сродник»⁵⁰. Его дед, Никита Романович, был родным братом Анастасии Романовны, первой супруги Ивана IV Грозного. Его отец, Филарет (Федор Никитич Романов), пользовался большим авторитетом у казачества, став патриархом в Тушинском лагере. И хотя Филарет – далеко не однозначная личность, и в 1610 г. он выступал на стороне Боярского правительства, участвуя в посольстве под Смоленск к Сигизмунду, но воспринимался он как защитник интересов Русского государства, как мученик, ставший жертвой сначала по

⁴⁶ Забелин И.Е. Указ. соч. С. 129; Сыскное дело о ссоре межевых судей, кн. В.Большого Ромодановского и дворянина Лариона Сукина: 1635-1639 гг. М., 1848. 36 с.

⁴⁷ ААЭ. Т.2. №210. С. 360.

⁴⁸ Подвиг Нижегородского ополчения... №118. С. 218-231.

⁴⁹ Подвиг Нижегородского ополчения... №162. С. 304-307.

⁵⁰ Новый летописец... С. 101.

«делу Романовых» при Борисе Годунове, затем попав в заложники к Сигизмунду III в составе посольства в 1610 г. По замечанию Р.Г. Скрынникова, Филарет предпринимал попытку усадить на трон своего 14-летнего сына Михаила еще в июле 1610 г.⁵¹

С.Ф. Платонов признавал закономерность такого исхода событий, отметив, что Михаил Федорович был единственным лицом, на котором могли сойтись обе стороны, еще не окончательно примиренные, московского общества – земство и казачество⁵².

А.Л. Станиславский, сопоставив данные «Повести о Земском соборе 1613 года» с агентурными донесениями и расспросными речами пленных и выходцев из России пришел к заключению о высокой доле достоверности «Повести». «Повесть» сообщает нам имена восьми князей – претендентов на престол: Ф.И. Мстиславский, И.М. Воротынский, Д.Т. Трубецкой, И.Н. Романов, И.Б. Черкасский, Ф.И. Шереметьев, Д.М. Пожарский, П.И. Пронский. В то же время, по разысканиям А.Л. Станиславского, казаки выставляли первоначально трех претендентов: Д.Т. Трубецкого, М.Ф. Романова и Д.М. Черкасского, в то время как бояре ратовали за Карла Филиппа⁵³.

И.О. Тюменцев, опираясь на «Сказание ких ради грех...» («начальную» редакцию первых шести глав «Истории» Авраамия Палицына), «Повесть о Земском соборе» и данные «Докладной выписи о вотчинах и поместьях 1613 года», фиксирующей земельные пожалования первых месяцев правления нового царя, установил имена наиболее активных членов романовского кружка. Руководство же земского ополчения, по его мнению, тщательно подготовившее избирательный собор, допустило ряд серьезных просчетов, прежде всего выдвинув в качестве своего главного кандидата непопулярного Д. Трубецкого. Это заставило различные оппозиционные силы объединиться вокруг кандидатуры юноши, не обладавшего задатками государственного деятеля, за спиной которого в то время не было влиятельной боярской группировки, но была умело организованная Авраамием Палицыным и его помощниками агитация среди казаков⁵⁴.

Таким образом, сохранившийся материал актового делопроизводства периода Междоусобия позволяет проследить все многообразие реальных представлений о возможных претендентах на российский престол того времени: от безродных самозванцев, сочинявших легенды о чудесном спасении, до наследников королевской крови, страстно желавших расширить свои королевские земли и утвердиться за счет утопавшего в смуте Московского государства. Нельзя полностью отрицать возможный иной исход событий. Не было шансов у пытавшихся обманом захватить престол самозванцев, но всерьез рассматривалась кандидатура королевича Карла Филиппа, если бы не его малолетний возраст и не желание Густава II Адольфа самому управлять Московским государством, присоединив его к Швеции. А в титул королевича Владислава и вовсе до завершения Смоленской войны в 1634 г. включалось «избранный великий князь Московский». Выход из кризиса, предложенный Боярским правительством – признание власти королевича Владислава – не имел успеха, а только вел страну к распаду и поглощению Швецией и Речью Посполитой. Только четкое осознание необходимости единения через православие и сохранение территориальной целостности позволил земскому национально-освободительному движению решить вопрос восстановления верховной власти и единства русского государства. Избрание Михаила Романова ближайшего родственника к династии Рюриковичей – русским царем свидетельствует о силе традиционного монархического уклада.

⁵¹ Скрынников Р.Г. Указ. соч. С. 129.

⁵² Платонов С.Ф. Смутное время. Очерк истории внутреннего кризиса и общественной борьбы в Московском государстве XVI-XVII вв. // Платонов С.Ф. Сочинения: в 2 т. Т.2. СПб., 1994. С. 486.

⁵³ Повесть о Земском соборе 1613 г./ публ. А.Л. Станиславского, Б.Н. Морозова // Вопросы истории. 1985. №5. С. 90-94.

⁵⁴ Тюменцев И.О. «Умом Миша молод, не дошел ...» Почему именно Михаил Романов стал русским царем? // Родина. 2006. №11. С. 2-7.

THE PROBLEM OF KING'S ELECTION IN RUSSIA AND ZEMSKY GOVERNMENT DURING THE INTERREGNUM: ON THE DOCUMENTARY MATERIAL

N.V. RYBALKO

Volgograd State University

e-mail: rybalko_n@mail.ru

Election of Tsar became a real challenge for the newly formed centers of Zemsky government in a difficult period for Russia – the Interregnum in 1610 – 1613 years. The article includes analysis of the possible candidates for the throne, and the circumstances in which their nomination took place.

Key words: History of Russia, king's election, the Time of Troubles, the Interregnum, zemsky government, Mikhail Romanov, King's son Vladislav, Sigismund III, King's son Carl Philipp.

УДК 323.3-058.12:32.019.5(470+571) «185/189»

**«ЧЕРТ ДЕРИ ЭТУ БУМАГУ! ДВА ГОДА – КАК БЫ НЕ ТАК, СТАНУ Я ПОВИНОВАТЬСЯ!»:
МАНИФЕСТ 19 ФЕВРАЛЯ 1861 Г. В ВОСПРИЯТИИ ПОМЕСТНОГО ДВОРЯНСТВА
И БЫВШЕГО КРЕПОСТНОГО КРЕСТЬЯНСТВА (СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)***

В.А. ШАПОВАЛОВ¹
С.П. ШАПОВАЛОВА²

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

¹ e-mail: Shapovalov@bsu.edu.ru

² e-mail: Shapovalova_S@bsu.edu.ru

В статье рассматриваются настроения помещиков и крепостных крестьян накануне объявления Манифеста 19 февраля 1861 г., специфика восприятия данного документа поместным дворянством и крестьянством с учетом различных мнений и установок. Особое внимание уделено социально-психологическому аспекту указанного восприятия, причинам диалога помещиков и крестьян по принципу «свой – чужой».

Ключевые слова: помещик, дворянин, Манифест 1861 г., социальная психология.

Г.А. Джаншиев, касаясь вопроса отмены крепостного права, был не далек от истины, когда писал: «Не только в истории России, но и в летописях всемирной истории немало найдется дней, с которыми соединилось бы такое радостное, бодрящее и возвышающее душу настроение, как с незабвенным днем 5 марта 1861 г.»¹ В этот день в российских церквях обеих столиц был зачитан Манифест об освобождении от крепостной зависимости помещичьих крестьян. С этого момента вековая мечта крепостного населения России о воли сбылась. Для поместных дворян наступало новое время, когда привычный образ жизни, в рамках крепостнического традиционализма, уходил в прошлое. Восприятие данного документа двумя основными субъектами крепостных отношений – дворянством и крестьянством – должно было показать отношение значительной части населения к основным положениям реформы 19 февраля 1861 г. То есть, соответствие или несоответствие социальных ожиданий содержательной сути Манифеста об освобождении крепостных крестьян.

Для поместного дворянства социальная направленность предстоящей реформы, в большей её части, была известна, посредством работы его представителей в губернских дворянских комитетах по вопросам выработки принципов отмены крепостного права. Его, в первую очередь, интересовал характер восприятия крестьянами объявления воли, с оставлением всех прежних повинностей, до момента выхода на выкуп. Немалое беспокойство вызывало у поместных владельцев и возможная месть со стороны представителей бывшей «крещенной собственности», власть и контроль над которыми уже не могли иметь ничего общего с прежней вотчинной властью помещика. С.Н. Терпигорев (С. Атава) в своем знаменитом цикле очерков «Оскудение», в некоторой гипертратированной форме, показал смятение и страх у помещиков в преддверии объявления воли крепостным крестьянам. Страх был неслучаен, помещики осознавали, что причин для ненависти и мести у крестьян в их адрес было предостаточно. В частности, автор указывает: «Ошеломленные всеми этими слухами и рассказами, как громом с безоблачного неба, Иваны Петровичи и Петры Ивановичи решительно не знали, что им делать. Кое-какие грешки и счеты в прошлом, а главное перепуг перед неизвестным будущим, понятно, стянули все их мысли к заботе о спасении своих животов. Но и тут, в этой заботе, в том, что предпринималось с целью обезопасить себя, ясно видны были следы самого угнетенного состояния: покупались ружья, сабли, приносились из кладовых заржавленные дедовские и прадедовские шпаги, в которых в одни они щеголяли разные генерал-аншефы, и которыми теперь их внуки и собирались защищать свою жизнь от Сенек, Степок и т.д.

...И действительно, в ту пору перемерло с перепугу пропасть народу, большей ча-

*Работа выполнена при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009-2013 годы», Государственный контракт № 16.740.11.0545 от 23.05.2011 г.

¹ Джаншиев Г.А. Эпоха великих реформ: в 2 т. Т. 1. М., 2008. С. 85.

стью совсем добродушного. Пишущий эти строки лишился в ту пору обоих своих дедов, покинувших этот свет чисто только с перепугу».²

В отдельных случаях помещики, зная за собой, как отмечал С.Н. Терпигорев «кое-какие грешки и счеты», превращали свои усадьбы в настоящие крепости. В Орловской губернии «...помещика Г. начали тревожить такие же страхи в виду предполагавшихся народных волнений ... Для безопасности своей и своей семьи он сочинил проект сооружения грандиозных укреплений, который и осуществил на практике руками тех же рабов, против которых они созидались. Он порешил всю свою усадьбу окружить двумя каменными стенами саженной высоты, а промежутки между стенами наполнить до верху землей и наверху развести сады... Проникнуть в усадьбу Г. можно было только одним путем – через двойные ворота громадной величины, которые день и ночь были на запоре, а над ними висел большой колокол. Всякий новоприбывший должен был звонить в этот колокол, об нем наводились справки в маленькое отверстие в воротах, потом следовал доклад хозяину, от которого получалось разрешение на пропуск, и только тогда растворялись ворота, и гость въезжал в усадьбу».³

Естественно, все вышесказанное не являлось в полной мере характерным для всего поместного дворянства, но отражало настроения помещиков накануне освобождения крепостных крестьян.

Крестьяне ловили и обсуждали каждый слух о предстоящей кардинальной перемене в своей судьбе, социальном статусе. Часть из них, вероятно, большая, оптимистически относилась к ожидаемым переменам. Для них воля и земля в собственности были неразрывными понятиями. При этом, конечно, и речи не могло быть о каких-либо видах барщины и оброка. Сильно было распространено в крестьянской среде мнение, что вся земля помещиков должна была перейти в руки тех, кто её обрабатывал. Часть же крестьян мирилась с представлением им полевых угодий или тех участков, которыми они пользовались до личного освобождения. Были и пессимисты, задумывавшиеся над тем, что предстоящая реформа готовится дворянами и, вряд ли, последние что-то предпримут во вред своим сословным интересам.⁴

В этой связи, современник отмечает: «Недаром задумывался всякий раз мужик, говоря о предстоящей воле, недаром заканчивал решительные надежды сомнением: «А Бог весть, что-то еще будет впереди, кабы не было хуже», – не доверчиво покачивая головою на уверения, что хуже быть не может».⁵

Объявление воли, с конкретизацией основных положений предстоящей реформы, должно было расставить точки над различными вопросами, которые не давали покоя не дворянам, не крестьянам. Тем временем, слухи принимали все более изощренные вариации: «С ярмарки, с базаров, с богомолий всегда крестьяне привозили новости о воле. Рассказы велись на все лады: как царь посылал волю в бочках с икрою, в ящиках просмоленных, но господа успеют пронюхать и выкрадут. Пробовал царь и через своих верных людей тайно переслать народу волю, но господа людей задерживали, обыскивали, отбирали волю, а людей морили в острогах»⁶. В крестьянском сознании помещик оставался главным препятствием на пути получения личной свободы и земли.

Все ожидали при обнародовании Манифеста об отмене крепостного права ясных и понятных ответов на давно обсуждаемые вопросы, касавшиеся данной темы. От характера восприятия, вернее, понимания и степени согласия с основными постулатами этого документа, зависели первые шаги в плане социального партнерства помещиков и их бывших крепостных крестьян.

Но обнародование в марте 1861г. указанного Манифеста вызвало разочарование в широких массах российской общественности и крестьянской среде. Основной тезис из

² Терпигорев С.Н. (Атава С.) Собрание сочинений в 6 т. Т.1. СПб., 1899. С. 10

³ Мочульский П.Н. Курьезы крепостного времени (Из записной книжки) // Исторический вестник. 1905. Т.100. С.162.

⁴ Игнатович И.И. II. Встреча на местах // Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. Кн. II. Т. IV (продолжение)-VI. М., 2012. С. 420.

⁵ Там же. С. 420-421.

⁶ Соловьев И.М. Манифест 19 февраля в народном сознании // Крепостное право в России и реформа 19 февраля. М., 1911. С. 354.

Манифеста: «В силу означенных новых положений крепостные люди получают в свое время полные права свободных сельских обывателей. Помещики, сохраняя право собственности на все принадлежащие им земли, представляют крестьянам, за установленные повинности, в постоянное пользование усадьбную их оседлость, и сверх того, для обеспечения быта их и исполнения обязанностей их пред Правительством определенное в положениях количество полевой земли и других угодий.

Пользуясь сим поземельным наделом, крестьяне засим обязаны исполнить в пользу помещиков определенные в положениях повинности. В сем состоянии, которое есть переходное, крестьяне именуются временнообязанными.

Вместе с тем им дается право выкупать усадьбную их оседлость, а с согласия помещиков они могут приобрести в собственность полевые земли и другие угодья, отведенные им в постоянное пользование. С таким приобретением в собственность определенного количества земли крестьяне освободятся от обязанностей к помещикам по выкупленной земле и вступят в решительное состояние свободных крестьян – собственников»⁷ не развеял сумятицу в головах тех, кто ждал от него что-то вразумительного.

Тезисы «получат в свое время полные права свободных сельских обывателей», «помещики, сохраняя право собственности на все принадлежащие им земли...» указывали, что реальная свобода будет в необозримом будущем, а помещики продолжали оставаться собственниками всего фонда земель, включая и крестьянские наделы. Особый энтузиазм должны были вызвать слова: «Дворянство добровольно отказалось от права на личность крепостных...

Призвав Бога в помощь, мы решили дать сему делу исполнительное движение».⁸ Исходя из данного контекста, на местах были организованы официальные торжества.

Преобладающее же общее настроение того времени можно выразить словами Г.Д. Щербачева, очевидца данного события С.-Петербурга: «Когда кончилось чтение и все стали выходить из церкви, заметно было «на всех лицах какое-то недоумение».⁹

В провинции содержание Манифеста 19 февраля 1861 г. тоже не вызвало большого прилива радостных эмоций. Сельский конторщик из Владимирской губернии записал в своем дневнике: «Манифесту никто не обрадовался. От крестьян ни слова, ни звука радости. Народ понял одно: оставаться, дескать, два года крепостным, да и шабаш... Снова уныло повесил он голову и занялся мыслями об оброке... В церкви утром вчера (11 марта) читали манифест. Народ внимательно слушал и также остался не доволен. «Два года, значит, еще подвластны, а тогда и будет настоящая воля. Может – быть, околеешь до той поры!» говорил один мужик, выбираясь из церкви...».¹⁰ Объявление воли в крестьянской среде ожидалось как что-то само – собой разумеющееся, её открыто обсуждали два предыдущих года и мало кто сомневался, что она будет объявлена. Крестьян интересовали условия её предоставления. Поместное дворянство с надеждой ожидало, что их претензии на всю поместную земельную собственность и повинности крестьян за земельный надел, с учетом личной свободы, останутся в неприкосновенности. Подобное восприятие манифеста для правительства не было сюрпризом. Глава МВД П.А. Валуев, в своем дневнике за 5 марта 1862 г., записал: «Новая эра. Сегодня объявлен, в Петербурге и Москве, манифест об отмене крепостного состояния. Он не произвел сильного впечатления в народе и по содержанию своему даже не мог произвести этого впечатления. Воображение слышавших и читавших преимущественно остановилось на двухгодичном сроке, определенном для окончательного введения в действие уставных грамот и окончательного освобождения дворовых».¹¹

Самое сложное в деле разъяснения основных положений Манифеста и Положения 19 февраля 1861 г. должно было произойти в дворянских усадьбах, где помещику необходимо было доходчиво изложить крестьянам, что их ожидает завтра, послезавтра, через год, два и т.д., какие повинности и до какого момента должны их выполнять, как будет

⁷ Манифест 19 февраля 1861г. // Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. КН. II. Т. IV (продолжение)-VI. С. 414-415.

⁸ Там же.

⁹ Цит. по: Джаншиев Г.А. Указ. соч. С.86-87.

¹⁰ Соловьев И.М. Указ. Соч. С.356.

¹¹ Дневник П.А. Валуева министра внутренних дел: в 2 т. Т.1. 1861-1864. М., 1961. С. 80.

происходить выкуп крестьянского земельного надела. Все понимали, что это не обойдется без накала страстей, взрыва эмоций и возможно бунтов. Психологически для помещиков наступали «судные дни». Они осознавали, что их трактовка Манифеста и Положения 19 февраля 1861 г. не будет, мягко говоря, встреча позитивно. Крестьяне же, поняв из зачитанного в церквях Манифеста, что предоставляемая воля далеко не полная, земля не в собственности, не скрывали своего недовольства. Неприятие помещиками и их бывшими крестьянами точки зрения противоположной стороны на предстоящую реализацию реформы отмены крепостного права, как отмечают социальные психологи, имело природу восприятия по типу «свой – чужой». То есть, отнесенность к определенной сословной общности с её образцами поведения, этическими нормами, социальными претензиями и ожиданиями «как бы наклеивается ярлык, наносит своеобразную метку на индивиды, которого одна группа начинает распознавать и воспринимать как своего, а другая – как чужого».¹² Несовместимость социальных ожиданий было опосредована и спецификой сословной психологии, имевшей крепостническую традицию.

Сложность трактовки помещиками Манифеста и Положения 19 февраля 1861 г. обуславливалось еще и тем, что крестьяне сразу же после объявлении воли резко изменили отношение к своим господам, демонстрируя неприкрытую агрессивность. С.В. Ковалевская в автобиографической повести «Нигилистка» на примере юной барыни Веры Баранцовой хорошо иллюстрирует данную ситуацию:

«- Барышня, а барышня! Подь-ка сюда! Не бойся! – послышался пьяный голос кучера. – Что, господа наверху плачут, чай? Жаль им, что тиранить-то нас им больше не дадут?

- Неправда! Неправда! Вас никто не тиранил. Папа с мамой добрые!...

- Не тиранили! Как же! А дедушка-то ваш покойный мало на своем веку людей изувечил! Зачем он Андриюшку – столяра не в очередь в солдаты сдал? Зачем он девку Аринью на скотный двор сослал? – раздаются с разных сторон несколько голосов разом.

Гармоника смолкла. Вся дворня собралась кучкой, и посыпались рассказы страшные, возмутительные, какие и во сне не грезились Вере.

- Но ведь то был дедушка, а папа с мамой добрые!

Вера не кричит теперь; она говорит тихо, сквозь слезы, пристыженным голосом...

- Да, молодые господа ничего себе, добрые! – как бы нехотя соглашаются несколько человек.

- Это теперь наш барин присмирел, а как холостым был, и он таки порядком над нами, девками, надругался, – злобно замечает старая подпившая ключница...»¹³

Агрессивный настрой к помещикам со стороны крестьян не способствовал адекватному восприятию документов.

В контексте рассматриваемого вопроса весьма важны наблюдения настроений, царящих в дворянских поместьях накануне зачитывания Манифеста 19 февраля 1861 г., авторы воспоминаний показывают довольно сложную политру настроений, ожиданий, разочарований и страха у помещиков, членов их семей, управляющих. В частности, сельский священник А.И. Розанов, подписывавшийся псевдонимом «Сельский священник», будучи свидетелем толкования Манифеста в различных дворянских имениях Поволжья, отмечает: «Из села Б. мы поехали в большую слободу С., имения князя Г. Сам князь жил постоянно в Петербурге, а имением его управлял немец Кан...

До чтения Манифеста мы заехали к нему. Он был бледен, лицо осунулось, трясся как в лихорадке, бессмысленно метался во все стороны, останавливаясь на полуслове, несколько раз отзывал исправника и все что-то толковал с ним... Он подсмеивался и успокаивал его. К Кан...у, также, как и к И. И-ну Б. в селе С., собралось много военных – бутырцев. На огромной церковной площади собралось множество народу, а в стороне стояло сотни три солдат с ружьями. Исправник спросил одного из военных, что постарше: зачем тут собрали солдат и с ружьями?

- А вот извольте видеть: немец думает, что его вот-вот сейчас убьют, как только объявят волю. Чем свет прислал за мной и, чуть не плачет просит, чтобы я оцепил солдатами его дом».¹⁴

¹² Нартова-Бочавер С. Психология личности и межличностных отношений. М., 2001. С.285.

¹³ Ковалевская С.В. Воспоминания детства. Нигилистка. М., 1960. С.153-154.

¹⁴ Сельский священник. Записки сельского священника // Русская старина. 1880. Т. 27. С. 455-456.

Смоленский помещик Р.В. Пасевьев вспоминает свой разговор с тётёй об отмене крепостного права: «Ни «тётенька», ни сестра не имели никакого представления о том, что совершилось...

«Тётенька» отнеслась к сообщенной мною новости с большим волнением и с оттенком некоторого недоброжелательства.

-Давно об этом поговаривали, но никто не верил, что допустят до этого. А теперь вдруг сделали. Ничего хорошего от этого ждать нельзя. Какие же они «вольные»?... Теперь они Бог знает что о себе возмечтают... Какой-нибудь Лаврушка (повар) или Парашка (горничная «тётеньки») захотят на голову садиться своим природным господам; а с мужиками и подавно ничего не сообразишь... От таких ваших (непонятно, почему сказано было «ваших») новых порядков – из деревни, из жалованного, родового поместья – бежать надо... Пожалуйста, ты пока держи от них в секрете это».¹⁵

Среди определенной части помещиков и представителей вотчинной администрации само отношение к объявлению Манифеста 19 февраля 1861 г. вызывало панический страх, резкое неприятие данного акта, желание скрыть его от крестьян. Здесь примечательным является высказывание «тётеньки»: «Давно об этом поговаривали, но никто не верил, что допустят до этого». То есть, у части поместных дворян теплилась надежда, что отмена крепостного права дальше разговоров не продвинется. Обнародование же Манифеста 19 февраля 1861 г. все эти надежды развеело.

Что же больше всего пугало поместных дворян и бывших помещичьих крестьян в содержании и духе самого Манифеста? Английский исследователь Питер Готрелл справедливо заметил, в рассматриваемом контексте, в отношении помещиков: «С точки зрения помещика, требовалось, чтобы перевод крестьян из крепостных крестьян в свободные осуществлялся без ущерба для дохода их бывшего владельца и для производственного потенциала поместья. Помещик столкнулся с необходимостью восполнить потерю сельскохозяйственного инвентаря и рабочего скота, которые прежде предоставлял крестьянин, обрабатывающий помещичьи земли. Однако главной целью помещика являлось сохранение дохода».¹⁶ Для помещика сокращение доходов означало отказ от привычного образа жизни, устоявшейся годами повседневности, которая не предусматривала серьезных усилий для поддержания хозяйства на плаву. Манифест 19 февраля 1861 г. становился тем рубежом, с которого эта приятная, размеренная повседневность уходила в прошлое. Все стереотипы восприятия окружающей действительности принимали другие краски и оттенки.

Многие крестьяне, при собственной трактовки Манифеста, впали в серьезное заблуждение из-за того, что они сосредоточились на одной фразе из него и игнорировали другие положения. Типичным являлся случай в Сумском уезде, описанный харьковским губернатором: «...крестьяне на коленях просили мирового посредника и помещика оставить их до истечения двухлетнего срока на трехдневной барщине, обещая добросовестно выполнять все работы и выражая надежду, что по миновании этого срока они перейдут на «царское положение», т.е. выкуп. При совершенной покорности крестьян никакие убеждения и доводы не могли склонить их к принятию уставной грамоты».¹⁷ Это было проявлением укоренившегося мифа в крестьянской среде, где ожидалась «настоящая воля».

Соединить интересы и ожидания помещиков и крестьян в рамках положений Манифеста было фактически невозможно. Р.В. Пасевьев показывает, насколько сложно было ему давать объяснения по манифесту своим крестьянам: «Видя, что собрались все, я вышел на крыльцо, со словами: – здравствуйте, братцы! – и поклонился всем. Все сняли шапки и отдали мне поклон...

- Спасибо вам братцы... только вот что: собрал вас, чтобы объявить вам царскую грамоту... Царь вас вольными делает. Слушайте, я прочту вам манифест.

Я начал читать громко и внятно, наблюдая, какое действие произведут слова манифеста...

¹⁵ Пасевьев Р.В. Из эпохи уничтожения крепостного права // Исторический вестник. 1904. Т. 96. С. 809-810.

¹⁶ Готрелл П. Значение великих реформ в истории экономики России // Великие реформы в России 1856-1874 / под ред. Л.Г. Захаровой, Б. Эклофа, Дж. Бушнела. М., 1992. С. 115.

¹⁷ Цит. по: Филд Д. 1861: «Год юбилея» // Великие реформы в России. 1856-1874. С. 79.

По мере того, как я продолжал чтение, это настроение расхолаживалось, сосредоточенное внимание ослабевало. Толпа стала шевелиться. Многие стали шептаться между собою и разговаривать, почесываться...

Чтение Манифеста окончилось. Более молодые из мужиков остались на своих местах, молчаливо и сосредоточенно уставив на меня свои взгляды – старики же продвинулись к крыльцу и, опираясь на свои посохи, начали говорить:

...Хорошие в ей (в ней) слова понаписаны... а все-таки, словно мы в толк не возьмем: как же оно так будет? Если вольные, – значит, нам с земли долой уходить надо – ть... а с кем же господа останутся? ...чем мы кормиться будем? ...»¹⁸ Далее помещик стал объяснять крестьянам, что их с земли не гонят, но за неё необходимо нести прежние повинности определенный срок, затем её выкупить. Такой ответ совершенно не устроил крестьян. Их настроение выразил кузнец Алексей:

«- А где нам на эту музыку денег взять?... У любого мужика – в одном кармане Сретение, в другом – Иван Постный... Нешть мужик может платить что... да еще за кровную свою полосу, которую и ен, и отцы, и деды пахали и сеяли? – нешто...

...мужики, все равно, вечно плательщики будут, барин... коли так, – так какая же воля будет? Бог с ней совсем...»¹⁹

Диалог строился по психологическому принципу «свой-чужой», когда каждая из сторон желала слушать то, что она заранее спроецировала для себя в сознании, внутренне убедила в собственной правоте. Помещик хотел при любой раскладке дел не уменьшить собственные доходы и оставить, пусть не в прежней, но в определенной зависимости крестьян. Тем более, в помещичьем сознании укоренилось: «... о не унизости рабского состояния и о не постыдности телесного наказания служит в русском народе идея религиозная, выражающаяся в поговорках народных: «Господь велел рабам служить верно господам своим» или: «Господь терпел и нам велел». Поговорки они основаны на притчах Господних о рабах и талантах и на страстях Христовых; русский человек не может допустить, чтобы наказание, понесенное Спасителем, могло быть оскорбительно для человека. Из всех приведенных доказательств можно убедиться, что крепостное состояние не оскорбляет русского человека и что в нравственном смысле оно в России не так унижительно, как кажется иноземцам или людям с иноземными понятиями».²⁰

Отношение к бывшим крепостным крестьянам сразу же после объявления Манифеста 19 февраля 1861 г. не могло кардинально измениться. Помещики продолжали рассматривать крестьян в качестве низшей, обслуживающей касты. В отдельных случаях помещики просто не могли смириться с новым социальным статусом бывших крепостных крестьян А.И. Розанов приводит подобный пример: «Как только отошли крестьяне на волю, то один из помещиков моей родины. К. – «не хочу и дела никакого иметь с поддечами, – говорит – глаза мои не могут смотреть на них и тот час продал всю землю по 10-ти р. за десятину с рассрочкою на 10 лет, и уехал в С.»²¹ Но были и другие примеры противоположного плана, хотя и весьма редкие. Тот же автор отмечает: «Я не сказал, какое влияние произвел манифест на крестьян села О., имения А.А. С.-С. имел крестьян несколько тысяч; крестьян работами не обременял и они жили очень справно, были даже очень богатые; пользовались вдоволь и землей и лесом. Манифест произвел на них скорее неприятное чувство, чем радость. За богатым, сильным и добрым барином своим они согласны были прожить весь век. Поэтому они слушали и манифест и разъяснения исправника совершенно хладнокровно, просто – почти безучастно. Ни один из них ни полусловом не выразил ни того, что они желают воли, и ни того, что не желают. Просто – пришли, выслушали и разошлись».²²

Диалог между помещиками и крестьянами не всегда мог состояться. Последние не особо верили первым, которые трактовали им отдельные места Манифеста и Положения 19 февраля 1861 г. У крестьян уже сложились собственные представления, установки на то, как должно было быть отменено крепостное право. Их установки и определяли поведение.

¹⁸ Пасевьев Р.В. Указ. соч. С. 812.

¹⁹ Там же. С. 813

²⁰ W. Князь В.А. Черкасский об освобождении крестьян // Русская мысль. 1886. Кн. IX. С. 50.

²¹ Сельский священник. Записки сельского священника. С. 489-490.

²² Там же. С. 480.

Социальные психологи давно пришли к заключению, что установки и поведение взаимно подпитывают друг друга.²³ То есть, недоверие крестьян к помещикам было психологически обусловлено. Современник отмечал эту особенность поведения крестьян: «Каждый параграф «положения» крестьяне хотели перетолковать в свою пользу; к помещикам за объяснением непонятных статей обращаться опасались в убеждении, что те истолкуют их в свою пользу. На сходках помещику не было возможности в чем-либо сойтись с крестьянами, потому что они во всем думали видеть какой-нибудь тайный умысел или обман. Целыми толпами ходили они к своим «умникам» за разрешением разных вопросов наиболее их интересовавших. В «положении» они желали видеть только льготы, и им неприятно было встретить что-нибудь стеснявшее их новую жизнь: таким параграфам даже не хотели и верить. Им чудилось, что права помещика теперь обрезаны со всех сторон».²⁴

На первый взгляд крестьяне должны были найти общий язык с добрым помещиком по вопросам своего пореформенного переустройства. До объявления воли в имениях с такими помещиками не было серьезного антагонизма. Своего помещика они возносили до небес, «...выражаясь по обыкновению: «Вы наш отец, а мы ваши дети, только вами и живем» и т.п.».²⁵ Но когда был зачитан Манифест об освобождении крепостных крестьян и наступило время обсудить вопрос о возможности, условиях подписания уставных грамот, добрые помещики оказались в более сложном положении, чем их жесткие собратья. «Происходило все это (как после объяснилось) от того, что крестьяне желали как можно скорее разделаться с «крутым баринном», освободиться от него и от обязательных отношений, который еще по многим статьям требовались в отношении помещика Положением 19 февраля до разграничения угодьями, или вернее до утверждения уставных грамот...»²⁶ Примером «неблагогородности» крестьян может служить история переговоров богатого курского помещика М.П. Щербинина со своими бывшими крепостными крестьянами о возможных условиях подписания уставных грамот. «И при крепостном праве крестьянам жилось у него хорошо; большею частью они были оброчные, а оброк с них взимался небольшой».²⁷ М.П. Щербинин предложил крестьянам условия для подписания уставных грамот намного более льготные, чем предусматривались Положением 19 февраля 1861 г. «...они (крестьяне – В.Ш., С.Ш.) тот час же высказали свои весьма неумеренные требования: например, отдать им лучшие помещичьи земли, которыми они даже никогда не пользовались; просили уступить им строевой лес, составлявший в той местности значительную ценность, объясняя свое желание тем, что они его сами сберегали во время отсутствия барина; просили так же оставить за ними торговую площадь в слободе Чернявке, дававшую помещику значительный доход от ярмарок и базаров, в противном же случае не соглашались принять и подписать уставную грамоту».²⁸ Другими словами, крестьяне требовали от своего бывшего благодетеля отдать им большую и лучшую часть своей собственности, размеры и структуру которой не попадала под Положения 19 февраля 1861 г. М.П. Щербинин, в конце концов, провел подписание уставных грамот согласно Положению и утвердил их мировым съездом.²⁹

Ожидание объявления воли и обнародование Манифеста об отмене крепостного права показали, что поместное дворянство, в своей основе, хотя и было осведомлено об основных принципах реализации предстоящей реформы, но психологически не было готово к этому. Отдельные представители помещиков хотели утаить от крестьян сам факт обнародования Манифеста 19 февраля 1861 г. Данный документ стал рубежом, с которого весь уклад жизни поместных дворян должен был измениться в корне. Значительная часть из них была уверена, что крестьяне от реформы отмены крепостного права получили все, помещики – ничего.³⁰ Для подавляющей части крепостных крестьян с конца 1850-х гг. гото-

²³ Майерс Д. Социальная психология. СПб., 2011. С. 168.

²⁴ П.Б. Крестьянский быт через два десятилетия после реформы // Русский вестник. 1880. Т. 149. С. 446-447.

²⁵ Решетов Н. Эпизоды при введении Положения 19 февраля 1861 года // Русский архив. 1885. № 10. С. 275.

²⁶ Там же. С. 274.

²⁷ Там же. С. 275.

²⁸ Там же. С. 276.

²⁹ Там же.

³⁰ П.Б. Чего не достает? // Русский архив. 1882. №2. С. 381.

вящаяся социальная эмансипация уже не была секретом, слухи о предстоящей воле буквально наэлектризовали крестьянскую массу. В этой же среде и зародились устойчивые представления о «настоящей воле», где личная свобода и земля в собственности были неразделимыми понятиями. Обнародование и толкование Манифеста 19 февраля 1861 г. в помещичьих имениях только усилило недоверие крестьян к своим помещикам. Основные положения Манифеста не как не соответствовали их представлениям, установкам о предстоящей воле. В их сознании помещик являлся истинным препятствием для получения «настоящей воли». Диалог в усадьбе проходил по психологическому принципу «свой-чужой». Даже бывшие «заслуги» доброго помещика уже не брались крестьянами в расчет. Они претендовали на значительную часть помещичьей собственности, исходя из положения «кто пот проливал на земле – того она и есть». Здесь нельзя сводить все только к словесному антагонизму. Крупный этнограф рубежа XIX-XX вв. О.П. Семенова-Тян-Шанская, в этой связи, отмечала: «...ни один «Иван» не может понять, что его ложь видят и только из жалости, не останавливаясь на ней, ему помогают. Всякий «Иван» напротив убежден, что он ловко надул богатого человека. Угрызения совести «Иван» по этому поводу, конечно, не чувствует, так как, по его рассуждению, богатые милосердием своим спасают свою душу... Помимо всего этого крестьяне, по большей части, насмешливо относятся к помещикам – дворянам, к их хозяйственным способностям; совсем в них не верят»³¹.

То есть, отбирая ложью или определенным психологическим давлением часть собственности у помещиков, крестьяне, тем самым, спасали помещичью душу. Греха здесь крестьянин никакого не видел. Тем более, помещик и хозяйствовать сам на земле не мог. Объявление манифеста 19 февраля 1861 г. еще более рельефно обнажило социально-психологическое противостояние поместных дворян и крестьян. По-сути, показывая, что это были два «антимира» в русской деревне.

«HELL WITH THIS PAPER! TWO YEARS – I`LL SEE YOU DAMNED FIRST, IF I OBEY!»: MANIFEST OF 19 FEBRUARY 1861 IN PERCEPTION OF THE LANDED GENTRY AND THE FORMER SERFS (SOCIO-PSYCHOLOGICAL ASPECT)

V.A. SHAPOVALOV¹
S.P. SHAPOVALOVA²

Belgorod National Research University

¹ e-mail: Shapovalov@bsu.edu.ru

² e-mail: Shapovalova_S@bsu.edu.ru

The article deals with feelings of the gentry and serfs on the eve of the 19 February 1861 Manifest declaration, peculiarities of the document`s perception by the landed gentry and the peasantry taking into account different opinions and approaches. Special attention is given to the socio-psychological aspect of this perception, causes of the gentry-peasants “we – others” dialogue.

Keywords: gentry, nobleman, Manifest of 1861, social psychology.

³¹ Шнейдер В.П. Памяти Ольги Петровны Семеновой. СПб., 1908. С. 15.

УДК 94(470.32) | 18|:929.7

ОТРАЖЕНИЕ ДВОРЯНСКОГО БЫТА ПОРЕФОРМЕННОГО ПЕРИОДА В ДОКУМЕНТАХ, ХРАНЯЩИХСЯ В АРХИВАХ ЦЕНТРАЛЬНО-ЧЕРНОЗЕМНОГО РЕГИОНА

И.Г. ОНОПРИЕНКО*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет**e-mail: onoprienko@bsu.edu.ru*

В статье рассматривается понятие «быт», анализируются архивные материалы, освещающие дворянскую повседневность пореформенного периода.

Ключевые слова: дворянство, быт, источники.

Любой профессиональный историк отдает себе отчет о приоритете соответствующей источниковой базе при решении конкретной исследовательской задачи. Особенно это относится к неопубликованным источникам, малоизвестным в исследовательской среде. Поэтому анализ региональных документов архивного характера, применительно к объекту изучения, имеет несомненную важность.

Но, прежде чем перейти к анализу архивных документов, необходимо рассмотреть понятие «быт», которое неоднозначно трактуется в справочной литературе. Так, в словаре литературного русского языка «быт» определяется как «общий уклад жизни, совокупность обычаев и привычек, присущих определенному народу, классу, социальной среде и т.д.»¹. В соответствии с этим общим пониманием, существует дальнейшее разграничение в рамках отдельных сфер и категорий. По классам и сословиям быт типологически подразделяется на: пролетарский, крестьянский, буржуазный, дворянский и т.п. Кроме того, быт может видоизменяться в зависимости от социальной среды – быт домашний, семейный, частный и т.д.; по месторасположению – на городской, деревенский и т.п.; быт, отражающий образ жизни определенного социального уклада – быт родовой, патриархальный и т.д.

В целях более глубокого проникновения в содержание данного понятия, необходимо провести непосредственный анализ этимологии термина «быт». В старину он обозначал «имущество», «собственность», «скарб» (например, «в домашнем быту все пригодится»)². В более позднее время в этом значении быт стали связывать с хозяйством, способом его ведения. Прилагательное же «бытовой» и глагол «бытовать» стали известны лишь с 40-х гг. XIX в. Подтверждением этого является тот факт, что в словаре В.И. Даля нет самого понятия «быт», но, несмотря на это там существует прилагательное «бытовать»³.

В ходе исторического развития общества изменялся характер и самих элементов быта, в основе которых лежит развитие социально-экономических отношений. Повседневный быт, в свою очередь, оказывает огромное влияние на другие области социальной жизни и, прежде всего на труд, настроение и поведение людей. В целом, повседневность, представляет собой тот фундамент, на котором строится все остальное.

Исследователи советского времени «быт» определяли как – «сферу внепроизводственной социальной жизни, включающая как удовлетворение материальных потребностей людей в пище, одежде, жилище, лечении и поддержании здоровья, так и освоение человеком духовных благ, культуру, человеческое общение, отдых, развлечения»⁴. В бо-

¹ Быт // Словарь современного литературного языка: в 20 т. Т.1. / гл. ред. Н.С. Горбачевич. М., 1991. С. 854.

² Быт // Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка: в 2 т. Т.1. СПб, 1912. С.211.

³ Бытовать // Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т.3. / Репринт. Воспроизведение изд. 1903-1909гг.; под ред. И.А. Бодуэна де Куртенэ. М., 1994. С. 236.

⁴ Быт // Большая Советская энциклопедия: в 30 т. Т.4. / гл. ред. А.М. Прохоров. М., 1971. С. 183.

лее широком смысле «быт» – это уклад повседневной жизни, «жизненный уклад, повседневная жизнь»⁵.

Известный исследователь Ю.М. Лотман, дал более развернутое понятие: «Быт – это обычное протекание жизни в реально-практических формах; быт – вещи, которые окружают нас, наши привычки и каждодневное поведение...»⁶, «быт, в символическом его ключе – есть часть культуры, поскольку те элементы повседневного уклада, которые нас окружают – достояние не только индивидуальное, но и общественное, результат определённого уровня развития нашего общества»⁷. Другими словами, хотя быт – это обычное протекание жизни и мы, по существу, не замечаем его, это явление многофункционально, динамично и значимо.

Быт многофункционален, однако наибольшее значение имеют две группы его функций – это материальные (непосредственное производство необходимых для жизни материальных благ и организация их потребления) и духовные (осуществление самых разных видов духовной деятельности; формирование особенностей в мировоззрении индивида). В качестве одного из специфических свойств быта, он представляет собой социальное явление со своими законами и доминантами. Исследователи выделяют «его многогранность, сложную переплетённость с другими сторонами общественной жизни»⁸. Быт – историческое явление, он взаимосвязан со всеми сферами общества и оказывает весомое воздействие на формирование личности человека. В свою очередь, быт каждого индивида определяется уровнем его культуры.

В сферу быта, как жизненного уклада попадает множество составляющих: совокупность привычек, нравов, обычаев, а также проведение досуга, зависящего в свою очередь от образа жизни, как конкретного индивида, так и отдельных сословий, групп, классов и т.д.

Таким образом, структура быта может рассматриваться с точки зрения различных взаимоотношений: материальной и духовной сторон; социального и индивидуального аспектов; типов социального объединения и общения. Под влиянием социальных и географических условий у различных народов, социальных слоев вырабатывается комплекс приемов, обычаев, обрядов, связанных с удовлетворением различных потребностей. При этом складываются определенные формы быта, выражающие свойственные данной категории социума.

В целом, исследование повседневной жизни позволяет проанализировать социальные, экономические и политические процессы через призму истории повседневного существования людей, так как повседневность, это индивидуальный процесс жизнедеятельности.

Изучения уклада жизни дворянства в контексте истории повседневности предполагает исследовать пространство, в границах которого протекала повседневная частная жизнь дворянина и его семьи. Обращение к укладу жизни нацелено на воссоздание своеобразной «среды обитания» дворянина – где он и как живет, какими вещами себя окружает.

Средой обитания дворянина являлась его усадьба, где он проводил большую часть времени. Дворянская усадьба Центрально-Черноземного региона вошла в жизнь не одного поколения хозяев и была для многих людей, принадлежащих к дворянскому сословию, связана с такими понятиями как «мир детства», «родная земля», «отчизна», другими словами, это был «микромир» дворянского сословия. Именно дворянская усадьба была основой складывания и эволюции быта провинциальных владельцев, которые и составляли большинство российского дворянства.

В ходе изучения дворянской усадьбы Центрального Черноземья, выявлено, что усадьба – это комплекс жилых, хозяйственных, парковых построек, составляющих единое целое, объединенное и подчиненное какой-либо одной доминирующей функции: хозяй-

⁵ Быт // Яценко Н.Е. Толковый словарь обществоведческих терминов. СПб., 1999. С. 51.

⁶ Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). М., 1994. С. 10.

⁷ Там же. С.11.

⁸ Шлукина Н.А. Быт провинциального дворянства во второй половине XVIII столетия: дис. ... канд. ист. наук. М., 2001. С. 21.

ственной, жилой, развлекательной. Личность владельца, его индивидуальные вкусы отражались в облике усадебного комплекса.

Одной из важных сторон дворянского быта в Центрально-Черноземном регионе, от которого зависело во многом то, как сложится жизнь дворян, являлось воспитание и образование. Они закладывались в детстве, в зависимости от того, каким принципам и установкам следуют родители, их экономической базой, образом жизни, образованием воспитателей, влиянием природы и архитектуры, соприкосновением различных культур и, наконец, от пола ребенка.

Именно в семейном кругу дворянским детям прививали культурные традиции, нравственные установки, нормы этической ценности, понимание необходимости образования, чувство избранности и ответственности, что, в конечном итоге, формировало мироощущение дворянина, понимание его привилегированного положения и особой роли дворянского сословия в государстве. Во многом это достигалось образом жизни, стилем поведения, усвоением традиций.

В статье рассмотрены архивные (неопубликованные) и печатные (опубликованные) материалы, представленные документами, хранящимися в Государственном архиве Белгородской области (ГАБО), Государственном архиве Курской области (ГАКО), Государственном архиве Воронежской области (ГАВО) и Государственном архиве Тамбовской области (ГАТО). Так как в XIX в. Курская, Воронежская и Тамбовская губернии, представляли собой типичный аграрный регион Центрального Черноземья, особенностью которого являлось промежуточное положение между южной Россией и развитыми промышленными губерниями центра страны. Близость к столицам, высокая концентрация «дворянских гнезд», давние исторические корни наложили своеобразный отпечаток на бытовой уклад поместного дворянства исследуемого региона.

В ряде документов содержится информация, отражающая хозяйственный аспект изучения усадьбы и содержащие описания усадеб, сведения о постройках, находящихся на ней, данные о материальном положении дворян, описи имений, расходы денежных средств, отчеты, рапорты о состоянии имений⁹.

Информация об изменении экономического положения дворянства вследствие реформ, о взыскании долгов по векселям, об утверждении в правах наследственными и купленными имениями, отказе от наследства, судебные дела о разделе имений, о продаже имений для погашения долгов, о выдаче ссуд для залога имений, о разделе имений находится в фондах указанных архивов¹⁰.

Сведения статистического характера о численности дворянства, составе их семей представлены в фондах статистических комитетов¹¹.

Особую ценность представляют личные фонды помещиков, в которых имеются планы, описание имений, письма, данные о покупке имений, о пожертвовании дворян, духовные завещания, личная и деловая переписка¹².

Имеются документы, находящиеся в фондах, которые освещают разные стороны жизни дворянства, например материальную культуру (проекты домов, планы строений)¹³; семейные отношения (рождения, разводы)¹⁴; отношения помещиков и крепостных¹⁵; образ жизни, имущественное положение, ведении нетрезвого, разгульного образа

⁹ Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. 294. Дворянская опека Курской губернии; Государственный архив Белгородской области (ГАБО). Ф. 148. Белгородская дворянская опека; Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. 162. Тамбовская дворянская опека; ГАТО. Ф. 164. Козловская дворянская опека; ГАТО. Ф.163. Кирсановская дворянская опека.

¹⁰ ГАКО. Ф. 32. Курский окружной суд; ГАКО. Ф. 33. Курское губернское правление; ГАКО. Ф. 59. Курская палата гражданского суда; ГАТО. Ф. 168. Тамбовское отделение государственного дворянского земельного банка; Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. И-29. Воронежское дворянское депутатское собрание; ГАВО. Ф. И-30. Воронежский губернский предводитель дворянства.

¹¹ ГАКО. Ф. 184. Курская казенная палата; ГАКО. Ф. 4. Губернский статистический комитет.

¹² ГАКО. Ф. 341. Помещики и высшие чиновники Курской губернии; ГАБО. Ф.141. И.В. Старова; ГАБО. Ф.156. И.А. Григорьева; ГАТО. Ф. 1046. А.Г. Языкова; ГАТО. Р-5328. В.М. Андреевского; ГАТО. Ф. 40. В.Г. Безобразова; ГАТО. Ф. 1055. В.Д. Яковлева

¹³ ГАКО. Ф. 325. Курского губернского архитектора.

¹⁴ ГАКО. Ф. 20. Курская духовная консистория.

¹⁵ ГАКО. Ф. 1600. Следственная комиссия по делу помещицы Брискорн; ГАКО. Ф. 68. Курское губернское по крестьянским делам присутствие; ГАКО. Ф. 448. Рыльский уездный предводитель дворянства.

жизни и расточительстве помещиков, жестоким обращении с крестьянами, о семейных раздорах¹⁶; продажа с публичных торгов имений дворян, распределение пособий нуждающимся мелкопоместным владельцам губернии¹⁷, расходы на лечение в городских больницах бедных дворян, образ жизни и имущественное положение¹⁸.

Сведения об отношении дворянства к образованию содержат фонды учебных заведений исследуемого региона¹⁹. В них находятся личные дела учеников, имеются прошения о поступлении, свидетельства, аттестаты об окончании учебных заведений, отчеты гимназий за определенный период. В личных делах содержатся доверенности, переписка, выписки из родословных книг. Особенно интересную информацию предоставляют «Прошения» родителей о приеме учеников в учебные заведения. Анализ их позволяет оценить возрастной состав будущих учеников, показывает мотивы, заставляющие родителей отдавать детей в то или иное учебное заведение. В фондах Дирекции народных училищ хранится информация о деятельности мужских и женских гимназий, об открытии частных школ и пансионов²⁰.

Опубликованные источники можно подразделить на следующие группы: материалы официальной статистики и справочные издания, сведения публицистического характера, периодическая печать, мемуарные материалы.

Материалы официальной статистики представлены статистическими обозрениями и переписями населения²¹; справочные издания составили «Памятные книжки» и «Обзоры» губерний. Они содержат обобщающую информацию о численности городских жителей, числе учебных заведений в губерниях, количестве учащихся в разных учебных заведениях и т.д. В официальном сборнике «Труды Курской губернской ученой архивной комиссии» помещены духовные завещания помещиков²².

Сведения публицистического характера содержат информацию о бытовом укладе²³, этнографические²⁴ и статистические²⁵ данные различного характера.

Ценный фактический материал по проблеме, дополняющий архивные материалы, рассмотрен в центральной и местной периодической печати: газет, журналов. Они выступали и как носители информации об отдельных фактах и событиях, и как отражение социально-экономических, культурно-исторических процессов изучаемого периода, в них публиковались дворянские воспоминания²⁶, и в этой связи особое место занимают

¹⁶ ГАТО. Ф. 161. Тамбовский губернский предводитель дворянства

¹⁷ ГАВО. Ф. И-29. Воронежское дворянское депутатское собрание

¹⁸ ГАВО. Ф. И-30. Воронежский губернский предводитель дворянства

¹⁹ ГАКО. Ф. 183. Курские женские гимназии; ГАКО. Ф. 185. Курская мужская гимназия; ГАБО. Ф. 80. Белгородская мужская гимназия; ГАБО. Ф. 82. Грайворонская женская гимназия; ГАТО. Ф. 107. Тамбовская губернская мужская гимназия.

²⁰ ГАВО. Ф. И-64. Директор народных училищ; ГАКО. Ф. 1540. Директор народных училищ Курской губернии Харьковского учебного округа.

²¹ Первая всеобщая перепись населения Российской Империи, 1897 г. /под ред. И.А. Тройницкого. IX. Воронежская губерния. СПб., 1904; Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. /под ред. И.А. Тройницкого. XX. Курская губерния. СПб., 1904.

²² Труды Курской губернской ученой архивной комиссии. Курск, 1911. 126 с.

²³ Малыхин П. Быт крестьян Нижнедевицкого уезда Воронежской губернии // Этнографический сборник. СПб., 1855. С. 203-234; Терентьев А. Некоторые черты из вседневной жизни помещиков Бирюченского уезда прошлого и настоящего времени // Воронежская беседа на 1861 год. СПб., 1861. С. 196-214; Толстой Д.Н. Черты старинной помещицкой жизни // Памятная книжка Воронежской губернии на 1894г. Воронеж, 1894. С. 24-40.

²⁴ Этнографические очерки Богучарского уезда // Памятная книжка Воронежской губернии на 1865-1866 гг. Воронеж, 1867. С. 139-235; Шингарев А.И. Вымирающая деревня. Опыт санитарно-экономического исследования двух селений Воронежского уезда. СПб., 1907; Путинцев А. Пища и напитки в верховом цуканском селе // Народный быт. Материалы и исследования по этнографии Воронежского края /ред.Ф.И.Поликарпов. Воронеж, 1927. Вып.1. С. 27-45; Валукинский Н.В. Материалы к истории архитектуры деревни Воронежского края // Народный быт. Материалы и исследования по этнографии Воронежского края / ред. Ф.И. Поликарпов. Воронеж, 1927. Вып. 1. С. 13-26.

²⁵ Веселовский Г.И. Города Воронежской губернии, их история и современное состояние с кратким очерком всей Воронежской губернии. Воронеж, 1876; Дренякина А.М. Белгород с уездом. Историко-статистический очерк. Харьков, 1882; Описание отдельных русских хозяйств. Воронежская губерния. СПб., 1898. Вып. IV, VII. С.43-57.

²⁶ Вагнер Н.П. Провинциальный пансион полвека назад // Русская школа. 1895. Т. 1. № 3. С. 11-26; Головачев Г.Ф. Отрывки из воспоминаний // Русский вестник. 1880. Т. 149. № 10. С. 689-726; Давыдов Н. Из помещицкой жизни прошлого столетия // Голос минувшего. 1916. № 2. С. 188-200; Дубровин Н.Ф. Русская

«Русский архив», «Русский вестник», «Русская старина», «Воронежская беседа», «Исторический вестник» и другие. Особенно подробно история провинциальных городов отражена в «Губернских ведомостях» губерний. В них регулярно публиковались открытие благотворительных заведений в имениях, рекламные объявления, сведения о купле-продаже движимого и недвижимого имущества, заметки из истории края, сообщения о культурной жизни и другие материалы. На страницах журналов «Старые годы» и «Столица и усадьба» публиковалась информация и об усадьбах Воронежской, Курской и Тамбовской губерниях²⁷.

Особый интерес для исследования дворянского быта представляют источники личного происхождения: дневники, мемуары, произведения эпистолярного жанра, содержащие информацию о быте провинциального дворянства Центрального Черноземья. К ним относятся, прежде всего, воспоминания С.Н. Терпигорева²⁸, Б. Глинского²⁹, В.А. Инсарского³⁰, Ю.Н. Карпинской³¹, М.М. Марина³², В.С. Мышецкого³³, Л.Е. Оболенского³⁴. В этих источниках нашли отражение различные аспекты «культуры повседневности» усадьбы, менталитета владельцев, их отношения к жизни в провинции, что определяло многие стороны быта и роль усадьбы в качестве провинциального «культурного гнезда».

Анализ и обобщение различных источников позволяет восстановить и дать целостную картину быта провинциального дворянства Центрально-Черноземного региона в пореформенный период.

REFLECTION OF NOBLE LIFE IN THE POST-REFORM PERIOD IN DOCUMENTS KEPT IN THE ARCHIVES OF CENTRAL-CHERNOZEM REGION

I.G. ONOPRIENKO

Belgorod National Research University

e-mail: onoprienko@bsu.edu.ru

In given paper the notion “mode of life” is considered, analyzed archival documents connecting with noble daily life in the post-reform period.

Key words: landed gentry, mode of life, sources.

жизнь... // Русская старина. 1899. Т. 152. № 1. С. 17-29; Еникеев Н.Н. Князь Николай Николаевич и княгиня Варвара Павловна Еникеевы // Русская старина. 1887. Т. 56. № 11. С. 525-528; Лелонг А.К. Воспоминания // Русский архив. 1913. Кн. 2-3. № 7. С. 48-63; Мердер Н.И. Воспоминания о В.И. Анненковой // Исторический вестник. 1902. Т. 90. № 10. С. 87-103; Назимов М.Л. В провинции и в Москве с 1812-1828 гг. Из воспоминаний старожила // Русский вестник. 1876. Т. 124. № 7. С. 68-82; Новоселова Е.М. Воспоминания 50-х годов // Русская старина. 1911. Т. 148. № 10. С. 98-111; Раевская Е.И. Воспоминания... // Русский архив. 1883. Кн. 2. № 3. С. 352-361; Салов И. Умчавшиеся годы (Из моих воспоминаний) // Русская мысль. 1897. Кн. 8. С. 1-18.

²⁷ Волжина А.И. Береза // Столица и усадьбы. 1914. № 14-15. С. 18-19; Врангель Н. Убранство комнат и любимых предметов // Старые годы. 1910. № 7-9. С. 24; Муравьева А.В. Скрылевка // Столица и усадьбы. 1914. № 7. С. 23.

²⁸ Терпигорев С.Н. Оскудение. Очерки помещичьего разорения. СПб., 1881.

²⁹ Глинский Б. Из летописи усадьбы Сергеевки // Исторический вестник. 1894. Т. 58. № 10. С. 57-85.

³⁰ Инсарский В.А. Воспоминания. Из быта наших помещиков. 1849-1850 // Русская старина. 1874. № 9. С. 301-322.

³¹ Карпинская Ю.Н. Из семейной хроники // Исторический вестник. 1897. Т. 70. № 12. С. 853-870.

³² Марина М.М. Из семейной хроники минувшего века // Исторический вестник. 1910. Т. 122. № 10. С. 184-206.

³³ Мышецкий В.С. Воспоминания // Исторический вестник. 1896. № 11. С. 878-918.

³⁴ Оболенский Л.Е. Картинки прошлого. II // Исторический вестник. 1906. Т. 106. № 10. С.105-142; он же: Типы недавнего прошлого. Домашний учитель и помещик-реалист // Исторический вестник. 1900. Т. 80. № 4. С. 73-99.

УДК 94 (47). 082:625.1 (09)

ВОЗВЕДЕНИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ТРАНСКАСПИЙСКОЙ МАГИСТРАЛИ В 80-Х – НАЧАЛЕ 90-Х ГГ. XIX В.

В.Н. ФУРСОВ¹
В.Н. ТЕСТОВ²

¹ Воронежский государственный педагогический университет

² Военный учебно-научный центр Военно-воздушной академии имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина, г. Воронеж

² e-mail: vntestov@mail.ru

Показана историческая необходимость проведения железных дорог в Средней Азии. Изложены ключевые проблемы сооружения Закаспийской военной железной дороги. Всесторонний анализ начального этапа ее становления и развития приводит к более глубокому осмыслению того, как этой стратегической линии удалось так быстро после открытия оказать позитивное влияние на экономическое развитие своего региона, а следовательно, и всей страны.

Ключевые слова: сооружение отдельных участков, руководитель строительства М.Н. Анненков, Государственный контроль, эксплуатация Закаспийской военной железной дороги.

Реформирование железнодорожного транспорта России на рубеже XX – XXI вв. обусловило необходимость отражения каждой из значимых вех на пути становления и развития этой одной из важнейших, жизнеобеспечивающих отраслей национальной экономики. Такой подход неизбежно предполагает обращение к истории российских железных дорог, потому как незнание исторического опыта может способствовать формированию неправильного видения будущего¹.

С самого начала 1880-х гг., наряду с возведением рельсовых путей на западных границах – в Полесье и Привислинском крае, железнодорожное строительство стало осуществляться и в Средней Азии, ставшей последним крупным территориальным приобретением России, но по своей отдаленности не имевшей прочной связи с ее центральными регионами. В 1880 г. вторая Ахал-Текинская экспедиция вызвала необходимость в сооружении железной дороги от Каспийского моря к Кизил-Арвату. Во избежание неудачного завершения эксплуатации в апреле 1880 г. начались изыскательные работы для будущей железной дороги. 9 июня 1880 г. последовало Высочайшее повеление на проведение железной дороги от восточного побережья Каспийского моря – Михайловского залива по безводной и труднопроходимой песчаной пустыне до Молла-Кары. Этот железнодорожный участок протяженностью 26 верст был проведен всего за 10 дней, с 25 августа по 4 сентября 1880 г.

Между тем результаты изысканий, произведенных в мае-июне 1880 г., вполне подтвердили возможность проведения железной дороги от Молла-Кары вглубь среднеазиатской пустыни до города Кизил-Арвата протяженностью 217 верст. В то время, когда русские войска, возглавляемые генералом М.Д. Скобелевым, готовились к предстоявшему сражению с текинцами, в тылу отряда в невероятной спешке завершались подготовительные работы по проведению железнодорожного пути. Разрешение на постройку последовало 25 ноября 1880 г.²

Начальником строительства Закаспийской военной железной дороги был назначен генерал-лейтенант М.Н. Анненков, в то время заведовавший всеми сообщениями в тылу отряда. Помощником М.Н. Анненкова являлся князь М.И. Хилков. Начальником работ – инженер путей сообщения А.И. Югович. Необходимые изыскания производились под руководством инженера путей сообщения П.М. Лессара.

Для постройки дороги был сформирован 1-й резервный, затем переименованный в 1-й Закаспийский железнодорожный батальон. Эта линия, обеспечив возможность

¹ Аксененко Н.Е., Лapidус Б.М., Мишарин А.С. Железные дороги России: от реформы к реформе. М., 2001. С. 5.

² Очерк постройки Закаспийской военной железной дороги и ее значение для русско-среднеазиатской промышленности и торговли / сост. А.И. Родзевич. СПб., 1891. С. 10-11.

быстрой переброски регулярных войск с Кавказа и военного снаряжения, стала основой их успешного продвижения в глубь Туркестана, с целью его закрепления за Россией³. Падение 12 января 1881 г. главной крепости Геок-Тепе, несмотря на усиленную оборону ее защитников – текинцев в течение около трех недель, а также взятие 18 января того же года аула Асхабад, впоследствии превратившегося в город Ашхабад, произвели потрясающее впечатление на всех туркмен, значительно ускорив мирное присоединение Мервского округа, состоявшееся 5 марта 1884 г.⁴ Затем в состав России добровольно вошли Атрек, Теджен и Пендинский оазис⁵.

Первый 217-верстный участок Закаспийской военной железной дороги, от Михайловского залива до Кизил-Арвата потребовал, без учета рельсов и подвижного состава, отпущенных из правительственных запасов, денежных затрат в размере 4 455 155 руб., или в среднем 20 530 кред. руб. за версту пути⁶.

Первого сентября 1883 года для подробного ознакомления с эксплуатацией этого железнодорожного пути и разработки мер по более успешному его использованию была образована Комиссия под председательством начальника штаба войск Закаспийской области, генерал-лейтенанта Мейера. С 10 декабря 1883 г. по 10 января 1884 г. было проведено 22 заседания, после которых, вследствие решения основных задач, данная Комиссия завершила свою работу⁷. Все это зафиксировано в журналах заседаний Комиссии⁸. В частности, отмечалось, что всего для охраны этого первого участка Закаспийской военной железной дороги было постоянно прикреплено около 750 человек. Остальные около 280 – находились при штабах рот и батальона, из которых 10% являлись нетрудоспособными вследствие различных заболеваний, 15% – уволенными за плохое поведение и 30 человек обслуживающего персонала. Следовательно, оставшиеся 180 человек несли службу при штабах рот и батальона за себя и своих товарищей, не получая при этом никакого вознаграждения⁹. По заключению Комиссии, «данный железнодорожный путь не может иметь никакого торгового или коммерческого значения»¹⁰.

Еще до занятия Мерва, командующий войсками Кавказского округа признавал совершенно необходимым продолжение Закаспийской железной дороги от Кизил-Арвата до Асхабада. Во всеподданнейшем докладе по Главному штабу № 6 от 12 июля 1884 г. была подробно изложена проблема, связанная с необходимостью дальнейшего проведения Закаспийской военной железной дороги. Протяженность главной линии от конечной ст. Кизил-Арват до Асхабада должна составить 205 верст¹¹.

По предварительным расчетам Военного министерства, на сооружение железнодорожного пути от Кизил-Арвата до Чарджуя протяженностью 763 версты требовалось 13 578 000 руб. или в среднем 17 769 руб. за версту¹². Также планировалось визуальное разделение линии от Кизил-Арвата до Каахки и от Каахки до Амударьи на три участка: от Кизил-Арвата до Гяурса (234, 81 верст) от Гяурса до Мерва (296 верст) и от Мерва до Чарджуя (232 версты), мотивируя это разделение тем, что оно более соответствует местным условиям и совпадает с административным разделением участков¹³.

Строительство второго участка Закаспийской железной дороги от Кизил-Арвата через Асхабад и Мерв к Амударье протяженностью 765 верст было возложено Высочайше утвержденным 18 апреля 1885 г. положением Комитета министров на генерал-лейтенанта М.Н. Анненкова, с образованием при нем особого Строительного управления и с подчинением строительных операций местному контрольному надзору.

³ Соловьева А.М. Железнодорожный транспорт России во второй половине XIX века. М., 1975. С. 196.

⁴ Путеводитель по Туркестану и Среднеазиатской железной дороге с историческим очерком сооружения и эксплуатации Закаспийской военной железной дороги и очерком сооружения Оренбург-Ташкентской железной дороги / под ред. А. И. Дмитриева-Мамонова. СПб., 1903. С. 161-162.

⁵ Советская историческая энциклопедия / под ред. Е.М. Жукова. М., 1961. Т. 14. С. 540.

⁶ Цит. по: Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 268. Оп. 1. Ч. 2. январь 1883-май 1886. Д. 1597. Ч. I. Л.5.

⁷ РГИА. Ф.268. Оп. 1. Ч. 2. 1884. Д. 1184. Ч. II. Л. 2.

⁸ Там же. ЛЛ. 4, 4 об.

⁹ РГИА. Ф.268. Оп. 1. Ч. 2. 1884. Д. 1184. Ч. II. Л. 52 об.

¹⁰ Там же. Л. 4 об.

¹¹ РГИА. Ф. 268. Оп. 1. Ч. 2. 20 июля 1884-7 апреля 1886. Д. 1224. Ч. 1. ЛЛ. 2-7.

¹² РГИА. Ф. 268. Оп. 1. Ч.1. Д. 1224. Ч.1. Л. 172 об; РГИА. Ф. 268. Оп. 1. Ч. 2. 1886-1887. Д. 1225. Ч. II. Л. 13.

¹³ РГИА. Ф. 268. Оп. 1. Ч. 2. 1886-1887. Д. 1225. Ч. II. Л. 27.

Несмотря на тяжелейшие бытовые условия, работы по возведению железнодорожного пути продвигались стремительно. Прибывший в августе 1885 г. на место работ строительный контроль также отметил успешный их ход. В отношении выполнения строительных работ постоянно достигался успех, во многих случаях превысивший ожидания¹⁴.

Стремительное продвижение строительных работ в полной мере способствовало тому, что уже 30 ноября 1885 г. первый поезд прибыл в Асхабад. К началу февраля 1886 г. железнодорожный путь был уложен на протяжении 325 верст от Кизил-Арвата до ст. Каахки¹⁵. Открытие участка Асхабад-Каахка состоялось 7 февраля 1886 г.

При сооружении железнодорожного пути Военное ведомство, несколько уменьшив протяженность главной линии, сочло необходимым построить отдельную 25 – верстную ветвь от Михайловского залива к бухте у острова Узун-Ада, с целью придания линии более удобного выхода к Каспийскому морю¹⁶. Открытие участка Узун-Ада – Михайловский залив осуществилось 16 марта 1886 г. Так, появилась новая начальная станция Закаспийской железной дороги – Узун-Ада.

Правда, севернее Узун-Ада находился портовый г. Красноводск, основанный задолго до присоединения к России Закаспийской области и имевший все права на первенство. Однако его интересами пришлось пренебречь ради того, чтобы сократить общую длину линии. Вскоре Красноводск стал терять свое значение портового города. Со временем выяснилось, что вход пароходов в бухту Узун-Ада из-за мелководья значительно затруднен, а выстроенная дорога оказалась, как бы, без удобного и прямого морского сообщения через порт с остальной Россией. Это лишний раз подтверждает значимость предварительных – экономических и технических изысканий, на основе которых составляется проект будущей линии¹⁷.

Между тем летом 1886 г. железнодорожный путь был проложен до Мерва. Начальником работ на главной линии от Кизил-Арвата до Мерва являлся инженер путей сообщения П.Б. Черниковский. Открытие участка Каахка-Мерв состоялось 2 июля 1886 г.

В последующие пять месяцев железнодорожный путь удалось проложить до Амударьи. Вместе с тем, по заключению государственного контролера Д.М. Сольского, «Строительным управлением прилагалось слишком мало стараний к своевременному и правильному учету производившихся работ, и с этой стороны организованным на дороге контролем постоянно были замечаемы упущения и беспорядки»¹⁸.

В целом же строительство Закаспийской военной железной дороги должно быть оценено весьма высоко. Всего за 1,5 года, с мая 1885 по декабрь 1886 г., удалось провести 783 – верстную железнодорожную линию от Кизил-Арвата до Чарджуя, включая Узун-Адинскую ветвь¹⁹. Стремительные по тем временам темпы строительства позволяли ежегодно прокладывать в среднем 1,5 версты. Даже при обыкновенных условиях весьма сложно приблизиться к подобным результатам. Выполнение этой задачи в малонаселенном крае с знойным климатом и нередко при полном отсутствии водных источников, потребовало от строителей чрезмерных усилий и, по справедливости, должно быть признано беспримерным в истории сооружения российских железных дорог²⁰.

Особенно трудным был последний участок этой линии от г. Мерва до г. Чарджуя, проходивший на протяжении 150 верст через огромные безводные пустынные Каракумы²¹. Начальником работ на данном участке являлся инженер путей сообщения О.П. Вяземский. Еще в 1880 г. высказывались опасения по поводу проведения первого участка Закаспийской дороги, где на протяжении 22 верст от Михайловского залива до Молла-Кары и на 7 верстах между станциями Бала-Ишем и Казанджик имелись пески того же характера, как и за Мервом²². Этот тяжелый переход по огромным сыпучим пескам был истинным подвигом строителей, которым в сложнейших климатических условиях прак-

¹⁴ Цит. по: Всеподданнейший отчет Государственного контролера за 1885 г. СПб., 1886. С. 105-107.

¹⁵ РГИА. Ф. 268. Оп. 1. Ч. 2. 1886-1887. Д. 1225. Ч. II. Л. 12.

¹⁶ Всеподданнейший отчет Государственного контролера за 1886 г. СПб., 1887. С. 109.

¹⁷ Гумилевский Л. Железная дорога. М., 1950. С. 121-130.

¹⁸ Цит. по: Там же. С. 109.

¹⁹ РГИА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 71. Л. 2.

²⁰ Всеподданнейший отчет Государственного контролера за 1886 г. СПб., 1887. С. 109.

²¹ Тестов В.Н. Актуальные проблемы строительства Закаспийской железнодорожной магистрали в 80-х гг. XIX в. Т.10. Днепропетровск, 2007. С. 69.

²² РГИА. Ф. 268. Оп. 1. Ч.2. 1886-1887. Д. 1225. Ч. II. Л. 13 об.

тически за каждую версту пришлось вести упорную борьбу с самой природой²³. Благодаря самоотверженному труду рабочих-строителей и высокому уровню русской инженерно-технической мысли Каракумская пустыня была побеждена. Железнодорожное полотно пришлось поднять до уровня барханов, что обеспечивало защиту от заносов²⁴.

Открытие железнодорожных станций и прибытие первых поездов, как правило, осуществлялись в торжественной обстановке. Навсегда сохранится в памяти народной 3 декабря 1886 г. – день прибытия первого поезда в Чарджуй²⁵.

Вопрос о строительстве 3-го участка Закаспийской военной железной дороги – от Чарджуя до Самарканда был в принципе решен еще в 1885 г.²⁶

Необходимые изыскания к Самарканду начались в конце июня 1885 г.²⁷

Было избрано Чарджуйское направление, поскольку в этой местности переправа через Амударью считалась более удобной и путь пересекал пески в самом узком их месте. Протяженность железнодорожного участка от Амударьи до Самарканда определилась в 348 верст²⁸. Согласно изысканиям, произведенным под руководством инженера путей сообщения М.А. Данилова, на сооружение железнодорожного пути от Кизил-Арвата до Самарканда протяженностью 1 111 верст, требовалось 20 228 000 руб. или в среднем 18 207 руб. за версту²⁹.

6 февраля 1886 г. последовало Высочайшее разрешение на сооружение 3-го участка дороги³⁰. А затем – Высочайший именной указ об отчуждении частных земель и имуществ под постройку Самаркандского участка Закаспийской железной дороги³¹.

С 1 июля 1887 г. началось сооружение проектируемой линии. Начальником работ был назначен инженер путей сообщения А.Н. Руднев. Строительство осуществлялось, как и на предыдущих 2-х участках, под непосредственным руководством генерал-лейтенанта М.Н. Анненкова.

К выдающимся сооружениям при строительстве Самаркандского участка Закаспийской железной дороги относится возведение моста через р. Амударью, длина которого достигла 2 версты 94 саж.³² Еще в конце 70-х – начале 80-х гг. XIX в. для исследования старого русла р. Амударьи была организована экспедиция под руководством Барановского. Из его записки от 19 февраля 1881 г. следует, что экспедиция способствовала решению таких важных вопросов, как проведение водопровода для среднеазиатской железной дороги, возможность судоходства по рекам Амударье и Аралу³³.

По вопросам ассигнования средств на содержание экспедиции осуществлялась переписка с Министерством путей сообщения³⁴. В 1887 г. министру путей сообщения К.Н. Посьету была представлена докладная записка генерал-майора Глуховского об изыскании средств для устройства части Амударьинского водного пути до Сарыкамышских «озер»³⁵. Также в Министерство путей сообщения представлялись записки о берегоукрепительных работах, регулировании русла и постройке моста через р. Амударью на Закаспийской железной дороге³⁶.

М.Н. Анненков нашел блестящее решение вопроса, придя к выводу о возведении временного деревянного моста. Ложе р. Амударьи, со всеми ее побочными рукавами, было решено пересечь деревянным мостом на опорных сваях, с пролетами в 4 саж., с повышением над высоким горизонтом воды на 1,5 саж. и прокладкой по нем обыкновенного

²³ Тестов В.Н. Возведение и функционирование стратегических железных дорог России в эпоху императора Александра III (1881-1894): монография. Воронеж, 2010. С. 202.

²⁴ Тестов В.Н. Политика российского правительства в области железнодорожного транспорта в 80-90-е годы XIX века // Дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2004. С.161.

²⁵ Путеводитель по Туркестану и Среднеазиатской железной дороге... СПб., 1903. С. 167-168.

²⁶ РГИА. Ф. 268. Оп. 1. Ч. 2. 20 июля 1884-7 апреля 1886. Д. 1224. Ч. I. Л. 106.

²⁷ Там же. Л. 172.

²⁸ Там же. Л. 172 об.

²⁹ РГИА. Ф. 268. Оп. 1. Ч. 2. 1886-1887. Д. 1225. Ч. II. ЛЛ. 13, 13 об.

³⁰ Исторический очерк развития железных дорог в России с их основания по 1897 год включительно / под ред. В.М. Верховского. СПб., 1899. Вып. 2. С. 331.

³¹ Собрание узаконений и распоряжений правительства. СПб. 1886. 6 марта. № 21. Ст. 220. С. 367.

³² Всеподданнейший отчет Государственного контролера за 1887 г. СПб., 1888. С. 135-136.

³³ РГИА. Ф. 183. Оп. 1. Д. 28. Л. 1.

³⁴ РГИА. Ф. 183. Оп. 1. 1880-1886. Д. 60. ЛЛ. 1-13.

³⁵ РГИА. Ф. 183. Оп. 1. 1887. Д. 70. Л. 1.

³⁶ РГИА. Ф. 314. Оп. 1. 1887-1900. Д. 65. ЛЛ. 1-2.

ширококолейного рельсового пути. Возведение моста осуществлялось под руководством инженера путей сообщения И.С. Балинского.

Первая свая моста была забита 23 августа 1887 г., а 6 января 1888 г. по мосту был уже пропущен первый поезд. По тем временам достижение таких высоких темпов строительства казалось просто нереальным. Французские путешественники, посетившие Закаспийскую железную дорогу, также отмечали, что слово «невозможно» не существует для русских. Это доказывается сверхъестественной быстротой сооружения моста через Амударью, начатого прошлой осенью и оконченного в январе 1888 г.³⁷

Железнодорожный деревянный мостовой переход состоял из двух основных мостов (811 и 80 саж.), соединенных дамбой (311 саж.), и кроме того, были возведены еще два небольших моста (60 и 28 саж.). Строительная стоимость моста составила около 370 000 руб.³⁸ Быстрое сооружение деревянного моста способствовало не только успешному решению вопроса о доставке на место работ строительных материалов, но и установлению бесперегрузочного движения товаров и пассажиров по всей Закаспийской железной дороге³⁹.

При возведении пути, впервые за всю историю российских железных дорог, на вооружение был взят американский метод строительства. Укладочный поезд со шпалами и рельсами подталкивался паровозом к месту, где заканчивалась колея. После укладки 100 саженой пути состав продвигался по нему вперед. Стройматериалов с одного такого состава хватало на две версты, после чего поезд отправлялся на боковой тупиковый путь, и его заменял другой. Такой способ позволял укладывать до шести верст ежедневно⁴⁰.

Это новшество также позволило почти вдесятеро уменьшить число лошадей, используемых на работах, и совсем отказаться от верблюдов, сократив более чем вдвое стоимость укладки. Если на втором участке до Амударьи с привлечением 1 217 лошадей и 845 верблюдов, поверстная стоимость укладки пути достигала 2 021 руб., то на Самаркандском – 972 руб. за версту при наличии всего лишь 130 лошадей. В целом на участке до Самарканда было возведено около 1 100 искусственных сооружений, в том числе 621 мост, 116 водопропускных труб, 350 каменных и деревянных лотков⁴¹.

Сооружение третьего Самаркандского – последнего участка Закаспийской железной дороги, протяженностью 346 верст, к земляным работам на котором приступили в начале июля 1887 г., осуществилось всего за 10,5 месяцев⁴². Открытие Самаркандского участка состоялось 15 мая 1888 г.⁴³ А его передача в эксплуатацию осуществилась 1 января 1889 г.⁴⁴

За заслуги перед Отечеством главный строитель Закаспийской железной дороги, генерал-лейтенант Михаил Николаевич Анненков был награжден орденом Александра Невского с алмазами⁴⁵. Впоследствии, в день открытия постоянного Амударьинского моста (27 мая 1901 г.), возведенного под руководством инженера путей сообщения С.И. Ольшевского, по указанию императора Николая II, в память о выдающемся строителе Закаспийской военной железной дороги в г. Чарджуе был установлен бюст М. Н. Анненкова⁴⁶. Его именем названа одна из станций на этой самой протяженной по тем временам российской железной дороге. Также в Самарканде М.Н. Анненкову был установлен памятник (1913 г.)⁴⁷.

В истории российских железных дорог возведение Закаспийской железной дороги занимает почетное место. Оно примечательно не грандиозностью своих сооружений, шедеврами строительного искусства, а блестящими результатами, достигнутыми в борьбе с природной стихией.

³⁷ Зензинов Н.А. От Петербург-Московской до Байкало-Амурской магистрали. М., 1986. С. 55.

³⁸ Путеводитель по Туркестану и Среднеазиатской железной дороге... СПб., 1903. С. 168-169.

³⁹ Всеподданнейший отчет Государственного контролера за 1887 г. СПб., 1888. С. 136.

⁴⁰ Борисова Н. Через реки и пески // Гудок. 26 апреля 2010. №70 (24549). С. 5.

⁴¹ Зензинов Н.А. От Петербург-Московской до Байкало-Амурской магистрали. М., 1986. С. 54.

⁴² Путеводитель по Туркестану и Среднеазиатской железной дороге... СПб., 1903. С. 171-172.

⁴³ Исторический очерк развития путей сообщения в России / под ред. П.Х. Спасского. СПб., 1913. С. 33.

⁴⁴ Труды Комиссии по выяснению стоимости казенных железных дорог. Петроград, 1915. С. 621.

⁴⁵ Цит. по: Очерк постройки Закаспийской военной железной дороги и ее значение для русско-среднеазиатской промышленности и торговли / сост. А.И. Родзевич. СПб., 1891. С. 46.

⁴⁶ Путеводитель по Туркестану и Среднеазиатской железной дороге... СПб., 1903. С. 175-176.

⁴⁷ Железнодорожный транспорт: Энциклопедия / гл. ред. Н.С. Конарев. М., 1994. С. 541.

В целом на сооружение Закаспийской железной дороги – от Узун-Ада до Самарканда, осуществляемое посредством государственного финансирования, было израсходовано 32 342 908 руб. 91 коп. или в среднем 24 082 руб. за версту пути. С учетом рельсов и подвижного состава (18 408 588 руб. 27 коп.), также взятых из государственных запасов, поперстная стоимость дороги достигла 37 790 руб. Закаспийская железная дорога, протяженность которой составила 1 343 версты, несмотря на все неблагоприятные условия ее проведения, была выстроена дешевле многих других российских железных дорог⁴⁸.

Впоследствии с проведением Краснодарской железнодорожной ветви одно из основных препятствий к развитию коммерческой деятельности дороги было устранено навсегда. Благодаря своему весьма удобному начальному пункту Закаспийской железной дороге быстро удалось установить непосредственную связь с морскими и внутренними российскими железнодорожными путями. Связующим звеном стала выстроенная до Баку Петровская ветвь Владикавказской железной дороги. Установление морского сообщения между Краснодаром и Баку позволило Закаспийской железной дороге более тесно примкнуть к внутренним торговым центрам. В прямые товарные сообщения Закаспийская железная дорога с главными торговыми центрами: Москвой, Петербургом, Варшавой была включена с 1 ноября 1894 г., а со всеми станциями других железных дорог – с 1 мая 1896 г., что в значительной степени повлияло на ускоренное развитие железнодорожных перевозок.

Таким образом, функционирование Закаспийской железной дороги в полной мере способствовало открытию нового, ранее труднодоступного громадного рынка сбыта для российских промышленных товаров, а также важной хлопковой базы для текстильной промышленности. В 1888 г. из Средней Азии в Россию перевезено с конечной станции Узун-Ада 873 092 пуд. хлопка и ваты, в 1889 г. – 1 470 503 пуд., в 1890 г. – 2 673 270 пуд.⁴⁹

В 1890 г. в Закаспийской области впервые появились посевы хлопчатника и уже в том же году стал осуществляться вывоз хлопка⁵⁰. К примеру, с таких железнодорожных станций, как Асхабад отправка хлопка в 1890 г. составила 99 549 пуд., Мерв – 573 пуд., Самарканд – 1 131 666 пуд., а в 1892 г. с этих же станций соответственно было отправлено 139 662 пуд., 14 383 пуд. и 2 022 414 пуд.⁵¹

В целом эксплуатация Закаспийской железной дороги осуществлялась весьма эффективно, поскольку уже в 1889 г. валовой доход составил 2 579 000 руб., в 1890 г. – 3 242 000 руб., а в 1891 г. – 3 681 000 руб.⁵² В последующие годы улучшение результатов работы позволяло рассчитывать и на дальнейшее вполне успешное функционирование. Выстроенная в 1880-х гг. от Каспийского моря до Самарканда Транскаспийская железная дорога, в основном простираясь параллельно древнейшим караванным путям, став важнейшей сухопутной артерией Среднеазиатского края, быстро приобрела, наряду с военно-стратегическим, огромное экономическое значение.

ERECTION AND OPERATION TRANS-CASPIAN HIGHWAY IN THE 80'S-EARLY 90'S XIX c.

V.N. FURSOV¹⁾

V.N. TESTOV²⁾

¹⁾ *Voronezh State Pedagogical University*

²⁾ *Military science and education centre of the Air Force, «Air Force academy named after professor N.E. Zhukovsky and Y. Gagarin», Voronezh*

²⁾ *e-mail: vntestov@mail.ru*

Showing the historical necessity of railways in Central Asia. Sets out the key problems of building the Trans-Caspian Military Railway. A comprehensive analysis of the initial stages of its formation and development leads to a better understanding of how this strategic line so quickly after the opening of a positive impact on the economic development of the region, and, therefore, the whole of the country.

Keywords: construction of individual sites, the construction manager, lieutenant-general M.N. Annenkov, operation of Trans-Caspian military railway.

⁴⁸ Всеподданнейший отчет Государственного контролера за 1892 г. СПб., 1893. С. 101-102.

⁴⁹ Очерк постройки Закаспийской военной железной дороги и ее значение для русско-среднеазиатской промышленности и торговли / сост. А.И. Родзевич. СПб., 1891. С. 61.

⁵⁰ Путеводитель по Туркестану и Среднеазиатской железной дороге... СПб., 1903. С. 141-143.

⁵¹ Радциг А. Влияние железных дорог на сельское хозяйство, промышленность и торговлю. СПб., 1896. С. 212.

⁵² Всеподданнейший отчет Государственного контролера за 1891 г. СПб., 1892. С. 103-104.

СМЕРТНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ ОТ САМОУБИЙСТВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

С.В. БОГДАНОВ

*Белгородский
государственный националь-
ный исследовательский
университет*

e-mail: dr.bogdanov_sv@mail.ru

На основании разнообразных статистических источников выявляется динамика смертности населения Курской губернии от самоубийств в пореформенные десятилетия. Рассматриваются особенности распространения самоубийств среди мужчин и женщин. Анализируется доля самоубийств в общем количестве погибших насильственно и внезапно среди городского и сельского населения региона. Сопоставляются темпы роста смертности от самоубийств в Курской губернии с аналогичными показателями в Европейской части Российской империи в 1870-1893 гг.

Ключевые слова: самоубийство, смертность от насильственных и внезапных причин, городское население, сельское население, мужчины, женщины, Курская губерния.

Проблемы высокой смертности населения России от внешних причин продолжают фокусировать на себе внимание специалистов различных отраслей научного знания¹. Однако, не смотря на вполне очевидные успехи российского обществознания за последние два десятилетия, отдельные аспекты исторической демографии продолжают быть слабо изученными. Одним из таких своеобразных «белых пятен» является выявление динамики, основных тенденций и особенностей одного из видов насильственной смертности среди населения Курской губернии в пореформенные десятилетия – самоубийств.

Справедливости ради необходимо напомнить, что отдельные проблемы насильственной смерти в Курской губернии получили свое отражение еще 1832 г. в одном из немногочисленных исследований, специально посвященных данной проблеме. Речь идет о докладе действительного члена Императорской Академии наук К.Ф. Германа «Изыскания о числах убийств и самоубийств в России в 1819-1820 годах, который был им озвучен в 1823 г.² Однако тематика, затронутая в докладе, вызвала крайне негативную реакцию в правящих кругах. Поэтому вплоть до отмены крепостного права на пути научных исследований данных проблем «народной нравственности» стояли серьезные препятствия.

«Великие реформы» 1860-х гг. имели своим следствием ослабление цензурного давления на прессу. Как следствие стали появляться многочисленные журналы, газеты, в которых стали подниматься темы, еще совсем недавно фактически закрытые для обсуждения. Одной из таких тем стала проблема самоубийств. Так, например, один из публицистов этого периода К. Лизин на страницах либерального журнала «Дело» писал: «Теперь самоубийство сделалось какой-то эпидемической болезнью и, притом, болезнью хронической, которая вырывает тысячи жертв из среды населения решительно всех цивилизованных стран Европы. Так говорит статистика, это же может сказать всякий, кто следит за городской хроникой»³.

Не случайно в качестве хронологических рамок исследуемой проблемы выступают 1870-1893 гг. Нижняя граница определяется началом систематического сбора сведений о насильственных и внезапных смертях как в целом по стране, так и в рамках отдельных губерний. Верхняя граница – выходом из печати последнего статистического сборника МВД, специально посвященного смертности от насильственных и внезапных причин в Российской империи.

¹ Богданов С.В. Суицидальное поведение городских и сельских жителей России в условиях общественных трансформаций конца XX-начала XXI в. // Вестник МГУ. Серия 18. Социология и политология. 2011. № 3. С. 148-157.

² Recherchessurle nombre des suicides etdes homicides commis en Russie pendant les annees 1819 et 1820" par Ch.-Th. Herrmann // Memoires de l'Academic imperiale des sciences de St. Petersburg. St. Petersburg, 1832. VI serie. Tome 1.

³ Лизин К. Самоубийство и цивилизация // Дело. 1882. № 7. С. 285.

В 1882 г. в России впервые были опубликованы относительно полные сведения о насильственных и внезапных смертях по 49 губерниям Европейской части страны за 1870-1874 гг.⁴

Спустя 12 лет, в 1894 г. читающая общественность получила возможность ознакомиться с очередным Временником Центрального Статистического Комитета Министерства внутренних дел № 35 «Умершие насильственно и внезапно в Европейской России в 1875-1887 гг.»⁵. В отличие от своего предшественника, в данном издании содержались сведения о насильственных и внезапных смертях по 59 губерниям Европейской России вместе с Царством Польским. Увеличение произошло за счет включения сведений по десяти Привислянским губерниям.

В 1897 г. вышло из печати еще одно издание Центрального Статистического Комитета МВД – Временник «Умершие насильственно и внезапно в Российской Империи в 1888-1893 гг.»⁶. В сравнении с двумя предшествующими статистическим сборниками, посвященных насильственным и внезапным смертям, это издание содержало сведения за 1885-1893 гг. по всем губерниям и областям Российской империи за исключением областей Войска Донского, Карской, Терской и Закаспийской, округов Закавказского и Черноморского.

В последующем сведения о насильственных смертях в отдельных крупных городах и губерниях стали публиковаться в «Отчетах о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России», издаваемых Управлением главного врачебного инспектора МВД. Однако эта информация уже не отличалась такой детализацией, которая была свойственна статистическим Временникам 1882, 1894 и 1897 гг.

Значительный статистический материал, посвященный самоубийствам в России, появлялся на страницах журнала «Архив судебной медицины и общественной гигиены»⁷, других изданиях, диссертациях, преимущественно медицинской и юридической направленности⁸.

Таким образом, благодаря официальным статистическим сборникам, а также различным научным исследованиям, опубликованным в большинстве своем во второй половине XIX-начале XX столетия, мы имеем возможность составить собственную картину развития ситуации со смертностью от самоубийств в одном из типичных аграрных регионов Центральной России – Курской губернии.

Кратко остановимся на структуре смертности населения Курской губернии в предреформенные десятилетия. В 1884 г. она распределилась следующим образом: более 95 % умерло от естественных причин, около 2 % пришлось на внешние причины и около 3 % так и остались невыясненными⁹.

В абсолютных цифрах основные причины смерти населения Курской губернии в 1884 г. выглядели следующим образом: от естественных причин умерло 92 818 человек обоего пола, от ушибов, ран, замерзших и отравившихся – 1 720 человек. Насильственно погибших (убийства и самоубийства) было зафиксировано 137 человек. При этом доля самоубийств в общем количестве насильственных смертей составила в этом году более половины – 56,9 %.

Доктор медицины, ответственный чиновник медицинского департамента Министерства внутренних дел России Н.И. Розов приводит следующий перечень очевидных и

⁴ Статистический временник Российской Империи. Серия II. Выпуск 19 / ЦСК МВД. СПб., 1882.

⁵ Временник Центрального Статистического Комитета Министерства внутренних дел № 35 Умершие насильственно и внезапно в Европейской России в 1875-1887 гг. / ЦСК МВД. СПб., 1894.

⁶ Временник Центрального Статистического Комитета Министерства внутренних дел № 41 Умершие насильственно и внезапно в Европейской России в 1888-1893 гг. / ЦСК МВД. СПб., 1897.

⁷ Гюбнер д-р. Статистическое исследование о самоубийстве в Петербурге с 1858-1867 // Архив судебной медицины и общественной гигиены. 1858. Кн. III; Покрышкин П. Судебно-медицинская деятельность в Вятской губернии с 1-го января 1862 г. по 1-е января 1865 г. // Там же. 1868. Кн. 3 (сентябрь); Его же. Судебно-медицинская деятельность в Иркутской губернии за 1864-67 гг. // Там же. 1869. Кн. 3 (сентябрь).

⁸ Заметка о числе самоубийств в Вятской губернии // Вятские Губернские Ведомости. 1864. № 18; Загорский П. Смертность в С.П.Б. за 1878 г. // Сборник сочинений по судебной медицине за 1880 г. Т. II. СПб., 1880; Тереховко Ф.К. К вопросу о самоубийстве в Петербурге за 20-летний период (1881-1900): дис. ... д-ра медицины. С-Пб., 1903; Лихачев А.В. Самоубийство в Западной Европе и Европейской России. Сравнительное статистическое исследование. С-Пб., 1882.

⁹ Календарь и памятная книжка Курской губернии на 1891 год. Курск, 1890. С. 55.

ненасиленных причин внезапной смерти: поражение молнией, нечаянный ушиб, чрезмерное потребление крепких напитков, угар, утопление, самоубийство от известного уже помешательства ума¹⁰.

В самой структуре смертности населения губернии от внешних причин сложилась следующая ситуация. Наибольшее количество погибших от данного вида причин смерти было от ушибов, ран, падений и пр. – чуть более 81 %. Затем шли отравления – около 8 %, самоубийства – 4 %. Число убитых и замерзших оказалось одинаковым – по 3 %. В то же время, вряд ли эти цифры полностью отражают реально существовавшую в действительности ситуацию со смертностью населения Курской губернии в разрезе причин убыли населения. Дело в том, что фактически у 3 % от общего количества умерших (2 959 человек) причины смерти оказались невыясненными.

Безусловно, здесь могут возникать сомнения в полноте учета и правильной диагностике судебно-медицинских органов, прежде всего, фактов насильственной смерти, которая могла быть замаскирована под смерть от естественных причин. В то же время, по мнению полицейских статистов, цифры корректировки вряд ли существенно изменили бы общую картину причин смерти населения в губерниях Европейской части Российской империи¹¹.

Эта проблема уже неоднократно поднималась в трудах специалистов, становилась предметом острой полемики на страницах периодических журналов. Уже в 1840–е гг. в отдельных популярных изданиях актуализировалась проблема неполноты учета и искажения данных статистики смертности от самоубийств. Так, в 1847 г. на страницах авторитетного литературного журнала «Современник» появилась рецензия на книгу К. Веселовского «Опыты нравственной статистики». Так, рецензент акцентирует внимание на причинах сложившейся ситуации с выявлением действительных масштабов данного вида насильственной смерти. «...Самоубийство почитается в обществе деянием позорным и даже преступным, поэтому, естественно, что родственники самоубийцы всегда стараются скрыть настоящий род смерти погибшего. Равным образом и по той же причине трудно привести в известность все неудачные покушения на самоубийство»¹².

В целом, земская статистика отмечала, что распределение причин смертности населения губернии в сравнении с предыдущим годом практически изменилась незначительно¹³. В то же время необходимо акцентировать внимание на двух тревожных тенденциях. Первая, количество убийств продолжало, хотя и незначительно, но постепенно увеличиваться. Во-вторых, увеличилось количество умерших, причина смерти которых оставалась невыясненной.

Абсолютные показатели свидетельствуют о том, что на территории Курской губернии на протяжении практически двух с половиной десятилетий пореформенного развития постепенно увеличивалось количество погибших как от насильственных и внезапных причин смерти, так и в результате суицида. За период с 1870 по 1893 гг. в Курской губернии 1 430 человек свели счеты с жизнью. Таким образом, в среднем в год от данного вида насильственной смерти погибали около 60 человек. Сравнение по данному показателю с другими губерниями Европейской части Российской империи позволяет отнести данную губернию к разряду территорий со средним уровнем самоубийств.

Коэффициент смертности от самоубийств в общем числе умерших насильственно и внезапно на протяжении исследуемого временного отрезка в целом по губернии изменялся следующим образом: в 1870-1874 гг. он составил 9,0, в 1875-1887 гг. – 10,4, в 1888-1893 гг. – 10,5. Итак, данный коэффициент на протяжении практически двух с половиной десятилетий в губернии, хотя постепенно и повышался, в то же время не подвергался значительным колебаниям. Об этом, в частности, свидетельствует динамика суицидальной активности населения Курской губернии в 1870-1893 гг. (рис.).

¹⁰ Розов Н.И. О наружном осмотре мертвых тел, производимых врачом по требованию полиции // Архив Судебной Медицины и общественной гигиены. 1869. № 1. С. 81-83.

¹¹ Статистический временник Российской Империи / предисловие В. Зверинского. Сер. II. Вып. 19. С. 13.

¹² Современник. Литературный журнал. С-Пб., 1847. Т. III. (1). С. 252.

¹³ Календарь и памятная книжка Курской губернии на 1891 год. С. 56.

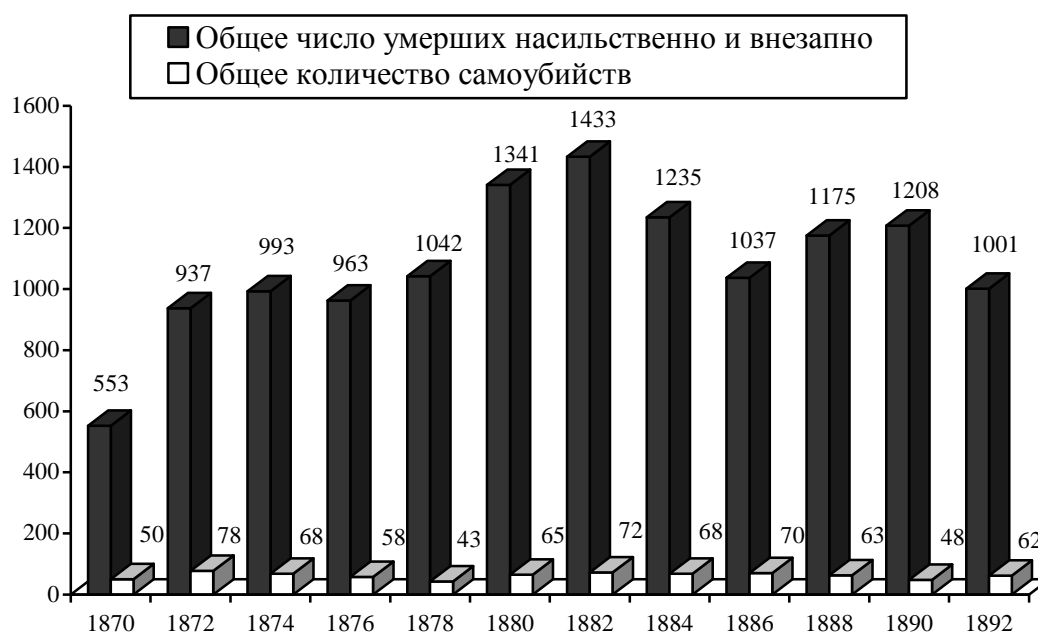

Рис. Количество умерших насильственно и внезапно и число самоубийств в Курской губернии в 1870-1892 гг., чел.

Как видим, доля погибших от самоубийств в общем количестве погибших насильственно и внезапно в Курской губернии в пореформенные десятилетия была не столь значительной. Однако и число самоубийств, и их доля в общем количестве умерших от насильственных и внезапных причин в 1870-1893 гг. постоянно увеличивалась. Расчеты показывают, что в 1893 г. смертность населения Курской губернии от насильственных и внезапных причин увеличилась в сравнении с 1870 г. в 1,8 раза, от самоубийств – в 1,32 раза.

Постоянное увеличение насильственной и внезапной смертности, в т.ч. и ее суицидальной составляющей был обусловлен ростом численности населения как в целом по России, так и в отдельных регионах страны. Согласно подсчетам известного советского статистика А.Г. Рашина, численность населения 50 губерний Европейской части России за период с 1863 по 1897 гг. увеличилась на 47,9 %. В Курской губернии численность населения за эти годы увеличилась на 543,9 тыс. человек или на 28,6 %¹⁴. Это позволяет констатировать: темпы роста смертности населения Курской губернии от насильственных и внезапных причин во второй половине XIX в. опережали темпы прироста численности населения. В то же время сохранение в 1870-1890-е гг. достаточно высоких темпов естественного прироста населения нивелировало данную негативную тенденцию.

Таблица 1

Распределение погибших от самоубийств по полу в Курской губернии в 1870-1893 гг.

Год	Погибшие от самоубийств, чел.			Доля погибших от самоубийств в общем количестве умерших насильственно и внезапно, %		
	муж.	жен.	об. пола	муж.	жен.	об. пола
1	2	3	4	5	6	7
1870	43	7	50	9,7	6,1	9,0
1871	48	10	58	7,2	4,1	6,4
1872	68	10	78	9,3	4,7	8,3
1873	35	8	43	4,9	3,6	6,6
1874	49	19	68	6,7	7,1	6,8
1875	36	20	56	4,9	7,6	5,6

¹⁴ Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1813-1913). Статистические очерки / под ред. акад. С.Г. Струмилина. М., 1956. С. 44-45.

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4	5	6	7
1876	48	10	58	6,4	4,6	6,0
1877	39	9	48	5,1	3,8	4,8
1878	30	13	43	3,7	5,3	4,1
1879	41	12	53	4,1	3,5	4,0
1880	44	21	65	4,5	5,7	4,8
1881	43	23	66	4,8	6,5	5,3
1882	60	12	72	5,7	3,0	5,0
1883	55	8	63	5,5	2,3	4,7
1884	52	16	68	5,8	4,6	5,5
1885	44	24	68	4,7	7,2	5,4
1886	51	19	70	7,0	6,0	6,7
1887	44	21	65	5,5	6,3	5,7
1888	51	12	63	5,9	3,8	5,3
1889	50	19	69	6,1	6,4	6,2
1890	36	12	48	4,0	3,6	3,9
1891	34	16	50	4,6	4,6	4,6
1892	38	24	62	5,2	8,7	6,1
1893	22	24	46	3,0	7,6	4,5

При рассмотрении гендерных особенностей суицидальной смертности населения Курской губернии (табл. 1) мы установили, что на протяжении всего рассматриваемого периода численность мужчин-самоубийц значительно превышала вклад женщин в этот вид смертности. Например, в 1870-1874 гг. среди всех покончивших жизнь самоубийством мужчин оказалось 81,8 %, женщин – 18,2 %; в 1875-1887 гг. мужчин – 73,8 %, женщин – 26,2 %; в 1888-1893 гг. мужчин – 68,3 %, женщин – 31,7 %. В то же время на протяжении этих практических двух с половиной десятилетий увеличивалась доля женщин в общем количестве покончивших жизнь самоубийством в Курской губернии. Безусловно, данное явление явилось одним из противоречивых следствий масштабных социальных изменений, которые произошли в результате падения крепостного права и ускорившегося разрушения патриархальной семьи.

Таблица 2

Территориальное распределение самоубийств в Курской губернии в 1870-1893 гг., чел.

	Количество погибших от самоубийств		Среднее число погибших от самоубийств в год		Погибшие от самоубийств на 100 умерших насильственно и внезапно в год	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
1870-1874 гг.						
в городах	29	3	5,8	0,6	10,1	3,8
в селениях	214	51	42,8	4,2	7,1	5,2
1875-1887 гг.						
в городах	122	36	9,4	2,8	10,3	8,8
в селениях	465	172	35,8	13,2	4,6	4,7
1888-1893 гг.						
в городах	37	22	6,2	3,6	8,4	11,9
в селениях	194	85	32,3	14,2	4,5	5,0

Территориальные особенности распространения самоубийств в Курской губернии в обозначенный хронологический период также выявили свою специфику (табл. 2). За 24 года количество погибших от самоубийств горожан в Курской губернии составило 249 человек, селян – 1181 человек. Количество погибших от самоубийств селян в этой губернии оказалось в 4,7 раза больше, чем горожан. Это отражало территориальное распределение и социальную стратификацию российской провинции второй половины XIX в., когда в сельской местности проживало более 85 % населения страны. В среднем в год от самоубийств погибало 12,2 человека, в селениях – 49 человек. В то же время по количеству

погибших от самоубийств в расчете на 100 умерших насильственно и внезапно жители городов опережали селян практически в два раза.

Таблица 3

Самоубийства в городах и уездах Курской губернии в 1884-1892 гг.*

Города и уезды	Число погибших от самоубийств, чел.											
	1884 г.		1885 г.		1889 г.		1890 г.		1891 г.		1892 г.	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
г. Курск	2	–	–	–	3	2	5	–	4	1	3	1
Курский уезд	3	3	–	–	3	3	3	–	3	1	1	–
г. Белгород	3	4	3	–	2	2	1	1	–	–	2	1
Белгородский уезд					2	2	2	1	7	5	5	2
г. Грайворон	2	2	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Грайворонский уезд					4	3	3	2	3	–	3	1
г. Дмитриев	3	2	3	–	2	–	–	–	–	–	–	1
Дмитриевский уезд					3	–	1	3	–	–	–	1
г. Короча	3	2	8	1	–	–	–	–	–	–	–	–
Корочанский уезд					1	–	2	1	1	1	2	–
г. Львов	2	3	2	1	–	–	–	–	–	–	–	–
Львовский уезд					–	1	2	1	3	1	2	1
г. Новый Оскол	5	4	1	–	1	–	–	–	–	–	–	–
Новооскольский уезд					1	–	1	–	1	2	–	–
г. Обоянь	1	4	5	–	–	–	1	–	–	–	1	–
Обояньский уезд					4	1	3	1	1	1	6	3
г. Путивль	1	1	2	–	–	–	1	–	–	–	–	1
Путивльский уезд					8	–	4	–	4	–	3	2
г. Рыльск	5	1	4	2	1	–	–	–	–	1	–	–
Рыльский уезд					2	2	–	–	2	–	–	1
г. Старый Оскол	4	2	3	2	–	–	–	1	–	–	–	1
Старооскольский уезд					2	–	1	–	1	2	2	1
г. Суджа	5	–	2	2	1	–	–	–	–	–	–	–
Суджанский уезд					1	–	1	–	1	–	3	1
г. Тим	–	1	1	1	–	–	–	–	–	–	–	–
Тимской уезд					2	1	2	–	2	–	–	–
г. Фатеж	2	2	3	–	–	1	–	–	–	1	–	1
Фатежский уезд					4	–	1	–	1	–	1	3
г. Щигры	3	3	2	1	1	–	1	–	–	–	–	1
Щигровский уезд					2	1	1	1	–	1	4	1
Итого	в городах				11	5	9	2	4	3	6	7
	в уездах				39	14	27	10	30	13	32	17
Всего	78		50		69		48		50		62	

* За 1884 и 1885 гг. земская статистика приводит сведения о числе самоубийств без разбивки на города и уезды.

Анализ распределения самоубийств по городам и уездам Курской губернии в 1884-1892 гг. (табл. 3)¹⁵ выявил следующее:

1) сведения об умерших в результате суицида, собранные Губернским статистическим управлением и Центральным статистическим комитетом МВД, за отдельные годы не совпадают. Так, например, в 1884 г. полицейская статистика недоучла 10 погибших от самоубийств в Курской губернии, в 1885 г., напротив, губернская статистика самоубийств оказалась меньше на 18 погибших. Что касается остальных лет, то здесь разночтений нами не обнаружено;

2) внутри данного относительно непродолжительного временного отрезка наблюдались существенные колебания количества погибших от самоубийств: максимальное значение было зарегистрировано в 1884 г., а минимальное – в 1890 г. Анализ годовичного распределения самоубийств не дает оснований для выявления каких-либо закономерностей в их колебаниях;

¹⁵ Календарь и памятная книжка Курской губернии на 1891 год. Курск, 1890. С. 55, 83; Памятная книжка Курской губернии на 1892 год. Курск, 1892. С. 46; Памятная книжка Курской губернии на 1893 год. Курск, 1894. С. 88; Памятная книжка Курской губернии на 1894 год. Курск, 1894. С. 258.

3) самоубийства получают большее распространение в уездах, нежели в городах Курской губернии. И данная тенденция прослеживается на протяжении всего исследуемого периода;

4) мужчины-селяне чаще совершали добровольный уход из жизни, нежели мужчины, проживавшие в городах губернии. Что касается соотношения мужчин и женщин, покончивших с собой, то мужчины чаще сводили счеты с жизнью.

На основании проанализированных в настоящей статье проблем представляется возможным сделать следующие обобщения.

На протяжении всего исследуемого периода смертность населения в Курской губернии демонстрировала достаточно традиционную для аграрного типа губерний Европейской части страны структуру причин летальных исходов.

Основной задачей исследовательского анализа являлось рассмотрение большого массива статистических сведений, посвященных одному из видов насильственной смерти – самоубийству. Динамика суицидальной активности населения Курской губернии на протяжении пореформенного периода характеризовалась постоянным увеличением количества умерших от данной причины. В то же время темпы роста и городского и сельского населения Курской губернии значительно опережали темпы роста числа самоубийств.

Анализ статистики смертности населения в Курской губернии в исследуемый период свидетельствует о наличии около 3 тысяч скончавшихся в ежегодном исчислении, у которых причина смерти осталась неизвестной. Данное обстоятельство порождает сомнение в цифрах официальной статистики в отношении умерших насильственно и внезапно.

Значительное преобладание мужчин, добровольно совершивших акт насилия над собой, над женщинами в этой губернии явилось достаточно типичным для губерний Европейской части России.

В то же время многоаспектный анализ суицидальной активности населения Курской губернии ставит задачи по следующим направлениям: возрастной и социальный состав суицидентов, особенности самоубийств среди молодежи, способы сведения счетов с жизнью, взаимосвязь между динамикой потребления алкоголя и смертностью от самоубийств.

THE MORTALITY RATE OF THE POPULATION OF THE KURSK REGION FROM SUICIDE IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY

S.V. BOGDANOV

*Belgorod National Research
University*

*e-mail:
dr.bogdanov_sv@mail.ru*

Based on a variety of statistical sources revealed the dynamics of mortality from suicide in the province of Kursk in the reform decade. The features of distribution of suicide among men and women. Analyzed the proportion of suicides in the total number killed violently and suddenly among the urban and rural population. Compares the rate of mortality from suicide in Kursk province with those in the European part of the Russian Empire in 1870-1893.

Ключевые слова: suicide, death from sudden and violent causes, the urban population, rural population, men, women, Kursk Province.

РОССИЙСКОЕ МЕШОЧНИЧЕСТВО В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ (ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ И ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА)

А.Ю. ДАВЫДОВ

*Российский государственный
педагогический университет
имени А.И. Герцена*

e-mail: davydov.au@mail.ru

В статье раскрывается содержание понятия «российское мешочничество». Выяснено, как изменялись его интерпретации на разных этапах истории. В центре внимания автора находится эволюция основных историографических подходов к характеристике мешочничества и нелегального рынка периода гражданской войны в России.

Ключевые слова: историография, гражданская война, военный коммунизм, мешочничество, самоснабжение, черный рынок, ходоки, спекуляция, продовольственная диктатура, заградительные отряды.

В истории России XX в. народное самоснабжение сыграло спасительную роль. Следовавшие одна за другой катастрофические ситуации приводили к развалу систем снабжения населения продовольствием и предметами широкого потребления. Простые граждане вынуждались братья за налаживание товарообмена между потреблявшими провизию (промышленными) и производившими продовольствие регионами. Снабжение самих себя (самоснабжение) в России приняло прежде всего форму мешочничества. Наивысшего подъема оно достигло в годы гражданской войны, когда в нем участвовало большинство активного населения страны. При этом государство стало упорно (и безрезультатно) добиваться установления единовластия в важнейшей сфере распределения продуктов и товаров широкого потребления. Соответственно оно в большинстве случаев всячески пыталось искоренить мешочничество, которое волей-неволей становилось нелегальным.

Вырабатывалась сложная система взаимоотношений между нелегальными снабженцами и многочисленными агентами государства. Колоссальные российские просторы, бесчисленные опасности на дорогах, необходимость укрываться от контроля деспотического и коррумпированного государственного аппарата – всё это содействовало широчайшему распространению именно мелкого мешочнического самообеспечения и превращению его в главное занятие россиян. По авторитетному заявлению профессоров А.А. Арутюняна и Б.Л. Маркуса мешочничество выразило «своеобразие экономики Советской республики в период гражданской войны»¹. Иными словами, экономика стала мешочнической. Так как функции организации такой экономики были распределены между миллионами граждан, то и общество условно можно назвать мешочническим.

Несмотря на важнейшую роль мешочничества, исследователи в общем равнодушно относились к теме. В частности, некоторые авторы опасались крайней недостаточности данных для серьёзного изучения народного нелегального снабжения. Ошибочное мнение: материалы имеются, но их необходимо собирать по крупицам; они разбросаны по страницам бесчисленных источников. Главное же, как представляется, состоит в том, что по сути дела историки нередко пренебрегали «историей народа». Предпочитали идти по накатанному пути исследования истории политики, иначе говоря «истории начальников». Для понимания народной жизни последняя представляет большую значимость. Плохо лишь то, что преимущественно к ней привлекалось внимание.

Ситуацию очень точно объяснил русский писатель М.А. Осоргин. Вспоминая о жизни в годы Гражданской войны, в своей автобиографической книге «Времена» он заявил, что историки по привычке отдадут пальму первенства «многодумным людям» – политикам и вообще руководителям, начальникам. Он предвидел, что «в истории впишется всё иначе, прилежнее, аккуратнее, с догадками, выводами, именами и датами – в руководство будущим поколениям». И далее автор отмечал: «А солдата, продававшего

¹ Развитие советской экономики / под. ред. А.А. Арутюняна и Б.Л. Маркуса. М., 1940. С. 116.

из-за пазухи «игранный» (т.е. выигранный в карты – А.Д.) сахар, бывшую даму, поме- нявшую будильник на щепотку муки ...история не припомнит за малостью и ненужно- стью на страницах её соломенной бумаги»². Справедливость требовала помнить, чем жи- ли и как выживали в суровые годы миллионы тех, кого принято называть «простыми» или «маленькими» людьми. Ведь они то и есть народ, сознание и облик которого в ко- нечном счете определяют исторический процесс.

Место рассматриваемого явления в народной жизни начинает выясняться уже при изучении происхождения и эволюции термина «мешочник». Он появился задолго до 1917 г.: по крайней мере, во второй половине XIX в. Тогда им определяли чаще всего тех книжников- букинистов, которые не имели постоянного места торговли и разносили книги в переносных мешках. Оба конца мешка зашивались наглухо, а посередине делался разрез; они наполнялись книгами с обеих сторон и перекидывались через плечо. Такие букинисты, по свидетельству очевидца Н.И. Свешникова, были людьми «разбитными, то есть ловкими, изворотливыми и смелыми». Именно у них покупали запрещённые цензу- рой книги политического или порнографического содержания³.

В условиях I мировой войны смысл мешочничества принципиально изменился. Военные обстоятельства, ошибки и пороки политики Временного и большевистского правительств содействовали появлению и стремительному увеличению числа мелких не- легальных добытчиков и перевозчиков продовольствия, а также товаров ширпотреба. Мешочничество заменяло разрушавшиеся на глазах заготовительный, транспортный, распределительный, торговый аппараты. Явление приобрело в период гражданской вой- ны столь значительные размеры, что экономику стали называть мешочнической.

Главным средством перемещения десятков миллионов тонн тяжестей были про- стые мешки, отсюда – широчайшее распространение оригинального прозвища нелегаль- ных снабженцев населения. Однако не всё так просто. Крестными отцами вольных до- бытчиков продуктов стали в 1917 г. государственные продовольственники, т.е. служащие, призванные как раз искоренить «анархический способ добывания пищи»⁴. Поэтому тер- мин с самого начала содержал оттенок уничижительности. Писали «меше'чник» и иро- нический смысл непременно подчёркивали кавычками; в результате должно было созда- ваться представление о чём-то несущественном и зловредном. Но постепенно мешочники доказывали государству свою силу. Уже в издании, вышедшем в свет в марте 1918 г., об- наруживаем привычное написание слова⁵. Реже употреблялись и кавычки. Впрочем, по привычке в 1920-1930-е гг. отдельные авторы ещё использовали распространённый в 1917 г. термин⁶.

Самим мешочникам официальное название не нравилось. «Я – мешочник, – воз- мущался один из них в 1918 г., – но не знаю, почему нам дали это обидное имя»⁷. Воль- ные добытчики продовольствия именовали себя «ходаками». В отдельных местностях их называли «петроградцами», «калужанами», поскольку там был высок удельный вес жи- телей соответствующих губерний среди нелегальных снабженцев. Некоторые публици- сты и писатели величали последних «паломниками» или «контрабандистами»⁸. Высоко- парно писали о «хлебных аргонавтах, ...устремлявшихся в неведомые дали за желанным хлебом»⁹. Современник описываемых событий, тонкий знаток народной жизни М.М. Пришвин предостерег против героизации мешочников, которых назвал «ушкуйни-

² Осоргин М.А. Времена. Романы и автобиографическое повествование. Екатеринбург, 1992. С. 578.

³ Свешников Н.И. Воспоминания пропавшего человека. М., 1996. С. 193.

⁴ Известия Воронежского губернского продовольственного комитета при Воронежском губернском исполкоме Совета р., к. и к. депутатов. 1918. 13 октября. № 26. С. 1.

⁵ Продовольственное дело. Издание Московского губернского продовольственного комитета (МГПК). 1918. № 5. С. 5.

⁶ Жирмунский М.М. Частный капитал в товарообороте. М., 1924. С. 2; Развитие советской экономики / под. ред. А.А. Арутюняна и Б.Л. Маркуса. С. 110.

⁷ Продовольственное дело. Издание МГПК. 1918. № 5. С. 11.

⁸ Там же. С. 16; Известия Казанского губернского продовольственного комитета. 1917. № 8. 14 октября. С. 24.

⁹ Известия Уфимского губернского продовольственного комитета. 1917. № 16-17. 17 ноября. С. 3.

ками»; имея в виду «разбойничий» элемент в их деятельности, частое использование оружия, обращение к насилию¹⁰.

Нередко нелегальное снабжение 1917–1921 гг. отождествляли со спекуляцией. Это неверно. Показательно, что официальные документы различали их. Соответственно, разницу пытались определить исследователи. С.И. Ожегов, например, называл мешочничество разновидностью спекуляции¹¹. Некоторые считали, что мешочник выменивал продукты у крестьян, в то время как спекулянт покупал за деньги¹². С подобными утверждениями нельзя согласиться. В самом деле, что такое спекуляция? Правильный ответ на этот вопрос дали современники «русской смуты». На совещании в Министерстве торговли в начале августа 1917 г. спекуляцией была названа «всякая скупка и сокрытие товаров первой необходимости, а также отказ в продаже их в целях взвинчивания цен»¹³. В журнале Харьковского губернского продовольственного комитета в январе 1918 г. отмечалось, что спекуляция заключается в сокрытии предметов массового потребления, в продаже их по ценам, не вызываемым условиями производства и сбыта, по ценам, превышающим твёрдые¹⁴. Таким образом, спекуляция, связанная исключительно с перепродажей товаров, выступает разновидностью мешочничества (а не наоборот). Не случайно современники говорили о «мешочничестве различного рода». В этой связи очевидцы выделяли две основные разновидности или формы мешочничества – спекулятивное (профессиональное) и так называемое потребительское («мешочничество по нужде»)¹⁵. Соотношение между формами постоянно менялось.

Обратимся к современным толкованиям понятия. В литературе конца XX в. стали отождествлять мешочничество с «вольным чёрным рынком продовольствия»¹⁶. Однако его представители брали на себя и снабжение промышленными товарами. Кроме того, понятие «чёрный рынок» в нашем случае вряд ли стоит употреблять из-за его аморфности, публицистической неопределённости. Вот, например, одна из интерпретаций термина: «Чёрным рынком мы называем всеобъемлющую систему искажённых экономических отношений, с неизбежностью возникающую как компенсация фундаментальных разрушений естественных экономических (рыночных) связей»¹⁷. Формулировка явно отличается неопределённостью. Правильнее в дальнейшем употреблять словосочетание «нелегальное снабжение» и исторически сформировавшийся термин «мешочничество». Применительно к 1917–1922 гг. эти понятия были тождественными. Они определяли запрещённые государством мелкие и мельчайшие товарообменные операции, а также доставку и распределение отдельными гражданами или их небольшими коллективами продовольствия и предметов широкого потребления. Между прочим, широко употреблявшийся термин «самоснабжение» несколько принижает роль изучаемого явления: он предполагает, что мешочничество было дополнением к какому-то основному каналу обеспечения населения всем насущно необходимым. На деле в одни периоды нелегальное снабжение было единственным, а в другие – оно существовало на равных и рядом с легальным. Нет смысла в использовании не вполне точных словосочетаний.

В самое последнее время рассматриваемое явление наконец-то получило соответствующее толкование в научной литературе, иначе говоря, была выработана дефиниция: «Мешочничество – массовое социальное явление в годы гражданской войны, возникшее на почве продовольственного кризиса и товарного голода. Мешочники, в основном крестьяне, привозили в города (в мешках) продовольствие сверх установленных Советской властью с целью продажи и обмена для приобретения промышленных товаров...»¹⁸. Это

¹⁰ Пришвин М.М. Дневники. 1920–1922 гг. М., 1995. С. 15–16.

¹¹ Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1986. С. 301.

¹² Кибардин М.А., Медведев Е.И., Шишкин А.А. Октябрь в деревне. (На материалах Среднего Поволжья). Казань, 1967. С. 84.

¹³ Продовольствие. Орган Нижегородской губернской продовольственной управы. 1917. № 8. 4 августа. С. 7.

¹⁴ Продовольственное дело. Орган Харьковского губернского продовольственного комитета. 1918. № 1–2. 11 января. С. 3.

¹⁵ Известия Петрокомпрода. 1919. 8 февраля. С. 2.

¹⁶ Семенникова Л.Н. Россия в мировом сообществе цивилизаций. Брянск, 1999. С. 379.

¹⁷ Тимофеев Л. «Чёрный рынок» как политическая система. Вильнюс; Москва, 1993. С. 13.

¹⁸ Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. Т. 1. 1918–1922. М., 1998. С. 739.

определение, хотя и несколько упрощает существо процесса (заужены его хронологические границы, к мешочникам относят преимущественно крестьян), в целом представляется приемлемым.

На очереди – характеристика историографии темы. Необходимость научного осмысления проблемы стала осознаваться ещё некоторыми дальновидными современниками революционных событий. Учёный и организатор продовольственного дела Н.А. Орлов писал в середине 1918 г.: «Мешочники – это модная теперь тема. Мешочника хвалят и порицают, с ним борются и его поддерживают. Однако до сих пор социально-экономическая природа мешочничества не выяснена»¹⁹. С ним полностью соглашался теоретик кооперации В.В. Шер, который в мае 1919 г. сокрушался: «К сожалению, вся эта область хозяйственной деятельности (мешочничество) не поддаётся в данное время систематическому изучению. Она остаётся предметом случайного, несистематизированного наблюдения»²⁰.

Почти забытой была тема «мелкое нелегальное снабжение в 1917 г.». Авторы ограничивались в этой связи высказываниями самого общего плана. Отмечали негативную роль нелегального снабжения при Временном правительстве, обнаруживали в нём причину срыва хлебозаготовок. Считали, что привезёнными мешочниками продуктами пользовались лишь богачи, а вовсе не большинство населения²¹. Пытаясь как-то определить периоды развития нелегального снабжения, З.В. Атлас писал, что в 1917 г. оно «существовало», а в последующие годы «широко развилось»²². Одну из причин развала хлебного дела в революционном году учёные усматривали в недостаточной жёсткости методов борьбы с мешочничеством²³. При этом историки приводили данные о катастрофическом сокращении поступления продовольствия в города, но не объясняли, почему их жители не вымерли от голода ещё осенью 1917 г. Думается, угроза голода и её роль как предпосылки политических пертурбаций в тот период скорее всего преувеличены. В данном отношении явно недооценивается снабженческая миссия нелегального рынка. Его непредвзятое осмысление окажет серьёзную помощь в постижении смысла российских революций.

В общей сложности состояние мешочничества становилось объектом специального исследования всего дважды. Оба раза авторами были очевидцы событий, которые привели немалый фактический материал, но рисовали мешочничество чёрной краской. Речь идёт о небольшой брошюре наркома продовольствия Украины М. Владимирова (1920 г.) и солидной статье историка М. Фейгельсона (1940 г.)²⁴. В основном же проблему рассматривали мимоходом и в контексте исследования экономической, прежде всего продовольственной, политики Советской власти. Некоторые учёные пытались в общих чертах определить сущность явления. Известный меньшевистский деятель эмигрант Д. Далин в 1922 г., а также крупный советский экономист Л.Н. Юровский в 1928 г., изучая отечественное народное хозяйство времён Гражданской войны, назвали мешочничество мелкой нелегальной торговлей хлебом²⁵. На деле речь следует вести о более широком и сложном явлении. Не случайно исследователь С.Г. Струмилин увидел в мешочничестве олицетворение частной торговли «военного коммунизма»²⁶. К разряду скрытого частного предпринимательства относил его и М.М. Жирмунский²⁷.

¹⁹ Орлов Н.А. Король умер – да здравствует король // Известия Наркомата продовольствия (НКП). 1918. № 9. С. 3.

²⁰ Шер В. Социалистический Компрод и индивидуалист-мешочник // Вестник Московского союза кооперативных объединений. 1919. 10 марта. № 1. С. 10.

²¹ Волобуев П.В. Экономическая политика Временного правительства. М., 1962. С. 420; Лейберов И.П., Рудаченко С.Д. Революция и хлеб. Л., 1990. С. 198.

²² Атлас З.В. Очерки по истории денежного обращения в СССР (1917-1925 гг.). М., 1940. С. 84.

²³ Дмитренко В.П. Советская экономическая политика в первые годы пролетарской диктатуры. М., 1986. С. 18.

²⁴ Владимиров М. Мешочничество и его социально-политические отражения. Харьков, 1920; Фейгельсон М. Мешочничество и борьба с ним в пролетарском государстве // Историк-марксист. 1940. № 9. С. 70-84.

²⁵ Далин Д. После войн и революций. Берлин, 1922. С. 123; Юровский Л.Н. Денежная политика Советской власти (1917-1927). М., 1928. С. 63.

²⁶ См.: Далин Д. Указ. соч. С. 190.

²⁷ Жирмунский М.М. Частный капитал в товарообороте. М., 1924. С. 7.

Сам процесс нелегального снабжения до крайности упрощался и зачастую его сводили к «поездкам» мешочников в хлебные районы. Дело в том, что в годы «русской смуты» власти обращали внимание почти исключительно на видимую часть айсберга. Их представители обнаруживали мешочников на вокзалах, в поездах, на пароходах и об этом упоминали в своих отчётах. Соответственно, многие важные сферы деятельности нелегальных снабженцев (изучение рынка, товарообменные операции, общение с крестьянами и т.д.) оставались в тени. Поэтому исследователи в лучшем случае изображали единственный – «дорожный» – сюжет сложного и многопланового исторического явления. К тому же обществоведы нередко противоречили сами себе. Так, признавая массовый характер нелегального снабжения, указывали в то же время на то, что простые люди не могли пользоваться доставленным мешочниками продовольствием из-за дороговизны. Получается: десятки миллионов везли еду для нескольких десятков тысяч избранных. В это не верится.

На первых порах в литературе ещё встречались двойственные оценки нелегального снабжения. В работах 1920-х гг. содержалось непереносимое указание на «коррупцированность мешочнического рынка», но признавалось и его значение для спасения людей от голодной смерти. Профессор Н.Д. Кондратьев, с одной стороны, определял мешочничество как «высшую уродливую форму распыления хлеботоргового оборота», а с другой – высоко оценивал его спасительную роль в выживании народа²⁸. Однако с начала 1930-х гг. оценка нелегального снабжения периода «военного коммунизма» утратила противоречивость, утвердилась «единственно правильная», официальная «классовая» точка зрения. Мешочников объявляли контрреволюционерами и уголовниками, их деятельность признали исключительно вредной и опасной.

Советские авторы чаще всего называли действия мешочников контрреволюционным «разгулом», «контрреволюционной акцией», «отвратительным наследием капитализма», «формой ожесточённой борьбы капитализма с коммунизмом». Мешочников сравнивали с «наиболее отсталой частью рабочих»; с людьми, которые «развращали менее отсталые слои рабочего класса»²⁹. Они были и «подрывателями основ продовольственной политики», и «нарушителями планового распределения» и т.д. Один автор и вовсе сгустил краски: «Мелкобуржуазная стихия (а не голод? – А.Д.) захлёстывала недостаточно сознательных рабочих, которые становились на путь добычи хлеба в одиночку, на путь мешочничества»³⁰. В 1960 г. издатели одного документального сборника по ошибке назвали мешочничество «мошеничеством». Выразительная опечатка! Как представляется, негативные параметры изучения явления были заданы ещё до начала исследовательской работы и о ее объективности говорить не приходится.

Вместе с тем в некоторых вышедших в свет в 1960–1980-е гг. работах звучали (в сравнении с трудами трёх предшествовавших десятилетий) новые мотивы. Мешочничество начали признавать «порождением войны и революции» (а не чьих-то «происков»), исторически обусловленной «формой товарообмена между городом и деревней». Хотя при этом авторы на первый план выдвигали его первостепенную роль в срыве государственных хлебозаготовок³¹. Налицо новое противоречие: либо «люди с мешками» сорвали хлебозаготовки и, следовательно, организовали голод, либо сами были его порождением. Требовалось чётко расставить акценты. Между тем нередко современные авторы по-прежнему усматривали в нелегальном снабжении «средство классовой борьбы». Деятельность заградительных отрядов романтизируется, а их самих изображают «верными стражами» национальной продовольственной политики. К сторонникам сугубо «револю-

²⁸ Кондратьев Н.Д. Рынок и его регулирование во время войны и революции. М., 1922. С. 199.

²⁹ Фейгельсон М. Борьба за хлеб в Царицыне // Проблемы экономики. 1940. № 1. С. 152; Бизяев Т. К вопросу об организации народных масс в борьбе за хлеб в 1918 г. // Ученые записки Новозыбковского педагогического института. Т.2. Брянск, 1955. С. 28; Макаренков М.Е. Московские рабочие в борьбе с продовольственными трудностями в 1918 г. // 40 лет Великого Октября: сб. трудов. М., 1957. Вып. 2. С. 18; Соколов С.А. Революция и хлеб. Из истории советской продовольственной политики в 1917-1918 гг. Саратов, 1967. С. 64, 82; Филиппов И.Т. Продовольственная политика в России в 1917-1923. М., 1994. С. 84.

³⁰ Бизяев Т. Указ. соч. С. 9.

³¹ Дмитренко В.П. Некоторые итоги обобществления товарообмена в 1917-1920 гг. // Исторические записки. Т. 79. М., 1966. С. 234-235; Давыдов М.И. Борьба за хлеб. М., 1971. С. 93.

ционных» (преимущественно насильственных) методов борьбы с мешочничеством относятся и отечественные авторы книг, вышедших в свет на рубеже 1980-х – 1990-х гг.³².

В 2000-е гг. ситуация стала меняться. Исследователь И. Нарский предпринял попытку рассмотреть мешочничество через призму истории повседневности. Указывая на широчайшее распространение нелегального снабжения, он определяет его формы, а также и значение для спасения жителей городов. При этом он выявляет прямую взаимосвязь изменения продовольственной политики и эволюции мешочничества: в частности, при «белых» существовали рыночные отношения и умеренная спекуляция, после их отступления уничтожались рынок и начиналось мешочническое «паломничество»³³.

Историк А.А. Ильюхов в своей содержательной работе, увидевшей свет в 2007 г., дал развернутую характеристику мешочничества как «нетрадиционного источника обеспечения существования», основной формы самоснабжения населения «вопреки продовольственной диктатуре». Впрочем, нельзя согласиться с определением автором данного феномена как «явления военного коммунизма»: мешочнические волны поднимались и в дальнейшем, в периоды разрушения систем снабжения³⁴.

На материалах крупного региона – европейского Севера России – основные тенденции эволюции нелегального рынка выявляет современный исследователь В.А. Саблин. Автор показывает, что масштабы и формы мешочничества изменялись под влиянием и по мере складывания государственного механизма заготовки и распределения продовольствия, однако его роль оставалась значительной на протяжении всего периода военного коммунизма³⁵.

Наконец, в последние годы появляются работы, в которых движение «ходово-мешочников» тесно увязывается с общими проблемами состояния и функционирования местных органов государственной власти в стране в чрезвычайных условиях революции и гражданской войны³⁶.

За пределами России широкое распространение получила точка зрения известного экономиста (осенью 1917 г. – министра продовольствия Временного правительства) С.Н. Прокоповича, идеализировавшего мешочников. «Мешочники, – писал он, – мужчины и женщины с мешками, большей частью из фабричных и ремесленников, совершавших регулярные поездки в какую-либо деревню (иногда за 1000 вёрст) за хлебом и др. продовольственными продуктами. Эти мешочники многих спасли от голодной смерти»³⁷. Современный британский исследователь Д. Хоскинг высоко оценивает спасительную миссию мешочничества, усматривая в нем проявление «поразительной жизнеспособности русских, умеющих находить способы существования в самых невероятных условиях»³⁸.

Разумеется, следует удерживаться от идеализации, равно как и от очернения нелегального снабжения. Оно представляло собой крайне противоречивое явление. Присущие ему антагонизмы пытался всесторонне исследовать автор этой статьи в докторской диссертации и в опубликованных им в 2000-е гг. книгах³⁹. В целом симпатии автора находятся на стороне мешочников при полном осознании необходимости констатации негативных сторон их деятельности. Мешочничество представляло собой воплощение элементов деградации общества. Но и советская продовольственная диктатура отнюдь не была олицетворением социального прогресса; наоборот, в силу присущего ей прожектерства она стала прямой дорогой в тупик, к гибели общества. Приходилось выбирать между меньшим и большим злом. Большевицкая власть – в значительной степени по причине

³² Лейберов И.П., Рудаченко С.Д. Революция и хлеб. Л., 1990. С. 198; Маймескулов Л.Н., Рогожин А.И., Сташис В.В. Всеукраинская чрезвычайная комиссия (1918-1922). Харьков, 1990. С. 300.

³³ Нарский И. Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917-1922 гг. М., 2001. С. 20, 482, 485.

³⁴ Ильюхов А.А. Жизнь в эпоху перемен: материальное положение городских жителей в годы революции и гражданской войны. М., 2007. С. 127, 263.

³⁵ Саблин В.А. Крестьянское хозяйство на европейском Севере России (1917-1920). М., 2009. С. 355, 356.

³⁶ См., напр.: Тропов И.А. Эволюция местных органов государственной власти в России (1917-1920-е гг.). СПб., 2011. С. 310-311.

³⁷ Прокопович С.Н. Народное хозяйство СССР. Т. 2. Нью-Йорк, 1952. С. 147.

³⁸ Хоскинг Д. Правители и жертвы. Русские в Советском Союзе. М., 2012. С. 59.

³⁹ Давыдов А.Ю. Нелегальное снабжение российского населения и власть. Мешочники. 1917-1921 гг. СПб., 2004; Он же. Мешочники и диктатура в России. 1917-1921 гг. СПб., 2007.

приверженности идеологической догме – выбрала большее зло и упрямо двигалась к своей цели. В таких условиях мелкая нелегальная торговля стала главным каналом связи города с деревней. Мешочническое движение не только сыграло решающую роль в недопущении полной натурализации крестьянского хозяйства, в сохранении товарообмена между городом и деревней, но и препятствовало распаду связей между отдельными регионами страны (фронты и границы не стали непреодолимым препятствием для вездесущих мешочников). В своих книгах автор подробно характеризует формы, методы деятельности и облик нелегальных снабженцев, их сложные взаимоотношения с государственными структурами.

Таким образом, в настоящее время обнаруживается отход от целиком преобладавшего в советский период изображения мешочничества в контексте исследования победоносной продовольственной политики Советской власти. В постперестроечные годы выявляется разнообразие подходов и оценок. Связанные с российским мешочничеством сюжеты начинают рассматриваться как важная составная часть социальной истории, в широком смысле – истории людских взаимоотношений в экстремальных условиях «русской смуты». Современные авторы стремятся определить место мешочнического рынка в экономической жизни, представить его в контексте изучения военно-коммунистической политики, деятельности органов государственной власти и повседневной жизни россиян.

RUSSIAN PRIVATE SPECULATION IN THE CIVIL WAR (DEFINITIONS AND HISTORIOGRAPHY OF THE ISSUE)

A.Yu. DAVYDOV

*Russian State Pedagogical
University named
after A.I. Herzen*

e-mail: davydov.au@mail.ru

The article reveals the concept of "Russian private speculation". It was found out how its interpretation varied at different stages of history. The author focuses on the evolution of the main historiographical approaches to the characteristics of the private speculation and illegal market in the period of the civil war in Russia.

Keywords: historiography, civil war, military communism, private speculation, self-supply, the black market, walkers, speculation, food dictatorship, barrier troops.

УДК 947.1571.11

КАДРОВЫЙ ОТБОР В СИБИРСКУЮ ШКОЛУ ПО ПОДГОТОВКЕ СОТРУДНИКОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ (ГПУ) НА ТРАНСПОРТЕ

В.П. ВАСИЛЕВСКИЙ
А.В. СУШКО

*Омский государственный
технический университет*

e-mail: vasilevskiy-vitaliy@mail.ru

e-mail: Alexsushko@rambler.ru

Статья посвящена исследованию организации кадрового отбора в транспортные органы ГПУ-ОГПУ Сибири. На основе актов оценки с политической стороны кандидатов в Сибирскую школу по подготовке агентов ТО ОГПУ в Омске анализируются принципы кадрового отбора чекистов в подразделения, обеспечивавшие безопасность на транспорте.

Ключевые слова: органы безопасности (ГПУ), безопасность, Омск, учебное заведение, транспорт, кадровый отбор, подготовка сотрудников.

Без исследования проблемы кадрового отбора сотрудников в советские органы государственной безопасности, невозможно всестороннее изучение основных направлений и особенностей их деятельности. Историк отечественных спецслужб А.Г. Тепляков, верно отметил благоприятные условия для изучения внутренней жизни отечественных органов государственной безопасности сложившиеся в настоящий момент: «Чекисты нуждаются в особом исследовательском внимании потому, что это был самый закрытый отряд советских чиновников, много лет и не без успеха предлагающий общественности собственный и крайне тенденциозный взгляд на свою деятельность и кадры. Только сегодня документальная база расширилась настолько, что стало возможным изучать внутреннюю жизнь ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-КГБ»¹. Советская историография идеализировала механизм отбора и моральный облик сотрудников советских спецслужб в соответствии с существовавшими требованиями идеологии государства. После распада СССР в российской исторической науке наметились два взгляда на историю советских спецслужб. Часть историков, признавая отдельные негативные моменты в деятельности советских спецслужб, в том числе в отборе и расстановке кадров, делает акцент на изучении позитивных, обусловленных потребностями государственной безопасности аспектах деятельности советских спецслужб. Другие историки представляют чекистов в неприглядном виде, акцентируя внимание на отрицательных аспектах их жизни и деятельности. Полемизуя с такими историками, А.М. Плеханов пишет: «Часто приходится читать статьи некоторых авторов о засоренности ВЧК разного рода авантюристами и, более того, преступными элементами. Так Э. Хлысталов пишет о том, что “начиная с января 1918 г., в органы ВЧК хлынули селевым потоком убийцы-фанатики, психопаты, параноики, откровенные садисты и сексуальные маньяки”. Оставим на совести заслуженного работника МВД СССР такое категорическое утверждение. Это не означает, что в органы ВЧК особенно на местах не приходили такие люди. Но уже в те годы начал выработываться механизм противодействия, который бы изгонял подобных из чекистской среды»².

Необходимо подчеркнуть, что исследование проблемы кадрового отбора в советские органы государственной безопасности по-прежнему объективно затруднено тем, что спецслужбы продолжают держать в секрете большинство сведений, касающихся личных данных сотрудников. Неслучайно, в изданиях посвященных истории советских спецслужб в период НЭПа, крайне мало информации характеризующей личный состав органов безопасности на местах. В современных условиях перспективным представляется поиск документов на уровне микроистории характеризующих кадровый отбор сотрудников советских спецслужб, их личный состав в местных территориальных органах.

В Историческом архиве Омской области сохранились уникальные по своей значимости документы. Они до сих пор не введены в научный оборот исследователями дея-

¹ Тепляков А.Г. Машина террора: ОГПУ-НКВД Сибири в 1929-1941 гг. М., 2008. С. 8.

² Плеханов А.М. ВЧК-ГПУ. Отечественные органы государственной безопасности в период новой экономической политики. 1921-1928. М., 2006. С. 216.

тельности отечественных органов государственной безопасности – акты оценки с политической стороны товарищей, прибывших в 5-ю Сибирскую школу агентов при СибОТО ГПУ (Сибирском окружном транспортном отделе ГПУ). Следует оговориться, что слово «агент», которое содержится в выявленных документах, исходя из современной практики его употребления, не совсем корректное. В современном языке данным словом обозначается штатный информатор спецслужб. В выявленных актах речь шла о подготовке именно штатных сотрудников, называемых в документах «агентами».

Сохранность и доступность данных актов и в тоже время не введение их в научный оборот историками, объясняются тем, что большинство документов находящихся в деле по названию и содержанию не имеют отношения к советским спецслужбам. Дело называется «Протоколы, планы, доклады и другие информационные материалы о работе железнодорожного и водного транспорта». Упомянутые акты, характеризующие личности курсантов поступающих для прохождения учебы в Омской транспортной школе ГПУ, были отправлены для отчета в Омский губком РКП с грифом «секретно». В последующем они были подшиты в дело посвященное состоянию транспорта, где остальные бумаги не имели отношения к советским органам безопасности³. Поэтому историки занимавшиеся изучением деятельности органов безопасности не знали об этих документах.

Цель данной работы – проанализировав указанные акты, установить некоторые личностные качества кандидатов и принципы отбора курсантов в Сибирскую школу по подготовке агентов ТО ГПУ в Омске. В широком смысле выполнение данной задачи будет способствовать пониманию механизмов комплектования спецслужб в первые годы Советской власти, что важно для объяснения последующих событий истории России и, в частности, ее органов безопасности.

О существовании в Омске школы для подготовки сотрудников ГПУ практически ничего не известно даже специалистам. Поэтому, прежде чем переходить к анализу указанных документов школы, целесообразно будет кратко остановиться на причинах ее открытия и истории существования.

В 1922 г. ГПУ открыло ряд школ для подготовки сотрудников работающих на транспорте. В 1923 г. в ходе реформы существовавших школ, в Омске было открыто такое учебное заведение. Работа школ находилась под постоянным контролем центральных партийных органов и руководства ГПУ. 24 января 1923 г. В.В. Куйбышев направил всем губернским комитетам партии письмо, в котором от имени ЦК указывалось: «1. Безотлагательно выделить в распоряжение ТО (транспортных отделов – В.П., А.В.) для направления в школу честных и стойких товарищей. 2. Взять под партийный контроль ТО наравне с советскими органами, требуя от начальников их периодических докладов. 3. Представлять школам ТО необходимые партийные силы в качестве лекторов и всячески содействовать укомплектованию школ»⁴.

В служебной записке Ф.Э. Дзержинского совмещавшего посты руководителя советских спецслужб и железнодорожного транспорта, адресованной руководителю органов ГПУ на транспорте Г.И. Благонравову «Об укреплении линейных транспортных органов ГПУ» от 6 июня 1922 г. намечались меры по восстановлению транспорта, некоторые из которых относились к чекистскому аппарату обслуживавшему транспорт. Среди них: «2) Подбор начальников и агентов – абсолютная их честность и преданность революции, незапятнанность, грамотность, услужливость. 3) Жесточайшая, но разумная дисциплина. 4) Знание военного дела («унтера»). 5) Знание жел. дор. правил и задач, для чего организовать курсы с привлечением ж.д. преподавателей. 6) ТО ГПУ быть всегда в курсе работ и задач НКПС (Народного комиссариата путей сообщения – В.П., А.В.) для инструктирования своих линейных органов»⁵.

Нехватка специалистов и средств заставили руководство ГПУ продолжить политику по укрупнению школ по подготовке сотрудников транспортных отделов ГПУ с целью концентрации ресурсов. В марте 1923 г. были сохранены школы в Москве, Калуге и Омске, остальные школы были расформированы. Вскоре школа в Калуге была также рас-

³ Исторический архив Омской области (далее ГИАОО). Ф. П-1. Оп. 3. Д. 140. Л. 68.

⁴ Плеханов А.М. Указ соч. С. 250.

⁵ Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК-ОГПУ. 1917-1926 / сост. А.А. Плеханов, А.М. Плеханов. М., 2007. С. 397-398.

формирована. Была оставлена крупная Московская школа, где обучалось 1000 курсантов и небольшая Омская школа, обучалось относительно немного, 150 курсантов. Ее сохранение объяснялось отдаленностью от центра страны районов Сибири и Дальнего Востока, для которых и готовились специалисты в Омске.

В делопроизводственной документации и исторической литературе Омская школа упоминается как Сибирская школа по подготовке агентов ТО ОГПУ существовавшая при Окружном транспортном отделе ОГПУ Сибири и Дальнего Востока. На угловом штампе учреждения, поставленном на актах, содержится иное название «Школа охраны общественного порядка и спокойствия на путях сообщения при СИБОКТООГПУ»⁶. Она находилась по адресу ул. 1-я Линия, дом №20⁷. Продолжительность обучения в школе составляла восемь месяцев. Учившийся в ней в 1923 г. Я.Н. Колмаков вспоминал: «Начальником школы был Соколов, военспец, бывший царский офицер в чине капитана. Заместитель по политической части был тов. Тулин, ленинградский рабочий, старый коммунист. Адъютантом являлся Савваитов, сын бывшего царского генерала. Имел высшее юридическое образование. Большинство преподавателей были инженеры Управления Омской железной дороги. Мы изучали особенности ж.-д. транспорта и какие проводить мероприятия по предупреждению всякого рода крушений поездов, аварий, возможных диверсий и разных преступлений по должности. Изучали криминалистику, анатомию, уголовный и процессуальный кодексы РСФСР. Изучали общеобразовательные предметы в объеме семилетней школы... В школе было хорошо поставлено физкультурное и военное дело»⁸.

К 1925 г. транспортные отделы ОГПУ в Сибири уже были достаточно укомплектованы. Поэтому было принято решение о закрытии школы в Омске. В архиве УФСБ России по Омской области имеются сведения об увольнении курсантов из школы в январе 1925 г. «за расформированием последней»⁹.

Традиционно в историческом сознании культивировался взгляд, основы которого заложил основатель и первый руководитель советских органов безопасности Ф.Э. Дзержинский. В своих знаменитых высказываниях о чекистах, он вел речь как о людях с горячим сердцем, холодной головой и чистыми руками, беззаветно преданных коммунистическим идеалам. Этот взгляд переключался из советской в современную российскую историографию. Так, в энциклопедическом справочнике, посвященном истории российских спецслужб, о комплектовании органов ОГПУ сотрудниками говорится: «Комплектование органов и войск ОГПУ осуществлялось, как правило, за счет сотрудников из запаса, состоявших на особом учете, а также из выпускников спецшкол ОГПУ, практикантов, начальствующего состава войск ОГПУ и погранохраны и лиц, направляемых на работу в органы по особым нарядам ЦК ВКП(б). Не подлежали приему служащие Департамента полиции, жандармерии и других правоохранительных органов царского и Временного правительств. Но и прием других граждан был ограничен. Ф.Э. Дзержинский сформулировал один из главных критериев подбора кадров в органы безопасности: “Если приходится выбирать между безусловно нашим человеком, но не совсем способным, и не совсем нашим, но очень способным, – у нас, в ЧК, необходимо оставить первого. Вся суть, по-моему, в подборе таких людей безусловно честных и, где нужно, умных”»¹⁰.

Биографические данные январского набора Омской транспортной школы ГПУ на абитуриентов и оценки приемной комиссии, характеризующие личностные качества позволяют опровергнуть устоявшиеся стереотипы и совершенно по-новому взглянуть на кадровое становление советских органов государственной безопасности.

Всего в деле хранится 4 акта: от 13, 15, 16, 26 января 1923 г. Несмотря на то, что набор осуществлялся практически в одно время, в одно учебное заведение, состав комиссии подписывавшей акты не был постоянным. Это наложило определенный отпечаток на содержание документов. По сути они однотипны, при этом характеризующие на отдельных поступающих курсантов сведения даются не вполне унифицировано. Не во всех про-

⁶ ГИАОО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 140. Л. 69.

⁷ Архив управления ФСБ России по Омской области. Ф. 87. Оп. 3. Д. 1595. Л. 117

⁸ Архив управления ФСБ России по Омской области. Ф. 87. Оп. 3. Д. 1596. Л. 105.

⁹ Архив управления ФСБ России по Омской области. Ф. 87. Оп. 3. Д. 1595. Л. 117.

¹⁰ Колпакиди А.И., Серяков М.Л. Руководители органов государственной безопасности Московской Руси, Российской империи, Советского Союза и Российской Федерации. СПб., М., 2002. С. 360.

токолах и не на всех курсантов указаны данные об уровне их политического развития, что в ту эпоху для органов ГПУ было особенно важно. Однако, краткие характеристики и принятые по кандидатам решения, позволяют реконструировать общую картину и сделать ряд выводов о комплектовании органов государственной безопасности рядовыми сотрудниками в первые годы Советской власти.

Следует подчеркнуть кадровый голод, существовавший в чекистских органах Сибири, который в транспортных подразделениях был еще более силен. Именно им объясняется факт открытия специальной школы в Омске осуществлявшей подготовку сотрудников для подразделений, обслуживавших транспортную инфраструктуру.

Абсолютное большинство кандидатов в чекистские транспортные школы подбирали местные транспортные органы ГПУ-ОГПУ, осуществлявшие их проверку (существовали единичные исключения, такие кандидаты проходили под формулировкой «со стороны»). Несмотря на предварительный отбор кандидатов на местах, при приеме курсантов в школу существовал отбор и отсеивание кандидатов. При приеме на учебу в школу, обращалось внимание на состояние здоровья кандидата, его партийную принадлежность и уровень развития политического сознания, на биографические данные и личностные качества. В характеристиках кандидатов встречаются нетипичные для сегодняшнего дня формулировки «туповат», «шкурник» и пр.

Сводные данные о результатах отбора, составленные на основе анализа всех указанных актов, приведены в таблице 1. Из анализа данных содержащихся в ней следует, что 24% (около четверти кандидатов) были либо не пригодны к работе в органах ГПУ (11%), либо приняты условно (13%), то есть принимались только исходя из острейшего дефицита кадров. Такие данные свидетельствовали об отсутствии на местах достаточного количества кандидатов, которые бы без всяких условностей и оговорок были пригодны для чекистской работы. Кроме того, квалификация сотрудников, осуществлявших кадровый отбор на местах, была явно низкой. Так, из Иркутска прибыл действующий сотрудник ГПУ, кандидат для зачисления в школу Иванов Василий, являвшийся беспартийным, ранее служивший в белой армии. По оценке комиссии «свое прошлое затушевывает. Служил в унтер-офицерской школе при Колчаке. Школа принимала участие в подавлении партизанского движения. Безграмотен вообще и политически». Относительно данного сотрудника приемная комиссия приняла решение «уволить из органов»¹¹.

Таблица 1

Результаты отбора кандидатов при зачислении в Омскую транспортную школу ГПУ в январе 1923 г.

	Даты зачисления				Итого	Итого в %
	15.01.1923	15.01.1923	16.01.1923	26.01.1923		
Общее количество	13	44	20	15	92	100%
Принято	9	35	14	12	70	76%
Принято условно	3	5	2	2	12	13%
Отклонено	1	4	4	1	10	11%

Омская школа являлась главным поставщиком кадров в транспортные органы Сибири. Поэтому деление кандидатов при отборе на принятых, условно принятых и отклоненных, при наличии аргументации такого отбора, позволяет сделать ряд выводов: во-первых, о принципах кадровой политики, практиковавшихся при отборе кандидатов в чекистские органы, и соответственно, во-вторых, охарактеризовать качественный состав транспортных чекистских подразделений Сибири.

Судя по данным на поступающих кандидатах и результатам приема, одним из основных критериев для отбора кандидатов было членство в коммунистической партии, которое практически гарантировало поступление кандидата в школу. На необходимость подбора «преданных коммунистов» в чекистские органы постоянно указывали партийные документы и ведомственные инструкции, регламентировавшие прохождение службы в органах безопасности. Сводные данные о партийной принадлежности кандидатов и результатах их поступления приведены в таблице 2.

¹¹ ГИАОО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 140. Л. 69 об.

Таблица 2

Данные о партийной принадлежности и результаты поступления кандидатов при зачислении в Омскую транспортную школу ГПУ в январе 1923 г.

	Даты зачисления				Итого	Итого в %
	15.01.1923	15.01.1923	16.01.1923	26.01.1923		
Общее количество	13	44	20	15	92	100%
Члены РКП, кандидаты и комсомольцы	8	33	11	6	58	53,3%
Поступили или условно поступили	8	31	11	6	56	51,5%

В случае членства кандидата на поступление в школу в партии, его умственные способности или политическая грамотность не влияли на положительное решение приемной комиссии о зачислении в школу. Приведем типичные формулировки, из актов приемной комиссии свидетельствующие об этом:

«Фельчагов Сергей. Кандидат РКП с 1921 г. Общее и политическое развитие слабо, *тупой* (выд. нами – В.П. и А.В.). Обратить внимание на степень усвояемости предметов – оставить».

Крутенков Иван. Кандидат в РКП с 1922 г. *Туповат* (выд. нами – В.П., А.В.). Оставить условно (Обратить внимание на степень усвояемости предметов).

Серов Иван. Член РКП. Политически малоразвит. О чекистской работе, имеет слабое представление.

Дураков Александр. Член РКП с 1920 г. Рабочий. Политически неграмотный. Вообще мало развит. Есть желание учиться. Принять.

Галатионов Иван. Член РКП с 1920 г. Мало развит. Политически неграмотный. Подает надежду в смысле обработки. Оставить при школе»¹².

Только неудовлетворительное состояние здоровья кандидата члена РКП могло стать причиной его не зачисления в школу. Например, 16 января была отклонена кандидатура Обухова Григория, который приемной комиссией характеризовался следующим образом: «Член РКП с 1921 г. Умственно развит слабо. Политически неграмотен. Врачебной комиссией признан негодным. Учиться шел под давлением. Откомандировать»¹³.

Несмотря на предварительный отбор кандидатов и их отбор при поступлении, уровень политической грамотности поступавших в омскую школу сотрудников, по мнению комиссии осуществлявшей зачисление, был ничтожно низок. Сводные данные о политической грамотности кандидатов, являвшейся важной предпосылкой преданности коммунистической партии которой они шли служить приведены в таблице 3.

Таблица 3

Уровень политической грамотности кандидатов на зачисление в Омскую транспортную школу ГПУ в январе 1923 г.

	Даты зачисления				Итого	Итого в %
	15.01.1923	15.01.1923	16.01.1923	26.01.1923		
Общее количество	13	44	20	15	92	100%
Политически развиты	3	5	2	3	13	14,1%
Низкое политическое развитие или его отсутствие	7	36	13	9	65	70,6%
Прямо не указано	3	3	5	3	14	15,3%

По мнению руководителя советских спецслужб Ф.Э. Держинского, при комплектовании транспортных отделов ГПУ, в связи с нехваткой квалифицированных специалистов вынужденно допускалось отступление от принципа партийности чекистских кадров. В вышеуказанной служебной записке адресованной начальнику транспортного отдела ГПУ Г.И. Благодравову «Об укреплении линейных транспортных органов ГПУ» в постскрипуме указывалось, что «для ТО ГПУ задача восстановления транспорта сейчас должна преобладать над политическими задачами»¹⁴. Руководству ГПУ в транспортных

¹² ГИАОО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 140. Л. 69-70 об.

¹³ ГИАОО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 140. Л. 70 об.

¹⁴ Ф.Э. Держинский – председатель ВЧК-ОГПУ. 1917-1926... С. 398.

отделах нужны были высококлассные специалисты. Не имея их в достаточном количестве среди коммунистов, оно на практике было готово привлекать на службу не просто беспартийных, но даже подходящих людей, участвовавших в Гражданской войне на стороне белого движения – бывших колчаковцев. Причем служба в милиции на железной дороге у колчаковцев, для приемной комиссии являлась положительным аргументом, для того, чтобы зачислить в школу кандидата. Из 92 кандидатов, поступавших в школу, 13 – являлись бывшими белогвардейцами, из них поступили – 11. Приведем несколько примеров из практики омской школы:

«Казаков Петр. Член партии РКП – документов на руках не имеет. Общее развитие удовлетворительное, политически – слабое. Оставить (служил в ж-д. милиции у Колчака).

Фомин Петр. Кандидат РКП. Служил в армии Колчака. Общее развитие удовлетворительное. Политически развит слабо. Есть желание учиться. Оставить.

Гончарук Михаил. Беспартийный. Состоял в партии РКП – вышел – причину не знает. Служил у Колчака в ж-д. милиции. Общее развитие удовлетворительное, политически – слабое. Оставить»¹⁵.

Не только среди курсантов, но также и среди преподавателей школы имелись бывшие белогвардейцы. Стрелковое дело в школе преподавал С.С. Солдатов в 1918 г. командовавший офицерским батальоном, участвовавшим в боях против Красной гвардии в Восточной Сибири, а затем занимавшийся подготовкой кадров для колчаковской армии в городе Томске. Нехватка квалифицированных специалистов заставила руководство школы принять его преподавателем. Впрочем, в 1924 г., он был все же арестован и, как бывший белый офицер, осужден на пять лет, а в 1991 г. реабилитирован¹⁶.

Зачисленные в школу курсанты представляли из себя кадры для формирования новой советской элиты на местах, к которой сотрудники органов ГПУ, защищавшие существовавший политический режим, априори принадлежали. А.Г. Тепляков показал в своей диссертационной работе конъюнктурный тип сибирского чекиста, который сформировался к 1929–1941 годам. Его он описывает следующим образом: «Исследование не подтверждает миф о “честных чекистах”, которые якобы составляли большинство и с неохотой участвовали в карательных акциях. На деле сотрудники госбезопасности были конформистски настроенным сообществом, откуда несогласные быстро “изымались”. Специфическое корпоративное поведение носило стабильный характер, воспроизводясь в каждом новом поколении чекистов. Сотрудники политической полиции остро ощущали себя особенной кастой, наделенной тайными правами, и это очень многое определяло в их корпоративном поведении. На всем протяжении истории репрессивных органов их кадры вполне соответствовали главным критериям – политической лояльности и готовности выполнить любое поручение властей»¹⁷. Из анализируемых документов, становится объяснимым то, почему к концу 20-х годов сформировался номенклатурный тип советского чекиста подготовленного к проведению массовых политических репрессий, не только в отношении с точки зрения анкетных данных политических противников Советского государства, но и в отношении коммунистов с большим партийным стажем и даже своих коллег. Судя по проанализированным документам, в начале 20-х гг. в органы безопасности набирались люди с низким уровнем политической грамотности, не являвшиеся убежденными приверженцами коммунистической идеологии. В связи с данными из таблицы 3 можно утверждать, что низкая политическая грамотность курсантов, свидетельствовала не об их идейной преданности идеям коммунистической партии, а о стремлении войти в государственный аппарат. Люди с низкими умственными способностями, малограмотные, становились хорошими сотрудниками для работы, не требующей интенсивного умственного труда, но требующей морально-психологического и физического напряжения человека. Такой сотрудник на службе зависел полностью от вышестоящего начальника, для того, чтобы не выпасть из системы был готов выполнить любой приказ. Такие сотрудники, руководствуясь интересами собственного благосостояния, потенциально были готовы к проведению репрессивной политики.

¹⁵ ГИАОО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 140. Л. 70.

¹⁶ Архив управления ФСБ России по Омской области. Архивно-следственное дело П-13083. Л. 26, 107.

¹⁷ Тепляков А.Г. Органы ОГПУ-НКВД-НКГБ в Сибири: Структура и кадры (1929–1941 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2011. С. 37–38.

Таким образом, на уровне микроистории, найденные документы о комплектовании омской школы, позволяют поставить под сомнение стереотипы, касающиеся отбора для службы в органах государственной безопасности и личных качеств сотрудников, служивших в первые годы Советской власти в органах ГПУ-ОГПУ.

С одной стороны, акты оценки с политической стороны товарищей прибывших в 5-ю Сибирскую школу агентов при Сиб ОТО ГПУ свидетельствуют о становлении кадрового отбора в чекистских органах при принятии, в которые политическая лояльность режиму была важнейшим условием. При этом умственные способности кандидатов и их моральные качества при отборе кандидатов не имели решающего значения. Найденные акты о зачислении в омскую школу ГПУ представляют собой то, что один из отцов-основателей итальянской микроистории Э.Гренди назвал «исключительной нормой»¹⁸. Официальные партийные и чекистские источники систематически замалчивали или искажали социальную реальность жизни и деятельности советских органов государственной безопасности. В данном случае, найдены и проанализированы необычные, редкие ведомственные документы, которые гораздо выразительнее, чем множество стереотипных официальных источников исходивших от коммунистической партии и органов государственной безопасности. В значительной степени нетипичные, по отношению к традиционно принятым, случаи подбора чекистских кадров в омскую школу транспортную ГПУ (зачисленные в школу бывшие белогвардейцы), ставят под вопрос привычный взгляд на комплектование сотрудниками советских органов государственной безопасности в начале 20-х гг. Без сомнения эта проблема требует поиска и введения в научный оборот новых источников и дальнейших исследований.

PERSONNEL SELECTION FOR THE SIBERIAN SCHOOL TRAINING TRANSPORTATION OFFICERS OF THE STATE POLITICAL DIRECTORATE (SPD)

V.P. VASILEVSKY
A.V. SUSHKO

Omsk State Technical University

e-mail:
vasilevskiy-vitaliy@mail.ru

e-mail: Alexsushko@rambler.ru

The article deals with the organization of personnel selection to the TA of JSPD – SPD in Siberia. Based on appraisal reports of candidates to Siberian training school for TA of JSPD agents in Omsk from political point of view, the present article analyzes the principles of security officers selection to the units that provide transportation security.

Key words: Security agency (SPD), security, Omsk, school, transport, personnel selection, employee training.

¹⁸ Ханс Медик. Микроистория // THESIS, 1994. Вып. 4. С. 199.

ФОРМИРОВАНИЕ НОВОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА И «РЕЛИГИОЗНЫЙ ВОПРОС» В ПЕРИОД «ПЕРЕСТРОЙКИ»

О. В. ПИГОРЕВА

З. Д. ИЛЬИНА

*Курская государственная
сельскохозяйственная академия
имени профессора И.И. Иванова*

e-mail: ovlebedeva117@yandex.ru

В статье рассматривается процесс формирования нового образовательного пространства в период «перестройки», выявляются субъекты, участвовавшие в его организации, изучаются условия, позволившие Русской Православной церкви проявить инициативу в организации изучения религии школьниками. В контексте общественно-политических и экономических трансформаций, изменения государственно-церковных отношений исследуется проведение школьной реформы и изменение роли учителей в организации учебно-воспитательной работы, развитие образовательных потребностей в обществе.

Ключевые слова: новое образовательное пространство, «перестройка», субъекты образовательного пространства, религия, государство, школа, общество, Русская Православная церковь.

В современной исторической науке исследовалась система образования 1985 – 1991 годов: анализировались государственная политика в образовательной сфере, пути и результаты школьной реформы, организация преподавания общественных наук и др.¹. Однако практически неизученными остались вопросы формирования нового образовательного пространства и роли изменения государственно-церковных отношений периода «перестройки» в этом процессе. Представляется важным для научного обоснования роли знаний о религии в формировании духовно-нравственных качеств личности нахождение субъектов нового образовательного пространства и определение их места в его формировании, а также изучение условий и факторов, изменивших советскую систему образования и позволивших в дальнейшем начать использование религиозных ценностей в российских школах.

В данной работе авторы в соответствии с представленной в Законе Российской Федерации «Об образовании» (принят 10.07.1992)² трактовкой рассматривают образование как целенаправленный процесс воспитания и обучения в интересах человека, общества, государства. Образование анализируется в статье как часть культуры. Подобный подход к образованию существует не только в исторических, но и педагогических, философских исследованиях. Так, член-корреспондент РАО, доктор педагогических наук В. Караковский считает, что «образование – это часть национальной культуры, а значит, оно должно быть культуросообразным», и предлагает цели образования определять не исходя из экономики и политики, а из культуры³. Доктор философских наук, депутат Государственной Думы, заместитель председателя комитета Государственной Думы по образованию и науке О. Смолин пишет, что «образование представляет собой, вне сомнения,

¹ Кораблева Г.В. Школьная политика и ее осуществление в Российской Федерации в 1970-1980-е гг.: опыт, уроки (на материалах Уральского региона): дис. ... д-ра ист. наук. Оренбург, 2001; Костюченко И.Ю. Исторический опыт разработки и реализации государственной политики СССР и Российской Федерации в сфере народного образования во второй половине XX в.: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2004; Поздняков А.Н. Государство и общество в реформировании российского школьного образования: Исторический опыт взаимоотношений в конце XIX-начале XXI вв.: дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 2005; Тарасова С.В. Исторический опыт разработки и реализации проектов реформирования системы образования Российской Федерации в 1984-2004 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2008; Тимофеева Е.Г. Государственная политика в сфере обществоведческого образования российской молодежи в 50-е – 90-е годы XX века: дис. ... д-ра ист. наук. Астрахань, 2004; Штурба В.А. Разработка государственной политики в области народного образования и ее реализация в Российской Федерации в 60-90-е гг. (на материалах юга России): дис. ... д-ра ист. наук. Краснодар, 2000; и др.

² «Об образовании». Закон РФ от 10.07.1992 N 3266-1 (ред. от 12.11.2012) // www.consultant.ru.

³ Караковский В. Тревоги российского образования // Народное образование. 2006. № 9. С. 30.

одну из подсистем культуры (как культуры в целом, так и в более узком смысле слова – духовной культуры) и... является фундаментом культуры»⁴.

Одной из ключевых в данном исследовании выступает фундаментальная философская категория «пространство», которая рассматривается в рамках дефиниции «образовательное пространство» и выступает как характеристика качественных изменений системы образования. Значимость термина «образовательное пространство» подчеркивается его использованием в ст. 2 Закона «Об образовании» при определении принципов государственной политики в области образования⁵. Анализируя факторы формирования нового образовательного пространства, определяя место и роль всех субъектов и степень влияния возрождения религии на образовательную сферу в период «перестройки», авторы обращались к разработке категории «образовательное пространство» в рамках социальной философии С. Черных, который определяет его как взаимодействие различных образовательных субъектов, находящихся между собой в определенных отношениях и осуществляющих образовательную практику с учетом специфики и возможностей каждого из субъектов в рамках сложившихся социальных, правовых, политических, экономических условий и посредством имеющихся в наличии образовательных технологий⁶.

Теоретическая позиция авторов данной статьи основана на понимании необходимости учета духовного фактора в изучении действительности. Авторы опирались на положения цивилизационного подхода, в соответствии с которым исследуемый в статье хронологический период оценивали как смену цивилизационной парадигмы, а также использовали методологические основы институционального подхода для того, чтобы выделить устойчивые социальные взаимодействия, проанализировать складывавшиеся практики, которые в дальнейшем институционализировались, что позволило теоретически обосновать и оценить глубину происходящих институциональных изменений и социальных трансформаций в изучаемом явлении.

В период «перестройки» началось формирование нового образовательного пространства, принципиально отличавшегося от советской образовательной среды и системы образования. В числе главнейших факторов начала его формирования выступали общественно-политические и экономические изменения, в том числе в отношении советской школы и в решении болезненного для СССР «религиозного вопроса». Политика в сфере образования в середине 1980-х годов была направлена на реформирование школы, продолжалась реализация запланированных в соответствии с «Основными направлениями реформы общеобразовательной школы» (1984 г.)⁷ мероприятий. Однако деятельность органов управления образованием, все более противоречивших складывающейся общественно-политической ситуации, командно-авторитарные методы проведения реформы не соответствовали происходившим в стране процессам демократизации и гласности. Крайне негативно на реформировании отрасли сказывалось отсутствие должного материального обеспечения. Значительным недостатком в сфере образования признавался формализм в работе школ, в связи с чем реформа была нацелена на «решительное преодоление застойных явлений, отживших методов, формализма и схоластики, начетничества и догматизма...»⁸, были расширены возможности учителей в выборе методов, форм и средств обучения. Уникальным явлением системы образования периода «перестройки» стало появление педагогов-новаторов, которые в своей деятельности вышли за пределы советских идеологических рамок, начали строить педагогическую работу в гуманитарной плоскости. Пропаганда и распространение их опыта (посредством публикации в «Учительской газете» статьи «Педагогика сотрудничества»⁹, которая оценивалась как программный документ; печатания в издательстве «Педагогика» в серии «Педагогический поиск: опыт, проблемы, находки» книг, посвященных опыту учителей-новаторов:

⁴ Смолин О.Н. Образование. Политика. Закон: Федеральное законодательство как фактор образовательной политики в современной России. М., 2010. С. 21.

⁵ «Об образовании». Закон РФ от 10.07.1992 N 3266-1 (ред. от 12.11.2012) // www.consultant.ru.

⁶ Черных С.И. Изменение образовательного пространства в информационную эпоху: социально-философский анализ: автореф. дис. ... д-ра филос. наук: Новосибирск, 2012. С. 16.

⁷ О реформе общеобразовательной и профессиональной школы: сборник документов и материалов. М., 1984.

⁸ Государственный архив РФ (далее – ГАРФ). Ф. Р-9563. Оп. 1. Д. 5360. Л. 3.

⁹ Учительская газета. 1986. 18 октября.

В.Ф. Шаталова, Е.П. Ильина, Ш.А. Амонашвили, С.Н. Лысенковой¹⁰, освещение опыта их работы в СМИ и др.) кардинально меняли в сознании общественности понимание роли школьного учителя. Опыт педагогов-новаторов использовался на местах, а сама идея осуществления образования с новых теоретических и методологических позиций позволила творчески мыслящим учителям различных городских и районных поселений СССР-РФ и по-новому подойти к своей работе. Э.Д. Днепров, занимавший в 1990-1992 годах пост министра образования, отмечал: «Многочисленные выступления прессы, знаменитые останкинские вечера педагогов-новаторов активно формировали в общественном сознании понимание первостепенной важности проблем образования, необходимости его всестороннего обновления»¹¹.

Реализуемые в системе образования мероприятия, запланированные в рамках школьной реформы 1984 года, не решали поставленных задач, да и сами задачи требовали корректировки в соответствии с реалиями изменявшейся жизни. Государство, обеспокоенное в период «перестройки» политическим и экономическим переустройством, ослабило внимание к образовательной сфере, однако общественность, напротив, проявляла к школе пристальное внимание. В числе причин, не позволивших достичь ожидаемых результатов в реформировании школы, ученые называют и то, что «социальная политика в области образования еще не отвечала общему состоянию общества. Концепция реформы народного образования была сориентирована на экстенсивные подходы ее решения, а общество уже жило идеями интенсификации, эффективности, демократизации, гуманизации»¹². Школа «оказалась неготовой к восприятию идей перестройки и пока остается самой консервативной, политически отсталой и материально неимущей отраслью, которой владеет остаточный принцип»¹³. Февральский (1988 г.) Пленум ЦК КПСС признал несостоятельность проведенных образовательных мероприятий. В декабре 1988 года состоялся Всесоюзный съезд работников народного образования, провозгласивший коренную перестройку школы главной задачей и потребностью общества. Путь реформирования школы был определен на съезде как переход к качественно новому образованию через гуманизацию и демократизацию.

В конце 1980-х годов государство и школа, как субъекты образовательного пространства, вступали в совершенно новые для существовавшей системы образования взаимоотношения. Так, партийно-государственные структуры, определявшие политику в области образования на основе коммунистической идеологии и классовых с приоритетом пролетарских социалистических ценностей, во время «перестроечных» изменений ослабили свое влияние, поощрив демократические тенденции в организации учебно-воспитательной работы, а школа начала выступать в качестве субъекта, активно влиявшего на построение образовательного процесса. Ставшая более свободной в выборе форм и методов работы и выступавшая теперь не только как учреждение образования, строго выполнявшее указания «сверху», школа делалась социальным институтом, реагировавшим на изменения в обществе. Способствовало таким преобразованиям появление у учителей, как наиболее социально активных представителей интеллигенции, возможности реализации собственной творческой инициативы в процессе образовательной деятельности в соответствии с общечеловеческими, а не классовыми ценностями, привлекавшими учащихся своих новизной.

Еще одним субъектом формировавшегося нового образовательного пространства становилось общество, «вооруженное» принципиально новым знанием об истории и культуре советской эпохи, знанием, которое носило в основном разоблачительный по отношению к советскому периоду и социалистическим ценностям характер и влекло крушение идеалов в сознании людей и мировоззренческий вакуум. Происходило совершенно новое для советской системы образования явление: на школу, организацию образовательного и воспитательного процесса, наполнение содержания учебных дисциплин огромное влияние (безусловно, не всегда положительное) начало оказывать общество, его интересы, потреб-

¹⁰ ГАРФ. Ф. Р-9563. Оп. 1. Д. 5076. Л. 50.

¹¹ Днепров Э.Д. Современная школьная реформа в России. М., 1998. С. 58.

¹² Кораблева Г.В. Школьная политика и ее осуществление в Российской Федерации в 1970-1980-е гг.: опыт, уроки (на материалах Уральского региона): дис. ... д-ра ист. наук. Оренбург, 2001. С. 66.

¹³ 50/50: Опыт словаря нового мышления / под общ. ред. М. Ферро и Ю. Афанасьева. М., 1989. С. 162.

ности. Резкая критика идеологических постулатов социализма, несоответствие изучаемых обществоведческих дисциплин реалиям жизни, публикация в средствах массовой информации разоблачительных материалов о фальсификации истории, кризис в международной сфере, возрождение религии волновали общество и становились предметом дискуссий в педагогических и родительских кругах, обсуждались с учащимися.

Русская Православная церковь на этапе перехода от СССР к России становилась еще одним – новым для советской истории, но исторически (применительно к царской России) обусловленным субъектом образовательного пространства. Культурная, просветительская деятельность Церкви, оказавшейся в благоприятных общественно-политических условиях, изменившиеся государственно-церковные отношения, демократизация образовательной сферы привели к тому, что Церковь смогла участвовать в воспитании подрастающего поколения.

Кардинальные преобразования в религиозной сфере начались в юбилейном для Русской Православной церкви 1988 году. Совокупность факторов стала причиной изменения отношения государственной власти к религиозным организациям. В их числе демократические преобразования в обществе, давшие свободу действий разнообразным организациям и свободу слова людям, стоявшим на различных мировоззренческих позициях; ослабление цензуры и открытие «железного занавеса»; обрушившийся на простых жителей огромный поток негативной информации о советской истории, с одной стороны, дискредитировавшей в глазах граждан социалистический строй, с другой – вызывавшей ностальгию о дореволюционном времени, которое ассоциировалось с активной деятельностью Русской православной церкви. Институт Церкви начинал пользоваться все большим авторитетом среди населения. Историк Ю.В. Гераськин одной из важных причин пересмотра отношения власти и общества к религии называл начавшиеся перемены в общественном сознании, считая, что это во многом было обусловлено усилиями интеллигенции¹⁴.

В конце 1980-х годов в стране существенно увеличилось количество верующих, в том числе и лиц молодого возраста, повысилась роль молодежи в деятельности религиозных организаций. Так, только в 1988 году в Русской Православной церкви приняли обряд крещения 1175878 человек, что составило 21% от числа всех родившихся, среди принявших обряд крещения около 52 тысяч школьников и более 48 тысяч совершеннолетних молодых людей; более 42 тысяч новобрачных совершили бракосочетание по религиозному обряду венчания. Омолаживался состав священнослужителей: 3,5 тысячи служителей культа, что составляло 30% от числа всех священнослужителей Церкви, – лица в возрасте до 40 лет¹⁵.

Безусловно, нельзя не признать тот факт, что для значительной части молодежи, идентифицирующей себя с Православием, религиозная принадлежность в тот период могла быть охарактеризована как религиозность культурная¹⁶. Для многих молодых людей участие в церковных таинствах (венчание, крещение и др.) было не более чем модным и красивым обрядом, который в конце 1980-х годов для многих становился синонимом образованности и интеллигентности. По мнению академика Д.С. Лихачева, в период «перестройки» «многие ходили в церковь из чувства протеста против официальной лжи», не включаясь в церковную жизнь общины, «и в этом тоже был элемент лжи. Христианство требует не одного христианского мировоззрения, а действий. Без действий вера мертва. А действий-то и не было»¹⁷. Священнослужители по этому поводу замечали, что пришедших в храмы на рубеже 1980-1990-х годов значительное число людей нельзя назвать верующи-

¹⁴ Гераськин Ю.В. Взаимоотношения Русской Православной церкви, общества и власти в конце 1930-х – 1991 гг. (на материалах областей Центральной России): дис. ... д-ра ист. наук. Рязань, 2008.

¹⁵ Данная информация с пометкой «Для служебного пользования» была подготовлена заведующей юридическим отделом Совета по делам религий при Совете Министров СССР Т.К. Белокобыльской и представлена 11.09.1989 в справке «К вопросу "Церковь и молодежь"». См.: ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 3887. Л. 220-225.

¹⁶ Понятие культурной религиозности предполагает, что человек объявляет себя принадлежащим к определенной религиозной традиции, хотя, возможно, и не разделяет ее верования, не участвует в обрядах и не входит в религиозную общину. См.: Филатов С.Б., Лункин Р.Н. Статистика российской религиозности: магия цифр и неоднозначная реальность // Социологические исследования. 2005. № 6. С. 36.

¹⁷ Лихачев Д.С. Предварительные итоги тысячелетнего опыта // Огонек. 1988. № 10. С. 12.

ми, но можно охарактеризовать как интересующихся жизнью Церкви¹⁸. Авторы данной статьи не ставят своей целью выявление причин сохранения и возрождения религиозности населения в период перехода от СССР к России и опираются в своем исследовании на выводы О.Е. Казьминой о том, что «определенная религиозность в советский период сохранялась, однако в результате советской антирелигиозной политики не мог не измениться ее характер» и «сохранение у части населения в советский период скрытой, латентной формы религиозности способствовало этому религиозному подъему»¹⁹.

Во второй половине 1980-х годов в обществе возрастал интерес населения к истории и культуре Православия: в вузах, клубах, домах культуры организовывались лекционные курсы по отдельным вопросам христианского вероучения, по истории Церкви, проводились многочисленные конференции, собрания, вечера памяти православных деятелей, устраивались концерты церковной музыки, выставки икон, появлялись новые печатные издания религиозной тематики, по телевидению транслировались фрагменты богослужений, интервью со священнослужителями и др.²⁰ На рубеже 1980-1990-х годов все чаще по решению трудовых коллективов или общественности проводились богослужения или религиозные церемонии, совмещаемые с общественными мероприятиями при участии представителей органов власти или должностных лиц²¹.

В результате изменения государственно-церковных отношений и демократизации образовательной сферы Церковь во второй половине 1980-х годов изменила свою роль и статус в обществе. Празднование 1000-летия Крещения Руси на государственном уровне, начало ее активного участия в благотворительной, культурной жизни страны, внимание СМИ к священнослужителям, избрание священнослужителей депутатами в различных представительских органах²², рост религиозности населения, в том числе и молодежи, усиление интереса жителей к религиозной истории и культуре сделали востребованной просветительскую работу Церкви среди различных категорий граждан. Митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим в своей депутатской программе в 1989 году отмечал: «Гласность затопила нас негативной информацией. Этот этап жизни общества необходим и закономерен, но на его основе нельзя строить. Для восстановления и созидания нужен позитивный потенциал. Настало время собирать и распространять положительный опыт, накопленный нашим народом»²³. Церковь и явилась тем позитивным потенциалом, который на фоне огромного количества негативной разоблачительной по отношению к советскому периоду истории информации транслировал положительные, жизнеутверждающие, дающие людям надежду на лучшее будущее материалы.

Церковь первой официально предложила начать обучение детей религии. Так, 17 июня 1988 года в пресс-центре Министерства иностранных дел состоялась заключительная пресс-конференция в рамках проведения торжеств в честь 1000-летия христиан-

¹⁸ Лоргус Андрей, диакон. Встреча Святейшего Патриарха Алексия II с московским духовенством // Журнал Московской Патриархии. 1990. № 9. С. 10.

¹⁹ Казьмина О.Е. Русская Православная церковь и новая религиозная ситуация в современной России (этноконфессиональная составляющая проблемы): дис. ... д-ра ист. наук. М., 2007. С. 60, 63.

²⁰ Полищук Е. Церковь и интеллигенция: к истории диалога // Журнал Московской Патриархии. 1991. № 4. С. 25.

²¹ Заявление Поместного Собора Русской Православной церкви в связи с публикацией проекта Закона СССР «О свободе совести и религиозных организациях» // Там же. 1990. № 9. С. 10.

²² В 1988 году Верховным Советом СССР был принят Закон о выборах, в соответствии с которым кандидатом в народные депутаты от общественной организации мог быть выдвинут любой ее член, включая и религиозных деятелей (ст. 39). В 1989 году народными депутатами СССР от общественных организаций были избраны 7 религиозных деятелей: Патриарх Московский и всея Руси Пимен, митрополит Ленинградский и Новгородский Алексий, митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим, священник Петр Бубуруз, Верховный патриарх и католикос всех армян Вазген I, председатель духовного управления мусульман Средней Азии и Казахстана муфтий Мамаюсупов Мухаммад-Садук и председатель духовного управления мусульман Закавказья муфтий Шейх-уль-ислам Аллах-шукюр Паша-заде Гуммат оглы. В целом по стране в советы народных депутатов республиканских, областных и местных советов было избрано свыше трехсот религиозных деятелей (см.: Словарь религии и народов современной России. М.: Республика, 1999. С. 85). В 1990 году около 200 священнослужителей были избраны депутатами в различных представительских органах (см.: Приветствие председателя Совета по делам религий при Совете Министров СССР Ю.Н. Христоряднова // Там же. 1990. № 9. С. 14).

²³ Народные депутаты СССР. Митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим // Журнал Московской Патриархии. 1989. № 7. С. 10.

ства, на которой впервые после многолетних запретов социальной деятельности Русской православной церкви была выдвинута инициатива организовать обучение детей религии²⁴. Определением Священного Синода от 20 марта 1990 года была образована Комиссия Священного Синода по возрождению религиозно-нравственного воспитания и благотворительности. Причины, побудившие Церковь обратиться к государству с просьбой разрешить преподавание религии в светских учебных заведениях, были различны. Патриарх Алексей II охарактеризовал это как желание служения своему народу, реализацию Церковью своих «нравственных обязательств, долг нашей совести и веры»²⁵. Летом 1990 года в Комиссии Верховного Совета по делам свободы совести прошли дискуссии, связанные с предложением Церкви организовать в светских учебных заведениях преподавание религии²⁶. Высказанное Патриархом Алексием II предложение организовать преподавание религиозных дисциплин в общеобразовательных школах, обоснованное тем, что в правовом государстве верующие должны иметь возможность хотя бы факультативно, вне учебной программы, знакомить детей с основами вероучения, встретило на сессии Верховного Совета СССР сопротивление части депутатов²⁷.

Общество, реагирующее на новое знание, с меняющимися экономическими, политическими, культурными отношениями, начало высказывать собственные образовательные интересы и потребности, в которые входило и изучение религиозной истории и культуры. Преподавание религии связывали с надеждой на то, что знание нравственных основ религии позволит исправить ситуацию в обществе и заполнит моральный идейный вакуум, возродит духовность. В советском обществе во второй половине 1980-х годов после продолжительного периода атеистической идеологии и связанного с ней уничтожения православной культуры в обществе начало доминировать представление о том, что сохранение культуры, духовности, морали без нравственных религиозных ценностей невозможно.

Русская Православная церковь активно включилась в работу по оздоровлению нравственного климата в стране. Архиепископ Смоленский и Калининградский Кирилл, нынешний Патриарх Московский и всея Руси, в 1990 году в статье «Церковь в отношении к обществу в условиях перестройки» писал, что в обществе «признается тот факт, что религиозные убеждения несут в себе мотивацию личной и общественной морали, помогают укреплению межнациональных отношений, семейных уз, добросовестному труду, преодолению пьянства и преступности»²⁸. Архиепископ Дмитровский Александр отмечал: «В наше время в широких кругах общественности растет понимание благотворности влияния церковного учительства на нравственный климат в стране. Помимо традиционной храмовой проповеди, создаются новые, или лучше сказать, забытые старые, формы такого учительства в виде внебогослужебных катехизических собеседований при храме, приходских воскресных школ для взрослых и детей, чтения лекций и других выступлений священнослужителей перед учащимися общеобразовательных школ...»²⁹.

Таким образом, в период «перестройки» началось формирование нового образовательного пространства, субъектами которого стали государство, школа, общество и Церковь. Отличия складывавшегося образовательного пространства проявлялись как в появлении нового субъекта (Русская Православная церковь), так и в качественных изменениях роли традиционных участников (государство, школа, общество). Так, изменение государственной политики, общественно-политические и экономические трансформации, упразднение тотального контроля в духовной сфере, ослабление давления на личность изменили роль государства в определении направления и контроле деятельности школ, которые становились активным субъектом нового образовательного пространства. Учителя, освобожденные от жестких идеологических рамок, «наполненные» новыми знаниями об истории страны, о Православии как факторе, формировавшем российскую

²⁴ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 3668. Л. 86.

²⁵ Выступление Патриарха Алексия на заседании Верховного Совета СССР // Там же. 1991. № 1. С. 56.

²⁶ Там же.

²⁷ Служения Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II // Там же. С. 13.

²⁸ Кирилл, архиепископ. Церковь в отношении к обществу в условиях перестройки // Там же. 1990.

№ 2. С. 33.

²⁹ Александр, архиепископ. О подготовке кадров священно- и церковнослужителей Русской Православной церкви // Там же. 1990. № 2. С. 41.

государственность и культуру, становились в обществе ретрансляторами новой информации. В условиях формирования нового образовательного пространства менялось значение общества: «вооруженное» новым, менявшимся мировоззрением, знанием, почувствовавшее начало вступления СССР в мировую информационную, культурную, научную, экономическую сферы, оно начало высказывать свои образовательные запросы. В обществе зазвучали высказывания о том, что школьное образование нуждается в обращении к ценностям религиозной культуры.

Именно в процессе «перестройки» началось решение в СССР «религиозного вопроса». Изменение государственно-церковных отношений, празднование на государственном уровне 1000-летия Крещения Руси, отказ от атеистической пропаганды, рост религиозности населения, в том числе и молодежи, повышали интерес общества к истории и культуре Православия. Социальная деятельность Русской православной церкви на фоне разоблачительных материалов о советском периоде истории способствовала росту ее авторитета среди населения. В этих условиях Церковь становилась субъектом нового образовательного пространства, безусловно, в значительно меньшей степени влиявшим на его организацию по сравнению с государством и школой, но тем не менее заявившим и себе и участвовавшим в его формировании.

Складывавшиеся в период смены цивилизационной парадигмы практики взаимодействия субъектов нового образовательного пространства – государства, школы, общества и Церкви – начинали формировать относительно устойчивые социальные взаимодействия, что создавало перспективы для их институализации.

THE FORMATION OF A NEW EDUCATIONAL SPACE AND THE «RELIGIOUS ISSUE» IN THE PERIOD OF «PERESTROIKA»

**O.V. PIGOREVA
Z. DR. ILYINA**

*Kursk state agricultural academy
named after
Professor I.I. Ivanov*

e-mail: ovlebedeva117@yandex.ru

The article considers the process of formation of a new educational space in the period of «perestroika», identifies the actors who took part in its organization, investigates the conditions that allowed the Russian Orthodox Church to take the initiative in the organization of the study of religion by schoolchildren. In the context of socio-political and economic transformations, change of Church-state relations the conduct of the school reform and changing of the role of teachers in the organization of teaching and educational work are investigated. Development of educational needs in society is investigated.

Key words: new educational space, «perestroika», the subjects of educational space, religion, state, school, society, the Russian Orthodox Church.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ

УДК 321.7

ДЕЛИБЕРАТИВНАЯ ДЕМОКРАТИЯ, ДИАЛОГ И ИХ МЕСТО В КОНСТЕЛЛЯЦИИ ДИСКУРСА ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ

А.В. ЗАЙЦЕВ*Костромской государственной
университет им. Н.А. Некрасова**e-mail:**aleksandr-kostroma@mail.ru*

В статье рассказывается о появлении и развитии концепта делиберативной демократии и делиберативной политики, раскрывается место и роль общественного диалога в делиберативной и либеральной моделях демократии. Автор показывает различие в понимании публичной политики сторонниками либеральной и делиберативной демократии на основе анализа текстов С. Бенхабиб и других западноевропейских политических мыслителей.

Ключевые слова: диалог, дискурс, публичная сфера, публичная политика, делиберативная демократия, делиберативная политика, либерализм.

Несмотря на то, что дискурс публичной политики (публичной сферы) в постсоветской России уже имеет относительно длительную историю существования и она сама нередко становится предметом политологической рефлексии¹, но среди констелляции смыслов этого концепта один из них до сих пор еще слабо артикулирован и не подвергнут процедуре демаркации с близкими, но, тем не менее, различными эссенциальными модусами публичной политики.

Еще Ю. Хабермас, много писавший о публичной сфере, в то же время значительное внимание уделял делиберативной политике (демократии). Однако именно у этого немецкого философа произошло фактическое слияние и отождествление двух отнюдь не синонимичных понятий: дискурса и делиберации. Более того делиберативную модель демократии зачастую стали именовать дискурсивной демократией.

Именно так делают В.В. Посконин и О.В. Посконина, которые рассматривают «основные аспекты концепции делиберативной (дискурсивной) демократии»² Ю. Хабермаса и считают, что дискурсивно достигаемое взаимопонимание и есть процесс делиберации. Но ведь это – что мы хотим особо подчеркнуть – отнюдь не одно и то же. Тем более, что Ю. Хабермас, хотя и авторитетный, но далеко не единственный сторонник тео-

¹ См. напр.: Беляева Н.Ю. Публичная политика в России: теория и практика. Формирование научных школ // Публичная политика в современной России: субъекты и институты. М., 2006. С.7-26; Гадьшев А.С. Современные подходы к определению публичной политики // Гуманитарный вектор. 2010. №3 (27). С. 132- 134.

² Посконин В.В., Посконина О.В. Значимость понятия «дискурс» в модели делиберативной демократии // Вестник Удмуртского университета. Сер. «Правоведение». 2007. №6. С. 41.

рии делиберативной демократии и делиберативной политики. И даже истолкование рядом отечественных авторов дискурса – этого ключевого понятия теории Ю. Хабермаса – как диалога³, все равно не превращают ни сам дискурс, ни диалог в аналог делиберации.

В нашу задачу не входит разбор лингвополитологической полисемии концепта дискурс. Мы лишь пока только выдвинем исходный тезис, который попытаемся обосновать и доказать чуть ниже: делиберация предполагает дискурс, но далеко не каждый (политический) дискурс есть делиберация. К примеру, монологический дискурс. Точно также не каждый диалогический дискурс делиберативен по своему существу (к примеру, диалог-унисон, агональный диалог конфликтного типа, парадialog, то есть псевдодиалог и т.д.).

Далеко не всегда делиберативны такие разновидности политического дискурса, как властный дискурс (дискурс власти), пропагандистский (агитационный) дискурс, «черный» («грязный») PR-дискурс, дискурс власти и оппозиции, митинговый дискурс, газетный дискурс и т.д. Хотя при этом все из них протекают в лоне публичной политики, но в тоже время выступают в значительной степени как манипулятивные коммуникативные технологии. Смысл и предназначение этих политических коммуникаций кроется не в делиберации, а в субъект-объектном воздействии адресанта на адресат. Делиберация же – по крайней мере, нормативно – это паритетное субъект-субъектное взаимодействие и сотрудничество. Но не только.

Латинское понятие «*deliberation*» пришло к нам из словаря римского права и означает «размышлять», «советоваться», «взвешивать за и против», «проводить консультации». Так, римскому поэту Публию Сиру (I век до н.э.) приписывается такой правовой принцип «*Deliberandum est diu quod statuendum est semel*». Его дословный перевод: «Над тем, что предполагается учредить на очень долгий срок, почти навсегда, положено размышлять так же очень долго». По смыслу сюда ближе всего подходит известная русская поговорка «Семь раз отмерь, один – отрежь», то есть перед тем как совершить какое-либо действие, необходимо размышление о процедуре его осуществления и возможных последствиях.

В 1774 году в своей знаменитой речи перед избирателями Эдмунд Берк в Бристолле назвал британский парламент совещательным органом (*deliberative assembly*) нации: «Парламент – не съезд (*congress*) послов от различных и враждебных держав, интересы которых они обязаны защищать; парламент – это совещательный орган нации с едиными интересами, где руководить должны не местные проблемы и местные предрассудки, а общее благополучие страны, исходящее из общего разума народа»⁴.

В современном англо-американском употреблении термин делиберация этимологически основывается на латинском слове *deliberare*, что означает взвешивать (в идейном смысле), размышлять, совещаться или внимать совету. В английском языке слово делиберация (*deliberation*) понимается также еще и как обсуждения или дискуссии. Делиберация – это «акт размышлений, взвешивания и изучения причин за и против выбора», это «тщательные обсуждения и экспертиза», осмотрительность и осторожность в процессе выбора наиболее приемлемого и эффективного решения⁵. Слово «*Deliberation*» очень часто переводится на русский язык как «взвешивание ~ дискуссия ~ медлительность; неторопливость»⁶.

«Понимание делиберации как обсуждения и совещания в процессе принятия решений означает новый взгляд на репрезентативно-парламентскую демократию, которая на институциональном уровне предполагает в своем роде лишь один орган, реализующий функцию политического обсуждения и консультации исполнительной власти – парламент и его комитеты, – утверждает И.А. Шкурихин. – Кроме того, совещательные функции могут исполнять также коллективные и индивидуальные эксперты, государ-

³ Дука А.В. Политический дискурс оппозиции в современной России // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. Вып. 1. С.94-95; Русакова О.Ф., Русаков В.М. PR и дискурс: теоретико-методологический анализ. Екатеринбург, 2007. С. 54; Тимофеева Л.Н. Власть и оппозиция в России: проблемы политического дискурса (К «совершеннолетию» российской оппозиции) // Власть. 2007. № 4. С.3.

⁴ Edmund Burke, Speech to the Electors of Bristol. 3 Nov. 1774 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://press-pubs.uchicago.edu/founders/documents/v1ch13s7.html>

⁵ Deliberation [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://en.wiktionary.org/wiki/deliberation>

⁶ Перевод слова *deliberation* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dic.your-english.ru/word/deliberation>

ственные и частные институты и фонды. Данный процесс можно трактовать как постепенную рационализацию государства, сопровождаемую де-бюрократизацией и расширением участников принятия политических решений за рамки исключительно партийно-политических институтов»⁷.

Предшественником теории делиберативной демократии можно считать Дж. Дьюи (хотя термин «делиберативная демократия» в это время еще не употреблялся), который называет «всеобщее голосование, правление большинства и т.д.» «рудиментарными формами демократии». С его точки зрения, демократия предполагает «дискуссию и публичность». Не отрицая значимости электоральных и других формально демократических процедур, Дж. Дьюи полагает, «что подсчету голосов всегда должны предшествовать методы дискуссии, консультации, убеждения». С этой точки зрения Дж. Дьюи определил «главную задачу общества», или же его наиболее «наущную проблему». Она, по его мнению, состоит в «совершенствовании методов и условий проведения дебатов, обсуждении вопросов и убеждении граждан». При этом, с точки зрения этого английского философа, необходимо живое общение, непосредственное общение «лицом к лицу» в ходе прямых трансакций», что «выражается исконным значением слова «диалог»⁸.

Примерно в то же самое время, что и Дж. Дьюи в Англии, Вудро Вильсон, будущий 28-й президент США (избран в 1913 году), высказывал весьма схожие мысли. Делиберативный процесс, который он называл общественным совещанием («common counsel»), не сводится к голосованию и механическому суммированию предпочтений. «Общественное совещание – писал В. Вильсон, – это не сумма слагаемых, не пересчет голосов. Оно состоит из множества точек зрения, находящихся в непосредственном контакте, это живая сущность, рожденная жизненной субстанцией многих умов, многих личностей, многих знаний; оно может формироваться только в процессе живого обмена мнениями, личных дебатов, из уст в уста, путем столкновения умов»⁹.

К сожалению, до сих пор в научной литературе отсутствует даже элементарная история возникновения и развития делиберативных взглядов и времени появления термина делиберация в политологическом тезаурусе. К примеру, Н.А. Бусова (философ из Украины), в статье, опубликованной в журнале «Вопросы философии» со ссылкой на Дж. Коэна, отмечает, что это понятие впервые было использовано в 1985 году К. Санстейном¹⁰. Д.В. Углов пальму первенства введения в политологический оборот термина «делиберация» отдает немецкому философу Ю. Хабермасу и американскому ученому Ф. Майклману¹¹.

В действительности же это произошло несколько раньше. К тому же «первооткрывателем» термина «делиберативная демократия» стал вовсе не Ю. Хабермас, не К. Сайнстейн и не Ф. Малкман, а Джозеф М. Бессет. Зарубежные авторы это событие относят к 1980 году.¹² Эту же дату повторяет, Б.З. Докторов¹³, Н.В. Ляхович-Петракова¹⁴ и др. Сам же Бессет говорит о том, что термин «делиберация» в его трудах появился двумя годами раньше, то есть в 1978 году во времена защиты им диссертации на тему «Делиберативный процесс в Конгрессе»¹⁵. Ну а интерес к делиберативному процессу и делиберативной демократии возник у Бессета еще раньше, в 1970-е годы, когда он еще только был

⁷ Шкурихин И.А. Делиберация как норма парламентской демократии // Вестник Пермского университета. Политология. № 2. 2012. С. 21.

⁸ Дьюи Дж. Общество и его проблемы. М., 2002. С. 150, 151, 158.

⁹ Wilson W. Constitutional Government in the United States. New York, 1966. P. 104-105.

¹⁰ Бусова Н.А. Делиберативная модель демократии и политика интересов // Вопросы философии. 2002. № 5. С. 53.

¹¹ Углов Д. В. Тенденции делиберативной политики в теории справедливости Д. Ролза // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. «Философия». 2009. №2. С. 227-236.

¹² Deliberative Democracy [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://en.wikipedia.org/wiki/Deliberative_democracy
¹³ Докторов Б.З. Реклама и опросы общественного мнения в США: История зарождения. Судьбы творцов. М., 2008. С. 538.

¹⁴ Ляхович-Петракова Н.В. Идеи делиберативной демократии как концептуальная база общественной экспертизы в оценке публичной политики // Вучонья записки Брестскага ўніверсітэта. Частка 1. Гуманітарныя і грамадскія навукі. 2011. №7. С.2.

¹⁵ См.: Joseph M. Bessette. Deliberation in Congress: A Preliminary Investigation. Ph.D. dissertation. University of Chicago, June 1978.

аспирантом Чикагского университета в США¹⁶. А вот в 1980 году действительно вышла в свет книга Бессета под названием «Совещательная демократия: принцип большинства в республиканском правительстве» (*Deliberative Democracy: The Majority Principle in Republican Government*), вслед за ней появилась книга «Тихий голос разума. Делиберативная демократия и американская система государственной власти» (изданная в русском переводе лишь в 2011 году), после чего термин «делиберативная демократия» получил достаточно широкое распространение.

Оспаривая доминирующую в современной политической науке практику рассмотрения политического процесса как результата сговора для реализации узкокорпоративных интересов, Бессет доказывает, что делиберативные процедуры были и остаются одним из важнейших инструментов осуществления власти. При этом, в отличие от Ю. Хабермаса, делиберативный процесс Джозеф М. Бессет рассматривает крайне прагматично и даже утилитаристски. Для него делиберация заключается в дискурсивном обнаружении общественной пользы и общественного блага. «В общепринятом и традиционном понимании делиберативный процесс – логическое рассуждение, – пишет он в своей книге, – когда участники тщательно рассматривают независимую информацию и доводы, а затем стремятся самостоятельно определить то, что составляет надлежащую государственную политику и стараются убедить в этом друг друга»¹⁷.

При этом Джозеф М. Бессет четко разводит понятия политического дискурса и политического делиберативного процесса. «При определении делиберативного процесса важно пояснить, чем он не является, поскольку политический дискурс – это не просто любое рассуждение в ходе политического процесса, – пишет Бессет – ...политический делиберативный процесс предусматривает рассуждение о существенных преимуществах государственной политики, рассуждение об *общественном* благе – благе, являющемся внешним для тех, кто принимает решение»¹⁸. Делиберативный процесс может принимать различные формы. К примеру, «это может быть открытая публичная дискуссия», «прямые диспуты», но это может быть и «обмен мнениями за закрытыми дверями». При этом ни одна из разновидностей делиберативного процесса не может обходиться «без трех элементов: информации, аргументации, убеждения»¹⁹.

Джозеф М. Бессет и Юрген Хабермас – это наиболее известные, но вовсе не единственные в своем роде представители теории делиберативной теории демократии и делиберативной политики. Значительный вклад в их разработку и обоснование внесли Джон Эльтер, Сейла Бенхабиб, Джеймс Фишкин, Джошуа Коэн, Джон Ролз, Джон Драйзек, Деннис Томпсон, Роберт Б. Талиссе и другие. В соответствии с этим, существуют различные подходы и определения делиберативной демократии и делиберативной политики. Так, к примеру, Дж. Фишкин, в качестве их фундамента рассматривает различные формы совещательных опросов. Раймер Шульце акцентирует внимание на их нормативном характере: «Делиберативная демократия – это нормативная демократическая модель, основывающаяся на доказательной силе систематических рассуждений и выводов в общественных дебатах, а также коммуникативные действия граждан, ориентированные на взаимопонимание (договоренность)»²⁰. «Делиберативная демократия или делиберативная политика (англ. *Deliberate* – совместно обсуждать), – считает Д.В.Углов, – представляет собой такую модель общественного устройства, при которой формирование общественного мнения и политической воли в публичной сфере и парламенте страны подчиняется не структуре рыночных процессов или навязанной идеологии, но самобытной инициативе социальной коммуникации граждан, ориентированной на достижение взаимопонимания и защиту собственных интересов»²¹.

Джон Драйзек, разрабатывая теорию делиберативной демократии, обращается прежде всего к критике либеральной трактовки демократии, считая данную модель фор-

¹⁶ Джозеф М. Бессет. Делиберативная демократия и американская система государственной власти. М., 2011. С. 5, 6, 11.

¹⁷ Там же. С. 72.

¹⁸ Там же. С. 75.

¹⁹ Там же. С. 76.

²⁰ Schultze R. *Deliberative Demokratie* // *Lexikon der Politikwissenschaft, Theorien, Methoden, Begriffe*. Band I. München, 2002. S. 119.

²¹ Углов Д. В. Указ. соч. С. 232.

мой простой агрегации (соединения) политических интересов. С его точки зрения, одной из фундаментальных проблем демократизации является вовлечение граждан в процесс управления. Как отмечает Дж. Драйзек, «демократизация, по большому счету, это вопрос возрастающего включения различных групп и категорий граждан в политическую жизнь»²². Он утверждает, что его анализ истории демократизации показал, что «требование большей демократии почти всегда возникают у оппозиционного гражданского общества, редко и почти никогда у государства»²³. Поэтому Дж. Драйзек концентрирует внимание преимущественно на политических организациях гражданского общества (а не на многочисленных свободных ассоциациях граждан), доказывая, что именно данные организации могут вносить наибольший вклад в обеспечение политического диалога (democratic deliberation) и укрепление демократических основ общества, прежде всего благодаря поддержанию их независимости от государства и способности стимулировать политическую дискуссию.

Данное обстоятельство предполагает необходимость соответствующей переориентации этих организаций, преодоления односторонности, связанной с выполнением функций поддержания политической власти и оказания влияния на результаты выборов. Из этой идеи Дж. Драйзек выводит аргументы в пользу обоснования роли гражданского общества «в продвижении транснациональной демократии с опорой на сеть подобных организаций, функционирующих по типу международных экологических организаций и политических структур подобного типа»²⁴.

С нашей точки зрения, делиберативный процесс хотя и отличается от политического дискурса, но очень близок к конструктивным формам общественного (публичного) диалога. На данное обстоятельство обращает внимание С. Бенхабиб. По мнению этой последовательницы Ю. Хабермаса, делиберативные процедуры и публичный диалог способствуют укреплению и легитимации политической власти. Демократию она определяет как «модель организации коллективного и публичного осуществления власти посредством основных институтов общества на основе соблюдения принципа, что решения, затрагивающие благосостояние общества, следует рассматривать как результат процедуры незатратного и обоснованного обсуждения среди морально и политически равных лиц»²⁵.

По Бенхабиб, совещательная модель демократии предполагает, что процесс принятия решений требует свободного и разумного публичного торга и процедуры общественного обсуждения среди всех социальных субъектов. С. Бенхабиб полагает, что это приведет к увеличению легитимности как политического режима, так и принимаемых решений, поскольку они проистекают из свободных дискуссий между конкурирующими группами. Для реализации принципов делиберативной демократии, все участники публичного диалога должны иметь одинаковые возможности участвовать в этом процессе, который регулируется нормами равенства и симметрии. Во-вторых, все люди имеют «право на сомнение о заданной теме разговора». В-третьих, все «имеют право инициировать рефлексивные рассуждения о самих правилах дискурса, порядках и способах, которые применяются или осуществляются»²⁶. С. Бенхабиб также подчеркивает, что в таких вопросах, как экологические проблемы процесс переговоров не должен быть ограничен членами нации-государства, а должен включать людей из разных стран, которые будут затронуты этим решением. Она признает, что при построении своей модели демократии, она была вдохновлена другими теориями. И не только Ю. Хабермасом, но, также теорией политического действия Ханны Арндт, моделью сильной демократии Бенджамина Барбера, а также различными пост-структуральными теориями, разработанными Уильямом Коннолли, Шанталей Муфф и Эрнесто Лакло.

С точки зрения С. Бенхабиб, существует несколько причин для обсуждения наилучшей модели демократического устройства. Во-первых, ни один человек или груп-

²² Dryzek J. Political Inclusion and the Dynamics of Democratization // The American Political Science Review. Vol. 90. No.3 (Sep., 1996). P. 475.

²³ Ibid. P. 476.

²⁴ Лукин В.Н. Альтернативные модели демократии в политических системах глобального мира: концепция делиберативной демократии Д. Драйзека [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://tomb-raider6.narod.ru/lib/mm/molodjzh-budushee_civilizacii/alternativnye_modeli_demokratii_v.html

²⁵ Benhabib S. Toward a Deliberative Model of Democratic Legitimacy // Democracy and Difference. Princeton. 1996. P. 68.

²⁶ Ibid. P. 70.

па не может «предвидеть все разнообразие точек зрения по вопросам этики и политики, которые будут восприниматься разными людьми»²⁷. Во-вторых, ни один человек или группа не может обладать всей полнотой информации, необходимой для того, чтобы сделать наиболее удачный рациональный выбор. Она также считает, что делиберативная модель демократии является процедуралистской, поскольку опирается на «определенные институциональные процедуры и практики для достижения решения по вопросам, которые были бы обязательными всех»²⁸. При этом она считает, что в обществе обязательно должен сохраниться плюрализм, с помощью которого можно избежать возникновения единого политического, морального или религиозного кода социума. Ведь в делиберативной демократии конфликтующие интересы, конкуренция и взаимное сотрудничество, взаимодействие, поиск консенсуса и компромисса играют весьма важную роль. Кроме того, данная модель демократии и политики сохраняет множество иных способов объединения граждан, принимая во внимание все типы существующих групп социума, в том числе политические партии, общественные движения, добровольные организации и организации гражданского общества и т.д.

Полемизируя с либералом Брюсом Аккерманом по поводу понимания существа публичного диалога, С. Бенхабиб отмечает, что ее оппонент «понимает либерализм как способ обсуждения власти, как политическую культуру *общественного диалога*, основанного на определенных видах *разговорных ограничений (условий, требований)*»²⁹. Наиболее значительное дискурсивное ограничение в либерализме – это объективность (беспристрастность, нейтралитет). Либеральная модель демократии рассматривает политические отношения слишком узко, сводя их к чисто юридическим проблемам и процедурам, в которых главным принципом выступает нейтральность в рассмотрении любых вопросов.

С точки зрения либерализма, для обеспечения эффективного функционирования публичной сферы необходимо, чтобы публичный диалог строился на принципе нейтральности аргументов, на речевой сдержанности, то есть, фактически, на беспристрастности³⁰. Сторонники либерализма настаивают на «процедурном критерии практического дискурса»³¹, суть которого состоит в том, что «протекание политического диалога можно заключить в довольно жесткие рамки», в то время как делиберативный, то есть «коммуникативный подход отказывается от таких притязаний»³². Согласно модели либерального диалога, публичное пространство должно быть нейтральным. Брюс Аккерман указывает, что публичный диалог должен быть «разумным способом» коммуникации, обладая «разговорной сдержанностью» в целях обеспечения сосуществования различных групп³³. Поэтому С. Бенхабиб называет либеральный подход к общественному диалогу «юридический» моделью публичной сферы.

С. Бенхабиб полагает, что для разрешения наиболее острых политических вопросов нельзя вводить процедурные ограничения в виде допустимых моделей аргументации. С ее точки зрения, «либеральная модель публичного пространства превращает политический диалог... в юридический дискурс о праве»³⁴. По мнению С. Бенхабиб и других представителей теории делиберативной демократии, «либералы не учитывают, что либеральные нормы диалога могут использоваться в том числе и для подавления альтернативных

²⁷ Ibid. P. 71.

²⁸ Ibid. P. 73.

²⁹ Benhabib S. Models of Public Space: Hanna Arendt, the Liberal Tradition, and Jurgen Habermas // Habermas and the Public Space. Cambridge, 1992. P. 81.

³⁰ См.: Ackerman B. Why Dialogue? [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://digitalcommons.law.yale.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1141&context=fss_papers&sei-redir=1&referer=http%3A%2F%2Fwww.google.ru%2Furl%3Fsa%3Dt%26rct%3Dj%26q%3Dhttp%253A%252F%252Fdigitalcommons.law.yale.edu%252Ffss_papers%252F142.%252F%26source%3Dweb%26cd%3D2%26sqi%3D2%26ved%3D0CDkQFjAB%26url%3Dhttp%253A%252F%252Fdigitalcommons.law.yale.edu%252Fcgi%252Fviewcontent.cgi%252Farticle%252D1141%2526context%252Dfss_papers%26ei%3D9E-gUaLCPM7R4QTU_YGwAw%26usq%3DAFQjCNHTclZgih1nPrqEUwuhkoHwFwL6Kg%26bvm%3Dbv.47008514%2Cd.bGE%26cad%3Drjt#search=%22http%3A%2F%2Fdigitalcommons.law.yale.edu%2Ffss_papers%2F142.%2F%22

³¹ Шурухин И.А. Демократизация парламентских институтов: коммуникативный и процедурный подходы // Вестник Томского государственного университета. 2011. №3 (15). С. 104.

³² Там же. С. 103.

³³ Benhabib S. Toward a Deliberative Model of Democratic Legitimacy. P. 96.

³⁴ Ibid. P. 94.

точек зрения в реальной политике»³⁵. Она утверждает, что «либеральный принцип диалогического нейтралитета, выражая один из главных принципов современной правовой системы, является ограничительным и тормозящим в применении к динамике борьбы за власть в реальных политических процессах»³⁶. Дело в том, что классический либерализм утверждает, что предварительно, то есть еще до начала коммуникации, должны быть установлены правила диалога и его нормативные ограничения, в то время как С. Бенхабиб считает, что сами эти правила ведения дискурса в ходе его осуществления могут стать предметом дискуссии. Она выступает против так называемого либерального «метода избегания», который ограничивает политический диалог в плюралистических обществах при рассмотрении остро дискуссионных и спорных вопросов. Согласно ее модели делиберативной демократии, публичная политика – это место свободной дискуссии и общественного диалога, способствующих принятию делиберативно обоснованных и коммуникативно легитимизированных политических решений.

В целом можно сказать, что делиберативная политика и делиберативная демократия представляют собой «особый общественно-политический курс, ориентированный на рациональное обсуждение общественных проблем», который, по мнению А.В. Назарчук, выдвигает «по отношению к институтам власти требование, чтобы все политические решения были опосредованы и легитимизированы таким обсуждением. Содержание делиберативной политики составляет реализация принципа публичности в политической сфере»³⁷.

В современной России в сфере публичной политики появляются отдельные элементы делиберативной демократии и делиберативной политики как различные формы институционального диалога власти и гражданского общества (публичные слушания, гражданский контроль, общественные экспертизы, институт обращения граждан, гражданские инициативы, интерактивные телепередачи с участием представителей власти, работа общественных палат и общественных советов, открытое правительство, электронное государство, общественное телевидение и т.д.). Однако, законодательная база, позволяющая на прочной правовой основе закрепить все еще немногочисленные делиберативные практики в сфере публичной политики, запаздывает, отстает от императивных требований времени. Так, к примеру, такие базовые законы, как ФЗ «Об общественной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных актов»³⁸, ФЗ «Об общественном контроле в Российской Федерации»³⁹ и др. остаются не принятыми, а элементы делиберативной политики и делиберативной демократии не институционализированы в рамках доминирующей, но устаревшей и неэффективной модели либерально-электоральной демократии.

DELIBERATIVE DEMOCRACY, DIALOGUE AND THEIR PLACE IN CONSTELLATION OF DISCOURSE OF PUBLIC POLICY

A.V. ZAITSEV

*Kostroma Nekrasov
State University*

*e-mail:
aleksandr-kostroma@mail.ru*

The article describes the emergence and development of the concept of deliberative democracy and deliberative politics, revealed the place and role of social dialogue in the deliberative and liberal models of democracy. The author shows the difference in understanding between the public policy of the liberal and deliberative democracy based on the analysis of texts S. Benhabib and other Western political thinkers.

Key words: dialogue, discourse, public sphere, public policy, deliberative democracy, deliberative politics, liberalism.

³⁵ Ibid. P. P. 103-104.

³⁶ Benhabib S. Models of Public Space... P. 84.

³⁷ Назарчук А.В. Понятие делиберативной политики в современном политическом процессе // Полис. 2011. № 5. С. 101.

³⁸ Гончаров Л.А. Гражданская экспертиза как институт демократической политической системы современной России: организационные и социокультурные барьеры // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. «История. Политология. Экономика. Информатика». 2012. № 1 (120). Вып. 21. С. 274.

³⁹ Проект ФЗ «Об общественном контроле в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://opr.f.ru/files/Proekt_FZ_ob_obshestvennom_kontrolle.doc

УДК 323.22/28:32.019.51

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ФЛЕШМОБ КАК ФОРМА ГОРИЗОНТАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

О.Я. ЯМЕЛЬНИЦКИЙ

*Национальный университет
«Львовская политехника»,
г. Львов, Украина*

e-mail: j-70@ukr.net

Утверждается, что флешмоб является ярким примером соревновательной (горизонтальной) политической мобилизации, что особенно действенно в общественно-политических системах, которые основываются не на вертикальных, иерархических, а на горизонтальных социальных коммуникациях.

Доказано, что флешмоб может стать эффективным и удобным (но в то же время неоднозначным) методом преобразований в общественно-политической среде.

Ключевые слова: политическое участие, флешмоб, политмоб, умная толпа, виртуальные сообщества, гражданское общество.

Глобализация и повсеместное распространение информационно-коммуникативных технологий вынуждают человека искать новые пути и формы адаптации к его измененному жизненному пространству, а в политической системе – развивать принципиально новые формы политического участия и активности. Особенной формой такой адаптации становится виртуальная реальность, в которой человек со своим личным миром может «спрятаться» от информационного давления его окружения, неопределенности будущего. С одной стороны – большинство «рядовых» граждан удовлетворяются просмотром развлекательных телепередач (ток-шоу, викторины, сериалы), а с другой стороны – существенно возрастает аудитория интернет-ресурсов. Именно последние дают возможность реализовать потребность людей в социализации – общении и поиске единомышленников. К примеру, интернет-блоги и форумы стали распространенными средствами общения «одного со многими». В частности, информационное агентство «Reuters» договорилось с большими содружествами блогеров о том, чтобы его собственные новости сопровождалась их комментариями и ссылками на дискуссии он-лайн¹. По данным Свободной Энциклопедии «Википедия», на 16 февраля 2011 г. существовало свыше 156 миллионов публичных блогов².

Стремление граждан выражать свои потребности и интересы, которые связаны с коренными изменениями условий их жизни, и непосредственно влиять на внедрение соответствующих изменений обусловило появление технологии флешмоба (также флэшмоб, флеш-моб или просто моб, от англ. *flash* – вспышка, мгновение; *mob* – толпа, букв. «вспышка толпы», «толпа, которая загорается») и его политического вида. Политические флешмоб-акции превращаются в новый механизм политического участия личности, которая все более привлекает широкие массы населения во всем мире. Следовательно, это яркий пример «соревновательной» (горизонтальной) политической мобилизации, что необходимо в том случае, когда решение определенной проблемы является важнейшей потребностью, которая подавляющим большинством граждан³. Такой тип мобилизации особенно эффективен в общественно-политических системах, которые основываются не на вертикальных, иерархических, а на горизонтальных социальных коммуникациях. На современном этапе трансформации механизмов общественной организации это означает, как утверждает российский исследователь И. Ейдман, постепенное образование так называемого общества-сети⁴. По мнению украинского исследователя И. Воронова – это есть продукт постиндустриального общества, основанный на «игре между людьми», в которой на фоне машинных технологий растет значение технологии, основанной на информации. Постиндустриальное общество является коммуникативным

¹ Попов А. Блоги. Новая сфера влияния. М., 2008. С. 27.

² Blog. From Wikipedia, the free encyclopedia [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://en.wikipedia.org/wiki/Blog>

³ Краплич Р. Основи життєздатності неприбуткових організацій і мобілізація громади: Посібник для осередків громадської активності. Рівне, 2008. С. 63.

⁴ Ейдман И. В. Манифест мировой социальной Интернет-революции [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://forum-msk.org/material/society/430389.html?pf=2>

обществом, в котором в качестве социальной единицы выступает, скорее сообщество, чем индивид, и целью которого становится достижение «социального решения», содержание которого отличается от простой суммы индивидуальных решений⁵.

Анализ флешмоба (в частности, его политической разновидности) стал возможным в рамках исследований он-лайн (виртуального) сообщества – содружества, которое возникло в результате развития интернета, функционирует в электронном «пространстве» и представляет собой объединение пользователей сети в группы с общими интересами для работы в электронном пространстве, использующее при этом интернет-технологии.

Особенностью виртуальных сообществ является их построение на принципах децентрализующей иерархии и частичного лидерства, широкой специализации ее членов и стимулирования личных, неформальных отношений между ними. Чертой такого сообщества можно назвать и делящуюся дискуссию – постоянный обмен между его членами информацией, мыслями, чувствами⁶.

Одним из первых, кто описывал современную информационно-коммуникационную трансформацию общества в целом и явление флешмоба в частности, был Говард Рейнгольд («*Smart Mobs: The Next Social Revolution*» / «Умные толпы: следующая социальная революция» (2002)), который писал о существовании так называемых умных толп, которые для достижения своих целей с помощью технической базы организуют флешмобы. Речь идет о том, что с помощью новых коммуникационных технологий (интернет, мобильные телефоны) люди будут лучше самоорганизовываться, в том числе за короткие промежутки времени. В этой работе он указывает на первые случаи использования метода «умной толпы» с целью изменения политической ситуации. Так, 20 января 2001 г. президент Филиппин Джозеф Естрада (1998-2001 гг.) стал первым в истории главой государства, который потерял должность в результате мирных демонстраций против него с участием более миллиона людей, которые были созваны с помощью текстовых сообщений. Эти события вошли в историю как рождение «Поколения txt». Свержение президента без всякого выстрела стало первым значимым проявлением поведения «умных толп»⁷. После этого понятие «умная толпа» стало основополагающим в последующем описании флешмобов и других подобных акций, которые по своей сути являются разновидностями смартомоба – «умной толпы».

Следует подчеркнуть, что исследование толпы как социально-психологического феномена имеет давнюю традицию (С. Московичи, С. Сигеле, Г. Тард, Х. Ортега-и-Гассет, З. Фрейд и др.). Однако, как утверждает Г. Хазагеров, мобильность, готовность быстро собираться в толпу и быстро разбежаться – предмет исследования именно нашего времени⁸.

Целью данной статьи является выяснение сущности флешмоба как примера революционной политической мобилизации в контексте глобального распространения новейших информационно-коммуникативных технологий.

Одной из форм взаимодействия людей в новом виртуальном пространстве, и как следствие организации в нем массовых действий, становятся флешмобы, которые позволяют на протяжении незначительного времени мобилизовать значительное число людей для выполнения определенных спланированных мероприятий через привлечение интернет-ресурсов⁹.

Флешмоб – это массовая акция, предварительно спланированная, организованная через современные быстродействующие средства коммуникации (в основном через интернет), в которой большая группа людей («моббери» – в основном молодежь) неожиданно появляется в общественном месте, на протяжении нескольких минут выполняет

⁵ Воронов И. Виклик «Левіафану»: еволюція і перспективи українського суспільства: монографія. К., 2007. С. 147.

⁶ Остапенко М. С. Суб'єкти політичної комунікації в інформаційному суспільстві [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://archive.nbuv.gov.ua/portal/Soc_Gum/Gileya/2011_44/Gileya44/P6_doc.pdf

⁷ Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция. М., 2006. С. 47.

⁸ Хазагеров Г. Конец века толп [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.khazagerov.com/cultural-situation/73-2009-02-18-08-50-29.html>

⁹ Магда Є. В., Смола Л. Є. Інформаційно-психологічна безпека: аспекти трансформації // Наукові праці: Науково-методичний журнал. Т.110. Вип. 97. Політологія. Миколаїв, 2009. С. 162.

обусловленные сценарием действия и впоследствии быстро растворяется среди случайных прохожих.

Появление флешмоба связывают именно с новой, невозможной до появления интернета и мобильного телефона, возможностью групп людей организовать прямое коллективное действие, которое они были неспособны осуществить раньше¹⁰. Примерами могут служить действия антиглобалистов и других противников рынка и капитализма, которые координируют общие акции протеста через интернет и мобильную связь.

Как явление флешмоб зародился в Нью-Йорке, когда в 2003 г. после создания первого сайта для планирования таких акций, флешмоб состоялся в универсаме *Macy's*. Обычно первые флешмобы во всем мире имели развлекательный характер. Впрочем, со временем, флешмоб приобрел политическое выражение (для его обозначения употребляется термин «политический флешмоб или политмоб»). По утверждению Г. Рейнгольда, «умные толпы» со временем должны помочь людям отстаивать их позиции перед властью и другими общественными группами, стать новой формой демократической активности граждан.

Конечно, такая активность несравнима с другими формами коллективного участия (легального и нелегального), в частности, институционализированного – в рамках политических партий, общественных организаций, и неинституционализированного – в форме собраний, митингов, демонстраций и пикетирования.

В отличие от этих типов политического участия, в случае флешмоба речь идет о других принципах его формирования – сетевое происхождение, горизонтальность, а не вертикальность (иерархичность) связей между людьми, доверие людей к равным себе, а не подчиненных к руководителю, что делает их общие решения более эффективными.

И. Эйдман, рассматривая источники возникновения политического флешмоба, допускает вероятность появления новой разновидности контр-элиты – интернет-революционеров, которые будут организовывать действия «умных толп», задавая им целенаправленность и эффективность. Благодаря информационным технологиям люди получили новые возможности объединяться для решения конкретных заданий: отставки коррупционера – политика или чиновника, организации протеста (против войны, роста цен или налогов, несправедливого правосудия). Таким образом, в политике на ее низовых массовых уровнях формируется «общество-сеть», которое базируется не на вертикальных иерархических связях господства и подчинения, а на свободно сформированных горизонтальных социальных коммуникациях¹¹. Новые социальные сети на низовом уровне политики, в отличие от сетей элит и чиновников, будут базироваться на принципах персонального взаимовыгодного социального взаимодействия (на базе технологий р2р) и, по мнению этого исследователя, станут виртуальным «слепок» глобального гражданского общества будущего – общества прямой демократии, свободного распространения информации, творческой самореализации индивидов. Объективные условия для формирования такого общества уже сложились в большинстве государств Европы и Северной Америки с развитыми экономиками. Существует мысль, что такие сети могут приобрести форму местных, региональных или общегосударственных интернет-парламентов – новых институтов прямой демократии¹².

Кроме этого, к чертам политического флешмоба как объединения граждан относят: способ организации – с помощью средств массовой коммуникации; анонимность; скорость собрания; его небольшую длительность; внезапность; стихийность; синхронность; отсутствие централизованного руководства, в частности, организаторов и ответственных лиц; автономность; полную демократию; абсурдность действия; отказ от любых форм коммерциализованных отношений в его рамках; сознательный отказ от его освещения в СМИ¹³.

Таким образом, флешмоб как форма общественного волеизъявления по собственной инициативе в разных сферах приобретает все большую популярность среди лиц, охваченных современными электронными коммуникационными сетями, интегрируя как

¹⁰ Шайгородський Ю. Ж. Політика: взаємодія реальності і міфу: монографія. К., 2009. 400 с.

¹¹ Эйдман И. В. Указ. соч.

¹² Там же.

¹³ Купрій Т. Г., Головка М. Ю. Флешмоб як соціальне явище і технологія інформаційної комунікації [Електронний ресурс]. Режим доступа: http://archive.nbuv.gov.ua/portal/Soc_Gum/Grani/2012_7/17.pdf

политическую, так и социально-культурную составляющие. Однако, в отличие от классического флешмоба, который придерживается принципа «флешмоб вне религии, вне политики, вне экономики», именно высказывание определенной общественно значимой позиции является основной целью политического флешмоба. С его помощью активисты стремятся продемонстрировать свое критическое отношение к политическому устройству, правилам и стереотипам, которые сложились в обществе, пытаются повлиять на усовершенствование установленного общественного порядка или же поставить новые акценты. Однако флешмоб не имеет признаков социального движения или организации в прямом значении этих слов, ведь его участников и сторонников нельзя объединить в определенную целостность. Его называют «социальной подвижностью», то есть временным сдвигом социального сознания и поведения¹⁴.

Эта подвижность временна, ведь она как мгновенно «загорается», так и стремительно исчезает, оставляя в памяти ее свидетелей, лиц, которые находятся в кибервиртуальном пространстве и СМИ, лишь воспоминание об оригинальной трактовке определенного социально-исторического события. Поэтому, по мнению исследователей, флешмобу как форме социального движения не хватает длительной во времени идейности, конвенциональности, соответствия социальным нормам и ценностям. Впрочем, именно их он использует в качестве почвы и ориентиров для объединения сторонников публичной акции.

Флешмоб получает особенное распространение в ряде государств, в частности постсоветских, в которых характер политического режима не предоставляет возможности для оппозиционных политических сил организовывать свою деятельность в традиционных законных, конвенциональных формах. В условиях негласных запретов на освещение акций оппозиционных сил в печати и на телевидении именно флешмобы имеют наивысший потенциал акцентирования внимания общественности и СМИ к действиям контр-элит и благосклонных к ним масс.

Равенство участников, отсутствие официальных руководителей, принцип консенсуса при принятии ответственных решений позволяет флешмобберам чувствовать себя значимыми элементами такой организационной единицы. Флешмоб апеллирует к неподготовленной публике, к «моментальному обществу» с коммуникативными и аналитическими навыками¹⁵. Например движение «Захвати Уолл-Стрит» в США организационно опиралось на принцип «горизонталей», который предусматривает отсутствие лидеров. Любой из участников акции мог выразить свое мнение во время проведения Генеральной ассамблеи в Нью-Йорке¹⁶. Не существовало ее центральной организации или формальной координации, но для передачи информации использовались такие веб-инструменты, как *Twitter* и *Facebook*.

Примерами эффективных политмобов, которые собирались с помощью социальных сетей и мобильной коммуникации, могут быть уже упомянутые события в 2001 г. на Филиппинах, где сторонники оппозиции отстранили от должности правящего президента государства, собрав миллионную толпу с помощью смс-рассылки¹⁷. Похожие флешмоб-акции периодически происходят в России, Беларуси и Казахстане¹⁸. Особенным творческим внедрением и широким информационным распространением отметился «молчаливый флешмоб» в Беларуси. Моббери через социальные сети призывали его участников выхо-

¹⁴ Там же.

¹⁵ Пахомова Л. Культурная толпа [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.proza.ru/2003/11/19-123>.

¹⁶ Купрій Т. Г., Головки М. Ю. Указ. соч.

¹⁷ Федорченко С. Н. Политический флэшмоб как отражение проблем современной молодежи: анализ российского и международного опыта [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.academia.edu/2125218/Fedorchenko_S._Political_Flashmob_as_a_reflection_of_the_problems_of_to_days_youth_an_analysis_of_the_Russian_and_International_experience_Proceedings_of_the_II_All-Russian_scientific_conference_Moscow_Scientific_Expert_2012

¹⁸ В Алматы прошел полит-моб «За свободный интернет!» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://news.nur.kz/120741.html>; Первый политический флэшмоб пройдет в Беларуси! [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kgb-by.livejournal.com/6546.html>; Пять лет назад в России прошел первый флэшмоб. Появившееся как развлечение явление быстро было взято на вооружение политтехнологами [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rzn.info/news/2008/9/1/20764.html>

дять на центральные площади белорусских городов вечером каждую среду без транспарантов и флагов, во избежание обвинений в организации несанкционированных акций¹⁹.

Главной задачей любого флешмоба является стремление вызывать «вспышку» любопытства у зрителей, а желание узнать, что происходит – его эффектом. В то же время, задачей является и избежание юридической ответственности его участников (впрочем, флешмоб – это обычно такая акция, которая не имеет точного юридического определения и описания в большинстве государств). Именно поэтому такую форму массовой политической мобилизации граждан в некоторых государствах СНГ трактуют как единственный способ высказывания своего социального протеста группами людей, неудовлетворенных правящей элитой или ее действиями, не будучи при этом привлеченным к криминальной ответственности²⁰.

Политмоб, как особенная новейшая форма политической активности, является реакцией на определенный курс внутренней и внешней политики правящих политических элит, их действия, которые направлены на ограничение демократических свобод, внедрения политической цензуры и т.д. С другой стороны, такую форму мобилизации могут использовать не только политические оппозиционеры или сторонники власти, но и внутренние и внешние экстремистские силы – провластные или оппозиционные (в частности, для распространения ксенофобии, свержения правящей элиты или изменения характера политического режима и т.д.).

В сравнении с митингами, демонстрациями или протестными акциями, такая форма политической мобилизации как флешмоб является более простым, оперативным и безопасным способом непосредственного выражения мнения отдельными группами общества или акцентирования ими внимания к определенным общественным или политическим проблемам. В этом случае мы имеем нестандартный способ указать на проблемы общества, «всколыхнуть» его.

А. Ашкеров утверждает, что флешмоб превращается в особенную акцию, которая должна символизировать абсолютную спонтанность волеизъявления. А политическую нацию современности, по его мнению, можно воспринимать как непрерывный флешмоб, с помощью которого открывается низовая мобилизация и внутренняя самоорганизация общества, без которых нация не может состояться²¹.

Сегодня мы являемся свидетелями превращения политического флешмоба на инструмент политического влияния активных граждан через овладение новыми формами политического участия. Речь идет о том, что участников флешмоба объединяют ощущения принадлежности к определенному общественно-политическому образованию, согласие с определенными политическими ценностями, выражение симпатий к данной группе и предоставление ему поддержки и т.п. Следовательно, формируется ощущение групповой сплоченности, которая основана на преданности групповым общественно-политическим ценностям, идеологическим ориентациям и/или владении определенным политическим статусом. По мнению исследователей, функция посредника между обществом и государством постепенно переходит от институционных к неинституционным организациям гражданского общества, а флешмоб становится альтернативным средством общения между гражданами и властью, которая реализуется благодаря возможностям Интернета и мобильной связи.

Флешмоб – достаточно новое в общественно-политической практике явление, впрочем, в перспективе он может стать эффективным и удобным (но неоднозначным) методом политической мобилизации граждан, которые нацелены на разнообразные преобразования в общественно-политической среде. Следовательно, будет создаваться общество прямой демократии, социально активная часть которого будет объединяться на принципах персонального взаимодействия, социальной и творческой самореализации,

¹⁹ Протестующие в Белоруссии попытались устроить «Революцию через социальную сеть» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.polit.ru/news/2011/06/16/belorussia>

²⁰ Шевчук И. Н. Флеш-моб как модель нового политического действия // Вісник СевНТУ. Вип. 112/2010. Серія: Політологія. Севастополь, 2010. С. 172.

²¹ Ашкеров А. Нация – это постоянный флэш-моб [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Naciya-eto-postoyannyj-flesh-mob>

возможности свободно общаться между собой, не чувствуя никаких жестких ограничений со стороны политической системы.

POLITICAL FLESHMOB AS FORM OF HORIZONTAL COMMUNICATION

O.Ya. YAMELNYTSKUJ

*Lviv Polytechnic
National University,
Lvov, Ukraine*

e-mail: j-70@ukr.net

It's affirmed that fleshmob is the prime example of competitive (horizontal) political mobilization that is especially effective in the social and political systems, which are not based on a vertical, hierarchical, but on horizontal social communications.

It is proved, that fleshmob can become effective and convenient (but at the same time ambiguous) method transformations to the political environment.

Keywords: political participation, fleshmob, politmob, smart crowd, virtual communities, civil society.

УДК [329:321.72][47+57]"1991/2013"

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ СТАНОВЛЕНИЯ ПОСТСОВЕТСКИХ ПАРТИЙНЫХ СИСТЕМ

Н.С. НАЗАРОВ*Харьковский национальный
университет имени В.Н. Каразина,
Украина**e-mail: nazarinho90@gmail.com*

В статье рассмотрены особенности формирования партийных систем на постсоветском пространстве. Для понимания специфики процессов делается акцент на инверсионной логике развития постсоветских государств, базовые особенности которой могут быть выражены с помощью понятия неопатримониализма. В данном контексте рассмотрены особенности функционирования политических партий, их основные задачи, а также описана логика создания «партии власти».

Ключевые слова: партийная система, неопатримониализм, клиентелизм, клиентарно-патронажная сеть, постсоветские трансформации, партия власти

Становление постсоветской партийной системы невозможно рассматривать в отрыве от общей логики постсоветских преобразований.

Трансформации на постсоветском пространстве стали серьезным вызовом для современной социально-политической теории. Транзитологическая интерпретация политической динамики постсоветских государств оказалась не способной ответить на принципиальный вопрос: почему возникновение демократии на постсоветском пространстве не стало побочным результатом открытой политической борьбы. Опыт 1990-х годов отчетливо показал, что крушение коммунизма и последующие трансформации не обязательно ведут к различным формам демократического устройства.

Всевозможные попытки обойтись категориями типа «гибридный режим», термин «делегативная демократия» при описании постсоветских реалий все более наталкивают на мысль, что страны бывшего СССР находятся по ту сторону общепринятых представлений о «переходах к демократии».

Проблема состоит в том, что многолетний опыт изучения данной концепции не приблизил нас к пониманию самой демократии. Большинство транзитологов, опираясь на классификацию Дэвида Хэлда, берут за основу своих исследований одну из двух концептуальных схем: 1) «соревновательный элитизм» Шумпетера, в которой главным критерием есть замещение правительственных должностей на основе свободных и честных выборов; 2) концепция «полиархии» Роберта Даля, краеугольными элементами которого являются уровень партиципации (участие) и состязательность.

По мнению российского исследователя В. Гельмана, ни одномерная схема Шумпетера, ни двумерная Даля не может свестись к бинарным характеристикам, и «даже простой электоральный тест «свободных и справедливых выборов» оказывается не вполне релевантным в эпоху «политических машин» и «партий власти», когда результаты голосования – даже при наличии конкуренции – во многом обуславливаются потенциалом административной мобилизации масс правящими группами, не говоря уже о систематическом неравенстве условий ведения кампании, как это было в ходе президентских выборов 1996 года в России»¹.

Мы разделяем мысль А. Пшеворского о том, что «демократия – это система, при которой партии проигрывают выборы»². Следовательно, в ситуации, когда выборы принципиально не меняют расстановку сил в парламенте, а также не влияют на выработку нового политического курса, но проходят пусть даже в плюралистической политической среде – нельзя считать демократическими. Именно поэтому в сообществе политологов рас-

¹ Гельман В. Постсоветские политические трансформации: наброски к теории: доклад для 2-го Всероссийского конгресса политологов. М., 2000. С. 4.

² Пшеворский А. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. М., 2000. С. 28.

тет запрос на альтернативные интерпретации режимных изменений в постсоветских государствах.

Автором статьи делается попытка определить особенности трансформации постсоветской партийной системы, для этого берется за основу неопатримониальная интерпретация постсоветского развития.

Неопатримониальная природа постсоветских трансформаций

Анализируя специфику трансформаций, мы отмечаем принципиальное отличие самой логики развития постсоветских государств и стран Центральной и Южной Европы, а также Латинской Америки. Корень данного отличия мы видим в *инверсионной логике развития* постсоветских государств, которая заключается в осуществлении рациональной бюрократизации и строительства национального государства после процесса демократизации. Как отмечает Т. Кузьо, «постсоветские государства в своем большинстве начали процессы демократизации и маркетизации в условиях отсутствия ряда значительных национально-государственных характеристик, которые являются необходимыми условиями успешной реализации проекта создания рыночной экономики и либеральной демократии»³.

Это отличие наталкивает нас на поиск перспективных подходов в изучении постсоветского развития. По мнению украинского исследователя данной проблематики А. Фисуна, «важные особенности постсоветского политического развития и понимания режимной динамики постсоветских государств могут быть выражены с помощью понятия неопатримониализма»⁴.

Модернизируя концепцию патримониализма Макса Вебера, израильский социолог Шмуэль Эйзенштадт предлагает комплексную теорию **неопатримониализма**. Рассматривая возникновение неопатримониальных режимов как ответ на провал политики модернизации и строительства современного государства, Эйзенштадт видит в них симбиоз некоторых элементов традиционализма и современного государства.

Исследователи выделяют три основных принципа функционирования неопатримониальных систем: 1) политических центр отделен от периферии, он концентрирует политические, экономические и символические ресурсы власти; 2) государство управляется как частное владение правящих групп; 3) этнические, клановые, региональные и родственные связи воспроизводятся в современных политико-экономических отношениях.

Структурообразующую роль в функционировании неопатримониальной системы играет **клиентелизм**. Это отношения личной зависимости, где экономические и властные ресурсы патрона обмениваются на политическую и электоральную лояльность клиентов. Воспроизводство данных практик объясняется неразвитостью официальных каналов взаимодействия рационального типа, потому функцию трансляции различных интересов осуществляется через механизм клиентарно-патронажных отношений.

Следствием этого является еще одна важная особенность неопатримониальных политических режимов, а именно степень персонализации власти. Как было уже отмечено, причина этого явления связана со слабой рационализацией политического процесса, что обуславливает проекцию традиционных представлений о власти (вождя, князя, царя) на современную действительность. Таким образом, лояльность к политическому режиму определяется через лояльность к личности лидера, а политические программы играют второстепенную роль.

Центральной особенностью политической культуры неопатримониального общества является *коррупция*, которая становится не только общепринятой моделью поведения, но и важным каналом достижения политических и экономических целей.

На наш взгляд, понимание неопатримониальной природы постсоветских трансформаций позволяет внести концептуальные уточнения и дополнения в теоретические модели «гибридных режимов», «авторитарной демократии», неформальных институтов, а также дает возможность более глубоко понять особенности функционирования постсоветской партийной системы.

³ Kuzio T. Transition in Post-Communist States: Triple or Quadruple? // Politics. 2001. Vol.21. N.3. P.171.

⁴ Фисун А. Демократия, неопатримониализм и глобальные трансформации. Харьков, 2004. С. 150-151.

Место политических партий в системе неопатримониальной власти

Обозначив концептуальные особенности политической системы постсоветского пространства, мы можем перейти к ее составляющей – партийной системе. Для этого необходимо понять какую роль эта подсистема играет в системе государственной власти.

Итак, апеллируя к неопатримониальной логике постсоветского развития, мы приходим к выводу, что ведущее место в системе власти занимают представители неопатримониальной бюрократии, которая выступает основным агентом политического и экономического процесса.

Вокруг фигуры главы государства образуются клиентарно-патронажные сети (КПС), структурообразующим элементом которых является система личных связей, замкнутая на президента. Этому неформальному институту принадлежит формирование «повестки дня», что отодвигает на задний план проблему верховенства в обществе как отдельной партии, так и государства в целом.

Следовательно, такие компоненты политического поля как партии, группы интересов, общественные организации, профсоюзы в неопатримониальном обществе вытесняются на периферию политического процесса. В результате осуществляется «коперниканский переворот» в системе власти, где партии больше не контролируют действие правительства, а наоборот – государственная власть направляет деятельность партий в нужное ей русло, превращая партии, по сути, в придаток государственного аппарата.

Находясь под патронатом правительства, правящие партии в неопатримониальном обществе выполняют следующие функции: а) контролируют выдвижение руководящих кадров в государственном аппарате; б) организуют массовую поддержку целей власти; в) идеологическая обработка масс; г) патримониальная приватизация общественно-публичной властной сферы и последующее ее распределение между членами правящей группировки. Последняя функция и есть, в действительности, реальное назначение партийного механизма.

Парламентские органы становятся одним из способов институционализации клиентарно-патронажных отношений между верхушкой КПС и прочими слоями общества. Таким образом, можем говорить о глубинной трансформации роли политических партий, где «сущность политической борьбы в неопатримониальной системе состоит в борьбе за расположение и покровительство со стороны главы государства, но отнюдь не в борьбе за голоса потенциальных избирателей»⁵.

В данном контексте можно говорить о феномене «партии власти», который стал «ноу-хау» постсоветского партийного строительства. Исследователь А. Лихтенштейн отмечает, что «в отличие от стран Восточной Европы, где трансформация элит происходила на основе партийной конкуренции, и за партиями постепенно закрепились функции завоевания и удержания власти, в большинстве стран бывшего СССР формирование новой элиты происходило на иных основаниях»⁶. Для нас этими основаниями является неопатримониальная логика развития с доминированием клиентарно-патронажных отношений.

«Партия власти» создается исполнительной властью для участия в парламентских выборах. Как было отмечено ранее, в неопатримониальном обществе власть находится в руках бюрократии, которая инкорпорирована в клиентарно-патронажную сеть, возглавляемую президентом. Президенту для сохранения статус-кво необходимо обеспечить лояльность политических предпринимателей, а также поддержку масс. Так возникает идея создания сетевой организации, которая будет действовать от имени и в интересах президента (премьер-министра).

Необходимо выделить основные задачи вышеописанных квази-партий: во-первых, это налаживание «прямого контакта» между государством и массами с последующей идеологической обработкой и навязыванием определенного мировоззрения последним; во-вторых, создание сети клиентарных отношений, которые формируют базу

⁵ Там же. С. 174.

⁶ Лихтенштейн А.В. Институциональные условия возникновения и функционирования «партии власти» в России и Украине: сравнительный анализ: дис. ... канд. полит. наук. М., 2003. С. 23-24.

господства КПС; в-третьих, организация массовой поддержки целей правительства. Становится очевидно, что создание «партии власти» – абсолютно рациональное поведение правящей элиты в неопатримониальном обществе на пути формирования социальных связей типа «патрон-клиент».

Подведем итоги нашего исследования. Постсоветские трансформации стали серьезным испытанием для всей социально-политической теории. «Западные» подходы не смогли всецело объяснить специфику изменений стран пост-СССР. На наш взгляд, очень важные особенности постсоветского развития и понимания режимной специфики государств могут быть выражены с помощью понятия неопатримониализма.

Ведущее место в системе государственной власти постсоветских государств занимает неопатримониальная бюрократия, которая выступает основным агентом политического и экономического процесса. Вокруг фигуры главы государства формируется клиентарно-патронажная сеть из рентоориентированных политических предпринимателей, основным мотивом деятельности которых является поиск ренты (*rent-seeking*).

В партийной системе также воспроизводятся особенности клиентелистского общества. Политические партии в большей мере борются не за голоса избирателей, а за более выгодное место в иерархии КПС. Таким образом, не политические партии формируют правительство и задают тон политическому процессу, а государственная администрация создает организацию для реализации собственной политики.

Мотивация создания «партии власти» органично вписывается в логику функционирования неопатримониальной системы. Для главы государства (по совместительству верхушка КПС) стратегической задачей является создание сети клиентарных отношений, которые в будущем сформируют базу господства клиентарно-патронажной сети. Это обеспечит поддержку целей правительства как классом политических предпринимателей, так и массами.

FEATURES OF THE FORMATION OF POST-SOVIET PARTY SYSTEMS

N.S. NAZAROV

*V.N. Karazin Kharkiv
National University, Ukraine*

e-mail: nazarinho90@gmail.com

The article deals with the features of formation of the party systems in the post-Soviet space. To understand the specific processes, the attention is focused on the inverse logic of the post-Soviet states, the basic features of which can be expressed by the concept of neopatrimonialism. In this context the functioning features of political parties, their principal tasks and the logic of creating the "power party" are described.

Key words: party system, neopatrimonialism, clientelism, client-patronage network, post-Soviet transformations, power party.

УДК 324(470+571)“1991/2013”

ДИНАМИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНКУРЕНЦИИ В РОССИИ В ПОСТПЕРЕСТРОЕЧНЫЙ И ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОДЫ

В.Н. ШИЛОВ
А.П. РЫЛКИНА

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

e-mail: Shilov@bsu.edu.ru

e-mail: rylkinaalla@rambler.ru

Анализируются причины высокого уровня политической конкуренции в России в 90-е годы прошлого века и ее снижения в начале 21-го века, факторы, способствующие формированию электорального авторитаризма. Рассматриваются отношение политического руководства России к конкуренции, его управление политической конкуренцией. Дается оценка характера и масштабов фальсификаций на выборах.

Ключевые слова: политическая конкуренция, выборы, Россия, В.В. Путин, лекторат, политическая элита, политическая культура, демократия, авторитаризм.

На протяжении почти всего существования СССР выборы в стране были безальтернативными и неконкурентными. Но в перестроечный период состоялись первые альтернативные и конкурентные выборы: таким были выборы в Верховный Совет СССР в марте 1989 г., выборы народных депутатов РСФСР в марте 1990 г. и первые выборы Президента РФ в июне 1991 г.¹ После распада СССР, в постперестроечный период в России происходит дальнейшая институционализация альтернативных выборов и политической конкуренции, до октября 1993 г. еще в рамках позднесоветского периода. На федеральном уровне в этот период выборов не было. Выборы имели место в российских регионах: в них утверждалась выборная практика замещения должностей глав исполнительной власти регионов. Осуществлялся переход от «перестроечной» модели региональных электоральных процессов к «постперестроечной» (модели генезиса)². Эти региональные электоральные процессы происходили при участии новых акторов со стороны государства и при участии как новых, так и «старых» акторов со стороны общества и, как отмечает Н.Б. Чувилина, «характеризовались конкурентным характером взаимоотношений между акторами, представляющими государство и акторами, представляющими гражданское общество»³. Особенностью генезиса региональных электоральных процессов во всех регионах был также их формально беспартийный, но высоко политизированный характер, высокая степень дифференциации регионов по уровню альтернативности, конкурентности, свободы и справедливости выборов глав регионов. При этом для областей, Москвы и Ленинграда в большей мере был характерен альтернативный и конкурентный характер выборов, в то время как для большинства республик была свойственна меньшая конкурентность⁴. Но в целом, за рядом исключений (в Якутии, Тыве, Чечне) «высокая внутриэлитная конфликтность, острая внутриэлитная конкуренция и активность общества обусловили достаточно свободный и конкурентный характер региональных электоральных процессов в большинстве регионов на этапе генезиса»⁵.

В декабре 1993 г. прошли первые выборы в постсоветский период на федеральном уровне. Население избирало как ГД РФ, так и Совет Федерации, утверждался также проект Конституции РФ, согласно которой и создавался парламент новой, постсоветской России. Выборы были остро конкурентными и непредсказуемыми по своим результатам. Неожиданно для всех победителем оказалась ЛДПР, получившая на выборах по партий-

¹ Шилов В.Н., Рылкина А.П. Выборы в истории России: динамика альтернативности и конкурентности // Научные ведомости БелГУ. Сер. «История. Политология. Экономика. Информатика». 2012. № 13 (132). Вып. 23. С. 171.

² Чувилина Н.Б. Особенности российских региональных электоральных процессов на этапе генезиса // Научные ведомости БелГУ. Сер. «История. Политология. Экономика. Информатика». 2011. № 1 (96). Вып. 17. С. 199.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 201.

⁵ Там же. С. 202.

ным спискам 22,92% голосов избирателей, в то время как провластная партия «Выбор России» получила лишь 15,51% (на третьем месте оказалась КПРФ с 12,40%). Последующие выборы в ГД РФ в 1995 г. (в лидеры вырвалась КПРФ) и в 1999 г. (в лидерах осталась КПРФ), также были высоко конкурентными. Весьма острой была борьба и за должность Президента РФ в июне 1996 г. В начале года действовавший Президент РФ Б. Ельцин имел очень низкий уровень поддержки избирателей, его поражение казалось неизбежным. Выборы проходили в два тура. На первом туре разрыв между двумя главными соперниками был минимальным – чуть более 3-х процентов: Б. Ельцин набрал 35,28% голосов избирателей, а Г. Зюганов – 32,03%. Лишь во втором туре, опираясь на массивную поддержку СМИ и благодаря масштабным фальсификациям Б. Ельцин смог оторваться от Г. Зюганова: 53,82% у Б. Ельцина и 40,31% у Г. Зюганова.

В 90-е годы выборы и в ряде регионов России были остро конкурентными, когда действовавшие главы регионов были вынуждены уступить должность своим соперникам. Нечто подобное произошло в 1996 г. в Санкт-Петербурге, когда А. Собчак проиграл на губернаторских выборах своему заместителю В. Яковлеву, что имело уже через 4 года как следствие превращение помощника А. Собчака В. Путина в Президента РФ. В других регионах результаты выборов были достаточно предсказуемы, примером чего может служить Белгородская область. Так в 1995 г. при выборах Главы администрации Белгородской области Е. Савченко уже в первом туре набрал 55,54% голосов избирателей, в то время как его основной соперник М. Бесхмельницын лишь 32,19%⁶. На следующих выборах в 1999 г. разрыв увеличился: Е. Савченко набрал 53,46%, а М. Бесхмельницын лишь 19,71% (значительное число голосов избирателей области взял на себя, участвовавший в выборах В. Жириновский – 17,72%)⁷.

Ситуация в плане политической конкуренции существенно изменилась в 2000-е годы в связи со становлением в России по существу новой политической системы, которая от предыдущей отличалась пониженным плюрализмом и повышенной авторитарностью и централизмом.

«Ельцинский» период, (90-е годы) характеризовался значительной свободой политической элиты и всего государственно-бюрократического аппарата. Имела место борьба различных региональных, экономических кланов, действовавших зачастую вопреки интересам общества. Партии являлись инструментом в этой борьбе. Президент, теряющий поддержку населения, был не в силах удержать ситуацию под контролем. Можно согласиться с мнением К. Рогова, что «высокий уровень политической конкуренции в России 1990-х, отразившийся в исходах выборов 1993, 1995, 1996, 1999 годов (отсутствие доминирующего игрока, минимальный разрыв между основными конкурентами), при чрезвычайно низком уровне реальной обеспеченности и защищенности прав граждан, позволяет характеризовать этот режим как конкурентную олигархию»⁸.

Но на выборах в 2000-м г. В. Путин получает поддержку большинства населения: уже в первом туре ему отдают предпочтение 52,99% избирателей. При этом он значительно оторвался от своего основного соперника Г. Зюганова, получившего лишь 29,24%. В. Путин становится доминантным актором, имеющим право на последнее слово в принятии решений. Но персоналистский авторитарный режим, не выполнил бы задачу установления контроля над политической элитой, особенно региональной, и миллионным массивом чиновников. Был взят курс на формирование партийного авторитаризма. В подтверждение этого тезиса уместно привести следующее высказывание Б.В. Межуева, многое объясняющее в современной политической жизни России: «Горбачевский, а впоследствии ельцинский режим продемонстрировали, что расчет на сильную президентскую власть при отсутствии партийных механизмов консолидации и мобилизации региональной элиты не только сводит на нет все усилия по модернизации, но и приводит государственную систему к краху. Межпартийная конкуренция используется экономиче-

⁶ Выборы главы администрации Белгородской области. 1995 год. Общие итоги выборов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://belgorod.izbirkom.ru/way/933700/sx/art/933696/cp/1/br/933692.html>

⁷ Выборы главы администрации Белгородской области. 1999 год. Общие итоги выборов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://belgorod.izbirkom.ru/way/933703/sx/art/933711/cp/1/br/933693.html>

⁸ Рогов К. Политические циклы постсоветского транзита // Pro et Contra. Июль-октябрь 2012. Т. 16. № 4-5. С. 7.

скими, а зачастую и криминальными кланами в целях извлечения корпоративных преимуществ, либо легализации нажитых незаконным путем состояний. Любое политическое давление центра на региональные элиты и тем более эффективный правовой контроль над ними в этой ситуации оказывается невозможен. Восстановление коллапсирующей государственности мыслимо в этом случае исключительно с помощью использования возможностей суперпрезидентского режима, а это сразу же актуализирует угрозу его превращения в режим личной власти по образцу некоторых развивающихся стран. Поэтому участие мощной партийной структуры в деле формирования как региональной, так и федеральной властей является возможной альтернативой развития в период того модернизационного процесса, который проходит в настоящий момент Россия»⁹.

Объединение политической элиты, выстраивание ее в своеобразную иерархическую пирамиду произошло в декабре 2000 г. в рамках партии «Единая Россия», на базе возникших ранее и конкурировавших друг с другом на выборах в ГД РФ в 1999 г. партии «Единство» (лидер — Сергей Шойгу), движения «Отечество» (Юрий Лужков) и движения «Вся Россия» (Минтимер Шаймиев). Уже на ближайших выборах в ГД РФ 2003 г. «ЕР» стала несомненным победителем в избирательной борьбе заручившись поддержкой 37,57% избирателей в выборах по партийным спискам (следующей по успешности была КПРФ с 12,61% голосов) и получив 120 депутатских мест. Вместе с «одномандатниками» (103) «Единая Россия» получила 223 депутатских места, вплотную приблизившись к завоеванию большинства.

На выборах Президента РФ в 2004 г. В. Путин набрал уже 71,31% голосов избирателей. Вслед за этим, на выборах в ГД РФ в 2007 г., проходивших не по смешанной, а по пропорциональной системе, партия «Единая Россия», позиционирующая себя как «партия Путина», получила уже 64,3% голосов и 315 депутатских мандатов, то есть конституционное большинство в нижней палате российского парламента. Подавляющая часть глав регионов также примкнули к «Единой России».

Основной массив российской политической элиты концентрируется возле политического лидера, В. Путина, выступающего в виде доминантного актора. Если в «ельцинский период» электоральный успех сопутствовал тем, кто противопоставлял себя фигуре непопулярного в массах президента Б. Ельцина, то в «путинский период», наоборот, политическая элита демонстрирует свою близость к В. Путину: это становится более эффективной стратегией вхождения во власть. Основная масса элиты перестает быть самостоятельным игроком на политической сцене. При этом и партия «Единая Россия» является лишь инструментом в руках национального лидера — В. Путина.

Как отмечает К. Рогов, сравнивая «путинский» и «ельцинский» периоды, «высокая поддержка режима «снизу» способствует консолидации элит вокруг инкумбента и в результате позволяет выстраивать эффективные институты электорального авторитаризма. Напротив, слабая поддержка провоцирует оппортунистические стратегии элит, использующих слабость режима в своих целях и поддерживающих расколы на разных уровнях, что препятствует его консолидации, делая его еще менее привлекательным в глазах населения»¹⁰.

Экономической базой успешности режима В.Путина, а соответственно и его популярности, явились резко возросшие цены на энергоносители. Доходы от продажи нефтегазовых ресурсов составляют примерно половину бюджета страны. В стране осуществляется сильная перераспределительная политика и поддержка патерналистски настроенных слоев населения, значительная часть дохода которых составляют поступления от государства. Как по этому поводу пишет Б. Макаренко, «в переходных обществах «ресурсное проклятие» зачастую предопределяет вектор политического курса... элиты в этих странах мотивированы на концентрацию властных полномочий, максимизацию экономической и политической ренты. Стремление монополизировать эту ренту усугубляется страхами ее утраты; доминированию власти в таких государствах труднее бросить вызов»¹¹.

⁹ Межуев Б.В. Перспективы политической модернизации России // Полис. 2010. № 6. С.16-17.

¹⁰ Рогов К. Политические циклы постсоветского транзита. С.8.

¹¹ Макаренко Б. Рамки развития политической системы // Pro et Contra. Июль-октябрь 2012. Т. 16. № 4-5. С. 87.

В силу того, что В. Путин становится вне конкуренции со стороны других политических лидеров, вне конкуренции становится и «пропутинская» партия «Единая Россия». Так динамику конкуренции можно показать на примере выборов в ГД РФ. По достаточно сложной методике это делает В.Я. Гельман¹², более простой подход предлагает Е.Г. Ясин. Он пишет: «Страна считается демократической только в том случае, если ее политический спектр содержит, по меньшей мере, две партии, которые имеют реальные шансы партии прийти к власти в результате выборов»¹³. О нечто подобном говорит и К. Джанда: «Мы рассматриваем парламентскую партийную систему как конкурентную, если существует партия, способная составить конкуренцию и, возможно, превзойти наиболее крупную партию в контроле над правительством... Для операционализации понятия «конкурентность партийной системы» мы используем процент мест, подконтрольных второй по величине партии после выборов «с экспериментальным статусом». Эта переменная носит название «партия № 2»¹⁴. Мы полагаем, что более показательным для измерения уровня конкурентности будет показатель разрыва между партией-победительницей и второй за ней по уровню успешности в борьбе за голоса избирателя партией. Применительно к выборам в ГД РФ можно привести следующую таблицу¹⁵.

Таблица

Год выборов в ГД РФ	Первая по численности полученных голосов избирателей партия (лидер № 1) и процент полученных голосов	Вторая по численности полученных голосов избирателей партия (лидер № 2) и процент полученных голосов	Разрыв между двумя партиями-лидерами
1994	ЛДПР – 22,92	Выбор России- 15,51	7,41
1996	КПРФ -22,30	Наш дом Россия – 10,13	12,17
2000	КПРФ -24,29	«Единство» – 23,32	0,97
2003	«Единая Россия» – 37,57	КПРФ -12,61	24,96
2007	«Единая Россия» -64,30	КПРФ – 11,57	52,73
2011	«Единая Россия» – 49,32	КПРФ -19,19	30,13

Снижение в современной России межпартийной конкуренции как главной составляющей политической конкуренции отмечалось до выборов в ГД РФ в 2011 г. всеми исследователями и политическими практиками¹⁶. При этом были различны оценки самого факта снижения политической конкуренции, а также причин и возможных последствий этого снижения.

Достаточно были распространены оценки алармистского, обвинительного характера. Так член Общественной палаты РФ, профессор-юрист Е.А. Лукьянова отмечала: «С точки зрения политической конкуренции в обществе мы вернулись практически к тому же состоянию, от которого сознательно уходили двадцать лет назад»¹⁷.

Действительно, если исходить из западных моделей модернизации, демократического транзита как ее элемента, то снижение политической конкуренции – это проявление политической демодернизации. Поэтому лидер партии «Яблоко» С. Митрохин говорил о

¹² Гельман В.Я. Политические партии в России: от конкуренции – к иерархии // Полис. 2008. № 5. С. 136.

¹³ Ясин Е.Г. Приживется ли демократия в России. М., 2012. С. 209.

¹⁴ «Governance», верховенство закона и партийные системы // Политическая наука. 2010. № 6. С. 132.

¹⁵ Таблица составлена по данным см.: Выборы в Государственную думу [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Выборы_в_Государственную_думу#.Do.93.Do.BE.D1.81.D1.83.Do.B4.Do.Bo.D1.80.D1.81.D1.82.Do.B2.Do.B5.Do.BD.Do.BD.Do.Bo.D1.8F_.Do.B4.D1.83.Do.BC.Do.Bo_.Do.Ao.Do.BE.D1.81.D1.81.Do.B8.Do.B8_1_.D1.81.Do.BE.Do.B7.D1.8B.Do.B2.Do.Bo_.281994.E2.80.941996.29

¹⁶ См.: Вишневский Б. Л. Политическая конкуренция в России: хроника снижения // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2007. №2; Гельман В.Я. Указ. соч.; Чувилина Н.Б. Особенности электоральных процессов в Республике Башкортостан в избирательных кампаниях 2007-2008 гг. // Научные ведомости БелГУ. Сер. «История. Политология. Экономика. Информатика». 2009. № 9 (64). Вып. 11; Шилов В.Н. К вопросу о межпартийной конкуренции в современной России // Среднерусский вестник общественных наук. 2010. № 4 (17).; он же. Межпартийная конкуренция в России: современные реалии и перспективы // Научные ведомости БелГУ. Сер. «История. Политология. Экономика. Информатика». 2011. № 1 (96). Вып. 17; и др.

¹⁷ Лукьянова Е.А. Конкуренция в политике = конкуренция в бизнесе? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.polit.ru/dossie/2007/04/24/freedom1.html>

том, что «нынешняя политическая система несовместима с модернизацией. Наоборот, так же, как и коммунистическая система времён позднего СССР, она фактически запрограммирована на стагнацию, демодернизацию и в конечном счёте на деградацию страны»¹⁸.

Укрепление позиций В. Путина вследствие повышения его популярности у масс сделало возможным вообще сужение сферы демократической политической конкуренции. Так с 2005 г. были отменены выборы населением глав регионов. Их по существу стал отбирать среди претендентов на должность сам президент: авторитарная конкуренция здесь вытеснила конкуренцию демократическую. Некоторые исследователи связывают данную законодательную новацию с неудачами «ЕР» на выборах в региональных законодательных собраниях в 2004 – первой половине 2005 гг. Как отмечает Е.А. Лазарев, «это произошло потому, что региональные лидеры стремились диверсифицировать портфель своих политических активов и поддерживали на выборах в легислатуры разные партии и региональные блоки. Для Центра такая стратегия губернаторов оказалась чревата политическими рисками, поэтому посредством электоральной инженерии и прямого вмешательства в политический процесс Кремль заставил региональных лидеров от нее отказаться»¹⁹.

Во многих регионах выборы глав муниципальных образований населением были заменены их выборами депутатами данного муниципального образования.

На уровне регионов, после 2005 г., отмечают Н.Б. Чувиллина, наблюдалось усиление возможностей государства контролировать партийную сферу и ограничивать партийную конкуренцию. Закономерным итогом чего стало снижение уровня конкуренции на региональных выборах²⁰.

В 2000-е годы политический режим России явно «дрейфует» в сторону авторитарного политического режима, ибо основные решения принимает, по существу, один человек. Все остальные либо выполняют его указания, либо противостоят ему без каких-либо реальных шансов на успех. В значительной мере упрек России в том, что ее политический режим представляет собой некий гибрид, справедлив в том плане, что судьба искателей власти в России часто зависят от решений верховного центра или иной вышестоящей инстанции, нежели от симпатий населения, то есть в России удельный вес авторитарной политической конкуренции значителен²¹.

Но данная ситуация не является следствием произвола носителей власти, а их стремлением следовать особенностям социальной среды и конкретной исторической ситуации. Поэтому не следует демонизировать власть, как это делают многие представители оппозиции. Было бы большим упрощением ограничивать идеологию власти только административной логикой и своекорыстными мотивами удержания власти любой ценой²². Слишком категорично звучит и заявление И.И. Глебовой, утверждающий, что «режим 2000-х не выдерживает нагрузки конкуренцией, оппозицией, критикой...»²³ Более сдержанно выражается Е.Г. Ясин, когда он пишет, что «даже если, предположим, Путин стремился к демократизации и политической конкуренции, то в какой-то момент он столкнулся с дилеммой: либо неопределенность, свойственная демократии, либо управляемость демократии. Российский президент выбрал второй вариант»²⁴. С этим высказы-

¹⁸ Стенографический отчет о заседании Государственного совета по вопросам развития политической системы России. 22.01.2010. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://news.kremlin.ru/transcripts/6693>

¹⁹ Лазарев Е.А. Влияние федерализма на партийную систему в недемократических государствах // Политические партии и политическая конкуренция в демократических и недемократических режимах. М., 2010. с. 71.

²⁰ Чувиллина Н.Б. Тенденции развития российских региональных электоральных процессов на этапе централизации власти в Российской Федерации // Власть. 2012. № 10. С. 70-73; она же. Эволюция российских региональных электоральных процессов в условиях институционально оформленного доминирования федеральных акторов в региональных политических процессах (2005-2011 гг.) // Научные ведомости БелГУ. Серия «История. Политология. Экономика. Информатика». 2012. № 19(138). Вып. 24. С. 142-149.

²¹ О разнице между демократической и авторитарной политической конкуренциями подробнее см.: Шилов В.Н., Рылкина А.П. Политическая конкуренция: термин, понятие, форма деятельности // Научные ведомости БелГУ. Сер. «История. Политология. Экономика. Информатика». 2011. № 13(108). Вып. 19. С. 180.

²² См. об этом: Розов Н.С. Специфика «русской власти», ее ментальные структуры, ритуальные практики и институты // Полис. 2011. № 1. С.35.

²³ Глебова И.И. Русская власть и ее партии // Политическая концептология. 2011. № 3. С. 130.

²⁴ Ясин Е.Г. Указ. соч. С. 234.

ванием можно согласиться. Действительно, был выбран вариант управляемой, имитационной демократии (но демократии!), где форма не совпадает с содержанием, где реальная политическая практика отдалена от формальных институтов. Но эти институты, опережающие в своем демократизме и либерализме политическую культуру действующих политических акторов, способствуют формированию новых ценностей, новой культуры и, соответственно, новых акторов.

В действиях В. Путина и его окружения мы можем проследить как логику администратора, так и логику политического деятеля. В этом плане весьма показательным имевшее место в 2000-е гг. стремление власти уменьшить число политических партий. По этому поводу С. Хантингтон писал: «Администратор, противящийся партиям, признает необходимость рационализировать социальные и экономические структуры. В то же время он против подразумеваемого модернизацией расширения участия народа в политике. Его идеал — бюрократия, цель — эффективность и избегание конфликта. Партии в его глазах лишь вносят иррациональные и своекорыстные мотивы, препятствующие эффективному преследованию целей, относительно ценности которых каждый должен быть согласен»²⁵.

Но в действиях политического руководства страны есть и логика политического деятеля, который стремится сохранить возможность политического представительства различных групп населения страны, возможность самореализации в сфере политики активных и амбициозных индивидов. Было бы неверно сокращение публичной конкуренции (отмена выборов глав регионов, сокращение числа партий, отмена выборов в ГД РФ по одномандатным округам и др.) расценивать как ставку руководства страны на сворачивание политической конкуренции в целом. Речь идет о том, чтобы придать процессам политической конкуренции и демократизации в целом управляемого характера. Политическая конкуренция всегда рассматривалась как важный политический институт, который нужно развивать. В этом плане показательным следующее высказывание Д. Медведева сделанное в ноябре 2010 г.: «Не секрет, что с определённого периода в нашей политической жизни стали появляться симптомы застоя, возникла угроза превращения стабильности в фактор стагнации. А такой застой одинаково губителен и для правящей партии, и для оппозиционных сил. Если у оппозиции нет ни малейшего шанса выиграть в честной борьбе — она деградирует и становится маргинальной. Но если у правящей партии нет шансов нигде и никогда проиграть, она просто «бронзовеет» и в конечном счёте тоже деградирует, как любой живой организм, который остаётся без движения»²⁶.

Если говорить об управлении предложением политического рынка, то нужно отметить, что президент и его администрация с начала 2000-х гг. активно включились в проектирование партийной системы²⁷. При этом в уменьшении числа партий сверхзадачей было не административное по духу упрощение политического процесса, а повышение статуса партий и большая партийность, партийная структурированность политического процесса. При этом прав Гельман в том, что «в то время как российский политический режим в 1990-е годы был конкурентным, но по преимуществу непартийным, в 2000-е годы он становится все более и более партийным и все менее и менее конкурентным»²⁸.

Нужно отметить, что критически настроенные по отношению к власти исследователи и оппозиционеры в любом изменении партийного и электорального законодательства в 2000-е гг. видели попытки обеспечить преимущества в конкурентной борьбе для провластных политических сил, технологии искажения воли избирателей²⁹. При этом

²⁵ Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М., 2004. С. 398.

²⁶ Медведев Д. Наша демократия несовершенна, мы это прекрасно понимаем. Но мы идём вперёд. Запись в блоге [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kremlin.ru/news/9599>

²⁷ Михалева Г.М. Роль оппозиции и псевдооппозиции в партийной системе России // Политические партии и политическая конкуренция в демократических и недемократических режимах. М., 2010. С. 80-82; Третьяков Д.Г. Основные тенденции эволюции электоральной функциональности партий в современной России // Известия Саратовского университета. 2012. Т.12. Сер. «Социология. Политология». Вып. 1. С. 111-113; Чувилина Н.Б. Эволюция российских региональных электоральных процессов в условиях институционально оформленного доминирования федеральных акторов в региональных политических процессах (2005-2011 гг.) С. 143-144; Ясин Е.Г. Указ. соч. С. 215-218.

²⁸ Гельман В.Я. Указ. соч. С. 137.

²⁹ Об этом см.: Федоров В.В. Русский выбор. Введение в теорию электорального поведения. М., 2010. С. 97-99.

критиками власти кроме изменения закона о партиях, перевода парламентских выборов на полностью пропорциональную, а выборов в местные законодательные собрания – на частично пропорциональную систему, упоминались повышение заградительного барьера, отсекающего от парламентских кресел партии, набравшие меньше 7% голосов, ужесточение правил регистрации кандидатов и партийных списков, отмена голосований «против всех» и порога явки на выборы³⁰.

Действительно все эти изменения в законодательстве были, но партия власти не приобрела существенных преимуществ. А с введением пропорциональной системы у «ЕР» появились лишние проблемы, ибо ей проще получать голоса за счет одномандатников. Как показывает электоральная практика с отменой одномандатных округов при выборах в ГД и обязательном выборе не менее половины депутатов законодательных собраний по партийным спискам роль партийной оппозиции и политической конкуренции возросла. Выборы по партийным спискам привели и к приданию политической конкуренции реального характера. Так на выборах в Областную думу Белгородской области в октябре 2010 г. по 17 одномандатным округам победили выдвиженцы одной партии – «Единой России» и самовыдвиженцы, в то же время по единому избирательному округу из 18 мандатов у «Единой России» – лишь 12. Если бы выборы проходили только по одномандатным округам, то вполне возможно областной парламент был бы однопартийным.

Пропорциональная система дает шанс всем партиям, в том числе и непарламентским, и на муниципальных выборах. В этом плане характерен пример с выборами в марте 2010 г. в Тульскую городскую думу, где выборы проходили исключительно по партийным спискам (по пропорциональной системе). Из 35 депутатских мандатов «Единая Россия» получила 16 депутатских мандатов, КПРФ – 6 мандатов, «Справедливая Россия» – 6, ЛДПР – 3, «Яблоко» – 4 депутатских мандата. То есть партия власти не набрала даже половины мандатов. В то же время на выборах депутатов Липецкого городского Совета депутатов такое же количество депутатов – 35 избирались по мажоритарной избирательной системе, то есть по одномандатным округам. Среди политических партий мандаты распределились следующим образом: «Единая Россия» получила 91,43 %, кандидаты, выдвинутые в порядке самовыдвижения – 8,57 % от общего числа замещаемых мандатов. Подобное случилось и при выборах Совета депутатов города Белгорода в 2008 г.: все 27 депутатов – представители «Единой России». Здесь мы имеем дело с явной монополией партии власти. Если бы выборы проходили по партийным спискам, подобной монополии не было бы. Введение на муниципальных выборах пропорциональной составляющей оживило политическую конкуренцию позволило тем или иным группировкам элиты под «партийным флагом» войти в органы власти, что бы они не смогли сделать в условиях доминирования мажоритарной системы.

И можно согласиться с В.В. Федоровым, что «к схожему эффекту привела и отмена возможностей голосовать «против всех»: абсурдно предполагать, что избиратели, раньше выбиравшие этот пункт и планировавшие голосовать против всех вновь, лишившись этой возможности, проголосуют за правящую партию! Скорее всего, они проголосуют за одну из оппозиционных партий или вообще проигнорируют выборы. Тогда как прежде голоса, отданные против всех, пропорционально перераспределялись между всеми партиями, участвовавшими в выборах. То есть «Единая Россия» от отмены «против всех» проиграла, тогда как оппозиционные партии – выиграли»³¹.

При проектировании и выстраивании политической системы, управлении политической конкуренцией со стороны президента и его администрации далеко не все удалось. Вполне удачным оказался партийный проект «Единая Россия», как проект партии власти. Менее удачным была реализация проекта «Справедливая Россия» – эта партия оказалась жизнеспособной и даже парламентской, но своей цели, объединение левых и левоцентристских политических сил, где главным было поглощение КПРФ, не выполнила. До сих пор, несмотря на усилия Кремля, в стране отсутствует мощная правая партия: ГД РФ имеет «левое крыло» (две партии) и не имеет «правого крыла». Хотя на выборах в декабре 2011 г. партия «Правое дело», партия праволиберальной идеологической направленности, при-

³⁰См.: Бузин А.Ю., Любарев А.Е. Преступление без наказания: Административные избирательные технологии федеральных выборов 2007-2008 годов. М., 2008. С. 30-42.

³¹ Федоров В.В. Указ. соч. С. 101-102.

нимала участие, но не сумела преодолеть 7-процентный барьер: она набрала лишь 0,60% голосов избирателей. В то же время задача осуществления непопулярных реформ требует наличия правой партии в парламенте страны: она взяла бы на себя ряд законодательных инициатив, которые не решается вносить партия власти, партия центристская, вынужденная проводить право-левую политику. В правой, либеральной партии нуждается и значительная часть электората – примерно 10-15% населения России³². Таким образом, на политико-партийном рынке нет товара, на который есть спрос.

При этом вряд ли можно согласиться с аналитиками Левада-Центра, говорящими о крайней узости спектра партий, допущенных в 2011 г. к думским выборам, в частности, об отсутствии удовлетворения запроса на социал-демократию³³. Спрос на левоцентристскую партию, партию социал-демократического формата в значительной мере удовлетворяет «Справедливая Россия», являющаяся членом Социалистического Интернационала, объединяющего социал-демократические, социалистические, лейбористские партии всего мира.

Следует отметить, что рационализм кремлевских политтехнологов столкнулся с растущим недовольством, нетерпением определенной части населения России, носителями новой политической культуры гражданской активности, которая несет в себе желания участвовать в принятии политических решений, выдвижении политических проектов. Массовые протесты в декабре 2011 г. спровоцировали не только реально имевшие место фальсификации на выборах в ГД РФ. Недовольство вызывала и низкая степень конкурентности в формировании органов власти, отсутствие каналов, лифтов для попадания во властные структуры амбициозных, критически настроенных людей. Ограниченный партийный плюрализм привел и к снижению легитимности власти. В связи с этим действующая власть пошла на ряд шагов, обеспечивающих повышение конкурентного начала в формировании органов власти: возвращены прямые выборы населением глав регионов, с 7% до 5% снижен процентный барьер для прохождения партий в ГД РФ. Кардинально были расширены рамки партийного плюрализма: в 80 раз снижена планка минимальной численности партий – с 40 тыс. до 500 членов³⁴. Число партий стало быстро расти: к маю 2013 г. их количество достигло 65 партий³⁵.

Подобные изменения в законодательстве рядом аналитиков были расценены как грамотная и взвешенная политика, как шаги к более гибкой и тонкой системе управления страной, что позволило преодолеть турбулентность общества, его раскол, удержаться от «силового сценария», к которому подталкивали организаторы протестных акций³⁶.

Расширение сфер демократической политической конкуренции, обусловленное возвращением к выборам глав регионов непосредственно населением регионов, связано и с возвращением к практике выбора населением глав муниципальных образований, там, где она была прекращена.

Разумеется, институционализация политической конкуренции предполагает, что она проходит по правилам, является честной конкуренцией. Между тем масштабы фальсификации в электоральных процессах в России остаются значительными: эти фальсификации как раньше, так и сейчас происходят, главным образом, путем использования административного ресурса. При этом в 2000-е годы фальсификаций не стало больше, чем в 1990-е годы, однако изменилось отношение общества к ним: оно стало более чувствительно к ним, что явилось причиной масштабных протестов. Согласно данным Лева-

³² О месте либеральных сил в политическом спектре современной России см.: Попова О.В. Политика современного российского государства в отношении несистемной оппозиции // Политические партии и политическая конкуренция... С. 99; Российские парламентские выборы: Электоральный процесс при авторитарном режиме. М., 2012. С. 14-15 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.levada.ru/sites/default/files/levada-elections2011_0.pdf

³³ Российские парламентские выборы... С. 15.

³⁴ Подробнее об этом см.: Максимов А.М. Эволюция российской партийной системы в апреле-июле 2012 г. // Научные ведомости БелГУ. Сер. «История. Политология. Экономика. Информатика». 2012. № 19 (138). Вып. 24. С. 150-153.

³⁵ Список зарегистрированных политических партий [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://minjust.ru/nko/gosreg/partii/spisok>

³⁶ Итоги политического года: турбулентность преодолена? М., 2012. Центр политической информации. С. 5-7 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.polit-info.ru/press-center/news/20.htm>

да-Центра, если по результатам предыдущих выборов в ГД РФ 2007 года «их назвали честными... 60% россиян, а нечестными – 20%, то сразу после выборов 2011 г., в середине декабря, относительное большинство взрослого населения России (45 против 35%) оценили их как нечестные»³⁷. Именно после выборов в ГД РФ в 2011 г. протесты против их фальсификации имели наибольший размах.

При этом оценка масштабов фальсификации со стороны оппозиции была явно не точной. Об этом говорится даже в докладе «Центра Юрия Левады», который достаточно критично относится к действиям власти и открыто симпатизирует оппозиции. «То, что часть голосов избирателей были отняты у оппозиционных «Единой России» партий или у кандидатов, противостоящих Путину, мало кто ставит под сомнение, спор идет о величине этих манипуляций с голосами: наиболее радикальные выступавшие заявляют, что сфальсифицированы 13 млн. голосов (17% от проголосовавших) или даже больше, более умеренные правозащитники и наблюдатели называют цифру 7 млн. (10%). Но и те, и другие объединяются против социологов Левада-Центра, которые приводят цифру в 3.5-4 млн. голосов (4-6% в зависимости от предполагаемого числа «реальных» избирателей). Специалистов Центра подозревают в том, что они «работают на Кремль» и «корректируют свои данные» с учетом запросов путинской администрации. Или наоборот, что ЦИК корректирует свои данные с учетом сфальсифицированных данных опросов Левада-центра»³⁸. Аналитики Левада-центра призывают, с чем необходимо согласиться «разделять «нечестность выборов», то есть несоответствие их демократическим стандартам, обусловленные авторитарным характером политической системы (использованием административного ресурса, избирательным правоприменением, произволом исполнительной власти и проч.), и прямые подлоги и фальсификации результатов голосования (вбросы бюллетеней, переписывание протоколов и т.п. искажения данных о голосовании избирателей). Но чтобы четко разделить эти плоскости анализа, необходимо ясно представлять себе, что мы имеем дело с разными типами избирательного поведения»³⁹.

По мнению авторов Аналитического доклада Левада-Центра, «общий объем всех рациональных типов избирательного поведения в сегодняшней России можно оценить ориентировочно в 35-40% (включая и лояльных к власти респондентов или даже отказ от выборов, который составляет 6-8% от общего числа избирателей). Масштаб инерционно-конформистского или привычно-покорного поведения избирателей в условиях слабого авторитарного режима – в 45-50%, индифферентного неголосования – в 10-15%. Именно такие распределения типов массового сознания фиксируются регулярными социологическими исследованиями. Без учета различий в типах мотивации электорального поведения возникает опасность включения в категорию «фальсификации» многочисленных вариантов покорно-конформистского поведения»⁴⁰.

Преувеличение масштабов фальсификации со стороны протестантов связано с абсолютизацией собственной позиции, заключающейся в противостоянии «партии власти». Согласно данным опроса участников митинга на проспекте Сахарова, голосовавших за «Справедливую Россию» среди них было 12%, за ЛДПР – 7%, за КПРФ – 19%, за «Яблоко» – 38%, а за «Единую Россию» – 0,4%, испортили бюллетень – 7%, не голосовали – 13%. Подобный же расклад политических симпатий был также среди участников шествия 4 февраля 2012 г.⁴¹ По мнению участников митинга, также как они должны были голосовать и другие избиратели, а если официальные результаты свидетельствуют об иных предпочтениях граждан России, то эти данные сфальсифицированы. Но нужно согласиться с мнением директора ВЦИОМ В.В. Федорова, что «... в отсутствие убедительных социологических данных, отличающихся от официальных результатов голосований, любая попытка объявить их сфальсифицированными по определению является голословной пристрастной и политически ангажированной»⁴². Также он пишет о том, что попыт-

³⁷ Российские парламентские выборы... С. 27.

³⁸ Там же. С. 34.

³⁹ Там же. С. 39.

⁴⁰ Там же. С. 41.

⁴¹ Там же. С. 32-34.

⁴² Федоров В.В. Указ. соч. С. 106.

ки оппозиции и вести параллельный подсчет голосов привели к результатам, сходным с официальными⁴³.

Можно сказать, что неверная оценка не только масштабов фальсификаций, но самих электоральных намерений населения, связана с плохим знанием оппозиции своей страны, доминирующей в ней электоральной культуры и политической культуры в целом, абсолютизацией своих политических ценностей, игнорированием самой возможности, что это ценности и взгляды не большинства, а меньшинства.

Несомненно, прав С.Г. Зырянов, утверждающий, что «получившая в современной России, в силу низкого уровня политической и гражданской институционализации, преимущественная практика применения манипулятивных политических технологий, в начале XXI в. монополизирована административно-политическими элитами и ориентирована на расширение «управляемого электората»⁴⁴. Оппозиционные силы России часто говорят даже о тотальной управляемости выборами со стороны власти, но не надо преувеличивать степень управляемости выборами и политической конкуренцией. Управление электоральными процессами дает какие-то положительные результаты при успешной политике власти. Неудачная политика российской власти, какой она была в 90-е гг., сопровождалась и неудачами в партийном проектировании и в обеспечении нужных власти результатов политической конкуренции. Тогда так и не удалось создать доминирующую партию власти (прокремлевская партия «Наш дом Россия» набрала на выборах в 1995 г. только 10,13% голосов избирателей)⁴⁵, следствием чего была изнурительная борьба Президента РФ Б. Ельцина с законодательной властью в лице ГД РФ. В свою очередь успешная политика В. Путина позволила в 2003 г. «кремлевскому проекту» – партии «Единая Россия» – получить в ГД РФ конституционное большинство. Но финансово-экономический кризис, начавшийся в 2008 г., ухудшил или, по крайней мере, не улучшил положение многих россиян, уже привыкших к положительной динамике развития России и росту своих доходов, поэтому на выборах в ГД РФ в декабре 2011 г. партия «Единая Россия» потеряла конституционное большинство в нижней палате российского парламента: она сейчас там имеет 238 мест из 450 против 315 в прежнем созыве. При выборах Президента РФ в 2012 г. В. Путин не смог повторить предыдущие электоральные рекорды: он получил 63,6% голосов избирателей против 71,3% в 2004 г. Разрыв между В. Путиным и наиболее успешным соперником сократился с 57,6% в 2004 г. до 46,4% в 2012 г. Оппозиционные силы полагали, что данная тенденция снижения популярности действующей власти будет продолжена, и ожидали дальнейшего обострения конкуренции, как возрастания шансов оппозиционных сил на победу. Но углубления социально-экономического кризиса не произошло, власть и в центре и на местах сохранила позитивную динамику общественных процессов, поэтому вопреки ожиданиям оппозиции региональные выборы, прошедшие в единый день голосования в октябре 2012 г. показали достаточно высокий уровень поддержки действующей власти со стороны населения: везде на выборах в региональные законодательные собрания победила «Единая Россия» (она сохранила там большинство депутатских мандатов), а на выборах глав регионов уже в первом туре со значительным перевесом победили выдвиженцы этой партии власти.

На наш взгляд В. В. Федоров верно отметил, что «секрет успеха Путина в том, что ... он двигался в русле общественных ожиданий, опирался на возрождающиеся традиционные российские ценности и архетипы»... Если вкратце сформулировать суть PR-концепции его имиджа, то она состоит в персонализации надежд и ожиданий большинства населения в личности политического лидера»⁴⁶ ...Массовый запрос на стабильность был удовлетворен в полной мере. В этом смысле Путина можно считать демократическим лидером – ведь он точно следовал пожеланиями большинства населения страны!»⁴⁷

⁴³ Там же. С. 94-95.

⁴⁴ Зырянов С.Г. Современные электоральные процессы: взаимосвязь поведенческого и институционального аспектов (политологический анализ): автореф. дис ... д-ра полит. наук. Ростов-н/Дону, 2008. С. 17.

⁴⁵ Ясин Е.Г. Указ. соч. С. 215.

⁴⁶ Федоров В.В. Указ. соч. С. 328.

⁴⁷ Там же. С. 343.

Электоральный успех «Единой России» обусловлен тем, что, как отмечает В.Я. Гельман, ее программные позиции находятся «вблизи точки “медианного избирателя” по любым проблемным измерениям»⁴⁸. Согласно данным опроса ВЦИОМ, «у всех умеренных – и левых, и правых, и патриотов, есть больше того, что объединяет, чем разделяет. И это общее объединяющее начало оказывается достаточным для того, чтобы образовать мощную коалицию в самом центре политического спектра, вытеснив крайности на его периферию»⁴⁹. Эту коалицию и представляет «Единая Россия».

Следует отметить, что успех партии власти объясняется и тем, что «Единая Россия» сконцентрировала вокруг себя все ресурсы – организационно-административные, информационные, финансовые, имиджевые, агитационные и др. Видимо главный у ЕР ресурс – имиджевый. Эта партия позиционирует себя как «партия Путина», и поэтому выборы приобретают на федеральном уровне плебисцитарный характер (одобрение или нет деятельности В. Путина)⁵⁰.

Велика роль организационного ресурса в силу того, что политическая элита страны сконцентрирована в преобладающей массе в этой партии. Большой разрыв между партиями и в плане финансовых возможностей. Так, на выборах в октябре 2010 г. в Областную думу Белгородской области избирательный фонд «Единой России» составлял 19 млн. 750 тыс. (поддержку оказали более двух десятков организаций). У ее соперников избирательные фонды были неизмеримо меньше: КПРФ – 1 млн. 730 тысяч (только собственные средства), «Справедливая Россия» – 6 млн. (поддержку оказали 3 крупных кампании), ЛДПР 2 млн. 500 тыс. (собственные средства). И совсем незначительным избирательный фонд был у непарламентской партии «Патриоты России» – 134 тыс. (собственные средства)⁵¹. Различен и кадровый потенциал партий. На этих же выборах в Областную думу в списке от «Единой России» преобладала областная элита во главе с белгородским губернатором Е. Савченко в качестве своеобразного «паровоза». В списке же, например, ЛДПР были и один студент, и четверо «временно не работающих». Подобная картина и в других «невластных» партиях⁵².

Современное российское законодательство направлено на выравнивание возможностей различных политических сил. Устанавливаются предельные размеры избирательных фондов. Парламентские партии получили гарантии равного освещения их деятельности в государственных средствах массовой информации. Эта норма перенесена на региональные парламенты. Осуществлены или запланированы и другие изменения в законодательстве, содействующие упорядочению и обострению политической конкуренции. Однако это не устраняет реального неравенства политических сил и имеющая место динамика политической конкуренции, в целом, верно отражает расклад политических сил, и объясняют феномен электорального авторитаризма, когда население голосует за возможность одному человеку, опирающемуся на контролируруемую им партию, принимать основные политические решения.

⁴⁸ Гельман В.Я. Указ. соч. С. 143.

⁴⁹ Кризис и идейно-политические взгляды россиян: левый поворот или объединение вокруг власти // ВЦИОМ. Пресс-выпуск №1147. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=268&uid=11340>

⁵⁰ Следует отметить, что на региональном уровне эта связь партии с В.Путиным в сознании населения ослабевает. На муниципальном уровне выборы уже не носят характер плебисцита. Именно здесь можно ожидать обострения межпартийной конкуренции.

⁵¹ См.: Сведения о поступлении и расходовании средств избирательных фондов избирательных объединений, выдвинувших зарегистрированные списки кандидатов в депутаты Белгородской областной Думы пятого созыва. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.belgorod.izbirkom.ru/WAY/2BCCoFAE-273E-4A1B-9213-BD213C4612CB.html>

⁵² Выборы депутатов Белгородской областной Думы пятого созыва [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.belgorod.izbirkom.ru/WAY/BE495B9C-0222-437C-BA85-86D606E0F51E.html>

DYNAMICS OF THE POLITICAL COMPETITION IN RUSSIA DURING THE POSTREORGANIZATION AND POST-SOVIET PERIODS

V.N. SHILOV
A.P. RYLKINA

*Belgorod National
Research University*

e-mail: Shilov@bsu.edu.ru

e-mail: rylkinaalla@rambler.ru

The reasons of high level of a political competition in Russia in 90th years of the last century and its decrease in the beginning of 21st century, factors promoting formation of electoral authoritarianism are analyzed. The relation of a political management of Russia to a competition, its management of a political competition is examined. The estimation of character and scales of falsifications on elections is given.

Keywords: political competition, elections, Russia, V.V. Putin, electorate, political elite, political culture, democracy, authoritarianism.

УДК 327.7(4: 477)

ЕВРОРЕГИОН КАК ФОРМА РАЗВИТИЯ ТРАНСГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА: ИСТОРИЯ И ОСОБЕННОСТИ

С.Н. КОРОЛЬ*Сумский государственный
университет, Украина**e-mail: sergey_korol_81@mail.ru*

Рассматривается история развития и анализируется опыт трансграничного сотрудничества в Европе и Украине через развитие механизмов работы еврорегионов. Предлагается классификация еврорегионов, в которых принимает участие Украина.

Ключевые слова: еврорегион, трансграничное сотрудничество, Европа, Европейский Союз, Украина, Россия.

Процесс создания еврорегионов в Западной Европе начался после Второй мировой войны и имел целью активизацию социально-экономического развития территорий, принадлежавших еврорегиональным объединениям. Деятельность еврорегионов рассматривалась в странах Западной Европы как способ построения нового экономического и общественного порядка, активизации участия в процессах европейской интеграции территорий провинциального и муниципального уровней¹. Основоположниками этого процесса были норвежские, шведские, финские, голландские, немецкие и французские пограничные регионы. Основной предпосылкой развития еврорегионов было усиление и углубление трансграничного сотрудничества, добрососедских взаимоотношений между территориальными общинами и органами власти, а также стремление к устранению границ между странами-участницами ЕС².

Активное развитие интеграционных процессов стало предметом анализа следующих ученых: В.В. Белевцевой, О.М. Заморы, Н.М. Ильченко, Е.Б. Кіш, Р.И. Коцан, В.С. Куйбиды, Н.А. Микулы, Ю.Н. Палехи, Г.П. Подгрушного, Е.Н. Сыча, П.А. Черномаза, И.М. Школы, В. Ястшебської, З.С. Варналий.

Целью исследования является анализ истории развития еврорегионов как самой распространенной формы трансграничного сотрудничества в Европе и Украине.

Первый еврорегион появился на границе Германии и Нидерландов в 1958 году под названием «EUREGIO». В дальнейшем еврорегионы стали распространяться по всей Европе. Еврорегионы часто объединяют территории, связанные географически: например, регион «Баварский лес – Богемский лес / Шумава», расположенный в едином лесном массиве Германии, Австрии и Чехии, или «Татры» – в единой горной системе Польши и Словакии. В других случаях территории могут быть связаны исторически: чешско-польский еврорегион «Силезия», созданный на территории средневекового независимого государства; австро-венгерское трансграничное образование «Западная Паннония» – часть древнеримской провинции.

Существующие еврорегионы объединены в Ассоциации европейских приграничных регионов (англ. Association of European Border Regions, AEBR), созданную в 1971 г. Членами AEBR в настоящее время является 90 из 115 реально действующих еврорегионов. С 1985 г. действует Ассамблея европейских регионов (англ. Assembly of European Regions, AER), которая также принимала участие в координации деятельности еврорегиональных образований³.

Как отмечает П.О. Черномаз, еврорегионы образовались в пределах основных осей трансграничного сотрудничества: Североморско-Средиземноморской, что идет вдоль линии государственной границы между Германией, Нидерландами, Бельгией,

¹ Коцан Р.І. Функціонування єврорегіонів за участю Польщі: досвід для України // Вісник Волинського національного університету імені Лесі Українки. 2009. № 4. С. 108.

² Сич Є.М., Стратегічні напрямки інтеграції транскордонних транспортних систем в рамках євро-регіону «Дніпро» // Вісник Чернігівського державного технологічного університету. 2010. № 41. С. 15.

³ Палеха Ю.М. Перспективи формування транскордонного регіону Україна-Польща // Єврорегіон Буг: проблеми і перспективи транскордонного співробітництва. Луцьк, 1996. С. 17.

Люксембургом, Францией, Швейцарией и Италией; Балтийско-Адриатической, что идет вдоль линии границы между западноевропейскими странами (Германия, Австрия, Италия) и постсоциалистическими государствами Восточной Европы (Польша, Чехия, Словакия, Венгрия, Словения); Балтийско-Черноморской, что идет вдоль западного рубежа бывшего СССР, включая Калининградскую область Российской Федерации, Польшу, Литву, Беларусь, Украину, Словакию, Венгрию, Румынию и Молдову. В 1990-е годы к перечисленным трем осям (полосам) добавилась еще одна – Баренцево-Черноморская, которая сформировалась на границе Российской Федерации с европейскими странами – Норвегией, Финляндией, Эстонией, Латвией, а также Беларусью и Украиной⁴.

Как отмечает профессор Н.А. Микула, еврорегионы могут создаваться:

– в пределах ЕС. К этой группе относятся еврорегионы, которые созданы на внутренних границах стран-членов ЕС. Это самые старые регионы с большим опытом работы, Еврегио, Маас-Рейн и др. Членами этих еврорегионов являются территориальные органы власти и различные общественные организации. Внутри стран-членов ЕС уровень компетенции территориальных органов власти по обе стороны границы очень близкий, существуют сходные условия проживания населения, есть совместная законодательная база и возможности ее развития. Финансовая помощь для реализации совместных программ и проектов в этих еврорегионах осуществлялась программами INTERREG;

– государствами-членами ЕС и государствами, не входящими в Евросоюз. К этой группе относятся еврорегионы, созданные на внешних границах ЕС – еврорегионы на границе Германии и Польши и Чехии, Австрии и Венгрии, а также Словакии, Финляндии и России и т.д. Для этих еврорегионов характерен разный уровень компетенции территориальных органов власти, экономического развития, жизни населения, отсутствует общая законодательная база. Финансовая помощь здесь обеспечивалась программами INTERREG / PHARE CBC и INTERREG / TACIS CBC;

– вообще вне зоны ЕС (как правило, с участием республик бывшего СССР). К третьей группе можно отнести еврорегионы, созданные странами Восточной Европы – на границах между Польшей, Чехией и Словакией, Украиной и Белоруссией, Венгрией и Украиной и т.д. Хотя уровень экономического развития и жизни населения здесь очень похож, однако характерной особенностью этой группы является низкий уровень компетенции региональных и местных органов власти, не достаточный для самостоятельного, без вмешательства государства, решение многих вопросов. Финансовая помощь здесь обеспечивалась по программам PHARE CBC / PHARE CBC и PHARE CBC / TACIS CBC⁵.

Ныне в Европейском Союзе насчитывается 75 еврорегионов, в которых принимают участие 38 государств. Опыт функционирования еврорегионов, сформированных и между государствами-членами Евросоюза, и между странами ЕС и государствами, которые не входят в это сообщества, представляет особый интерес.

Среди них к наиболее успешным современным еврорегионам Н.А. Микула относит:

– «Адриатика» (Adriatic) – включает территории Албании, Боснии и Герцеговины, Хорватии, Италии, Черногории и Словении (создан в 2006 г.);

– «Баварский лес – Богемский лес / Шумава» (Euroregio Bayerischer Wald-Böhmerwald / Sumava) – Германия, Австрия, Чехия (создан в 1994 г.);

– «Беласица» (Belasica) – Болгария, Греция, Македония (создан в 2003 г.);

– «Добрава» (Dobrava) – Чехия и Польша (создан в 2001 г.);

– «Эльба-Лаба» (Elbe-Labe) – Чехия и Германия (создан в 1992 г.);

– «Маас-Рейн» (Meuse-Rhin) – Бельгия, Германия, Нидерланды (создан в 1976 г.);

– «Померания» (Pomerania) – Дания, Германия, Польша, Швеция (создан в 1995 г.);

– «Силезия» (Silesia) – Чехия, Польша (создан в 1998 г.);

– «Татры» (Tatras) – Польша, Словакия (создан в 1994 г.);

– «Трира» (TriRhena) – Германия, Франция, Швейцария (создан в 1995 г.);

– «Западная Паннония» (англ. West Pannonia) – Австрия, Венгрия (создан в 1998 г.)⁶.

⁴ Черномаз П.О. Міжрегіональне транскордонне співробітництво в Європі: від еврорегіонів до об'єднань еврорегіонального співробітництва // Регіон-2011: стратегія оптимального розвитку: Матеріали науково-практичної конференції з міжнародною участю. Харків, 2011. С. 58.

⁵ Микула Н. Еврорегиони: досвід та перспективи. Львів, 2003. С. 123-124.

⁶ Микула Н. Міжтериторіальне та транскордонне співробітництво. Львів, 2004. С. 348-349.

Внедряя концепцию выравнивания уровня развития европейских регионов, Европейский Союз с самого начала видел в трансграничном сотрудничестве эффективное средство стимулирования национальными правительствами трансграничных проектов, что осуществляется на уровне регионов. Такие проекты и программы несли в приграничные регионы не только дополнительные средства ЕС, но и новые технологии, новые стандарты социальной политики, современные образовательные инициативы⁷.

Украина, благодаря выгодному геополитическому положению, имеет значительные потенциальные возможности развития трансграничного сотрудничества, поскольку 19 из 25 регионов являются пограничными, а внешняя граница – самая длинная среди европейских стран. Особенностью трансграничного сотрудничества Украины является то, что оно происходит не только на границах Украины со странами Европейского Союза, но и на границах со странами, не входящими в состав ЕС, Россией, Беларусью и Молдовой. Так, протяженность границ с Россией Федерацией составляет около 2300 км, со странами ЕС – 1390 км, Беларусью и Молдовой – более 2300 км.⁸

Положительный опыт функционирования еврорегионов, который очень полезен для Украины, накопила Польша, громко заявляющая о своей роли регионального лидера в регионе⁹. Первые еврорегионы с ее участием были созданы тогда, когда страна еще не была членом ЕС. Сейчас, когда Польша является полноправным членом этого авторитетного сообщества, процессы трансграничного сотрудничества и деятельности еврорегионов интенсифицируются, расширяются возможности сотрудничества между приграничными территориями государств-участниц. Поэтому опыт создания, функционирования еврорегионов и реализации программ и проектов сотрудничества является особенно ценным для Украины, которая после получения независимости также присоединилась к данному процессу и участвует в целом ряде еврорегиональных образований¹⁰.

С 1993 года Закарпатская, Ивано-Франковская, Львовская и Черновицкая области вместе с пограничными административными единицами Польши, Словакии, Венгрии и Румынии вошли в Международную ассоциацию «Карпатский еврорегион». С 1995 года действует еврорегион «Буг» в составе Волынской области Украины, Брестской области Беларуси и Люблинского воеводства Польши. Пограничные территории Украины, Румынии и Молдовы создали еврорегион «Нижний Дунай» (с 1998 г.) и «Верхний Прут» (с 2000 г.). В 2012 году был создан еврорегион «Днестр».

Сегодня Украина в сотрудничестве с другими странами имеет положительные достижения, когда еврорегионы, как самая распространенная форма территориального сотрудничества, развиваются не только на границах с западными соседями, но и с восточными¹¹. На востоке Украины региональная интеграция началась несколько позже, чем на западе. Но и здесь в 2003 г. были созданы еврорегионы «Днепр» (Черниговская область Украины, Гомельская область Беларуси и Брянская область РФ) и «Слобожанщина» (Белгородская область России и Харьковская область Украины). В 2007 году создан еврорегион «Ярославна» в составе Курской области России и Сумской области Украины. Также в октябре 2010 года было подписано соглашение о создании еврорегиона «Донбасс» в составе Ростовской области России и Луганской области Украины. В ближайшей перспективе планируется присоединение к этому еврорегиону Донецкой области. В сентябре 2006 года было подписано Соглашение о создании Международной ассоциации «Черно-

⁷ Белевцева В.В. Основні аспекти транскордонного співробітництва та пріоритетні напрями зовнішньої політики України // Вісник Хмельницького інституту регіонального управління та права. Сер. «Механізми державного управління». 2004. № 1-2. С. 308.

⁸ Ільченко Н. М. Транскордонне співробітництво в Україні: перспективи розвитку еврорегіонів // Державне будівництво. 2012. № 2 [Електронний ресурс]. Режим доступу: <http://www.kbuara.kharkov.ua/e-book/db/2012-2/doc/2/21.pdf>

⁹ Кіш С. Регіональний вимір зовнішньої політики України // Українознавство. 2008. № 1. С. 108.

¹⁰ Коцан Р.І. Указ. соч. С. 108.

¹¹ Замора О.М. Теоретичні основи нагромадження потенціалу транскордонного співробітництва прикордонного регіону // Економіка і регіон. 2009. № 3 (22). С. 33.

морский еврорегион», куда вошли Азербайджан, Албания, Армения, Болгария, Греция, Грузия, Молдова, Россия, Румыния, Сербия, Турция и Украина¹².

Автор, исследуя деятельность еврорегионов с участием Украины, классифицирует их на три вида:

– еврорегионы образованные с государствами, входящими в состав Евросоюза, и действующие на границах Украины со странами-членами ЕС («Карпатский еврорегион», еврорегион «Буг», еврорегион «Нижний Дунай», еврорегион «Верхний Прут», еврорегион «Днестр»);

– еврорегионы с государствами, которые не входят в состав Евросоюза и не имеют общей границы со странами-членами ЕС (еврорегион «Днепр», еврорегион «Слобожанщина», еврорегион «Ярославна», еврорегион «Донбасс»);

– еврорегионы, образованные с государствами, входящими в состав Евросоюза, и действующие на границах Украины, а также с государствами не входящих в состав ЕС (Международная ассоциация «Черноморский еврорегион»).

Опыт функционирования еврорегионов дает основания утверждать, что они имеют высокий потенциал по созданию механизмов решения целого ряда проблем межгосударственных и внутрисоюзных отношений, а именно: политическая и экономическая стабильность; проблемы этнических меньшинств; разработка совместных программ регионального развития и пространственного планирования; диверсификация экономики национальных частей еврорегиона; увеличение объемов привлечения финансовых ресурсов (инвестиций, займов и кредитов); обеспечение развития транспортно-коммуникационной, энергетической, пограничной, предпринимательской, информационной инфраструктуры; развитие трансграничного туризма; совместное использование имеющихся ресурсов и инфраструктуры; охрана окружающей среды¹³.

Новая волна расширения ЕС, связана со вступлением в него государств, являющихся соседями Украины, создает новые стратегические перспективы для углубления интеграционных процессов в украинском государстве. Непосредственное соседство с ЕС делает роль приграничных регионов в международном сотрудничестве очень важной с политической и экономической точек зрения. Вступление в ЕС таких стран как Польша, Словакия, Литва, Латвия, Эстония может способствовать продвижению украинских интересов в ЕС¹⁴.

Можно надеяться, что использование опыта трансграничного сотрудничества в формате еврорегионов будет, с одной стороны, способствовать продвижению Украины в Евросоюз, а с другой содействовать развитию отношений с приграничными регионами стран Таможенного союза – России и Беларуси.

EUROREGION AS A FORM OF CROSS-BORDER COOPERATION: HISTORY AND FEATURES

S.N. KOROL

Sumy State University, Ukraine

e-mail: sergey_korol_81@mail.ru

The history of development and the experience of cross-border cooperation in Europe and Ukraine through the development of mechanisms of the European regions are examined. There is a classification of European regions, in which Ukraine participates is given.

Keywords: Euro-region, cross-border cooperation, Europe, the European Union, Ukraine, Russia.

¹² Ястшембська В. Роль єврорегіонів і транскордонного співробітництва у процесі європейської інтеграції [Електронний ресурс]. Режим доступу: [http://ved.odessa.gov.ua/transkordonne-spivrobotnistvo/ stati-transgranichnoe-sotrudnichestvo/rol-vroegony-transkordonnogo-spvrobotnictva-u-proces-vropejsko-ntegrac/](http://ved.odessa.gov.ua/transkordonne-spivrobotnistvo/stati-transgranichnoe-sotrudnichestvo/rol-vroegony-transkordonnogo-spvrobotnictva-u-proces-vropejsko-ntegrac/)

¹³ Школа І.М. Розвиток єврорегіонів – шлях до інтеграції України в європейське співтовариство // Університетські наукові записки. 2007. № 3 (23). С. 178.

¹⁴ Куйбіда В.С. Транскордонне співробітництво та розвиток транскордонних кластерів. К., 2009. С. 12.

УДК 321:316.4

ВОПРОСЫ ДОСТИЖЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГОРОДСКИХ КОАЛИЦИЙ РОСТА

П.Н. ЛЕВЧУК*Днепропетровский национальный
университет им. Олесь Гончара,
Украина**e-mail: metrim@i.ua*

Осуществляется анализ групповых взаимодействий правящей коалиции в контексте локальной политической среды. Рассмотрены проблемы достижения кросс-секторальной кооперации в процессе создания повестки дня коалицией роста. Оценены влияния внешних факторов и внутригрупповых изменений на возможности сохранения стабильного политического развития локального сообщества. Актуализированы основные понятия теорий городских политических режимов и машин роста.

Ключевые слова: локальные элиты, коалиция роста, политическая стабильность, локальный политический режим, селективные стимулы.

Вопросы согласования разносторонних интересов в рамках правящей коалиции при достижении общей цели развития территории являются постоянно актуализирующимися. Безусловно, стабильность политического контекста для процессов городского строительства обеспечивает единство управленческих решений, гарантирующих возможность предвидения конечных результатов реализации повестки дня. Соответственно снижается проблема неопределенности при планировании собственных стратегий политическими акторами, в целом улучшается фон для осуществления хозяйственной деятельности. Поэтому неудивительно, что именно экономические акторы заинтересованы в создании единой повестки дня, основной целью которой являлось бы развитие территории. Однако остаются традиционные вопросы принципиальной возможности достижения единства группового взаимодействия, способного реализовать частные интересы членов группы; а также возникает новое концептуальное понимание возможности взаимодействия разнородных и поливариантных общественных формальных и неформальных объединений, групп.

На сегодняшний день проблемы группового взаимодействия в рамках коалиций роста рассматриваются в работах ряда западных специалистов: К. Стоуна, Дж. Логана, Х. Молотча, Дж. Прессмана и А. Вилдавски, и прочих. В среде российских исследователей политических процессов данная проблематика была репрезентирована в работах В.Г. Ледева, Д.Б. Тева, А.В. Дуки и ряда других исследователей.

Таким образом, цель статьи состоит в рассмотрении условий и возможностей группового взаимодействия в рамках концепции коалиции роста, которое обеспечивало бы эффективную реализацию повестки дня локального политического режима.

Прежде всего, необходимо указать, что под локальным политическим режимом рассматривается локальная констелляция акторов, связанных перманентными кросс-секторальными связями и реализующими единую программу развития на ограниченной территории. При этом все возможные проекты, связанные с реорганизацией жизненного пространства увязываются с единой повесткой дня, в основе которой лежит единая стратегическая цель. В случае, рассмотрения коалиции роста, как на это указывают в частности Дж. Логан и Х. Молотч, в основе ее повестки дня лежит потребность в увеличении земельной ренты, как основного ресурса поддерживающего новые возможности развития города¹.

Логика развития коалиции роста проистекает из структурных спекуляций относительно основного ресурса локального сообщества — земли. Таким образом, развитие инфраструктурных объектов, строительство новых производств или деловых центров слу-

¹ Logan J., Molotch H. The City as a Growth Machine// Urban fortunes. The political economy of space. Berkeley, 1988. P. 47-61.

жит задачи более интенсивного использования земельного ресурса и как следствие в перспективе неограниченного увеличения его стоимости. Отсюда возникает вопрос, «который постоянно благоприятствует возникновению консенсуса между местными элитарными группами и отделяет их от людей, для которых город является местом проживания и работы. Это вопрос роста»², который, разумеется, далеко не в каждом частном случае является достаточным основанием для формирования эффективной коалиции роста. Соответственно не каждый город является тем, что называют «машиной роста». Однако следует отметить, что в условиях рыночной экономики в любом городе, который развивается, наблюдается рост цен на недвижимость, равно как и то, что его элита представляет собой политико-экономическую целостность.

Исходя из этого, далее необходимо перейти к непосредственному изучению того, каким образом достигается подобная целостность правящей коалиции, позволяющая реализовывать единую повестку дня при перманентной конкуренции частных интересов.

Как замечают Дж. Прессман и А. Вилдавски, «сложность осуществления общих действий является серьезным препятствием для эффективной реализации проекта»³, поэтому реализация многоуровневых программ обновления города требует максимальной концентрации разрозненных ресурсов и детерминирует рост напряженности между групповыми и индивидуальными интересами.

Еще одним важным моментом является формирование определенного сопротивления со стороны среды, которое связано с возникновением издержек роста (негативные изменения в экологии, появление транспортных заторов, разрушение исторического своеобразия города, подорожание жилья и прочее). Конституируется достаточно жесткое разделение внутри городской хозяйственной жизни, по которому создается фактически две альтернативы: использование земельной ренты прямым либо косвенным образом, или оплата расходов роста. При этом можно наблюдать распределение выгод роста среди основных акторов, в то время как издержки в целом переносятся на уровень городского сообщества. Подобное неравное распределение в свою очередь является основой появления прогрессистской коалиции за счет формирования мощного общественного протеста против правящей коалиции.

В результате для успешного функционирования коалиция роста должна разрешить проблемы внутренней консолидации и абсорбации протестных движений. Выполнение подобных задач служит основой стабильного развития сформированного локального политического режима.

Решение проблемы группового взаимодействия лежит в сфере институционализации коалиции роста, при этом под институтом следует понимать «совокупность индивидов, действующих в соответствии с общими правилами для достижения коллективных целей»⁴. Машины роста формируются за счет консолидации ресурсного потенциала экономических акторов при дальнейшей интервенции в сферу публичной политики. Подобная активность проявляется в ходе латентных структурных изменений, при которых происходит смещения акцентов с публично-административных ресурсов на ресурсы частного сектора. Структурная власть бизнес-элиты основывается на частном владении материальными и финансовыми ресурсами, усиливается и охраняется через поэтапное создание, разработку и актуализацию постоянного развития сети общественной кооперации. «Размещаясь в центре широкой общественной системы кооперации»⁵, бизнес-элита утверждает себя в качестве незаменимого партнера для городской управленческой коалиции. Тяжесть кросс-секторальной кооперации распределяется между акторами, которые осуществляют вызовы для повестки дня коалиции сервиса (административно-бюрократической элиты). Подобные паттерны индексируются при рассмотрении истории развития Атланты и Санкт-Петербурга, Нью-Йорка и Баден-Вюнттемберга. Масштабные городские преобразования невозможны без соединения публично-административных и экономических ресурсов сообщества.

² Ibid. P. 56.

³ Jeffrey L. Pressman and Aaron Wildavsky, *Implementation*. Berkeley and Los Angeles, 1984. P.116.

⁴ Дука А.В. Институционализация политико-административной элиты в Санкт-Петербурге // *Полития*. 2003. №2. С. 129.

⁵ Stone C. *Regime Politics, Governing Atlanta 1946-1988*. Kansas, 1989. P. 196.

Единство взаимодействия достигается не какими-либо волюнтаристскими действиями, а интродукцией методов наказания и поощрения в сферу кросс-секторальной кооперации политико-экономических акторов, через прямое использование селективных стимулов. Благодаря этому любое нарушение неформальных договоренностей внутри коалиции карается такими же неформальными, но от этого не менее действенными санкциями, которые означают прямой запрет для конкретного актора на реализацию намеченных задач, важных для собственного развития.

Использование селективных стимулов означает, что деятельность на благо коалиции для каждого конкретного актора означает непосредственное удовлетворение частных интересов. Институционализация коалиции роста означает ее способность вводить самоограничения.

Власть основывается и ограничивается следующими факторами:

1) власть распределяется между всеми членами коалиции (разумеется, в определенной пропорции уникальной для каждой эмпирической данности);

2) коалиция создается вокруг способности реагировать на изменчивые условия, она не может полагаться на то, что определенное событие обязательно состоится или не состоится;

3) совокупность договоренностей, через которые объединяется правящая коалиция, поддерживает потребности, которые связаны с необходимостью оформления самостоятельной политики. При этом последняя не зависит от персональных предпочтений ее отдельных членов⁶.

Городская деловая элита не может просто делать то, что ей вздумается; она может лишь позиционировать себя через уже достигнутые договоренности. Таким образом, бизнес-элита самоограничивается, делая это «не из-за внешних факторов, а из-за необходимости поддержки коалиционных потребностей»⁷, которые объединяются вокруг проблем эффективного управления.

В свою очередь способность коалиции роста реализовывать селективные стимулы разнообразных акторов влияет на ее возможности осуществлять решающее действие в процессе принятия повестки дня, навязывая ее местной публичной администрации. Подобное влияние обеспечивает структурную власть бизнес-элиты, поскольку, «во-первых, вытекает из объективной, присущей капиталистическим полиархиям, зависимости государственной элиты от экономики, и, во-вторых, не имеет намеренного характера, а скорее является побочным продуктом частных инвестиционных решений, принимаемых массой предпринимателей, в расчете на прибыль»⁸.

Выполнение договоренностей означает институционализацию коалиции роста, которая «заключается в закреплении действий, превращение их в типичные и привычные»⁹, что становится важным индикатором завершения процесса оформления элиты. При этом под последней понимается некая «функциональная группа, представляющая собой совокупность индивидов, занимающих значимые позиции в социальных, политических, экономических институтах, позволяющие им осуществлять интегративные и стабилизирующие функции в современном обществе и его подсистемах»¹⁰, что позволяет ей осуществлять повестку дня и монополизировать возможность удовлетворения селективных стимулов. В этом контексте «ресурсы – это средства, с помощью которых осуществляется власть как рутинная составляющая поведения в процессе социального воспроизводства»¹¹, то есть они способствуют удовлетворению существующих частных интересов через последовательный процесс конвертации: ресурсы – групповое взаимодействие – сверхресурсы.

При этом коалиция роста не формируется раз и навсегда, она предусматривает преемственность и перманентную репрезентативность самой себя в локальной политике.

⁶ Ibid.

⁷ Ibid. P. 195.

⁸ Дука А.В. Проблемы институционализации российской политико-административной элиты: экономический и глобальный аспекты // Власть и элиты в современной России. СПб., 2003. С. 175.

⁹ Дука А.В. Институционализация политико-административной элиты в Санкт-Петербурге. С. 131.

¹⁰ Там же. С. 132.

¹¹ Там же. С. 134.

Элита становится способной конституироваться и преобразовываться, «она выполняет институционализирующие и деинституционализирующие (когда необходимы институциональные реформы) в обществе функции»¹², что позволяет ей справляться уже с внешними вызовами, сохраняя стабильность созданного политического режима.

Исходя из собственной природы, коалиция роста действует, отталкиваясь не от априори известных позиций акторов, а от факта их постоянного изменения, она является силой динамической кооперации. Поэтому прогрессистский режим не может происходить от режима сервиса, а деятельность экономических акторов в более глобальном измерении является позитивным явлением, хотя очевидно, что более гармоничное развитие сообщества требует, по крайней мере, ослабление позиций коалиции роста за счет развития общественного сектора.

Важно, что в данной системе общественных отношений коалиция роста владеет ресурсами, способными обеспечить проекты, которые «требуют ряда срочных усилий и затрат с отсроченными возвратами»¹³; риски и краткосрочные неудобства часто служат платой за успех.

Поэтому не удивительно, что режим, который включает широкую поддержку механизмов селективных материальных стимулов и был сформирован в Чикаго времен мэра Дейли, стал достаточно жизнеспособным для активного продвижения программ по обновлению города. Почти тоже можно сказать и про деятельность Кевина Вайта в Бостоне, и «империи» Роберта Мозеса в Нью-Йорке. Интересно, что оба Мозес и Вайт стартовали как «реформисты и задействовали использование селективных стимулов в порядке создания программ активного развития»¹⁴, соответственно, такие действия одинаково способствовали как для прихода к власти, так и для ее дальнейшего сохранения.

Именно момент использования селективных стимулов для приобретения массовой поддержки остается последним вопросом, который необходимо осветить в данной тематике. Важно отметить, что селективные стимулы являются более чем основой оформления общественной кооперации; «они также являются объектом борьбы»¹⁵.

Вызовы прогрессистской коалиции рождаются из стихии общественного протеста против неравномерного распределения выгод и издержек роста. Такая коалиция в целом мобилизует поддержку через акцентуацию отличий: как отмечал Сол Алински в своих более поздних трудах, «влияние на неподготовленные массы порождает нездоровые разногласия»¹⁶ — это не приносит успеха в попытках утвердить себя в качестве центрального элемента крепкой коалиции.

Прогрессистская коалиция владеет качественно новым ресурсом — общественной поддержкой, гражданской платформой, кредитом доверия; что суть один знаменатель для коалиции нового типа, которая формируется, исходя из потребности создания максимально комфортных условий для сообщества в целом и в этом получает массовую поддержку, которая при демократических процедурах конвертируется в представительство в органах власти всевозможных уровней.

Интересным примером может быть развитие политического контекста общественной жизни в Санкт-Петербурге в период 90-х годов прошлого века. Данные события происходили на фоне массовой поддержки любых демократических сил в противовес к оставшимся старым партийным структурам в органах власти. В результате первые благодаря консолидированным действиям смогли завоевать с помощью избирательных процедур 66% мест в городском совете¹⁷. Впоследствии это естественно конвертировалось и в приобретение мест в исполнительной структуре совета. Теперь требования протестного демократического движения можно было реализовывать через институты власти, говоря

¹² Дука А.В. Институционализация политико-административной элиты в Санкт-Петербурге. С. 135.

¹³ Stone C. Regime Politics, Governing Atlanta 1946-1988. P. 189.

¹⁴ Ibid. P. 188.

¹⁵ Ibid. P. 190.

¹⁶ Silberman C. Crisis in Black and White. New York, 1964. P. 143.

¹⁷ Дука А.В. Институционализация политико-административной элиты в Санкт-Петербурге. С. 126-149.

словами Клауса Оффе, используя «институциональный способ нормальной политики»¹⁸, соответственно сами общественные движения в значительной степени потеряли смысл своего автономного существования. Институционализация протестного движения столкнулась с существенным парадоксом: «Оппозиционеры стали участниками институализированной политики, но оппозиционные организации такими участниками не стали»¹⁹.

Таким образом, система власти показывает свою способность абсорбировать новые протестные движения, демонстрируя изрядные способности к стабильному развитию, последовательному реформированию. Произошли два разнонаправленные процессы: новые акторы были абсорбированы за счет удовлетворения их селективных стимулов, что означало появление групповой ответственности за нарушение установленных договоренностей; с другой стороны сами договоренности были дополнены или пересмотрены в виду появления значительной части новых акторов, что означало необходимость удовлетворить новые общественные запросы в рамках существующей повестки дня.

Сфера общественной кооперации освещает комплексный характер власти коалиции роста и в значительной мере то, что эта власть зависит от активного и политически эффективного использования имеющихся ресурсов. Бизнес-элиты чувствуют недостаток численности, но удачные манипуляции позволяют обратить массовость прогрессистских коалиций на свою пользу. При этом ресурсы и умения публичных политических акторов задействуются с целью усиления эффективности мобилизации электоральных ресурсов через три шага:

1. Прививание в среде собственной команды, политических функционеров, более широкого видения общественного развития и идеи единства группы.
2. Использование взаимности в качестве селективного стимула и возможности для поощрения кооперации со своими союзниками.
3. Создавая сеть общественной кооперации, городская экономическая элита может предложить более выгодную модель взаимоотношений тем персонам и организациям, которые способны получить наибольшую электоральную поддержку²⁰.

В результате создаются условия для абсорбации протестных движений при сохранении стабильности установившегося политического режима, а также преемственности правящей элиты. Наряду с этим обеспечивается возможность развития самой коалиции, принятия необходимых для гармонизации общественной жизни поправок в повестку дня.

Таким образом, следует отметить, что при формировании локального политического режима, целью которого является рост территории, важнейшим моментом является оформление сети формальных и, что более важно, неформальных соглашений, которые создают основу дальнейшего кросс-секторального взаимодействия. Последнее в свою очередь не является данностью и никогда не прибывает в статике, что говорит о важности постоянного согласованного обновления установленных правил игры.

На их основе формируется система наказаний и поощрений, локальных акторов, вне зависимости от природы их происхождения (бизнес-элиты, городская администрация или же общественные и политические организации). Подобные условия формируют возможности для реализации частных селективных стимулов, таким образом, конкретный эгоистичный интерес отдельных акторов трансформируется в групповую деятельность, направленную на достижение общей конечной цели. В итоге созданная институционализированная система городской политики является неизменной, как и концепция осуществления власти; динамичной составляющей является лишь конечная цель, которая и определяет характер локального политического режима, а в конечном итоге конкретные договоренности акторов.

¹⁸ Offe C. Reflections on the Institutional Self-transformation of Movement Politics: A Tentative Stage Model // Challenging the Political Order: New Social and Political Movements in Western Democracies. Cambridge, 1990. P. 128.

¹⁹ Дука А.В. Институционализация политико-административной элиты в Санкт-Петербурге. С. 137.

²⁰ Stone C. Regime Politics, Governing Atlanta 1946-1988. P. 314.

QUESTIONS OF ACHIEVEMENT OF POLITICAL STABILITY IN THE CONDITIONS OF FUNCTIONING OF URBAN GROWTH COALITIONS

P.N. LEVCHUK

*Oles Honchar Dnepropetrovsk
National University, Ukraine*

e-mail: metrim@i.ua

Is analyzed group interactions of the ruling coalition in the context of the local political environment. Considers the problems achieving cross-sectoral cooperation in growth coalition's agenda. Evaluated the influence of external factors and intragroup changes on capabilities ensure a stable political development of the local community. Actualized the basic concepts of the theory of urban political regimes and growth machines.

Keywords: local elites, growth coalition, political stability, local politic regimes, selective incentives.

АНАЛИЗ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ ВЛАСТИ И ПОЛИТИКИ В РАБОТАХ МИШЕЛЯ ФУКО И ПЬЕРА БУРДЬЕ

И.Е. МАМАЕВ

*Санкт-Петербургский
государственный университет*

e-mail: ilyam691979@mail.ru

Статья посвящена анализу структуралистских идей относительно понимания проблемы власти и политики в доктринах французских авторов М. Фуко и П. Бурдьё. Автор подвергает исследовательской оценке их концептуальные модели властно-политических отношений и демонстрирует их вклад в разработку структурного анализа политики.

Ключевые слова: дискурс, власть, государственная рациональность, социальное и политическое поле, агенты.

Структуралистская парадигма в политологии является одним из современных теоретико-методологических подходов, применяемых для исследования политических явлений и процессов. Ряд положений структурного анализа могут быть использованы для исследования современной российской ситуации, а также ситуации в западных обществах. Кроме того, можно согласиться с М.М. Смирновым, что «структурализм может стать важнейшим научно-теоретическим базисом создания общей теории политики, имеющей междисциплинарный характер и всесторонне объясняющей сущность политических событий»¹. В силу этого необходимо проанализировать ряд основополагающих теоретико-методологических положений данной парадигмы, наиболее широко представленных у таких ее сторонников, как Мишель Фуко и Пьер Бурдьё.

Формирование структуралистской доктрины происходило в 60-е годы прошлого века во Франции. На тот момент времени в Европе и США происходили студенческие манифестации и ряд протестных действий, которые оказали определенное влияние на формирование взглядов ее основных представителей. Возникновение постструктуралистских идей, имеющих отношение к рассмотрению политической проблематики, связывается с именем французского мыслителя Мишеля Фуко (1926-1984). Хотя он не являлся политологом в традиционном понимании, в его концепции можно встретить рассмотрение политических вопросов.

М. Фуко, рассматривая роль теории структуры, сравнивает её с ролью, которую в языке играют предложения и соглашения. В своей работе «Слова и вещи. Археология гуманитарных наук» он описывает категорию структуры следующим образом: «Она связывает все поле видимого к одной системе переменных, все значения которых могут быть установлены если не количественно, то, по крайней мере, посредством совершенного и всегда законченного описания»².

Кроме того, основная заслуга М. Фуко в развитии структурного анализа как метода изучения политики состояла в разработке понятия политической власти, противоположной волюнтаристской трактовке, широко применяемой в американской политологии. В трактовке ряда англо-американских авторов в основе власти лежит способность субъекта воздействовать на объект. Вместе с тем, здесь имеется представление о сконцентрированности власти в определенных центрах. В противовес этому, концептуальная модель власти, разработанная М. Фуко и впоследствии развитая в рамках постмодернизма, основывается на представлении о рассредоточенности власти по всему полю социального пространства.

Власть, в трактовке М. Фуко, исходит снизу. «Множественные отношения силы, которые образуются и действуют в трудовых коллективах, в семье, в ограниченных группах, в институтах, служат опорой для обширных последствий распределения, которые пронизы-

¹ Смирнов М. М. Структурный функционализм и структурализм. Два камня в фундамент общей теории политики [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://mikesmirnov.wordpress.com/category/uncategorized>

² Фуко М. Слова и вещи: археология гуманитарных наук. СПб., 1994. С.166.

вают все целое социального тела»³. Власть в современном обществе выступает в трактовке М. Фуко в качестве механизма всеобщего контроля, своеобразного всевидящего ока.

Исследуя подобную трактовку феномена политической власти в разработках М. Фуко можно сделать вывод, что отношения власти охватывают деятельность воспитания, семейные отношения, познание человека и общества.

Рассматривая подобное свойство политической власти, М. Фуко приходит к выводам об отсутствии прямой связи механизмов функционирования политической власти с государственным аппаратом. «Власть не распространяется в государственном аппарате; в самом обществе ничего не изменится, если механизмы власти, которые действуют за пределами государственных аппаратов, под ними, рядом с ними, на более низком уровне, на уровне обыденном не будут изменены»⁴.

Собственное понимание власти Фуко противопоставляет юридической трактовке, отождествляемой с законами. Из поля зрения уходят разнообразия, а также властные отношения, пронизывающие все современное общество. Власть в его интерпретации не институт, не структура и даже не могущество. Власть является стратегической ситуацией данного общества.

Таким образом, исследуя специфику концептуальной модели власти, представленную в работах М. Фуко можно говорить об отказе от персонализации в понимании феномена политической власти. Подобная интерпретация исходит из того, что власть существует не потому, что существует государство или государственные институты (суд, полиция, армия), а наоборот они сами являются порождением власти.

Исследуя историю использования власти и ее современное состояние, М. Фуко приходит к выводу, что на протяжении многих столетий развития общества осуществлялись разные типы властных отношений от абсолютизма 17-18 столетия до современной демократии в различных формах ее проявления.

Генезис власти как некоей социальной ткани, рассредоточенной по всему полю социального пространства, в трактовке Фуко связывается с началом 18-го столетия. Система власти выражает себя не через право, а через определенную технику, с помощью не закона, а нормы, посредством не наказания, а контроля и осуществляет себя в таких уровнях, которые выходят за пределы государства и его аппарата.

Проблема власти и человека в структуралистской интерпретации М. Фуко описывается следующим образом. Власть доминирует над телами, над умами, таким образом подчиняя себе людей. Задача власти сводится к воздействию на возможности действия других индивидов, а управление ими сводится к структурированию возможного поля действия других. В трактовке М. Фуко имеется две тенденции дисциплинарной власти. С одной стороны, это тенденция к непрерывному надзору и контролю, к управлению от имени нормы, навязываемой всем подвластным индивидам в качестве критерия оценки. С другой стороны, индивид сам является источником власти, так как обладает определенной силой, способной противодействовать.

Характеризуя понимание проблемы связи власти и человека в трактовке М. Фуко следует также отметить, что имеет место отказ от представления о власти, как об отношении сильных и слабых.

Подобная трактовка исследования власти, основанное на выявлении микрофизических оснований позволяет несколько по иному взглянуть на ряд проблем современной политики, что служит расширению теоретического арсенала политологии как отрасли знания. Исследование каких-либо властных процессов и политических отношений в современном обществе можно проводить исходя из оснований микрополитических тенденций, лежащих в их основе.

В собственной интерпретации политической сферы М. Фуко вводит понятие «государственная рациональность». Последняя служит основой для многих разновидностей социальных институтов, которые начинают оцениваться в качестве общепризнанных и универсальных. Государственная рациональность представляет собой доминирующие прин-

³ Фуко М. Интеллектуалы и власть. М., 2002. С. 39.

⁴ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999. С. 446.

ципы и идеи политического мышления, официальные доктрины и идеологические положения. Помимо этого, она имеет непосредственную связь с политической идеологией.

Используя подобную категорию в собственных разработках, М. Фуко пытается анализировать современное состояние общества. С 20-го века происходит радикальная смена в развитии политико-правового мышления. В ряде политических и юридических трактатов формируется либеральный тип рациональности, основанный на универсализме правовых принципов и аксиом. Политическая и юридическая рациональность западных обществ развивает такие отношения между индивидом и государством, при котором индивиды интересуют государство в той мере, в какой они полезны для стабильности и силы государства.

Истоки тоталитаризма находятся в государственной рациональности, как таковой. Тоталитаризм оказался имманентным типу политической рациональности, как таковой, свойственному государству. Фундаментальной чертой рациональности, характерной для тоталитаризма оказалась репрессивность.

Вместе с тем, исходя из собственной концептуальной модели государственной рациональности, М. Фуко осуществляет критику концепции государственного благосостояния и гражданского общества. С его точки зрения либеральная концепция легитимирует властные технологии и социально-политические процедуры контроля. Практическая реализация концепции государства благосостояния формирует тенденцию, при которой различные виды власти усиливают функционирование друг друга, а также осуществляется реализация принудительных техник, служащих противовесом социальной свободе индивида.

Характеризуя политико-философскую доктрину Фуко следует отметить, что его идеи в некоторых моментах пересекались с анархистскими. Он отрицал государство, как тоталитарную политическую форму. Альтернативной формой совместного общежития в трактовке М. Фуко выступает античный полис.

Дальнейшее развитие метода структурного анализа связывается с именем французского политического социолога Пьера Бурдьё (1930-2002). Основная задача исследования видится Бурдьё в выявлении наиболее глубоко скрытых структур различных социальных сред, которые составляют социальный универсум, а также механизмов, служащих его воспроизводству и изменению.

Структуры существуют в двух ипостасях:

1. Как реальность первого порядка, данная через распределение материальных ресурсов и средств присвоения престижных в социальном плане благ и ценностей.
2. Как реальность второго порядка, существующая в представлениях, в схемах мышления и поведения как символическая матрица практической деятельности мышления, эмоциональных оценок и суждений социальных агентов.

Конструктивистский аспект структурного анализа в интерпретации Бурдьё характеризуется введением в научный оборот понятия социального поля. Социальные поля, в понимании данного мыслителя, обладают структурными свойствами и представляют собой структурированную целостность, которая существует в виде реальных отношений людей и институтов. Система образования, государство, церковь, партии, профсоюзы являются полями.

Характеризуя дальнейшую проработку данной категории в рамках собственной структуралистской интерпретации, П. Бурдьё описывает конкретные свойства социального и политического поля. Поле есть место отношения сил и борьбы, направленной на трансформацию этих отношений, и, как следствие, это место непрерывного изменения. Поле не имеет частей. Каждое конкретное поле имеет свою собственную логику. Структура поля отражает состояние соотношения сил между агентами и институтами, вовлеченными в борьбу и распределение специфического капитала.

П. Бурдьё в своей работе «Социология политики» анализирует макрополитическое поле. Оно складывается из совокупности социальных практик отдельных агентов, характеризующихся занимаемыми пространственными позициями, а также качеством их «капиталов» и институциональных статусов. Ученый описывает это таким образом: «Профессионалы противостоят друг другу по поводу какого-либо поля символической борьбы; агенты, стоящие в подчиненной позиции, в социальном пространстве занимают

ее также и в поле производства символической продукции»⁵. Для удержания своих позиций в поле деятельности политики агенты, политики-профессионалы должны завоевать доверие как можно большего числа граждан. Здесь можно говорить о дальнейшем развитии идей структурного анализа. Данным мыслителем вводится в научный оборот понятие агента и демонстрируется его функционирование в рамках политического поля.

Используя подобную методологию исследования, П. Бурдьё пытается анализировать современную ситуацию во Франции. Как он полагает, характер оппозиции во Франции зависит от социального капитала; высшие слои прибегают к общественности; рабочие и служащие рассчитывают на забастовку, ремесленники и коммерсанты прибегают к манифестациям. Вместе с тем, он приходит к выводам, что за исключением кризисных периодов производство политических акций является монополией профессионалов.

Особую роль в своей концепции П. Бурдьё отводит символической власти, которая может рассматриваться при описании первичных микроструктур. Это описывается им в его работе «Начала» следующим образом: «В действительности, в обществе всегда есть конфликт между символическими властями, стремящимися внедрить свое видение легитимных делений, т.е. конструировать группу»⁶. «Символическая власть (власть образовывать группы как образцовая формы) может быть получена лишь в результате длительного процесса институционализации, в итоге которого учреждается доверенное лицо, получающее от группы власть ее конструировать»⁷. Символическая борьба имеет специфическую логику. Объективные властные отношения стремятся воспроизвестись в отношениях символической власти.

Пространство распространения власти в трактовке П. Бурдьё представляется в виде круга, центр которого находится везде и нигде. Здесь можно видеть дальнейшую разработку концепции власти, представленной в работах М. Фуко, основным содержанием которой являлась идея о рассредоточенности власти по всему полю политического пространства.

Характеризуя дальнейшее развитие структуралистских идей применительно к изучению феномена политической власти, следует отметить, что в его трактовке «власть навязывать определенное видение является политической властью»⁸. Здесь можно говорить о том, что исследование феномена политической власти в интерпретации структурного анализа у П. Бурдьё связывается со свойством манипуляции, являющимся основной характеристикой процесса властвования. В подобной интерпретации можно встретить дальнейшее развитие структуралистского понимания власти.

Политическая власть не заключается в символических системах, а определяется в процессе и посредством отношения между теми, кто отправляет власть и теми, кто ее испытывает. Политические агенты т.е. политики профессионалы пытаются навязать простым гражданам свою волю, используя их в качестве объекта для достижения собственных целей на политическом рынке. Подобное свойство политической власти, представленное в работах П. Бурдьё, может быть применено к исследованию современных политических реалий, когда зачастую в ходе протекания политических процессов основными акторами, политиками-агентами применяются определенные манипулятивные техники, взамен прямого властвования над объектами политики (простыми гражданами).

Макрополитика в трактовке Бурдьё «предстает вовсе не кристаллической решеткой институтов, а текущим динамичным полем, постоянно конструируемым и реконструируемым посредством социальных практик агентов»⁹.

Исходя из подобного понимания, Бурдьё приходит к выводам, что борьба за власть обрела многомерность. Она ведется в разных плоскостях, через государственные структуры, а также через кланы взаимодействий различных политических сил.

В рамках данной трактовки природы политики власть предстает в виде средства всеобщей связи в процессе осуществления целедостижения, обеспечивающего выполнение взаимных обязательств. Происхождение власти связано с необходимостью преодолеть

⁵ Бурдьё П. Социология политики. М., 1993. С. 154.

⁶ Бурдьё П. Начала. М., 1994. С. 203.

⁷ Там же. С. 204.

⁸ Там же. С. 205.

⁹ Бурдьё П. Социология политики. С. 154.

ния беспорядка и выявлением критериев согласованного взаимодействия многих людей в ходе реализации разнообразных целей.

Институциональная подструктура рассматривается П. Бурдьё в виде государства как его центрального звена. «Государство, располагающее средствами навязывания и внедрения устойчивых принципов видения, соответствующих его собственным структурам, является исключительным местом концентрации и осуществления символической власти»¹⁰. Государство является обладателем монополии на использование символического насилия.

Характеризуя взгляды французских структуралистов, следует отметить, что их концепция власти как социальной ткани, рассредоточенной по всему полю социального пространства, может быть использована в качестве методологического инструментария для познания многогранных политических явлений и процессов, что позволяет несколько по-иному взглянуть на современную политическую проблематику. Кроме того, характеризуя понимание политической проблематики в исследованиях данных авторов, следует отметить, что их заслуга в расширении теоретико-методологического арсенала политологии как отрасли знания состоит в понимании того, что политическую жизнь невозможно эффективно прогнозировать на основе исследования только одной ее части или составляющей, оставляя за скобками остальные, поскольку изучение одного элемента не дает понимания работы системы в целом.

THE ANALYSIS OF CONCEPTUAL MODELS OF THE POWER AND POLICY IN THE STUDIES OF MICHEL FOUCAULT AND PIERRE BOURDIEU

I.E. MAMAEV

Saint Petersburg State University

e-mail: ilyam691979@mail.ru

The article is devoted to analysis of structuralist ideas on the problems of power and politics in the doctrines of French authors M. Foucault and P. Bourdieu. The author evaluates their conceptual models of political and power relationships and demonstrates the contribution of each of the authors to the study of structural analysis of politics.

Key words: discourse, power, state rationality, social and political fields, agents.

¹⁰Бурдьё П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля // Поэтика и Политика. СПб., 1999. С.143.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Богданов С.В.** – профессор кафедры истории Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор исторических наук
- Болгов К.Н.** – аспирант кафедры всеобщей истории и зарубежного регионоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Болгова А.М.** – доцент кафедры всеобщей истории и зарубежного регионоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат педагогических наук
- Василевский В.П.** – соискатель кафедры «Отечественная история» Омского государственного технического университета
- Ведешкин М.А.** – аспирант кафедры истории древнего мира и средних веков Московского педагогического государственного университета
- Давыдов А.Ю.** – профессор кафедры русской истории Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена, доктор исторических наук, г. Санкт-Петербург
- Данилевский И.Н.** – заведующий кафедрой истории идей и методологии исторической науки факультета истории Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор исторических наук, доцент
- Данилов Е.С.** – старший преподаватель кафедры всеобщей истории Ярославского государственного университета имени П.Г. Демидова, кандидат исторических наук
- Домановская М.Е.** – аспирант кафедры украиноведения Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина, Украина
- Зайцев А.В.** – доцент кафедры философии и политологии Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова, кандидат философских наук
- Ильина З.Д.** – заведующая кафедрой истории государства и права Курской государственной сельскохозяйственной академии имени профессора И.И. Иванова, доктор исторических наук, профессор
- Король С.Н.** – специалист кафедры философии, политологии и социальных инновационных технологий Сумского государственного университета, Украина
- Левчук П.Н.** – аспирант кафедры политологии Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара, Украина
- Мамаев И.Е.** – аспирант кафедры теории и философии политики Санкт-Петербургского государственного университета
- Миньяр-Белоручев К.В.** – доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, кандидат исторических наук
- Назаров Н.С.** – аспирант кафедры политологии Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина, Украина
- Онопrienко И.Г.** – доцент кафедры документоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат исторических наук
- Пигорева О.В.** – доцент кафедры истории государства и права Курской государственной сельскохозяйственной академии имени профессора И.И. Иванова, кандидат исторических наук
- Редькин В.К.** – учитель истории ГБОУ СОШ № 1375, г. Москва
- Рощупкин А.Ю.** – соискатель кафедры политической истории Воронежского государственного университета

- Рыбалко Н.В.** – докторант кафедры истории России Волгоградского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент
- Рылкина А.П.** – аспирант кафедры философии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Рышковская А.Ю.** – аспирант кафедры всеобщей истории и зарубежного регионоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Сахаров С.А.** – ассистент кафедры государственно-правовых дисциплин Смоленского государственного университета
- Супрун Н.О.** – соискатель кафедры истории древнего мира и Средних веков исторического факультета Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина, Украина
- Сушко А.В.** – профессор кафедры «Отечественная история» Омского государственного технического университета, доктор исторических наук
- Тестов В.Н.** – доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина», кандидат исторических наук, г. Воронеж
- Фомин В.В.** – аспирант кафедры всеобщей истории и археологии Тульского государственного педагогического университета имени Л.Н. Толстого
- Фурсов В.Н.** – профессор, заведующий кафедрой истории России Воронежского государственного педагогического университета, доктор исторических наук
- Хайдарлы Д.И.** – старший научный сотрудник Центра этнологии Института культурного наследия Академии наук Молдовы, кандидат исторических наук, г. Кишинёв, Молдова
- Шаповалов В.А.** – профессор кафедры российской истории Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор исторических наук, профессор
- Шаповалова С.П.** – доцент кафедры документоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат исторических наук
- Шилов В.Н.** – профессор кафедры культурологии и политологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор философских наук
- Ямельницкий О.Я.** – аспирант кафедры политологии Национального университета «Львовская политехника», Украина
- Ярцев С.В.** – старший научный сотрудник кафедры всеобщей истории и археологии Тульского государственного педагогического университета имени Л.Н. Толстого, кандидат исторических наук, доцент

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Уважаемые коллеги!

Материалы необходимо высылать в двух экземплярах:

- по адресу: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85, Белгородский государственный национальный исследовательский университет;
- по электронной почте редакторам разделов: «Актуальные вопросы отечественной истории» – shatohin@bsu.edu.ru (Шатохин Иван Тихонович – заместитель главного редактора); «Актуальные вопросы всеобщей истории» – bolgov@bsu.edu.ru (Болгов Николай Николаевич); «Актуальные вопросы политологии» – Shilov@bsu.edu.ru (Шилов Владимир Николаевич – заместитель главного редактора); «Актуальные проблемы экономики» – Lomovceva@bsu.edu.ru (Ломовцева Ольга Алексеевна – заместитель главного редактора); ответственный секретарь серии журнала – vasilenko_v@bsu.edu.ru (Василенко Виктория Викторовна); сайт журнала: <http://unid.bsu.edu.ru/unid/res/pub/index.php>.

Статьи, отклоненные редколлегией, к повторному рассмотрению не принимаются. Материалы, присланные без соблюдения правил, редколлегией не рассматриваются.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ СЕРИИ «ИСТОРИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ. ЭКОНОМИКА. ИНФОРМАТИКА» ЖУРНАЛА «НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ БЕЛГУ»

В материалы включается следующая информация:

1) УДК научной статьи; 2) аннотация статьи (не более 1200 знаков); 3) ключевые слова; 4) сведения об авторах (Ф.И.О., должность с указанием места работы (без сокращений), ученая степень, ученое звание, почтовый адрес, адрес электронной почты (если имеется), контактные телефоны); 5) внешняя рецензия доктора наук (для аспирантов и кандидатов наук); 6) текст статьи; 7) ссылки.	}	<i>на русском и английском языках</i>
	}	<i>на русском языке</i>

Технические требования к оформлению текста

1. Текст набирается в Microsoft Word 2000/2003. Лист – А4, портретный. Без переносов.
2. Поля:
 - правое – 1,5 см;
 - левое – 3,0 см;
 - нижнее – 2,0 см;
 - верхнее – 2,0 см.
3. Шрифт:
 - гарнитура: текст – **Georgia**; УДК, название, ФИО автора – **Impact**;
 - размер: в тексте – **11 пт**; в таблице – **9 пт**; в названии – **14 пт**.
4. Абзац:
 - отступ 1,25 мм, выравнивание – по ширине;
 - межстрочный интервал – одинарный.
5. Ссылки:
 - номер ссылки размещается перед знаком препинания (перед запятой, точкой);
 - нумерация – автоматическая, сквозная;
 - текст сноски внизу каждой страницы;
 - размер шрифта – 9 пт.
6. Объем статей: до **8 страниц (Georgia, 11 пт)**.
7. Формулы набираются в «Редакторе формул» Word, допускается оформление формул только в одну строку, не принимаются формулы, выполненные в виде рисунков, формулы отделяются от текста пустой строкой.
8. Требования к оформлению статей, таблиц, рисунков приведены в прил. 1, 2, 3.

Приложение 1. Оформление статьи

УДК 65.01

КЛЮЧЕВЫЕ ВЫЗОВЫ РАЗВИТИЮ РЕГИОНА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ¹

А. В. ИВАНОВ¹**Л. Н. ПЕТРОВ²**¹⁾ *Департамент экономического развития Белгородской области*²⁾ *Белгородский государственный национальный исследовательский университет**e-mail: bor@bsu.edu.ru*

При выборе пути инновационного развития необходимо учитывать возможные риски и ограничения социально-экономического развития, продуцированные перспективами постепенного вступления России в единое мировое экономическое пространство. В работе рассмотрены ключевые вызовы развитию России и регионов на долгосрочную перспективу.

Ключевые слова: глобализация, вызовы развитию, риски и ограничения социально-экономического развития, региональная политика.

В последние годы в российском обществе обозначился явный дефицит долгосрочного (на 10-15 и более лет) видения перспектив развития национальной экономики¹.

KEY CHALLENGES TO REGION DEVELOPMENT IN CONDITIONS OF GLOBALIZATION OF THE RUSSIAN ECONOMY

A. V. IVANOV¹**L. N. PETROV²**¹⁾ *Department of Economic Development, Belgorod Region*²⁾ *Belgorod National Research University**e-mail: bo@bsu.edu.ru*

Choosing a way of innovative development it is necessary to take into account the risks and restrictions of socio-economic development, produced by prospects of the gradual introduction of Russia into the whole world economic space. There considered key challenges to development of Russia and its regions for the long-term prospect.

Keywords: globalization, challenges to development, risks and restrictions of socio-economic development, regional policy.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Иванов А.В.

- кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и права Белгородского государственного университета 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85, Белгородский государственный университет;
e-mail: dizelsnab@mail.ru, тел. 33-22-44

¹ Караганов С.А. XXI век и интересы России // Современная Европа. 2004. №3. С. 6; Айналов Д.В. Эллинистические основы византийского искусства. СПб., 1900. С. 2.

Приложение 2. Оформление таблиц

1. Каждая таблица должна быть пронумерована справа, иметь заголовок, расположенный по центру.
2. Таблицы не должны выходить за границы полей страницы слева и справа.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

3. Если таблица располагается на двух страницах, ее столбцы должны быть пронумерованы на каждой новой странице так же, как на первой.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

Расположение начала таблицы.

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Белгородская область	1,2620	0,4169	2,2612	1,0176	1,2012	0,6413	1,3134	0,9534
Брянская область	0,9726	0,4817	0,5612	1,8653	0,9064	1,6898	0,6718	1,4872

Продолжение таблицы, расположенное на следующей странице.

Приложение 3. Оформление графических объектов

1. Изображение каждого графического объекта должно иметь номер и заголовок, расположенные по центру под рисунком.

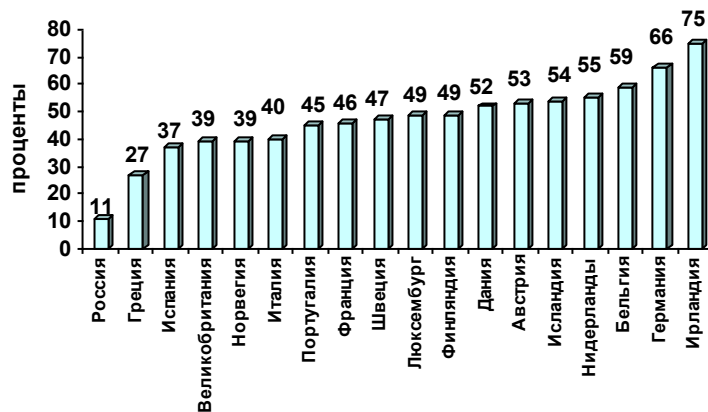

Рис. 1. Уровень инновационной активности в России, странах ЕС, Норвегии, Исландии

2. Изображение графического объекта должно быть в виде рисунка или сгруппированных объектов.

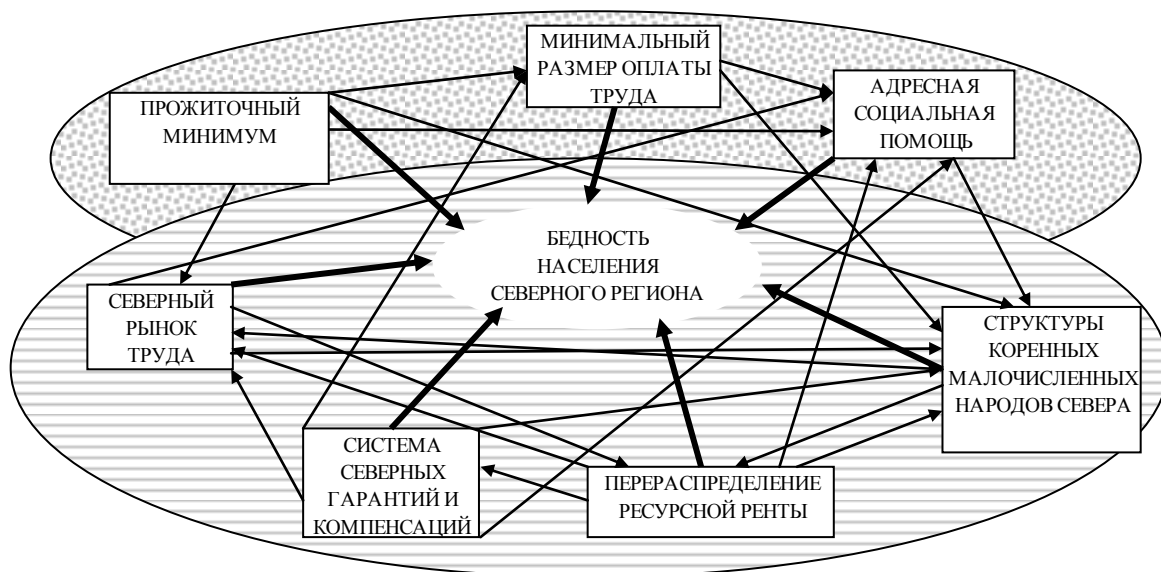

Рис. 2. Институциональная среда существования бедности населения северного региона России

3. Изображение графического объекта не должно выходить за пределы полей страницы.

4. Изображение графического объекта не должно превышать одной страницы.

За публикацию рукописи в журнале «Научные ведомости Белгородского государственного университета» плата с авторов не взимается.